DK209.6
.B8
B87 t.2
ch.1

В. И. Семевскій

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

и.

ПЕТРАШЕВЦЫ

ЧАСТЬ I

МОСКВА 1922

ЗАДРУГА

В. И. Семевскій

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВТОРОЙ

„ЗАДРУГА“ 1922

DK209.6
.B8
B87
t.2
ch.1

В. И. Семевскій

M. V. Butashevich-
Petrashevskij

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

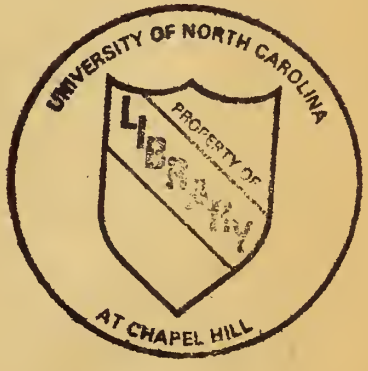
и

ПЕТРАШЕВЦЫ

подъ редакціей

В. Водовозова

ЧАСТЬ I



МОСКВА 1922

Р. Ц. № 935. Москва. 2.000 экз.

7-я типография М. С. Н. Х. (бывш. Мамонтова).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Смерть застигла В. И. Семевского 21 сентября 1916 г., когда он заканчивал свой последний труд о Петрашевском и петрашевцах; труд остался не завершенным, или, пожалуй, не вполне завершенным.

После работ над историей крестьянства и рабочего класса также крестьянского вопроса, занявших первую половину его научной деятельности, В. И. Семевский перешел, приблизительно на рубеже нового века, к истории общественных идей в России.

Первый свой большой труд в этой области он посвятил декабристам, и труд об них появился в свет в 1909 г. под заглавием „Политические и общественные идеи декабристов". Покончив с ними, н занялся историей петрашевцев.

Если В. И. Семевский не был ни первым, ни единственным свое время историком, взявшимся за научное изучение движения декабристов, то в изучении истории петрашевцев он был первым и до сих пор остается единственным[1]). Конечно, об этом деле говорили печатно многие; в свое время личности Петрашевского посвятил особую статью на французском языке Герцен (увидела свет она впрочем только после его смерти, притом совсем недавно, в 1908 г.; перепечатана в VI т. Полного собрания сочинений Герцена, Петроград, 1917 г.) об нем имелись воспоминания людей, привлекавшихся к делу Петрашевского,— Ахшарумова, Ястржембского, Кузмина; кое-какие данныя

После его смерти появилась в свет (небольшая 32 страницы) брошюра *В. П. Дембо* „М. В. Петрашевский". Биографический очерк. Петербург. Государственное Издательство. 1920. 32 стр.

Автор этой книги—племянник Петрашевского (сын его сестры); он располагал кое-какими рукописными материалами, касающимися Петрашевского[1] которыми он в свое время поделился с В. И. Семевским, и которые В. И. Семевский использовал для своей работы (о чем не раз встречаются упоминания в примечаниях к ней). Настоящая же брошюра *Демфа* целиком составлена по статьям В. И. Семевского, печатавшимися в журналах, и ничего нового сравнительно с ними, а следовательно, и настоящей книгой Семевского (когда она будет окончена вся) не даст. Она представляет из себя краткий популярный очерк жизни Петрашевского.

о нем имелись в „Материалах для биографии Достоевского“, напечатанных О. Ф. Миллером в I томе первого посмертного издания сочинений Достоевского (СПБ. 1883 г.); затем воспоминания разных лиц, отрывочные журнальные заметки, мимоходные упоминания по разным поводам, наконец, крайне неточно напечатанные извлечения из следственного дела в одной заграничной книжке („Общество пропаганды 1849 года“, Лейпциг, 1875) и в нескольких позднейших книжках, изданных в России. Но В. И. Семевский первый подверг всестороннему изучению все многотомное „Дело“ о Петрашевском и петрашевцах; он рылся в архиве Императорского Лицея, где воспитывался Петрашевский и некоторые петрашевцы; в архиве министерства иностранных дел, где служил Петрашевский и т. д. Вообще можно сказать, что работа, посвященная В. И. Семевским движению петрашевцев, является почти исчерпывающей, и трудно думать, чтобы в будущем были найдены какие-нибудь новые документальные данныя, которые пролили бы существенно новый свет на те или другие стороны его, или дали бы возможность пополнить работу Семевского существенно новыми сведениями[1]).

Свою работу о декабристах В. И. Семевский ввиду наличности работ о них других историков ограничил задачею изучения их идеологии, совершенно оставив в стороне внешнюю историю тайных обществ, их организацию, самое восстание 14 декабря и процесс декабристов. Напротив, будучи пока единственным историком, занявшимся кружком петрашевцев, В. И. Семевский решился изучить и изложить его всесторонне; поэтому он очень подробно излагает и биографию самого Петрашевского и других петрашевцев, и возникновение и организацию их кружков, и их идеологию, и их процесс, и их дальнейшую судьбу. Этим и об'ясняется, что работа о петрашевцах по об'ему даже несколько значительнее, чем работа о декабристах,—явлении гораздо более крупном в истории русского освободительного движения: последняя занимает 44 печатных листа, тогда как первая займет не менее 50.

---

[1]) Один из немногих пробелов в книге Семевского представляет некоторая неполнота сведений, касающихся одного из наиболее видных петрашевцев, именно Спешнева, образовавшаяся благодаря пропаже того тома дела, который посвящен ему. Но и этот пробел не может считаться особенно существенным, так как и биография Спешнева, и его миросозерцание, и его роль в кружке Петрашевского выяснены все же достаточно полно на основании других томов того же дела и иных источников. После революции „дело“ Петрашевского и петрашевцев находилось в Революционном Архиве, а в настоящее время (1922 г.) оно переносится в Музей Революции. Я ознакомился с этим делом и имел возможность убедиться, что несколько томов его не были в свое время даны Семевскому, но кроме нескольких второстепенных мелочей я не нашел в них ничего, чем можно было бы пополнить книгу Семевского.

Свой труд о петрашевцах, как и другие свои [большие труды, В. И. Семевский прежде напечатания отдельной книгой, по мере его написания, печатал в виде отдельных статей в разных журналах.

Еще задолго до того, как приступить к систематическому архивному изучению движения петрашевцев, В. И. Семевский сильно интересовался им и не раз подходил к нему во многих своих работах, составленных главным образом на основании печатных источников, а также копии с записки секретной следственной комиссии по делу Петрашевского, имевшейся в частном архиве редактора „Русской Старины“ М. И. Семевского. Вот эти работы:

1. В первый раз он это сделал в своей докторской диссертации „Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века“ (СПБ., 1888 г.), 12-ая глава II-го тома которого (стр. 370—386) говорит о „Крестьянском вопросе в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского“. Через 23 года, уже ознакомившись с архивными материалами по делу петрашевцев, В. И. Семевский переработал эту главу заново и обратил в особую статью, напечатанную им в сборнике „Великая Реформа“ (Москва, 1911). Во вновь переработанном виде эта статья входит во 2-ую часть настоящей книги.

2. Во второй раз В. И. Семевский посвятил несколько страниц кружку Петрашевского в статье „Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова“ (Сборник правоведения и общественных знаний, т. I. Москва, 1893); позднее эта статья, несколько дополненная и исправленная, вышла в свет в виде отдельной брошюры (102 стр.) под тем же заглавием (Издание Парамонова, „Донская Речь“, Ростов на Дону, 1905 г.; второе изданіе в „Задруге“ 1917 г.) Та же статья, или правильнее часть этой статьи, но совершенно заново переработанная на основании архивных материалов, обратилась в статью „М. Е. Салтыков—петрашевец“, которая не задолго до смерти В. И. Семевского была сдана им в „Русское Богатство“, и напечатана после его смерти в № 1 этого журнала за 1917 год. Эта последняя статья тоже входит во 2-ую часть настоящей книги.

3. Через несколько лет В. И. Семевский посвятил делу Петрашевского отдельную статью: „Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов“, напечатанную в сборнике „На славном посту“, изданном в 1901 г. по случаю 40-летнего юбилея Н. К. Михайловского. В 1905 г. эта статья в несколько переработанном виде вышла в издании Парамонова в Ростове-на-Д. особою брошюрой под тем же заглавием (84 страницы); в 1917 г. в издаиіи „Задруга“. В ней дана и история кружка Петрашевского, и его процесс, и его идеология. Поэтому в противоположность двум первым работам, касающимся движения петрашевцев лишь с одной какой-нибудь стороны, эта брошюра не представляет собою какой-нибудь главы или части настоящей книги, а захватывает вопрос, хотя и кратко, но во всей его ши-

роте. Для широкой публики, для которой книга, делящаяся на 3 части, занимающая в общей сложности свыше 50-ти листов, посвященная одному частному эпизоду русского общественного движения, может показаться слишком тяжеловесной, для этой публики брошюра „Из истории общественных идей“ и после выхода в свет настоящей книги должна сохранить известный интерес, как более популярный и краткий очерк этого эпизода.

4. Еще позднее В. И. Семевским написана „Вступительная статья“ (33 стр.) к книге „Из моих воспоминаний“ петрашевца Д. Д. Ахшарумова (Издание „Общественной Пользы“, СПБ., 1905 г.). Значительная часть этой статьи вошла в переработанном виде в разные главы настоящей книги. В. И. Семевский не включил в нее страницы, касающиеся позднейшей деятельности Ахшарумова, главным образом, как врача, а также страницы, посвященные истории написания Ахшарумовым „Воспоминаний“, съ журнальным и цензурным мытарствам и т. д., т.-е. страницы, не имеющие прямого отношения к истории петрашевцев, но относящиеся к более позднему времени [1]).

5. 6. 7. Статьи о А. Спешневе и Ф. Толле, также о „Фурьеристах в России“ в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона, I изд.

8. Статья „Буташевич-Петрашевский М. В.“ в „Большой Энциклопедии“ (под редакцией С. Н. Южакова).

В 1909 г. Семевский занялся вплотную работой о петрашевцах, которая должна была служить прямым продолжением его книги о декабристах и все последние 7 лет его жизни были заняты именно ею, хотя ему приходилось сильно отвлекаться от нея, так как именно в эти годы возник исторический журнал „Голос Минувшего“, в редактировании которого он принял самое деятельное участие, и в эти же годы начал выходить в свет новым изданием Энциклопедический Словарь т-ва Гранат, в котором он взял на себя ведение отдела русской истории; кроме того, В. И. Семевский успел за те же годы написать ряд статей по разным вопросам, не связанным с деятельностью

---

[1]) Мимоходом движения петрашевцев В. И. Семевский касается также в статье „А. И. Герцен“, напечатанной в № 6 (от 7 апреля 1907 г.) газеты „Общественное Дело“ (недолго существовавшего органа народно-социалистической партии).—С некоторой натяжкой к работам, касающимся петрашевцев, можно отнести небольшую (всего несколько строк) заметку В. И. Семевского „Ф. М. Достоевский“ 1857 („Русская Старина“, 1892, № 3), в которой приведена выписка из метрической книги одной церкви г. Кузнецка (Томской губ.), устанавливающая точную дату (6 февраля 1857 г.) бракосочетания Достоевского. Не к истории Петрашевцев, а к позднейшему времени, имеет отношение примечание В. И. Семевского к письмам Унковского в „Голосе Минувшего“,1914, № 11, в некоторых библиографических списках сочинений Семевского отнесенная именно к ней.

петрашевцев как для „Голоса Минувшего“, так и для других периодических изданий, важнейшая из них—„Кирилло-Мефодиевское Общество 1846—47, напечатанная в „Русском Богатстве“ 1911 г., после смерти автора вышла отдельной брошюрою в Москве в издании „Голоса Минувшего“ с восстановлением двух глав вырезанных из „Русского Богатства“ цензурою. По своему обыкновению, В. И. прежде всего сделал обширнейшие выписки, частью собственноручно, частью с помощью переписчицы, из архивных материалов, касающихся Петрашевского и петрашевцев. Эти выписки составили 9 рукописных томов in folio страниц по 400 каждый,—и, имея эти томы всегда у себя под руками, он писал свою книгу[1]).

Как и свои прежние большие труды, В. И. Семевский труд о петрашевцах, по мере написания, печатал в виде отдельных статей в различных журналах и сборниках, всего более в „Голосе Минувшего“. Вот в хронологическом порядке перечень всех статей, напечатанных им при жизни, долженствовавших войти в книгу о петрашевцах:

1. „Петрашевцы и крестьянский вопрос“, в сборнике „Великая Реформа“, т. III, М. 1911.

2. „Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский (Биографический очерк, преимущественно по неизданным материалам)“ 1—9 главы, „Голос Минувшего“, №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 11, 12.

3. „Сен-Симонисты и фурьеристы в России в царствование императора Николая I“, „Книга для чтения по истории нового времени“, изд. Сотрудника Школ и товарищества Сытина, т. IV, ч. 2, М. 1914.

4. „М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири“, главы 1—3, „Голос Минувшего“, 1915, №№ 1, 3, 5.

5. „Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев“, „Голос Минувшего“, 1915, №№ 11—12.

6. „Петрашевцы. Кружок Н. С. Кашкина“, Голос Минувшего“, 1916, №№ 2—4.

После смерти В. И. появились следующие его статьи из того же труда, частью сданные в редакции им самим, частью найденные в оставшихся после него рукописях во вполне законченном виде:

7. „Петрашевцы Студент Толстов и Г. П. Данилевский, мещанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин“, „Голос Минувшего“, 1916, №№ 11—12.

8. „Петрашевцы А. П. Беклемишев и К. И. Тимковский. По неизданным источникам“, „Вестник Европы“, 1916, № 11.

---

[1]) Эти 9 томов, сами по себе представляющие ценные материалы, сведенные в удобный для пользования вид, как весь архив В. И-ча, принадлежат в настоящее время редакции „Голоса Минувшего“ (Москва), но временно теперь, впредь до окончания издания настоящей книги, находятся в моем пользовании, в Петербурге.

9. „Следствие и суд по делу Петрашевцев. По неизданным материалам", „Русские Записки"[1]), 1916, №№ 9—11.

10. „М. Е. Салтыков - петрашевец", „Русские Записки", 1917, № 1.

11. „Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях", „Голос Минувшего", 1917, № 2.

Кроме названных работ, В. И. Семевский в то же время поместил в „Энциклопедическом Словаре Гранат" ряд биографических очерков отдельных петрашевцев: В. А. Головинский, Н. П. Григорьев, К. М. и И. М. Дебу, С. Ф. Дуров, Н. С. Кашкин, М. В. Петрашевский и петрашевцы; эти краткие статьи в настоящую книгу, конечно, не входят.

Был ли закончен ряд статей, предназначавшихся для книги о петрашевцах?

На этот вопрос трудно ответить с уверенностью.

В то время, когда печатались первые статьи В. И. о петрашевцах (т.-е. в 1913 г.), я как-то спросил его, думает ли он посвятить особую статью государственно-правовым воззрениям петрашевцев, подобную той, которую он в „Великой Реформе" посвятил взглядам петрашевцев на крестьянский вопрос, или намерен удовольствоваться теми указаниями, которые рассеяны в статье о Петрашевском, в предисловии к Воспоминаниям об Ахшарумове, и наверное будут рассеяны в специальных статьях об отдельных петрашевцах; В. И. ответил несколько неопределенно, что он думал о такой статье, но пока еще определенного решения на этот счет не принял. Я очень сожалею, что в наших разговорах с В. И. я не возвращался к этому вопросу и он остался для меня не вполне выясненным. Однако, я позволяю себе думать, что В. И. решил его для себя в утвердительном смысле; намек на это намерение я нахожу на стр. 200 настоящей первой части, где сказано: „что касается политических взглядов Петрашевского, то о них нам еще придется говорить"; между тем в дальнейших напечатанных статьях о политических взглядах самого Петрашевского говорится только мимоходом, не вполне систематично. Другим доказательством того, что В. И. Семевский думал посвятить особую статью, которая составила бы в книге особую главу, я вижу в том, что в конце VI главы настоящей первой части автор для отдельного издания вычеркнул несколько, по моему, интересных замечаний Петрашевского о городском самоуправлении[2]). Зачем было их вычеркивать, если не для помещения в другом месте?

---

[1]) Журнал, выходивший в это время вместо запрещенного „Русского Богатства".

[2]) Они будут приведены в особом приложении к книге, в конце 3-ей части.

Как бы то ни было, глава о политических воззрениях петрашевцев осталась ненаписанной и мне кажется, это единственная ненаписанная глава. За этим исключением труд по существу был закончен. Оставалось только обработать его для отдельного издания, т.-е. теснее связать отдельные главы, вычеркнуть повторения, неизбежные при печатании всякого большого труда отдельными статьями в журнале, тем более в разных журналах, на протяжении нескольких лет; пополнить случайно пропущенное, исправить замеченные ошибки и т. д.

К этой работе В. И. тоже приступил и даже подвинул ее довольно далеко, однако не закончил.

В его бумагах осталась особая папка, озаглавленная: „М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы". Том I. В этой папке лежали подобранные в порядке те статьи, которые должны были войти в первый том, а именно:

Введение (статья о сен-симонистах и фурьеристах в России, в помещенном выше перечне, помеченная № 1);

Часть 1-ая. М. В. Буташевич-Петрашевский.

Главы 1 по 7—представляющие перераработку соответственных глав из „Голоса Минувшего" (в перечне под № 2).

Часть 2-ая. Петрашевцы.

Глава 1. Кружок Кашкина (№ 6).

Глава 2. Кружок Дурова (№ 5).

Страницы этих статей перенумерованы по порядку (всего 343 страницы), но чуть не каждая из них носит на себе явственные следы упорной работы, производившейся дополнительно после их первого появления в печати в журналах: многия места перечеркнуты, поля испещрены поправками, сделанными частью карандашем, частью пером; а где для поправки или вставки не хватало места на полях, там оне выносились на особые рукописные листы, вставленные между страницами.

Делались и мелкие, стилистические исправления, и исправления значительные, по существу; вычеркивалось оказавшееся лишним, прибавлялись как подстрочные примечания, так и целые абзацы и даже целые страницы в тексте; так в описании обеда в честь Фурье сделана вставка в 4 рукописных страницы; в 7 главе, о Момбелли вставлены целых 5 страниц; еще значительнее вставки во 2 части.

Исправления делались, конечно, не в один присест, а в течение ряда годов, по мере движения вперед исследования и выяснения для самого автора все новых и новых подробностей. Поэтому поправки представляют из себя ряд наслоений, далеко не всегда внешним образом слитых друг с другом; более того, очень часто эти исправления только намечены. Например, в некоторых местах сделаны такие надписи: „переставить ниже", „устранить повторение", „не лиш-

нее ли?", „здесь можно привести выписку из Мицкевича", „пополнить цитаты". Во многих случаях дополнения и исправления сделаны В. И. Семевским только конспектообразно.

Таким образом, несмотря на то, что по существу первый том вполне закончен автором, что даже исправление и окончательная его отделка в главном могут считаться законченными, однако, эта законченность есть законченность черновой рукописи, каторая не могла бы быть напечатана в том виде, как она найдена в бумагах покойного историка. Над нею необходимо было произвести значительную редакторскую работу.

Обязанность произвести ее выпала на меня, и я должен об'яснить те общие принципы, которыми я руководствовался.

Главный принцип ясен и бесспорен: уважение к авторской воле. Но практическое применение этого принципа не всегда ясно и не всегда бесспорно.

Там, где авторская воля ясна, там, конечно, я не мог позволять себе мудрствовать лукаво и изменять или сокращать, тем более пополнять отсебятиной то, что сказано автором, хотя бы мне в данном случае казалось, что такую-то мысль можно выразить лучше, что такая-то подробность лишняя, а такую-то, напротив, здесь было бы уместно вставить и ею пополнить авторское изложение.

Там, где В. И. Семевский известное место своей работы хотел перенести „ниже", по смыслу обыкновенно легко было выяснить, куда именно,—и, конечно, эта ремарка была для меня обязательною.

Труднее было мое положение, когда воля автора не совершенно ясна. „Устранить повторение"—желание вполне законное, но если автор сам его не исполнил, то не всегда ясно, которое из двух повторяющих друг друга мест желал вычеркнуть автор, и обязанность решить этот вопрос лежала уже на мне. Само собою разумеется, я, хорошо знакомый с манерою писать В. И. Семевского, старался решить, как поступил бы в данном случае он сам, если бы смерть не прервала его работы. Так, например, о проф. Порошине в первом томе говорилось два раза,—и оба раза довольно подробно,—в главе I первой части, где говорилось об университетских профессорах, которых слушал и которые повлияли на выработку миросозерцания Петрашевского, и в главе I части второй. Оба раза говорилось о нем довольно подробно, и во второй раз значительно подробнее, чем в первый. Простым и механическим вычеркиванием одного рассказа нельзя было удовлетвориться, как потому, что оба раза говорилось не совсем одно и то же, так и потому, что оба отрывка органически связаны с текстом, в котором они находятся. Следовало слить оба рассказа в один и выбрать место, куда его поместить, в первую или во вторую часть. Я как умел, произвел работу слияния двух отрывков, а

относительно места их помещения поступил, руководствуясь следующими соображениями.

Во второй части, в главе о кружке Кашкина, о Порошине говорится по такому поводу: упомянуто, что член этого кружка, Ханыков, слушал лекции Порошина, и затем сделан следующий переход:

„В виду того, что Порошин оказал значительное влияние на нескольких петрашевцев, считаю необходимым остановиться на некоторых взглядах, высказываемых им на лекциях“, а затем идет довольно полное (на $6^1/_2$ страницах) изложение лекций Порошина, в примечании же дана краткая биографическая заметка о Порошине. Но в числе тех петрашевцев, на которых влияли лекции Порошина, был и сам Петрашевский; во главе I биографии Петрашевского говорится сравнительно подробно вообще об университетских профессорах, которых слушал Петрашевский, и в их числе о Порошине, тогда как во 2-ой части говорится из них только об одном Порошине, и поэтому, мне кажется, было более уместно перенести все в I-ую, чем во II-ую часть.

Случай с Порошиным не единственный: мне несколько раз приходилось решать аналогичные вопросы.

Там, где В. И. ставил себе вопрос, „не лишнее ли“, но не давал определенного ответа, т.-е. не вычеркивал сам, там я, разумеется, не мог взять этого на свою ответственность. (Однако во второй части был случай, когда я счел себя обязанным поступить иначе,—его я об'ясню в своем месте). Выписка из Мицкевича, которою В. И. Семевский считал возможным пополнить изложение взглядов Ястржембского на польский вопрос (стр. 151 настоящей книги) имеется в III томе тех материалов, которые переписаны В. И. Семевским: она найдена (на французском языке) в бумагах Петрашевского и имеется при деле. Так как выражение „можно привести выписку“ свидетельствует о некотором сомнении, нужно ли делать это, то решение вопроса лежало на мне, и я решил его отрицательно: выписка слишком длинна (до 6 страниц), и загромождать ею книгу я считал лишним, тем более, что она очевидно не выражает мнения ни Ястржембского, ни Петрашевского: в ней развивается мысль, что Россия и Польша не только населены двумя различными „расами“, но представляют два совершенно различных принципа[1])

Напротив, там, где В. И. Семевский определенно выразил намерение пополнить изложение „Словаря иностранных слов“ Кирилова еще несколькими цитатами из него,—там это намерение я считал для себя обязательным и осуществил его, конечно, по своему разу-

---

[1]) В бумагах Петрашевского при этой выписке сделана такая ссылка: „Oeuvres poétiques complètes de Mickiewicz“, pag. XIV. Издание не указано.

мению, т. к. более полного авторского указания у меня не было. Я сделал более полными цитаты из статей Петрашевского „Негрофил", „Новатор", „Нормальное состояние", так как цитаты, сделанные В. И. Семевским, не давали, как мне кажется, достаточно полного представления об этих статьях.

Почти все вообще цитаты и ссылки на источники В. И. Семевского я проверил по подлинникам, и в тех редких, крайне редких случаях, когда находил мелкую погрешность в цитате или опечатку в ссылке на страницу, я исправлял ее, а в том единственном случае, когда указание на страницу источника, которым пользовался В. И. Семевский, оказалось ошибочным, и я, несмотря на все поиски, не смог исправить его, я отметил это в своем примечании. Ссылки на сочинения Герцена, которые В. И. делал по журналам и старым изданиям,—я заменял ссылками на новое издание этого писателя (под редакцией Лемке), вышедшее в свет после смерти В. И., само собою разумеется, сверив их. По непонятной для меня причине на сочинения Белинского В. И. ссылается по старому изданию, хотя большая часть венгеровского издания не только появилась в свет ранее написания статей В. И. Семевского, но она даже имелась в личной библиотеке В. И.,—и я заменил его ссылки ссылками (тоже, конечно, сверив их) на это последнее издание. Точно так же я ввел бо́льшее единообразие в систему ссылок на некоторые иностранные книги, страницы коих В. И. указывает то по подлиннику, то по русскому переводу; все ссылки на подлинники я заменил ссылками на страницы русского перевода, как более доступного публике, сохранив, однако, текст в том виде, как он приведен у В. И. Семевского.

Наконец, там, где я находил у В. И. мелкие фактические погрешности, но погрешности совершенно несомненные, там я позволял себе их исправлять в самом тексте, не пестря книгу лишними подстрочными примечаниями, которых и без того много. Так, напр., у В. И. было сказано: „В феврале 1835 г. Герцен писал из Перми" (стр. 10 настоящего издания). Я вычеркнул слова: „из Перми", так как в феврале 1835 г. Герцен был еще в Москве, и письмо, из которого далее у В. И. следует цитата, было написано из-под ареста (см. Сочинения Герцена, издание Лемке, т. I, стр. 168). Таких совершенно мелких погрешностей я исправил всего три или четыре во всем I томе[1]).

---

[1]) Считаю нужным указать здесь, что одно мнение В. И. Семевского, высказанное им на стр. 28 настоящей книги, о вероятности личного знакомства Петрашевского с Герценом, встретило в печати возражение со стороны Лемке, который считает знакомство между этими лицами невероятным (Сочинения Герцена под редакцией Лемке, VI, 519).

Одно отступление от воли автора пришлось, однако, сделать. Автор разделил свою книгу на два тома; в первый должна была войти вся первая часть (М. В. Буташевич-Петрашевский) и первые две главы второй (Петрашевцы). Во второй том—конец второй части (Петрашевцы) и вся третья часть (Суд и ссылка [1]). Условия печатания в наше время, когда напечатать сколько-нибудь об'емистую книгу почти невозможно, заставили разделить книгу вместо двух томов на три части; без этого выпуск этой первой части мог бы замедлиться еще на неопределенное время, а между тем она и без того выходит в свет на пять лет позднее, чем следовало бы.

Приступив к обработке первого тома (т.-е. 1-ой части и начала 2-й) тотчас после смерти В. И., я закончил ее в начале февраля 1917 г. и тотчас же сдал его в издательство „Задруга". Но приступить к печатанию оказалось возможным только через год; по отпечатании первых четырех листов печатание пришлось по обстоятельствам, не зависевшим от редакции, отложить. Прошло три года, во время которых было набрано и прокорректировано мною несколько печатных листов, но ни один из них не был отпечатан. Только в конце 1921 г. издательству удалось пустить дело в ход.

Книга, таким образом, выходит в свет (и то пока только первая часть) через пять лет после того, как она была окончательно обработана мною и через пять с половиною лет после смерти автора. Совершенно естественно поэтому, что она может показаться читателю чуть что не устарелой. В. И. Семевский по своей специальности был историк, но для него история всегда была средством об'яснять настоящее: поэтому в его исторических работах строгая добросовестность исследователя органически сливалась с живым и горячим чувством современности; каждая его историческая работа была живым откликом на запросы современности. Настоящая работа, конечно, не может претендовать на это: ведь прошло уже пять с половиною лет со времени смерти автора, и каких лет! В эти годы

Игралища таинственной игры
Металися смущенные народы,

произошла переоценка всех ценностей, и даже многие слова изменили свой прежний смысл.

---

[1]) Во вторую часть входят статьи: 1. Кружок Кашкина. 2. Кружок Дурова. 3. Петрашевцы: студент Толстов и др. 4. Беклемишев и Тимковский. 5. Салтыков-петрашевец. 6. Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. 7. Крестьянский вопрос, т.-е. статьи выше в перечне стоящие под №№ 6, 5, 7, 8, 10, 11, 12. В третью часть: 1. Последние две главы (8 и 9) статьи „М. В. Буташевич-Петрашевский" (№ 2). 2. Следствие и суд (№ 9). 3. Буташевич-Петрашевский в Сибири (№ 4).—Далее в приложении я соберу некоторые места из книги, которые вычеркнуты по каким-либо причинам из текста, но представляют значительный интерес.

В книге очень много опечаток, и внешность ея не стоит на желательной высоте. Прошу читателя не ставить этого на счет ни мне, ни издательству: мы сделали все, что, при настоящих условиях печатного дела, было в наших силах. Между прочим приложить к книге многочисленные портреты петрашевцев, которыми были украшены статьи В. И. Семевского в „Голосе Минувшего“ и которые первоначально предполагалось поместить и в настоящей книге,—оказалось невозможным.

Считаю долгом принести благодарность С. Н. Валку, который во время моего отсутствия из Петербурга взял на себя корректирование настоящей книги и прокорректировал несколько ее листов.

В. Водовозов.

22 февраля 1922.
Петербург.

Введеніе.

Уже задолго до вступленія на престолъ имп. Николая I нѣкоторые передовые люди подъ вліяніемъ литературы и жизненныхъ явленій Западной Европы стали интересоваться, а затѣмъ и увлекаться соціалистическими ученіями.

Еще въ XVIII в. труды предшественниковъ соціализма вызывали нѣкоторый интересъ среди русскихъ писателей, какъ доказываетъ переводъ „Утопіи“ Томаса Мора и вліяніе позднѣйшихъ утопій на творчество нѣкоторыхъ русскихъ писателей времени Екатерины II. Имена Оуэна и Сенъ-Симона были извѣстны лучшимъ представителямъ русской интеллигенціи уже во второй половинѣ царствованія императора Александра I. Во время вѣнскаго конгресса Оуэнъ имѣлъ свиданіе съ императоромъ Александромъ и очевидно произвелъ на него впечатлѣніе, такъ какъ великому кн. Николаю Павловичу, во время путешествія въ слѣдующемъ году по Западной Европѣ, дана была возможность познакомиться съ примѣненіемъ идей Оуэна на его знаменитой хлопчатобумажной мануфактурѣ въ Нью-Ланаркѣ (въ Шотландіи), которую будущій императоръ посѣтилъ въ декабрѣ 1816. Онъ предлагалъ Оуэну переселиться въ Россію, взявъ съ собой такое количество рабочихъ, какое онъ пожелаетъ, хотя бы это было два милліона [1]). Затѣмъ Оуэнъ видѣлся съ императоромъ Александромъ во Франкфуртѣ, но не воспользовался его предложеніемъ представить записку, содержащую изложеніе его идей, такъ какъ ему не понравился тотъ тонъ, въ которомъ государь говорилъ съ нимъ. Имя Роберта Оуэна, какъ филантропа, упоминалось иной разъ и въ русской печати, какъ напр. въ книгѣ Гамеля „Описаніе способа взаимнаго обученія“ (1820 г.). Одинъ изъ будущихъ декабристовъ, С. Кривцовъ, отправленный по повелѣнію императора Александра въ институтъ извѣстнаго педагога Фалленберга въ Гофвилѣ въ Швейцаріи, гдѣ онъ пробылъ до 1820 г., воспитывался тамъ вмѣстѣ съ двумя

[1]) *Долеанъ*. „Робергъ Оуенъ, его жизнь и ученіе“. Перев. Сувирова, С.-П-бургъ, стр. 68. Объ Оуэнѣ см. также ст. *Діонео* „Передъ зарей въ Англіи“ въ сборникѣ его статей: „На темы о свободѣ“, ч. 1, СПБ. 1903 (или въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1903, Авг., Сент., Окт.), составленную по книгѣ Fr. Podmore.

сыновьями Роберта Оуэна [1]). Что Оуэнъ былъ извѣстенъ русской интеллигенціи не только по имени, что нѣкоторые наиболѣе образованные люди почувствовали интересъ и къ его произведеніямъ, видно изъ того, что декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской захватилъ съ собой въ крѣпость книгу „О воспитаніи въ Нью-Ланаркѣ“,—вѣроятно, сочиненіе Роберта Оуэна, которое въ англійскомъ изданіи 1816 г. носило названіе „Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи характера; пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества“, или, можетъ быть, сочиненіе его сына, которое въ 1825 г. появилось во французскомъ переводѣ [2]).

Нѣкоторый интересъ къ идеямъ Роберта Оуэна проявился среди русской интеллигенціи и въ царствованіе императора Николая, какъ это видно изъ того, что В. Андроссовъ, статистикъ и политико-экономъ, напечаталъ въ 1828 г. въ издаваемомъ извѣстнымъ профессоромъ М. Павловымъ журналѣ „Атеней“ (ч. V, стр. 239—256) извлеченіе изъ письма Пиктета (швейцарскаго профессора Пиктэ, друга Оуэна) подъ заглавіемъ „Нью-Ланаркская бумагопрядильня въ Шотландіи“, и что въ томъ же году Нью-Ланаркъ посѣтилъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, братъ декабриста Н. И. Тургенева.

Повидимому, гораздо менѣе извѣстно было въ царствованіе императора Александра I имя знаменитаго мыслителя въ области соціальныхъ наукъ Сенъ Симона [3]). Однако членъ тайнаго общества декабристовъ, Лунинъ, пріѣхавъ осенью 1816 г. въ Парижъ, познакомился съ Сенъ-Симономъ, и тотъ оцѣнилъ большія способности заинтересовавшаго его молодого человѣка, думалъ воспользоваться имъ для распространенія своихъ идей въ Россіи и предостерегалъ его отъ увлеченія политикой, утверждая, что будущность человѣчества зависитъ отъ совокупнаго развитія трехъ двигателей: чувства, науки и промышленности. Но въ царствованіе императора Николая идеи учениковъ Сенъ-Симона, какъ увидимъ ниже, возбудили большее вниманіе, чѣмъ взгляды Роберта Оуэна.

Самый выдающійся изъ декабристовъ, глава южнаго общества Пав. И. Пестель въ своемъ планѣ аграрной реформы явился однимъ изъ предшественниковъ соціализма въ Россіи, хотя онъ и не додумался до полнаго отрицанія частной собственности на землю. Не останавливаясь на изложеніи его плановъ преобразованія земель-

---

[1]) См. *М. Гершензонъ*. „Декабристъ Кривцовъ и его братья“. М. 1914, стр. 99 и сл.

[2]) *Dale Owen*. «Esquisse du système d'éducation suivi dans les écoles de New-Lanarck», traduit de l'anglais par M. Desfontaines. P. 182[illegible].

[3]) С.-Симонъ написалъ письмо къ имп. Александру I, препровождая ему въ 1814 г. брошюру „О преобразованіи человѣческаго общества“, авторами которой были С.-Симонъ и его ученикъ О. Тьерри, но письмо это до сихъ поръ не найдено. *Ив. Ив. Ивановъ*. „Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ“. М. 1901 г., стр. 392.

наго строя, такъ какъ это сдѣлано въ моей книгѣ „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ (1909), напомню только, что мысль Пестеля о правѣ каждаго на пользованіе землею была навѣяна частью общиннымъ землевладѣніемъ нашихъ крестьянъ, частью нѣкоторыми произведеніями французской литературы: „Общественнымъ договоромъ“ Руссо, „Духомъ законовъ“ Монтескьё и, повидимому, болѣе всего брошюрою по аграрному вопросу (1791 г.), принадлежащею, вѣроятно, перу аббата де-Курнана. „Русская Правда“ Пестеля, несмотря на ея незаконченность, безъ сомнѣнія, сыграла бы болѣе значительную роль при обсужденіи соціальнаго вопроса, если бы правительству императора Николая не удалось захватить рукопись Пестеля и если бы оказалось возможнымъ распространить ее во многихъ копіяхъ; но текстъ „Русской Правды“, погребенный за казенными печатями, сдѣлался на много десятилѣтій недоступнымъ русскому обществу [1]). Поклонникамъ декабристовъ приходилось самостоятельно искать путей для поддержанія искусственно прерванныхъ традицій въ области соціальныхъ идей.

Юношеское міросозерцаніе А. И. Герцена, занимающаго самое выдающееся мѣсто среди соціалистовъ времени Николая I, слагалось подъ вліяніемъ чтенія произведеній Вольтера, Шиллера (особенно „Донъ-Карлоса“ и „Разбойниковъ“), древняго республиканизма, почерпнутаго изъ Плутарха, восхваленія гувернеромъ-французомъ французской революціи, не исключая и казни Людовика XVI, и приносимыхъ въ рукописи студентомъ-медикомъ, преподававшимъ Герцену словесность, стихотвореній Рылѣева и Пушкина („Ода на свободу“, „Кинжалъ“). Ко всѣмъ этимъ вліяніямъ присоединились произведшіе самое сильное впечатлѣніе на Герцена и его друга Огарева слухи объ арестахъ членовъ тайнаго общества, извѣстіе о казни декабристовъ и благодарственное слово митрополита Филарета въ присутствіи царской фамиліи за усмиреніе возстанія 14 декабря 1825 г. Казнь Пестеля и его товарищей, по словамъ Герцена, „окончательно разбудила ребяческій сонъ“ его души, заставила его почувствовать, что онъ „не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи“, и четырнадцатилѣтній мальчикъ поклялся отмстить за казненныхъ.

---

[1]) Только заграницей, по выходѣ въ свѣтъ (1847 г.) произведенія Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“, Герценъ въ своемъ написанномъ по-французски трудѣ „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ (1851 г.), не зная всѣхъ подробностей плана земельной реформы Пестеля, говоритъ о его желаніи побудить русское общество „къ экспропріаціи своихъ имуществъ“ (въ пользу крестьянъ) и называетъ его „соціалистомъ прежде соціализма“ (слово „соціализмъ“ было впервые употреблено сенъ-симонистскимъ журналомъ „Глобусъ“ въ 1832 г.). Названный трудъ Герцена помѣщенъ въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ въ VI т. „Полнаго собранія сочиненій и писемъ Герцена“, изд. подъ ред. М. К. Лемке, Петроградъ, 1917. Кромѣ того, онъ изданъ (въ русскомъ переводѣ) особою книжкою въ изд. Павленкова. Спб., 1907 г.

Однажды онъ и его другъ Огаревъ, съ которымъ онъ душевно сблизился при чтеніи Шиллера, поклялись на Воробьевыхъ горахъ въ виду Москвы посвятить свою жизнь на борьбу съ правительствомъ.

Во второмъ году университетскаго курса, осенью 1831 г., молодые друзья сблизились еще съ двумя товарищами по университету, Сазоновымъ и Сатинымъ. „Мы вошли въ аудиторію, — говоритъ Герценъ,—съ твердой цѣлью въ ней основать зерно общества по образу и подобію декабристовъ и потому искали прозелитовъ и послѣдователей... Мы à la lettre пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ четыре стороны нашей молодой „вселенной“ (universitas), какъ четыре діакона, идущіе въ свѣтлый праздникъ съ четырьмя евангеліями въ рукахъ“ [1]).

Первоначально даже политическія идеи молодыхъ друзей были, по словамъ Герцена, „смутны“ и неопредѣленны: они „проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію“, конституціонную монархію „и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу. Общества въ сущности никогда не составлялось; но пропаганда наша пустила глубокіе корни во всѣ факультеты и далеко перешла университетскія стѣны“ [2]).

Было не мало основаній для того, чтобы юные пропагандисты сдѣлались только либералами или радикалами и не увлеклись вопросами соціальными. Въ 1820-хъ годахъ, по свидѣтельству Пирогова, среди студентовъ Московскаго университета были распространены либеральные взгляды, и „буржуазія еще стояла на пьедесталѣ“. Яви-

---

[1]) Отмѣтимъ, что „діаконами“ сенъ-симонистъ Анфантенъ называлъ своихъ ближайшихъ учениковъ. Однимъ изъ трехъ друзей Герцена былъ Н. И. Сазоновъ, игравшій позднѣе довольно видную роль среди русской эмиграціи въ Парижѣ въ 1840-хъ г. См. *Н. Рязановъ*. „К. Марксъ и русскіе люди 40-хъ годовъ“. „Совр. Міръ“ 1912 г. № 8. Объ его писаніяхъ противъ русскаго правительства, на ряду съ Герценомъ, упомянулъ даже имп. Николай въ бесѣдѣ 1 ноября 1849 г. съ бар. Корфомъ. См. „Рус. Стар.“ 1900 г. № 5, стр. 277.

[2]) Сазоновъ съ своей стороны такъ описываетъ этотъ кружокъ: „Все, начиная отъ нашихъ костюмовъ, указывало на самую причудливую смѣсь: зимой мы носили черные бархатные береты à la Карлъ Зандъ и трехцвѣтные французскіе шарфы. На собраніяхъ нашего кружка мы декламировали запрещенныя стихотворенія Рылѣева и Пушкина и распѣвали наполеоновскіе куплеты Беранже наряду съ антифранцузскими пѣснями Арндта, Уланда и Кернера. Наше чтеніе было еще болѣе разнообразнымъ: мы съ одинаковымъ усердіемъ разыскивали тогда еще очень рѣдкіе документы, относившіеся къ французской революціи, и сочиненія Шеллинга и Окена по натурфилософіи. Начиная отъ мистическихъ прорицаній Якова Бема и вплоть до ямбовъ Барбье и „Шагреневой кожи“ Бальзака—все волновало насъ, все интересовало насъ и вызывало въ насъ энтузіазмъ...“. N. Sasonoff. „Alexander Herzen“, „Gaz. du Nord“, 1860, 26 Mai, Paris. Цитата заимствована изъ статьи *Н. Рязанова* „Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ“. „Совр. Міръ“, 1912, № 8, стр. 160—161.

лась и литературная поддержка либеральному общественному теченію, насколько это было, конечно, возможно по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. По выраженію Герцена, „либерализмъ кое-какъ пережилъ 1825 годъ въ Полевомъ". Дѣйствительно, его журналъ „Московскій Телеграфъ", остававшійся въ теченіе всего почти десятилѣтняго своего существованія вѣрнымъ своему направленію, пропагандировалъ политическій либерализмъ: проводилъ мысль о законности, полезности и общеевропейскомъ значеніи великой французской революціи, защищалъ идею о равенствѣ политическихъ правъ, характеризовалъ (въ статьѣ декабриста Бестужева-Марлинскаго) прогрессивную роль буржуазіи въ борьбѣ съ феодалами, подвергалъ критикѣ устройство англійскаго парламента, указывая на то, что онъ представляетъ „собственно правленіе монархически-аристократическое, несмотря на народныя формы при выборахъ членовъ въ Нижній парламентъ", и за два года до парламентской реформы 1832 г. въ Англіи предсказалъ ея близость. Цензура обвиняла „Московскій Телеграфъ" въ осмѣяніи русскаго дворянства, и въ 1834 г. онъ былъ запрещенъ. Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ назвалъ журналъ Полевого проводникомъ русской революціи.

Герценъ и Огаревъ и въ политическихъ вопросахъ были лѣвѣе либерализма Полевого, но они не удовольствовались однимъ политическимъ радикализмомъ. На соціальные вопросы направили ихъ вниманіе брошюры сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Судя по свидѣтельству въ „Быломъ и Думахъ", первоначально вліяніе этого ученія выразилось у Герцена и Огарева горячимъ сочувствіемъ лишь извѣстной части идей сенъ-симонистовъ въ той окраскѣ, которую имъ придалъ Анфантенъ: освобожденію женщины, союзу съ кею, какъ съ равною, реабилитаціи плоти.

Но этимъ не ограничивались идеи сенъ-симонистовъ. Уже въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона есть замѣчательныя соціальныя идеи, какъ, напримѣръ, признаніе права на трудъ[1]), а его ученики въ соціальныхъ вопросахъ пошли дальше своего учителя. Для Сенъ-Симона и предприниматели (за исключеніемъ коммерсантовъ и банкировъ), и рабочіе составляютъ одинъ классъ — industriels, но предприниматели причисляются къ нимъ лишь тогда, когда они участвуютъ личнымъ трудомъ руководства и надзора въ промышленной дѣятельности. Евангелическое предписаніе о любви Сенъ-Симонъ предлагалъ замѣнить новымъ принципомъ: „человѣкъ долженъ работать", поэтому industriel въ то же время всегда travailleur (работникъ); напротивъ, рантье и пассивный землевладѣлецъ — буржуа, вреднѣйшіе члены

[1]) *R. Singer.* „Das Recht auf Arbeit". 1895, S. 16—17. Впрочемъ, первый эту мысль высказалъ Фурье въ 1808 г. въ своемъ сочиненіи „Théorie des quatres mouvements". См. Singer, 19

общества, fainéants (тунеядцы), классъ „глупый и презрѣнный". Мануфактуристовъ—предпринимателей, руководителей промышленности (les chefs industriels), Сенъ-Симонъ считаетъ естественными вождями рабочихъ (ouvriers), всѣ они сотрудники (collaborateurs)—отъ простѣйшаго работника до богатѣйшаго фабриканта. Напротивъ, сенъ-симонисты усиленно подчеркиваютъ противоположность интересовъ двухъ составныхъ частей класса „industriels". Они указываютъ на то, что при существованіи пролетаріата рабочій является, если не рабомъ собственника, то, во всякомъ случаѣ, не свободнымъ въ опредѣленіи своихъ отношеній къ нему; онъ вынужденъ подъ страхомъ голодной смерти принимать условія своего хозяина. Безпощадно критикуя политическій либерализмъ, сенъ-симонистскіе проповѣдники говорятъ, что свобода для собственниковъ и рабство для голодающихъ — такова сущность тогдашняго конституціоннаго строя. Пользуясь свободой слова, созданной іюльской революціею, они усердно изображаютъ бѣдствія пролетаріата, среди котораго нѣтъ мѣста ни семейному счастію, ни просвѣщенію, ни нравственности. На вопросъ: „Что такое пролетаріи?" — буржуазія, по словамъ сенъ-симонистовъ, отвѣчаетъ чаще всего съ пренебреженіемъ, относится къ нимъ, какъ къ презрѣннымъ вассаламъ, хотя пролетаріи работаютъ на поляхъ и въ мастерскихъ, проливаютъ кровь въ битвахъ, двигаютъ впередъ науки и искусства, служатъ нуждамъ государства, всевозможными способами украшаютъ существованіе привилегированныхъ классовъ. И сенъ-симонисты убѣждаютъ богатую молодежь, писателей и художниковъ—прекратить личную и партійную полемику и посвятить свои таланты соціальнымъ вопросамъ. „Каждый день промедленія — означаетъ сознательное, завѣдомое принесеніе безчисленныхъ жертвъ, побѣду безнравственности, невѣжества и нищеты" [1]).

По мнѣнію сенъ-симонистовъ, причина эксплуатаціи рабочихъ заключается въ организаціи собственности. Они указывали на то, что „право собственности—видоизмѣняемый, соціальный фактъ..., напрасно разсчитываютъ сдѣлать его неподвижнымъ, называя его божественнымъ правомъ или естественнымъ... При каждомъ соціальномъ преобразованіи, при каждой политической революціи право собственности подвергалось болѣе или менѣе глубокимъ видоизмѣненіямъ... Остается сдѣлать новый шагъ — перенести право наслѣдованія съ семьи на государство [2]). „Каждому по его способности и каждой способности по ея дѣламъ, да не будетъ болѣе права наслѣдованія!" таковъ соціальный девизъ сенъ-симонизма. Результатомъ существованія права

---

[1]) *Ив. Ивановъ.* „Сенъ-симонъ и сенъ-симонизмъ". М. 1901 г., стр. 535, 545, 583—594, 655, 691—693.

[2]) Уничтоженія права наслѣдованія требовалъ еще Бабёфъ. См. *С. Н. Прокоповичъ.* „Проблемы соціализма", 1901. Стр. 255.

наслѣдства является праздность, и оно должно быть устранено. Единственный собственникъ—государство, всѣ граждане—обладатели орудій производства и предметовъ потребленія сообразно своимъ личнымъ талантамъ и трудолюбію, при чемъ къ орудіямъ производства причисляются и земля, и капиталъ. Государство распредѣляетъ эти орудія, сообразуясь со способностями каждаго члена общества и съ потребностями каждой мѣстности и каждой отрасли производства. Граждане будутъ классифицированы по способностямъ, вознаграждаемы по дѣламъ, и государство станетъ ассоціаціей работниковъ, обширной мастерской, гдѣ будутъ согласованы всѣ роды производства и урегулировано распредѣленіе благъ: исчезнутъ война и лишенія, т.-е. конкуренція и индустріальное рабство. Призваніе, а не родство— основа новаго порядка наслѣдованія. Все общество—ассоціація, всѣ члены его fonctionnaires (должностныя лица). Нужно учредить банки по провинціямъ для наблюденія за мѣстнымъ производствомъ и во главѣ ихъ—центральный банкъ, представляющій орудіе государства въ области матеріальнаго порядка [1]).

Мы не знаемъ, въ какой степени были извѣстны тогда Герцену и Огареву всѣ стороны ученія сенъ-симонистовъ, но несомнѣнно, что оно было знакомо имъ полнѣе, чѣмъ можно было бы заключить на основаніи упомянутаго выше свидѣтельства „Былого и Думъ". 19 іюля 1833 г., окончивъ университетскій курсъ, Герценъ писалъ Огареву: „Ты правъ, Saint-Simonisme имѣетъ право насъ занять. Мы чувствуемъ (я тебѣ писалъ это года два тому назадъ и писалъ оригинально), что міръ ждетъ обновленія, что революція 89 года ломала—и только, но надобно создать новое, *палингенезическое* [2])

---

[1]) *Ив. Ивановъ*, стр. 655, 657, 694. Срав. о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ въ статьѣ *А. Борового* въ 1-мъ выпускѣ IV ч. „Книги для чтенія по ист. нов. времени". М. 1913.

[2]) Этотъ терминъ заставляетъ предположить, что Герценъ уже тогда былъ знакомъ съ сочиненіемъ *Балланша* (вѣрившаго въ провиденціальный смыслъ революціи и ожидавшаго новаго демократическаго христіанства) „Essais de palingénésie sociale" („Опыты о соціальномъ возрожденіи"). 2 vols. P. 1827—28, которое сильно читалось въ средѣ сенъ-симонистовъ и заслужило ихъ сочувственные отзывы. Возможно, впрочемъ, что терминъ палингенезическій Герценъ взялъ оттуда же, откуда взялъ его и Балланшъ, т. е, изъ сочиненія швейцарскаго физіолога *Бонне* „Palingénésie philosophique", гдѣ авторъ доказывалъ существованіе закона постепеннаго совершенствованія всего неорганическаго и органическаго міра. См. *Ивановъ*. „Сенъ-Симонъ". Стр. 160, 474; *Ballanche*. „Oeuvres". 1830, III p., 11. Герценъ „перелистывалъ" въ 1844 г. „Palingénésie sociale" Балланша, темновато пишущаго мистика съ легкимъ соціальнымъ оттѣнкомъ, имя котораго по мнѣнію Герцена „не должно забывать ни въ развитіи философіи, ни въ исторіи соціализма". Еще въ „Москов. Вѣст." 1828 г. (ч. VII, № IV, 496—500) за подписью Л. была напечатана статья о названномъ сочиненіи Балланша. Характеристика сочиненій Балланша помѣщена въ „Финскомъ Вѣстникѣ" 1847 г., т. XX, Смѣсь, стр. 27—36. О Балланшѣ ср. *Ивановъ* „Сенъ-Симонъ", 158—160, 650.

время" (т.-е. эпоху возрожденія), „надобно другія основанія положить обществамъ Европы; болѣе права, болѣе нравственности, болѣе просвѣщенія. Вотъ опытъ — это S.-Sim. (сенъ-симонизмъ). Я не говорю о нынѣшнемъ упадкѣ его, — таковымъ я называю его религіозную форму (P. Enfantin etc). Мистицизмъ увлекаетъ всегда юную идею. Возьмемъ чистое основаніе христіанства. Какъ оно изящно и высоко, посмотри же на послѣдователей — мистицизмъ темный и мрачный". По мнѣнію Огарева, „одна не бездушная философія послѣднихъ временъ, гдѣ высоко поняты требованія вѣка, — это Saint Simon" (т.-е. сенъ-симонизмъ).

Но молодые друзья знакомились и съ ученіемъ Фурье. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Огареву отъ 19 іюля 1833 г. Герценъ писалъ: „Есть еще système d'association par Fourier. Ее ты прочтешь въ „Revue Encyclopédique" за февраль 1832 г. Цѣль оправдываетъ странности". Статья эта—„Doctrine d'association de M. Charles Fourier" принадлежитъ Abel Transon'у, краснорѣчивому проповѣднику сенъ-симонизма, который изъ-за разногласій съ Анфантеномъ сдѣлался (въ 1832 г.) послѣдователемъ ученія Фурье. Излагая основные взгляды Фурье, высказанные имъ въ сочиненіяхъ „Théorie des quatre mouvements" (1808), „Traité de l'association domestique-agricole" (1822) и „Le nouveau monde industriel et sociétaire" (1829), Трансонъ указываетъ на ихъ величайшее значеніе, на то, что они затрогиваютъ вопросы, наиболѣе важные для человѣчества, а между тѣмъ имя ихъ автора почти неизвѣстно, и укоряетъ общество за несправедливость къ геніальному писателю. Особенно новымъ въ ученіи Фурье Трансонъ считаетъ стремленіе объединить частные и общественные интересы и всякій трудъ сдѣлать привлекательнымъ. Съ осуществленіемъ этого послѣдняго требованія окажутся легко осуществимыми всѣ предсказанія Фурье — быстрое возрастаніе продуктовъ производства, присоединеніе къ числу трудящихся лицъ праздныхъ, дѣтей, бродягъ, дикарей, уничтоженіе торга неграми и освобожденіе рабовъ вообще по добровольному соглашенію съ господами [1]). Отзываясь съ похвалою и объ Оуэнѣ за его попытки практическаго осуществленія ассоціаціи, Трансонъ утверждаетъ, однако, что онъ не создалъ новой соціальной теоріи [2]). Вскорѣ послѣ

[1]) „Если трудъ сдѣлается привлекательнымъ, ассоціація могла бы безъ всякаго риска дать авансъ самому бѣдному ея члену въ видѣ minimum'а жилища, одежды и пищи. Тогда самый неимущій изъ людей будетъ пользоваться тою выгодою, въ которой природа не отказываетъ животнымъ,—въ спокойствіи за свое будущее". *Иванов*. Стр. 381, 687, 698, 702—703; *H. Bourgin*. „Fourier". P. 1905, p. 427.

[2]) „Revue Encyclopédique", publiée par *H. Carnot* et *P. Leroux*. 1832, т. LIII, 271—300. Въ томъ же номерѣ была напечатана рецензія на сборникъ нѣсколькихъ сочиненій Сенъ-Симона, изданныхъ въ 1832 г. его ученикомъ Олендомъ Родригомъ (стр. 405—415). Окончаніе статьи Трансона было напечатано въ майской книжкѣ того же журнала (T. 54, p. 290—323); въ ней шла рѣчь: 1) о соціетерномъ хозяйствѣ и фаланстерѣ и 2) о равновѣсіи страстей.

того Герценъ въ письмѣ къ Огареву говоритъ, что начинается третья фаза христіанства—„*истинная, человѣческая* — фаланстерство“ (можетъ-быть, сенъ-симонизмъ?) [1]). Позднѣе въ „Быломъ и Думахъ“ онъ говоритъ, что сенъ-симонистскія вліянія на него и его друга Огарева были сильнѣе фурьеристскихъ: „сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ“. Однако Огаревъ въ „Исповѣди лишняго человѣка“ отмѣчаетъ большое значеніе въ ихъ развитіи и фурьеризма: „Мы, дѣти декабристовъ и міра новаго ученики, ученики Фурье и Сенъ-Симона, мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь народу, и его освобожденью основою положимъ соціализмъ“. Въ своемъ сочиненіи „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ Герценъ утверждаетъ, что сенъ-симонизмъ произвелъ громадное впечатлѣніе на умы москвичей. По его мнѣнію, „сенъ-симонизмъ, неопредѣленный, религіозный и въ то же время не лишенный анализа, удивительно подходилъ къ ихъ вкусамъ“. Всѣ указанныя выше вліянія дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему Герценъ не пошелъ по пути политическаго либерализма, проповѣдываемаго „Московскимъ Телеграфомъ“, и вступилъ въ споръ съ Полевымъ, укоряя его въ отсталости, что повело къ разрыву между ними, хотя еще неокончательному.

9 іюля 1834 г. Огаревъ былъ арестованъ вслѣдствіе участія въ кружкѣ молодежи, въ которомъ при кутежахъ пѣлись пѣсни, по офиціальной характеристикѣ, „наполненныя гнусными и злоумышленными выраженіями противъ вѣрноподданнической присяги“. Въ ночь съ 20 на 21 іюля былъ арестованъ и Герценъ. Въ запискѣ слѣдственной комиссіи о немъ данъ такой отзывъ: „молодой человѣкъ пылкаго ума, и хотя въ пѣніи пѣсенъ не обнаруживается, но изъ переписки съ Огаревымъ видно, что онъ смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества“. Огаревъ, сознавшійся „въ пѣніи дерзкихъ пѣсенъ“, „велъ съ ... Герценомъ переписку, наполненную свободомысліемъ; въ показаніяхъ своихъ замѣченъ упорнымъ и скрытымъ фанатикомъ“. Герценъ и Огаревъ были отнесены въ докладѣ (21 янв. 1835 г.) государю попечителя Московскаго университета кн. С. М. Голицына къ числу четырехъ лицъ, „обращающихъ на себя вниманіе образомъ мыслей своихъ“. Герценъ былъ отправленъ на службу въ Пермь (а въ маѣ 1835 г. изъ Перми переведенъ въ Вятку), Огаревъ — въ Пензенскую губ. [2]). Таково было офиціальное крещеніе русскаго соціализма.

[1]) Въ письмѣ къ Огареву, захваченномъ при обыскѣ, Герценъ совѣтуетъ ему читать „Вильгельма Телля“ Шиллера, но, оговаривается онъ, „все это мысль разрушенія, а мнѣ хочется создать; изъ общихъ началъ моей философіи и исторіи долженъ я вывести планъ ассоціаціи“.

[2]) Въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1835 г. Герценъ писалъ: прочли „сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ и объявили, что государь милуетъ и приказываетъ только разослать по городамъ“. Въ „Быломъ и Думахъ“ онъ говоритъ, что его самого

Въ февр. 1835 г. Герценъ писалъ Натальѣ Александровнѣ Захарьиной, которая впослѣдствіи стала его женою: „Меня въ комиссіи обвиняли въ сенъ-симонизмѣ; я не сенъ-симонистъ, но вполнѣ чувствую съ ними многое за одно. Нѣтъ жизни истинной безъ вѣры". А въ „Быломъ и Думахъ" онъ говоритъ о себѣ, что еще два года послѣ Вятки „былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ, взятыхъ изъ Евангелія и Жанъ-Жака (Руссо) на манеръ французскихъ мыслителей, въ родѣ (Пьера) Леру".

И гораздо позднѣе, уже живя за границей, Герценъ любилъ повторять мысль о сходствѣ соціализма съ зарождающимся христіанствомъ [1]). Это нужно имѣть въ виду при чтеніи его произведеній конца 1830-хъ гг. Въ этомъ отношеніи наиболѣе значенія имѣютъ два его драматическія произведенія: „Лициній" (1838), сцены изъ древне-римской жизни въ 4-хъ картинахъ, и „Вильямъ Пеннъ" (1839 г.). Общее заглавіе, которое Герценъ придавалъ обоимъ произведеніямъ: „Палингенезія"—напоминаетъ и о цитированномъ выше письмѣ Герцена къ Огареву 1833 г., и о книгѣ Балланша.

„Лициній"—произведеніе, вполнѣ несохранившееся и извѣстное лишь въ позднѣйшемъ сценаріи Герцена и отрывкѣ одной сцены, было навѣяно чтеніемъ Тацита и Дѣяній Апостольскихъ, при чемъ „рядомъ съ мрачнымъ, окровавленнымъ, развратнымъ, снѣдаемымъ страстями Римомъ предстали" автору „бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе міра". Понятно, что между строкъ здѣсь слѣдуетъ читать и нѣчто другое: тутъ ясна аналогія съ одряхлѣвшимъ общественнымъ строемъ Западной Европы и Россіи и гоненіями на соціалистовъ современныхъ Нероновъ. Лициній „еще не имѣетъ понятія объ ученіи Христовомъ, но вѣяніе духа современности раскрыло въ немъ вопросы, на которые, кромѣ Евангелія, не было отвѣта". Онъ говоритъ своему собесѣднику, довольствующемуся старымъ, цѣльнымъ міросозерцаніемъ классическаго міра: „Что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше итти не можетъ... Бродятъ вопросы, никогда не являвшіеся прежде". Къ этому собесѣднику и къ патрицію, подготовляю-

---

и его товарищей обвинили въ *намѣреніи* составить тайное общество и желаніе пропагандировать сенъ-симонизмъ. Въ прочитанномъ приговорѣ было сказано, что слѣдовало бы подвергнуть ихъ смертной казни, но, по милосердію императора, она замѣнена исправительнымъ наказаніемъ. Изъ офиціальныхъ документовъ видно, что въ надписи Бенкендорфа надъ его докладомъ имп. Николаю было сказано: „Государь соизволилъ повелѣть, дабы кн. С. Голицынъ, лично призвавъ всѣхъ участвующихъ по сему дѣлу и прочитавъ имъ законъ по первому пункту, по которому они всѣ подвергаются тяжкому наказанію, объявилъ бы имъ милость государя, которою, освобождая ихъ отъ строгости суда, перемѣнилъ приговоръ онаго исправительными мѣрами". Статья *М. К. Лемке* въ „Мірѣ Божіемъ" 1906 г. № 2, стр. 130.

[1]) Ср. *Гершензонъ*. „Образы прошлаго". М. 1912, стр. 218.

щимъ заговоръ противъ Нерона, Лициній обращается съ такою рѣчью „Для кого вы работаете, на кого обопретесь? На плебеевъ, что ли? Да они васъ ненавидятъ. Было время, плебей считалъ патриція за отца. Хорошо воспиталъ отецъ сына: онъ его ограбилъ, замучилъ на тяжкой работѣ, прогналъ изъ дома, раба принялъ на его мѣсто, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ, спрашивалъ, глядя на заскорузлую руку,—не четвероногій ли онъ? Онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался звѣремъ. Онъ васъ растерзаетъ на части, и нечему дивиться... На плебеевъ обопрется цезарь,—не вы; а вы обопретесь, можетъ, на патриціатъ..., снѣдаемый нечистыми страстями, умирающій въ рукахъ рабовъ, египетскихъ поваровъ и нагихъ невольницъ! Въ основѣ своей Римъ носилъ зародышъ гибели. Время казни настало“ [1])...

Въ другомъ произведеніи Герцена, „Вильямъ Пеннъ“, бо́льшая часть котораго сохранилась, Герценъ хотѣлъ изобразить „христіанство, какъ религію соціальную, прогрессивную“ [2]), и здѣсь сапожникъ Фоксъ, основатель общины квакеровъ въ половинѣ XVII вѣка, является представителемъ соціалистическихъ идей: онъ отрицаетъ право собственности англійской аристократіи на землю [3]). „Намъ нѣтъ досуга помолиться Богу, мы сутки цѣлые должны работать, чтобъ хлѣбъ имѣть насущный: есть для другихъ науки, книги, досугъ чѣмъ хочешь заниматься... А намъ что на замѣнъ всего ограбленнаго дали?—Работу тяжкую и униженье. Кто надѣлилъ землею ихъ? Да кто бъ ни надѣлилъ, какое право имѣлъ надъ Божіимъ созданьемъ онъ?“ Половина государственныхъ доходовъ, исторгнутыхъ „у бѣдняковъ, у поселянъ“ идутъ въ даръ „лордамъ, сирамъ, камергерамъ“, „а на другую половину денегъ солдатъ содержатъ, чтобы насъ душили, чтобъ лили кровь такихъ же христіанъ“. Но теперь, читая Евангеліе, народъ знаетъ, чего хотѣлъ Христосъ: „Хотѣлъ Онъ братства, равенства, свободы, хотѣлъ, чтобъ не было богатыхъ вовсе, хотѣлъ, чтобъ бѣднымъ слезы отирали, хотѣлъ, чтобъ всѣ любили всѣхъ“...

Во второмъ дѣйствіи изображена сцена семейнаго суда надъ сыномъ лорда, Вильямомъ Пенномъ, сдѣлавшимся послѣдователемъ Фокса. Самъ Герценъ указалъ на то, что процессъ сенъ-симонистовъ (Анфантена, Шевалье, Дюверье, Родрига и Барро) „въ 1832 г. былъ еще живъ въ памяти“, когда въ 1839 г. онъ писалъ эту сцену. Вильямъ

---

[1]) *Герценъ.* „Собр. соч.“, подъ ред. Лемке, II, 211—222.

[2]) *Герценъ.* „Собр. соч.“, II, 258—259.

[3]) Авторъ назвалъ „Вильяма Пенна“—„сценами въ стихахъ“. Крайнее несовершенство формы этого произведенія вызвало совѣтъ Герцену, данный Бѣлинскимъ, переписать рукопись въ строку, какъ прозу, „чтобы нельзя было замѣтить, что оно писано рубленой прозой, на манеръ стиховъ“,—но это не уменьшаетъ значительности содержанія сценъ.

Пеннъ съ негодованіемъ говоритъ своимъ судьямъ: „Не стыдно ль христіанами вамъ зваться? и не обманъ ли то позорный, низкій—съ Евангельемъ въ рукахъ тѣснить милльоны бѣдныхъ“. Взявъ въ руки Евангеліе, онъ читаетъ изъ Дѣяній Апостольскихъ: „У вѣрующихъ всѣхъ душа была одна, они отдѣльно не имѣли ничего, все было общее, и между ними нуждающійся быть не могъ... Вотъ бытъ общественный“... Вильямъ Пеннъ основываетъ новую общину въ Америкѣ, стремясь сдѣлать ее „міромъ равенства, любви и братства“, но заразительная болѣзнь богатства, власти, насилія занесена эмигрантами изъ Европы, и новая община оказывается лишь видоизмѣненнымъ старымъ обществомъ [1]).

Пять лѣтъ ссылки были временемъ весьма неудобнымъ для подробнаго выясненія міросозерцанія. Затѣмъ, немногимъ болѣе года поживъ въ Петербургѣ, А. И. Герценъ, за неосторожное по тому времени письмо, вынужденъ былъ переѣхать въ Новгородъ. Но это пребываніе въ Петербургѣ имѣло рѣшающее значеніе для окончательнаго освобожденія Бѣлинскаго отъ того консервативнаго направленія, которое сложилось въ немъ подъ вліяніемъ односторонне понятаго ученія Гегеля. Нѣкоторые современники полагаютъ, что болѣе близкое знакомство Бѣлинскаго въ Петербургѣ съ „гнусною“, по его словамъ, „рассейскою дѣйствительностью“ и безъ вліянія Герцена вывело бы его на новый путь, но этотъ болѣзненный процессъ могъ затянуться гораздо долѣе. Огаревъ въ 1840 г. содѣйствовалъ сближенію двухъ самыхъ выдающихся людей того времени и оказалъ этимъ большую услугу развитію русскаго соціализма; съ той минуты, когда Бѣлинскій отказался отъ своихъ консервативныхъ статей [2]), онъ и Герценъ, по свидѣтельству послѣдняго, „шли рука объ руку“, были согласны во всѣхъ существенныхъ чертахъ ихъ міросозерцанія и явились энергическими проповѣдниками соціалистическихъ идей. Правда, цензурныя условія были таковы, что эти идеи они почти вовсе не могли развивать въ печати, но тѣмъ усерднѣе они отводили душу — Бѣлинскій въ краснорѣчивыхъ письмахъ къ пріятелямъ, Герценъ — преимущественно въ своемъ дневникѣ, составляющемъ замѣчательный памятникъ этихъ, такъ сказать, учебныхъ годовъ русскаго соціализма, и, наконецъ, оба они въ оживленныхъ бесѣдахъ съ друзьями и знакомыми. И Герценъ, и Бѣлинскій продолжали усердно трудиться надъ окончательною выработкою опредѣленнаго міросозерцанія. За-

---

[1]) *Р. В. Ивановъ-Разумникъ.* „Драмы Герцена“. „Русское Богатство“. 1912 г. № 3. Біографію Герцена см. въ книгѣ Вѣтринскаго.

[2]) Въ письмѣ къ московскимъ друзьямъ изъ Парижа (1884 г.) Герценъ вспоминаетъ, какъ нѣкогда Бѣлинскій „строилъ русскую исторію и наши нужныя мѣста превращалъ въ необходимыя“. *Ивановъ-Разумникъ.* „Три письма Герцена“. „Современникъ“ 1912, № 4, стр. 198.

мѣтимъ, что Гончаровъ называетъ Бѣлинскаго самымъ образованнымъ послѣ Герцена человѣкомъ того времени.

Живя въ Новгородѣ, Герценъ работалъ особенно усиленно. Изъ Гегеля онъ сдѣлалъ выводы въ духѣ лѣваго гегеліанства, — не даромъ онъ называлъ ученіе Гегеля „алгеброю революціи“ [1]). Фейербахъ помогъ ему освободиться отъ послѣднихъ остатковъ мистицизма, одолѣвавшаго его въ ссылкѣ. Развитіе Бѣлинскаго шло одновременно въ томъ же направленіи. Сочувствіе сенъ-симонизму обоихъ выразилось въ горячемъ восхваленіи, въ ихъ печатныхъ статьяхъ, произведеній Жоржъ-Зандъ. Размышляя о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ, Герценъ сталъ придавать иногда большее значеніе учителю, чѣмъ ученикамъ; напротивъ, изучая произведенія фурьериста Консидерана, онъ радовался, что талантливый ученикъ отбросилъ въ сторону мелочныя подробности въ сочиненіяхъ учителя и развилъ его основныя начала [2]). Признавая иногда, что фурьеризмъ всего глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ, Герценъ старался заимствовать симпатичныя ему черты изъ обоихъ ученій. Эти черты можно свести къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: измѣненіе права собственности установленіемъ общественнаго управленія недвижимою собственностью и капиталами [3]), артельная или коммунальная жизнь, организація работъ и вознагражденія за нихъ. Онъ признавалъ, что фурьеристы совершенно правы, обличая современную промышленность, которая, „какъ сифилисъ, заражаетъ нравы“. Но оберегая свободу личности, Герценъ находилъ стѣснительнымъ обязательный, по его мнѣнію, отчасти казарменный строй фаланстера. Нѣкоторыя сомнѣнія относительно фурьеристовъ возбуждали въ Герценѣ ихъ идеи объ общественномъ воспитаніи, но онъ призналъ, что въ общинной жизни,

---

[1]) Это выраженіе, быть-можетъ, навѣяно чтеніемъ книги Балланша, который говорилъ о „божественной алгебрѣ Моисея“. „Oeuvres“ de *Ballanche*. T. III. „Essais de palingénésie sociale“. P. 1830, p. 76.

[2]) Сочиненіе Консидерана („La destinée sociale“, 1834), отмѣтилъ Герценъ въ своемъ дневникѣ 1 іюня 1844 г.,—„несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и по исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходенъ, становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностью“.

[3]) «Не совершенное уничтоженіе личной собственности, а такая инвеституpa обществомъ, которая государству даетъ право общихъ направленій“ («Дневникъ», февраль 1843 г.). „Собственность — гнусная вещь“, писалъ Герценъ нѣсколько позднѣе,—„сверхъ всего несправедливаго, она безнравственна и, какъ тяжелая гиря, гнететъ человѣка внизъ; она развращаетъ человѣка, и онъ становится на одной доскѣ съ дикимъ звѣремъ, когда корысть сбрасываетъ его съ пьедестала историческаго Standpunkt'а“ (августъ 1844 г.). Вскорѣ послѣ того онъ называетъ „прекраснымъ произведеніемъ“ сочиненіе Прудона, „О собственности“ и отмѣчаетъ, что авторъ доказываетъ въ немъ невозможность, преступность, нелѣпость права собственности и необходимость владѣнія“ (декабрь 1844 г.).

развитой на широкихъ началахъ, женщина будетъ болѣе причастна общимъ интересамъ. Замѣчательно, что Бѣлинскій, для котораго усовершенствованіе общественныхъ отношеній, несмотря на проникновеніе его „идеею соціализма“, неразрывно связывалось съ развитіемъ личности, по свидѣтельству Достоевскаго, гораздо болѣе, чѣмъ Герценъ, былъ убѣжденъ въ томъ, что „соціализмъ не только не разрушаетъ свободы личности, а, напротивъ, возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ основаніяхъ“. Эти оттѣнки въ мнѣніи друзей сказались тогда въ отношеніи къ главнѣйшей основѣ земельнаго строя нашихъ крестьянъ. Когда, въ 1843 г., Гакстгаузенъ бесѣдовалъ о нашей земельной общинѣ съ Герценомъ, онъ, такой горячій защитникъ ея впослѣдствіи [1]), отнесся къ ней сдержанно и съ нѣкоторыми сомнѣніями, отчасти вслѣдствіе разногласій по другимъ вопросамъ съ защитниками общинъ — славянофилами, отчасти вслѣдствіе того, что онъ неправильно связывалъ ея существованіе съ крѣпостнымъ правомъ. Напротивъ, Бѣлинскій взглянулъ на общину слишкомъ оптимистично, считая ее вполнѣ надежною гарантіею отъ развитія пролетаріата, отрицая и въ печатныхъ статьяхъ возможность его у насъ, а въ разговорѣ съ Грановскимъ высказалъ мысль, что Россія лучше сумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ капиталами и собственностью, чѣмъ Западная Европа. Впослѣдствіи Герценъ также утверждаетъ, что, благодаря земельной общинѣ, сельскій пролетаріатъ у насъ — вещь невозможная. Одною изъ симпатичныхъ чертъ общиннаго строя было для него то, что въ общинѣ земля не переходитъ по наслѣдству въ собственность семьи. Тутъ преобладающее требованіе сенъ-симонизма было осуществлено въ области аграрныхъ отношеній.

Оба друга одинаково отрицательно относились къ западноевропейской буржуазіи, одинаково горячо защищали интересы пролетаріата. Бѣлинскій въ знаменитой статьѣ (1844 г.) о „Парижскихъ Тайнахъ“ Евгенія Сю высказалъ горячее сочувствіе пролетаріату и отвращеніе къ властвующей буржуазіи [2]). Понятно, что, ѣдучи въ Парижъ (въ 1847 г.), Бѣлинскій ожидалъ встрѣтить тамъ „конституці-

---

[1]) См. въ статьѣ *Н. С. Русанова* „Западный соціализмъ и русскій соціализмъ Герцена“. „Русск. Богатство“ 1909 г. № 8, стр. 61—73.

[2]) „Французскій пролетарій, — говоритъ Бѣлинскій, — передъ закономъ равенъ самымъ богатымъ собственникамъ (propriétaires) и капиталистамъ, — тотъ и другой судится одинакимъ судомъ и по винѣ наказывается одинакимъ наказаніемъ; но бѣда въ томъ, что отъ этого равенства пролетарію ничуть не легче. Вѣчный работникъ собственника и капиталиста, пролетарій весь въ его рукахъ, весь его рабъ, ибо тотъ даетъ ему работу и произвольно назначаетъ за нее плату. Этой платы бѣдному рабочему не всегда станетъ на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственникъ беретъ 99% на 100... Хорошо равенство!“

онныхъ подлецовъ". Герценъ въ напечатанныхъ въ томъ же году въ „Современникѣ" „Письмахъ изъ Avenue Marigny" дѣлаетъ язвительную характеристику „буржуа, пропріетера, лавочника, рантье и всего Парижа, за цензъ стоящаго" (по конституціи 1830 г. во Франціи пользовались правомъ голоса лишь 200.000 чел.), и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ о людяхъ, „за цензомъ стоящихъ", т.-е. не пользующихся политическими правами.

Въ Германіи, говоритъ Герценъ о буржуазіи, это сословіе „какъ то смиренно, мелко и изъ рукъ вонъ смѣшно"; во Франціи „оно дерзко и высокомѣрно, корчитъ аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ"... Оно „было минутно хорошо, какъ отрицаніе, какъ переходъ, какъ противуположность, какъ отстаиваніе себя. Его силъ стало на борьбу и на побѣду, но сладить съ побѣдою оно не могло. Не такъ воспитано". При самомъ началѣ французской революціи „вы уже встрѣчаете во Франціи классъ людей, который при общей потерѣ пріобрѣтаетъ: дворянство лишается правъ, — они усугубляютъ свои; народъ умираетъ съ голоду, — они сыты; республика безъ денегъ, продаетъ земли, — они ихъ скупаютъ; народъ вооружается и идетъ громить враговъ, — они поставляютъ сукна, провіантъ" [1])...

Письма изъ Avenue Marigny не понравились Грановскому и В. П. Боткину. Грановскій признавалъ европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, но, при своемъ умѣренномъ либерализмѣ, смотрѣлъ на него какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ниоткуда (очевидно, имѣя въ виду презрительное отношеніе соціалистовъ къ либераламъ). „Соціализмъ, — говорилъ онъ, — чрезвычайно вреденъ

---

[1]) Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Буржуази, какъ только стало на ту высоту, которую ему приготовила революція 1830 г..., забыло свое прошедшее..., забыло даже національную честь и свои права, о которыхъ столько разглагольствовало во время реставраціи... Еще во время реставраціи буржуа не все продали внутри души своей, тогда ихъ еще уважали; но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ интересы ихъ можно размѣнять на звонкую монету, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь превратилась для нихъ въ средство чеканить деньги, народъ возненавидѣлъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нимъ стоитъ". „Современникъ" 1847 г. т. V, стр. 172—175, т. VI (№ 11), стр. 130—131. „Письма изъ Avenue Marigny" съ нѣсколькими позднѣйшими письмами были выпущены Герценомъ въ свѣтъ, подъ общимъ заглавіемъ „Писемъ изъ Франціи и Италіи" и подъ нимъ же перепечатаны, какъ въ заграничномъ изданіи „Сочиненій Герцена", т. IV, Женева, 1878, такъ и въ русскихъ изданіяхъ Павленкова и Лемке. Цитированныя мѣста находятся въ заграничномъ изданіи на страницахъ: т. IV, 150—153 и 190; въ изд. „Сочиненій и писемъ Герцена" подъ ред. Лемке (Петроградъ, 1915), т. V, стр. 132—133 и 166 (въ загр. изд. въ измѣненной редакціи).

тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя и ее подрываетъ". Но свѣдѣнія Грановскаго по этому вопросу были не вполнѣ точны. Сенъ-симонисты еще во время революціи 1830 г. были не противъ захвата власти для осуществленія своихъ идей. Базаръ лично отправился въ ратушу къ Лафайету, съ которымъ когда-то вмѣстѣ участвовалъ въ тайномъ обществѣ французскихъ карбонаріевъ, и предложилъ ему временно захватить диктатуру и созвать учредительное собраніе для выбора правительства. Сенъ-симонисты надѣялись посредствомъ дѣятельной пропаганды пріобрѣсти себѣ значительное количество единомышленниковъ, быть можетъ, даже большинство въ будущемъ собраніи. Но Лафайетъ не согласился на объявленіе диктатуры. Добавлю, что очень скоро послѣ напечатанія писемъ изъ Avenue Marigny, послѣ февральской революціи 1848 г., фурьеристъ Консидеранъ собственнымъ примѣромъ, какъ депутатъ національнаго собранія, доказалъ необходимость участія въ политической борьбѣ.

Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину (въ дек. 1847 г.) вступился за статьи Герцена. „Эти письма,— говоритъ онъ,— особенно послѣднее, писались при мнѣ, на моихъ глазахъ, вслѣдствіе тѣхъ ежедневныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ краснѣли и потупляли голову честные французы, да и мошенники-то мигали не безъ замѣшательства... Владычество капиталистовъ покрыло современную Францію вѣчнымъ позоромъ... и породило оргію промышленности. Все въ немъ мелко, ничтожно, противорѣчиво... Взгляни на литературу — что это такое? Все, въ чемъ блещутъ искры жизни и таланта, все это принадлежитъ къ оппозиціи—не къ паршивой парламентской оппозиціи..., а къ той оппозиціи, для которой bourgeoisie — сифилитическая рана на тѣлѣ Франціи. Много глупостей въ ея анаѳемахъ на bourgeoisie, — но зато только въ этихъ анаѳемахъ и проявляется жизнь и талантъ... Герценъ и въ своихъ письмахъ остается, какъ и во всемъ, что ни писалъ онъ, человѣкомъ съ талантомъ, и читать его письма — наслажденіе даже и для тѣхъ, кто замѣчаетъ въ нихъ преувеличеніе или не совсѣмъ согласенъ съ авторомъ во взглядѣ". Указавъ на недостаточную опредѣленность термина буржуазіи, Бѣлинскій продолжаетъ: „Ея ошибка была сначала въ томъ, что она подумала, что народъ съ правами можетъ быть сытъ и безъ хлѣба; теперь она сознательно ассервировала народъ голодомъ и капиталомъ... Горе государству, которое въ рукахъ капиталистовъ: это люди безъ патріотизма... Торгашъ не можетъ имѣть интересовъ, не относящихся къ его карману. Для него деньги не средство, а цѣль..., онъ свирѣпѣе звѣря, неумолимѣе смерти, онъ пользуется всѣми средствами, дѣтей заставляетъ гибнуть въ работѣ на себя, прижимаетъ пролетарія страхомъ голодной смерти...,

снимаетъ за долгъ рубище съ нищаго, пользуется развратомъ, служитъ ему и богатѣетъ отъ бѣдняковъ“ [1]).

У обоихъ друзей — Бѣлинскаго и Герцена — отрицательное отношеніе къ тогдашнему конституціонному строю, при которомъ господство принадлежало дворянству и буржуазіи, вовсе не связывалось съ отрицаніемъ необходимости измѣненія политическаго строя вообще, необходимости политическихъ переворотовъ. Въ этомъ отношеніи Бѣлинскій съ самаго начала сороковыхъ годовъ сталъ высказываться весьма рѣшительно и опредѣленно. Такъ еще въ 1841 г., выслушавъ чтеніе въ одномъ кружкѣ о французской революціи, онъ сказалъ: „Намъ надо пройти сквозь терроръ, чтобы сдѣлаться людьми въ полномъ и благородномъ смыслѣ этого слова“. Достоевскій называетъ Бѣлинскаго страстнымъ соціалистомъ, а по отношенію къ Европѣ и революціонеромъ. Но изъ только что приведенныхъ словъ ясно видно, что онъ желалъ революціи и въ Россіи; Гончаровъ называетъ Бѣлинскаго трибуномъ, Герценъ — бойцомъ-проповѣдникомъ. Нечего удивляться, что при такомъ міросозерцаніи Бѣлинскаго, осужденнаго судьбою работать въ Россіи въ жестокое николаевское время, его такъ быстро сжегъ внутренній огонь. Приведенные отрывки дѣлаютъ понятнымъ и тотъ зубовный скрежетъ, съ которымъ Дубельтъ вспоминалъ о Бѣлинскомъ послѣ его смерти: „Мы бы сгноили его въ крѣпости“, сказалъ этотъ достойный сподвижникъ Бенкендорфа и гр. А. Орлова, когда при разсмотрѣніи дѣла петрашевцевъ обнаружилось, какъ усердно они пропагандировали письмо знаменитаго критика къ Гоголю, несомнѣнно, сыгравшее значительную роль въ развитіи общественнаго міросозерцанія нашей интеллигенціи.

Бѣлинскій дожилъ до февральской революціи 1848 г. во Франціи, но, къ счастію для него, умеръ раньше разгрома ея въ іюньскіе дни. Извѣстно, какое подавляющее впечатлѣніе произвело это событіе на Герцена; въ печати онъ впервые выразилъ его въ газетѣ „Voix du peuple“ (которую при его матеріальной помощи издавалъ Прудонъ) въ трехъ статьяхъ о Россіи въ ноябрѣ и декабрѣ 1849 г. за подписью: „Русскій“ [2]).

---

[1]) Однако въ концѣ письма Бѣлинскій дѣлаетъ такую оговорку: „Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуази — зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ — Мишель“ (т.-е. М. А. Бакунинъ), „такъ или почти такъ думаетъ Луи Блакъ. Я съ этимъ соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса... Я знаю, что промышленность — источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же — источникъ и великихъ благъ для общества“. *Бѣлинскій*. „Письма“ подъ ред. и съ прим. Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914, т. III, стр. 326—329, 331.

[2]) Здѣсь онъ высказываетъ мысль, что политическіе демократы испугались соціалистическихъ демократовъ, и потому революція сломилась. Примиреніе невоз-

Еще ранѣе появленія въ печати этой статьи свой ужасъ по поводу событій во Франціи въ іюньскіе дни 1848 г. Герценъ высказалъ въ письмѣ къ московскимъ друзьямъ отъ 6 сентября 1848 г. [1]) Изъ своихъ наблюденій онъ дѣлаетъ два главныхъ вывода: „Что республика, въ которой остался монархическій принципъ въ нравахъ, въ законахъ, *благопристойнѣе* монархіи, а въ сущности нисколько не лучше“... Второе зло, уничтожающее Европу и при существованіи котораго можно отложить всякую мысль о прогрессѣ и разумномъ государствѣ — это *постоянныя войска*, которыя „убійственны для права, разорительны для финансовъ и не нужны для защиты“, такъ какъ здѣсь изъ мальчишекъ дѣлали войско (mobile) въ три недѣли. Во Франціи, въ Піемонтѣ, каждый человѣкъ—солдатъ, когда надобно... Уничтоженіе постоянныхъ войскъ, всей солдатчины, point d'honneur'a военнаго, казармизма, бонапартизма rechauffé—должно быть знаменемъ всякаго человѣка, желающаго добра“. Въ письмѣ отъ 5 ноября 1848 г. Герценъ говоритъ: „Мы присутствуемъ при великой драмѣ... Драма эта не болѣе и не менѣе, какъ разложеніе христіано-европейскаго міра. О возможности (не добивъ, не разрушивъ этотъ міръ) торжества демократіи и соціализма и говорить нечего“.

Въ сентябрѣ 1849 г. Герценъ, успѣвъ уѣхать изъ Парижа до произведеннаго въ его квартирѣ обыска, писалъ московскимъ друзьямъ: „Грядущая революція должна начать не только съ вѣчнаго вопроса собственности и гражданскаго устройства, а съ нравственности человѣка; въ груди каждаго она должна убить монархическій и христіанскій принципъ... Конецъ“ (исключительно) „политическихъ революцій и восхожденіе новаго міросозерцанія—вотъ что мы должны проповѣдывать. Но для этого... надобно оторваться не на словахъ, не въ

можно: или старая Европа падетъ подъ ударами соціализма, какъ палъ Римъ подъ натискомъ христіанства, или же она побѣдитъ его и уцѣлѣетъ со своей рутиной вмѣсто идей и дряхлостью вмѣсто энергіи и, какъ новая Византія, будетъ влачить апатичное существованіе, предоставивъ развитіе, будущность, жизнь другимъ народамъ и странамъ; или, наконецъ, воцарится надолго хаосъ непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Онъ утверждаетъ, что Европа никогда не освободится иначе, какъ черезъ освобожденіе Россіи, которая, угнетенная абсолютизмомъ императорской власти, тѣмъ не менѣе идетъ навстрѣчу соціализму, какъ древніе германцы шли навстрѣчу христіанству, и по поводу книги Гастгаузена говоритъ о русской общинѣ, хотя еще не рѣшается сказать, что въ ней ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса для всѣхъ народовъ. Эта статья въ 1850 г. была напечатана Герценомъ по-нѣмецки въ его книгѣ „Vom andern Ufer“, а по-русски и въ подлинникѣ (по французски) вошла въ V т. „Полнаго собр. Сочиненій“ Герцена, подъ ред. М. К. Лемке, Петроградъ 1915.

[1]) Онъ указываетъ на то, что въ числѣ высланныхъ былъ юноша 18 лѣтъ потому только, что у него нашли мнѣнія „слишкомъ передовыя“, 20-лѣтняя дѣвушка—„слишкомъ экзальтированная“. Возмущается онъ и дѣйствіями военно-судныхъ комиссій. См. *Герценъ*, „Полное Соб. Соч.“ подъ ред. Лемке т. V, стр. 233, цитируемое ниже письмо тамъ же стр. 243.

минуту негодованія, а спокойно и обдуманно отъ падающаго міра". Съ такой постановкой вопроса оказывались солидарными немногіе политическіе дѣятели и писатели Западной Европы. „Вы въ правѣ спросить,—продолжаетъ Герценъ,—кто же съ нами на одномъ берегу?" и называетъ Прудона („имя, стоящее сотни"), Готшальк („высшій представитель соціализма въ Германіи"), Бланки, Пьера Леру, Консидерана; въ Германіи—„многихъ людей, образованныхъ воззрѣніемъ Фейербаха", и нѣсколько итальянцевъ [1]).

Послѣ 1848 г. въ Россіи наступила пора такой мрачной реакціи, что о проведеніи соціалистическихъ идей въ печати невозможно было и думать; но еще ранѣе этого въ Петербургѣ началась энергичная пропаганда фурьеризма Петрашевскимъ, а затѣмъ и нѣкоторыми другими юными фурьеристами. По словамъ Герцена, „фурьеризмъ больше, чѣмъ сенъ-симонизмъ, подходилъ къ петербургской учащейся молодежи. Фурьеризмъ, который требовалъ немедленнаго осуществленія и хотѣлъ практическаго примѣненія..., который скрывалъ свою поэзію подъ именемъ промышленности и свою любовь къ свободѣ подъ проповѣдью рабочихъ артелей" (т.-е. трудовыхъ ассоціацій)—„этотъ фурьеризмъ долженъ былъ найти откликъ въ Петербургѣ".

Пріѣхавъ въ 1843 году изъ-заграницы въ Петербургъ, П. В. Анненковъ, довольно извѣстный впослѣдствіи критикъ, замѣтилъ въ русской интеллигенціи живой интересъ къ французской соціалистической литературѣ: система Фурье, „Икарія". Кабе, книга Прудона о собственности—„все это служило", по его словамъ, „предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ..., подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе... и своихъ мучениковъ".

---

[1]) „Полное Собр. Соч." *Герцена*, изд. подъ ред. Лемке, т. V, стр. 288.

ЧАСТЬ I.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

ГЛАВА I.

Отецъ Петрашевскаго. — Воспитаніе въ Царскосельскомъ лицеѣ. — Поступленіе на службу. — Петрашевскій — вольнослушатель въ университетѣ. — „Мои афоризмы“ Петрашевскаго. — „Запасъ общеполезнаго“. — Попытка вступить на педагогическое поприще. — Полицейскій надзоръ.

Непосредственнымъ идейнымъ преемникомъ Герцена и Бѣлинскаго является М. В. Буташевичъ-Петрашевскій съ его горячимъ увлеченіемъ фурьеризмомъ, съ его сочувствіемъ республиканскому строю, съ его признаніемъ необходимости широкой пропаганды для подготовки коренного измѣненія политическаго и общественнаго строя Россіи,—съ тою только разницею, что и личныя способности, и неблагопріятныя цензурныя условія дали перевѣсъ въ его дѣятельности устной пропагандѣ надъ печатною.

Отецъ Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго, Василій Михайловичъ, родился въ 1787 г. Въ 1806 г. изъ „студентовъ богословія“ полтавской духовной семинаріи онъ перешелъ въ число казенно-коштныхъ воспитанниковъ медико-хирургической академіи и, еще будучи студентомъ академіи, сталъ исполнять обязанности помощника прозектора. Ревностныя занятія его анатоміею и успѣшное изготовленіе препаратовъ обратили на него особенное вниманіе академической конференціи, и по ея докладу въ 1809 г. императоръ Александръ I наградилъ молодого анатома золотыми часами. Въ томъ же году В. М. Петрашевскій окончилъ курсъ академіи съ званіемъ лекаря и съ серебряною медалью. Оставленный при академіи, онъ продолжалъ нести обязанности прозектора и въ то время былъ ординаторомъ сухопутнаго госпиталя, гдѣ практически занимался хирургіею [1]). Въ декабрѣ 1810 г., получивъ званіе медико-хирурга, Петрашевскій началъ нести тяжелую службу лекаря при разныхъ полкахъ. Въ 1811 г. онъ находился по обязанностямъ службы въ Молдавіи, въ апрѣлѣ 1812 г. былъ опредѣленъ главнымъ хирургомъ 2-ой западной арміи, а въ началѣ сентября назначенъ главнымъ докторомъ при

[1]) В. М. Петрашевскій изобрѣлъ двѣ машины: одну—для вытягиванія вывихнутыхъ суставовъ пальцевъ, другую — для прижатія вѣнечной артеріи при невозможности ее перевязать, изъ которыхъ первая была признана особенно полезной.

гр. Милорадовичѣ по авангарду и арьергарду и находился при полку во время Бородинскаго и многихъ другихъ сраженій. Онъ завѣдывалъ медицинскою частью по всему лѣвому флангу арміи, наблюдалъ за дѣйствіями докторовъ при операціяхъ и перевязкахъ и самъ производилъ операціи, распоряжался отправкою раненыхъ въ подвижные госпитали, а въ 1813—14 гг., во время заграничнаго похода, находился при русскомъ войскѣ во время многихъ кровопролитныхъ сраженій [1]).

Въ 1816 г. В. М. Петрашевскій былъ штабъ-лекаремъ финляндскаго полка въ С. Петербургѣ; затѣмъ главнымъ докторомъ по гвардейскому отряду и по госпиталю въ Москвѣ въ 1817—18 гг. [2]) Въ 1819 г. онъ былъ назначенъ петербургскимъ штадтъ-физикомъ и инспекторомъ лазаретовъ въ Петербургѣ и Петербурской губерніи, а также главнымъ докторомъ при заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1821 г. медико-хирургическая академія признала В. М. Петрашевскаго безъ экзамена докторомъ медицины и хирургіи 14 декабря 1825 г. онъ былъ приглашенъ, какъ врачъ, къ смертельно раненому на Сенатской площади гр. Милорадовичу, съ которымъ былъ очень друженъ и на котораго имѣлъ вліяніе, ходатайствуя передъ нимъ за нѣкоторыхъ просителей [3]). Въ 1830 г. Петрашевскій занимался устройствомъ холерныхъ больницъ, въ 1839 г. уволенъ отъ должности штадтъ-физика и съ 1841 г. состоялъ по особымъ порученіямъ при главномъ инспекторѣ медицинской части, баронетѣ Вилліе. Умеръ онъ 29 мая 1845 г. [4]).

Сынъ Василія Михайловича, Михаилъ Васильевичъ, родился 1 ноября 1821 г. [5]). Въ 1832 г. онъ поступилъ своекоштнымъ воспи-

[1]) Въ 1816 г. у В. М. Петрашевскаго былъ собственный домъ въ мѣстечкѣ Лютеньки Гадячскаго повѣта Полтавской губ. и свои крѣпостные, какъ видно изъ жалобы о побѣгѣ его дворового мальчика. Общ. Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Общ. Канц. М-ва Полиціи, 1816, № 96.

[2]) См. прошеніе В. М. Петрашевскаго государю въ апрѣлѣ 1841 г., сообщенное мнѣ его дочерью А. В. Семевскою.

[3]) „Сборникъ Ист. Мат., извлеч. изъ Арх. Собств. Его Вел. Канцеляріи". т. XI, стр. 344—345. Госуд. Арх., I В., № 335, л. 73; „Русск. Стар", 1889 г., № 5. стр. 476.

[4]) Прибавка: „Буташевичъ" къ его прежней фамиліи „Петрашевскій" была утверждена уже послѣ его смерти (сообщено мнѣ Влад. Петр. Деморомъ).—Женатъ онъ былъ на Феодорѣ Дмитріевнѣ Фалѣевой и по его словамъ „черезъ супружество обезпечилъ себя". Феодора Дмитріевна надолго пережила своего мужа и умерла на 65 году жизни 7 февр. 1867 г., черезъ два мѣсяца послѣ смерти сына. См. „Русскій Біографич. Словарь", изд. Имп. Русск. Историч. Общества, СПБ. 1902 статью о В. М. Петрашевскомъ „Петербургскій Петрополь", изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. III, 395. Ея отецъ Дмитрій Федоровичъ (1750—1827) и братъ Ив. Дм. похоронены въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ. См. „Московскій Некрополь", изд. вел. кн. Николая Михайловича, III, 251.—Ея отецъ былъ московскимъ городскимъ головою въ 1805 г. См. Кизеветтеръ „Гильдіи московскаго купечества", М. 1915, стр. 216.

[5]) Онъ считался крестникомъ имп. Александра I, замѣстителемъ котораго на крестинахъ былъ гр. Милорадовичъ. По словамъ Влад. Петр. Демора, баронетъ

танниковъ [1]) въ лицей, который находился тогда въ Царскомъ Селѣ, числился съ 1822 г. въ военномъ вѣдомствѣ и состоялъ подъ главнымъ начальствомъ вел. кн. Михаила Павловича. Ученики дѣлились въ то время на два возраста, съ шестилѣтнимъ пребываніемъ въ этомъ заведеніи, но въ 1835 г. введено было дѣленіе на 4 класса, изъ которыхъ въ каждомъ воспитанники учились по полтора года; число ихъ было съ 50 увеличено до 100, и строго замкнутая жизнь лицеистовъ была ослаблена разрѣшеніемъ домовыхъ отпусковъ на Рождество и Пасху, а затѣмъ и проведеніемъ Царско-Сельской желѣзной дороги, которая была открыта въ 1837 г.

Директоромъ лицея въ это время былъ генералъ Гольтгоеръ, о которомъ прежній директоръ лицея Энгельгардтъ писалъ, что онъ „о воспитаніи имѣетъ столько же понятія, какъ о кавалерійскомъ маневрѣ“. Онъ „всю жизнь свою провелъ“ при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и „педагогіи научался въ Дворянскомъ полку“ (впослѣдствіи Константиновское военное училище). Хуже всего то, что онъ ввелъ въ лицеѣ тѣлесныя наказанія, часто при немъ примѣнявшіяся, несмотря на то, что въ положеніи о лицеѣ о нихъ вовсе не упоминалось, а циркулярами министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго (1811 и 1814 гг.) они были даже прямо запрещены. Гольтгоеръ и назначенъ былъ директоромъ лицея въ 1824 г. съ тою цѣлью, чтобы подтянуть въ немъ дисциплину; есть, впрочемъ, указанія, что съ годами его усердіе въ этомъ отношеніи нѣсколько охладѣло. Лицеисты его не любили: это видно, напр., изъ того, что они не пригласили его на спектакль въ лицеѣ въ 1840 г. Инспекторъ Оболенскій, преподававшій нравственную философію и затѣмъ психологію, былъ, по словамъ Энгельгардта, „низкій фарисей“, основавшій „все воспитаніе на постыдной системѣ подслушиванія за дверьми, на изловленіи и кражѣ записочекъ по ящикамъ“. Онъ даже пріучалъ воспитанниковъ дѣлать тайные доносы на товарищей; понятно, что его ненавидѣли. Гувернеры въ низшихъ классахъ были плохи, въ старшихъ гораздо лучше.

Изъ профессоровъ наибольшимъ расположеніемъ учениковъ пользовался, и какъ человѣкъ, и какъ талантливый учитель, П. П. Шульгинъ, преподававшій статистику и географію. Напротивъ, преподаватель всеобщей исторіи Кайдановъ уже совершенно въ это время выстарился и держался своихъ учебниковъ, оканчивая курсъ воцареніемъ Людовика XVI и умалчивая о французской революціи. П. Е. Георгіевскій, читавшій русскую словесность, піитику, риторику и проч. (а также и латинскую словесность), былъ до мозга костей

Виллié, любимымъ ученикомъ котораго былъ В. М. Петрашевскій, далъ на зубокъ его сыну крупную сумму; были подарки и отъ Милорадовича.

[1]) Съ платою по 2000 р. асс. въ годъ.

пропитанъ семинарской схоластикою и не шелъ далѣе нашихъ классиковъ XVIII вѣка, свысока относясь къ Пушкину и вовсе не зная уже вышедшихъ въ свѣтъ первыхъ произведеній Гоголя. Точно также „профессоръ" французской литературы Жилле игнорировалъ В. Гюго и писателей романтической школы; за то профессоръ нѣмецкой литературы де Олива, горячій поклонникъ Шиллера, Гете и Лессинга, умѣлъ возбудить любовь къ произведеніямъ этихъ писателей въ нѣкоторыхъ своихъ ученикахъ.

Исторія римскаго и русскаго права очень сухо преподавалась до 1837 г. человѣкомъ, хорошо знавшимъ свой предметъ,— барономъ Врангелемъ. Его замѣнилъ Я. И. Баршевъ, вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы (гдѣ онъ въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіе 6 семестровъ прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ у Савиньи, Эйхгорна и др., исторіи у Раумера и Ранке), но онъ излагалъ теорію уголовнаго права мертвенно, монотонно. Напротивъ, одновременно съ нимъ занявшій каѳедру политической экономіи и статистики профессоръ Игн. Ак. Ивановскій въ то время живо читалъ лекціи, указывалъ и на спеціальныя сочиненія, иногда приносилъ книги для своихъ слушателей, а также бесѣдовалъ съ ними и во внѣклассное время. Неудовлетворительное преподаваніе многихъ предметовъ не безъ большого затрудненія могло пополняться чтеніемъ: въ низшихъ классахъ чтеніе постороннихъ ученію книгъ было совсѣмъ запрещено, а старшимъ ученикамъ было очень трудно добиться ихъ изъ лицейской библіотеки отъ завѣдывавшаго ею инспектора. Къ счастью, разрѣшено было подписаться въ складчину въ одной частной библіотекѣ и выписывать журналъ Сенковскаго „Библіотека для чтенія". Но большое вліяніе имѣлъ на пробужденіе любви къ литературѣ царившій въ лицеѣ культъ Пушкина, и многіе лицеисты писали стихи. Во время пребыванія Петрашевскаго въ лицеѣ его товарищами издавался рукописный ежемѣсячный литературный журналъ, гдѣ помѣщались стихи, повѣсти, оригинальныя и переводныя, критическія статьи, лицейская хроника. Трагическая смерть Пушкина произвела на лицеистовъ потрясающее впечатлѣніе, и геніальное стихотвореніе Лермонтова на его смерть многими читалось наизусть.

Петрашевскій почти вовсе не сближался съ товарищами. Одинъ изъ нихъ, Яхонтовъ, учившійся съ нимъ на младшемъ курсѣ, говоритъ, что Петрашевскій „выкидывалъ иногда неожиданныя, эксцентрическія штуки... не выказывалъ ни особенныхъ способностей, ни оригинальности ума... Онъ часто поражалъ непослѣдовательностью, нелогичностью своихъ словъ и поступковъ..., ни съ кѣмъ не дружился и вообще не былъ любимъ товарищами" [1]). Другой товарищъ Петрашев-

[1]) *Д. Ѳ. Кобеко* „Имп. царскосельскій лицей. Наставники и питомцы". СПБ. 1911 г., стр. 302; „Памятная книжка лицея" на 1898—99 г.; стр. 180; *Яхонтовъ* „Воспоминанія

скаго по лицею, впослѣдствіи писатель, Вл. Раф. Зотовъ, въ воспоминаніяхъ котораго [1]) есть, впрочемъ, значительныя неточности, говоритъ о немъ уже въ болѣе старшіе его годы. По словамъ Зотова, Петрашевскій въ 15 лѣтъ былъ отмѣченъ гувернерами, какъ воспитанникъ „крайне строптиваго характера и либеральнаго образа мыслей". Учился онъ тогда хорошо [2]), „но держалъ себя какъ-то странно, даже по отношенію къ товарищамъ. Угрюмый, неразговорчивый, сосредоточенный въ себѣ, онъ почти ни съ кѣмъ не сближался и внѣклассное время проводилъ не въ бесѣдахъ или играхъ, а уединялся въ рекреаціонной залѣ или въ саду съ книгой въ рукахъ. Столкновенія съ лицейскимъ начальствомъ, къ которому онъ относился весьма недружелюбно и непочтительно, сдѣлались, наконецъ, часты и рѣзки" [3]). По словамъ М. Е. Салтыкова въ его показаніи во время слѣдствія по дѣлу Петрашевскаго, онъ „былъ нелюбимъ своими товарищами" и „большую часть свободнаго времени проводилъ въ низшихъ классахъ".

Въ прекрасной статьѣ Герцена о Петрашевскомъ, написанной въ 1851 г. по-французски для извѣстнаго историка Мишле и лишь недавно появившейся въ печати, [4]) авторъ говоритъ, что Петрашевскій курилъ только въ лицеѣ, потому что тамъ это было запрещено. „Шалостями онъ далеко превосходилъ своихъ товарищей, зараженныхъ аристократическою спесью [5]) и дѣтскими понятіями о приличіяхъ; вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, и особенно нѣмцы, прекратили съ нимъ вся-

---

лицеиста",„Русск. Стар." 1888 г., № 10, стр. 107. Въ низшемъ классѣ Петрашевскій остался на второе полуторагодіе.

[1]) См. „Историч. Вѣстникъ" 1890 г., т. 40, № 6, стр. 536–537.

[2]) Третій товарищъ Петрашевскаго по лицею, К. С. Веселовскій, свидѣтельствуетъ объ его „несомнѣнно хорошихъ способностяхъ и живости ума". „Русск. Ст.", 1900 г., № 9, стр. 459.

[3]) Однако, по словамъ того же Зотова, Петрашевскій дружилъ съ М. Н. Лонгиновымъ, веселымъ, живымъ и добродушнымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ библіографомъ, авторомъ стихотвореній „не для дамъ" и до сихъ поръ неустарѣвшей книги о Новиковѣ и московскихъ мартинистахъ, а позднѣе сдѣлавшимся свирѣпымъ начальникомъ по дѣламъ печати. См. „Истор. Вѣстн.", 1890, № 6, стр. 537—539.

[4]) Въ „Revue bleue 1908. См. *Герценъ*" Полное собр. соч.," подъ ред. М. К. Лемке, Петроградъ, 1917 т. VI, стр. 489.

[5]) Въ числѣ товарищей Петрашевскаго по курсу были Рейтернъ и баронъ Николаи (впослѣдствіи министры), кн. Н. М. Голицынъ, гр. Сиверсъ, А. В. Головнинъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія). Изъ одной рукописной замѣтки Петрашевскаго видно, что онъ поддерживалъ съ Головнинымъ сношенія еще въ концѣ 1841 г., черезъ два года по окончаніи курса въ лицеѣ. Большинство другихъ товарищей достигло также высокаго служебнаго положенія. Во время пребыванія государя въ Царскомъ Селѣ лицеисты наравнѣ съ пажами назначались дежурными при дворѣ и приглашались на танцовальные вечера и спектакли, но Петрашевскому, при его дурномъ поведеніи, вѣроятно, не случалось удостоиться чести подержать мантилью какой либо изъ великихъ княженъ.

кія товарищескія отношенія. Петрашевскій ни въ чемъ не признавалъ золотой середины, столь свойственной нѣмецкому характеру, и когда дѣло шло о какомъ-нибудь заговорѣ, затѣянномъ учениками, чтобы проучить гувернера, онъ тотчасъ предлагалъ свои услуги даже товарищамъ, враждебно къ нему относившимся, бралъ на себя все выполненіе мщенія", а отъ нихъ требовалъ только обѣщанія не выдавать его. „Но затѣмъ онъ обыкновенно превосходилъ желанія своихъ соратниковъ и подвергался ихъ упрекамъ за то, что навлекъ на всѣхъ ихъ порицаніе за отступленіе отъ царившаго въ лицеѣ корпоративнаго духа". К. С. Веселовскій разсказываетъ о томъ, какъ Петрашевскій изводилъ одного гувернера, Коха, длинными диспутами. Кохъ былъ человѣкъ очень раздражительный, капризный и взбалмошный; лицеисты его ненавидѣли, а Петрашевскій забавлялся тѣмъ, что, заведя съ нимъ какую-нибудь бесѣду, доводилъ его своими возраженіями и софизмами до крайняго изступленія [1]). Въ одномъ документѣ III Отдѣленія Е. В. канцеляріи (1848 г.) сказано о Петрашевскомъ, что онъ „еще въ лицеѣ былъ вольнодумцемъ, за что товарищи его называли сумасшедшимъ".

Неизвѣстно, былъ ли Герценъ лично знакомъ съ Петрашевскимъ [2]), но, какъ увидимъ, онъ подробно описываетъ его наружность, характеръ и привычки; во всякомъ случаѣ видно, что онъ имѣлъ о немъ свѣдѣнія изъ хорошаго источника. Многое могъ разсказать ему о Петрашевскомъ Энгельсонъ, который учился въ лицеѣ, вышелъ изъ него, не окончивъ курса, мѣсяцевъ на 8 раньше Петрашевскаго, привлекался къ слѣдствію по его дѣлу, сдѣлался потомъ эмигрантомъ и одно время находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ.

Петрашевскій окончилъ курсъ въ 1839 г., при чемъ, — случай крайне рѣдкій, — получилъ чинъ не IX, X и даже не XII, а только XIV класса [3]). Если принять во вниманіе, что на экзаменахъ лицеисты отвѣчали по поддѣльнымъ билетамъ, что давало каждому возможность заучить лишь одинъ билетъ, то такая неудача Петрашевскаго объясняется не отсутствіемъ въ немъ способностей (Зотовъ, какъ мы видѣли,

---

[1]) „Русск. Стар." 1900 г. № 9, стр. 452; Воспоминанія Яхонтова. „Р. С." 1888 г. № 10.

[2]) Возможно, что онъ встрѣчалъ Петрашевскаго, когда въ 1846 г. хлопоталъ въ Петербургѣ о заграничномъ паспортѣ. 12 октября 1846 г. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Третьяго дня познакомился съ Герценомъ... Замѣчательный человѣкъ. Вчера обѣдали мы вмѣстѣ у Леграна. Были еще литераторы". Тутъ могъ быть и Петрашевскій. Это было вскорѣ послѣ того, какъ рѣшено было не выпускать въ свѣтъ задержанный цензурою второй выпускъ „Словаря иностранныхъ словъ", редактированный Петрашевскимъ, котораго знали многіе въ кругу писателей и могли познакомить съ Герценомъ. Герценъ настолько заинтересовался „Словаремъ", что привезъ его въ Парижъ. См. „Письма Бакунина къ Герцену". Женева, 1896, стр. 45.

[3]) Высоч. повелѣніе о выпускѣ его изъ лицея съ чиномъ коллежскаго регистратора состоялось 20 янв. 1840 г.

свидѣтельствуетъ, что онъ „учился хорошо“), а нерасположеніемъ къ нему лицейскаго начальства [1]). Въ аттестатѣ, выданномъ Петрашевскому 16 марта 1840 г., было сказано: „Оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ, нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, въ географіи, статистикѣ, исторіи, французской словесности и въ англійскомъ языкѣ весьма хорошіе; въ математикѣ, физикѣ и латинской словесности удовлетворительные, въ нѣмецкой словесности хорошіе, въ политической экономіи [2]) и русской словесности отлично хорошіе; сверхъ того обучался рисованію, фехтованію и танцованію“ [3]). По свидѣтельству Герцена, „при раздачѣ дипломовъ Петрашевскій очень удивилъ всѣхъ присутствующихъ столь мало обычнымъ въ Россіи произнесеніемъ рѣчи, въ которой самымъ серьезнымъ тономъ благодарилъ начальство заведенія за его заботу о воспитанникахъ и убѣждалъ товарищей предать забвенію всѣ прежнія несогласія. Пораженное тѣмъ, что такую благоразумную рѣчь произнесъ Петрашевскій, начальство лицея публично выразило ему сожалѣніе, что до сихъ поръ не сумѣло оцѣнить по достоинству одушевлявшія его чувства. Оно не поняло, что эта рѣчь была только фарсомъ, разыграннымъ Петрашевскимъ, чтобы смутить педагоговъ, и такъ далеко было отъ того, чтобы въ выраженіяхъ его благодарности видѣть иронію“, что „Петербургскія Вѣдомости“ ее напечатали [4]). Что эта рѣчь могла быть только ироніею, подтверждается словами Петрашевскаго, сказанными имъ какъ-то Антонелли (который сыгралъ такую подлую и губительную роль въ его дѣлѣ), что „если у него проявились теперешнія идеи и намѣренія“, то за это онъ долженъ быть благодаренъ Гольтгоеру, бывшему въ его время директоромъ лицея, который гналъ его до того, что, наконецъ,

[1]) Его поведеніе было названо въ аттестатѣ „довольно хорошимъ“, что, конечно, по офиціальной терминологіи имѣло весьма нехорошее значеніе. Въ докладѣ гр. Орлова государю о Петрашевскомъ (утвержденномъ 21 апрѣля 1849 г.) сказано: „по дерзости своего характера и по вольнодумству его, онъ былъ выпущенъ изъ лицея съ чиномъ XIV класса“.

[2]) Интересъ къ политической экономіи могъ возбудить въ Петрашевскомъ проф. Ивановскій, который, какъ уже было сказано, живо и увлекательно преподавалъ этотъ предметъ. „Изъ воспоминаній *Е. И. Ламанскаго*“. „Р. С. 1915, № 1, стр. 74.

[3]) Арх. М. И. Д., дѣла деп. хоз. и счетн. дѣлъ, IV, 1, 1840. № 6, л. 6.

[4]) A. Herzen „Pétrachevsky“. „Полное собраніе сочиненій“ Герцена подъ ред. Лемке, т. VI, стр. 490. Свѣдѣніе Герцена не точно: въ „СПб. Вѣдомостяхъ“ (1840 г., № 26 и 27) была напечатана не рѣчь, а письмо Петрашевскаго, притомъ написанное по другому случаю, а именно по поводу празднованія 4 окт. 1839 г. 50-лѣтняго юбилея службы директора лицея Гольтгоера. По замыслу Петрашевскаго его письмо въ газету было, вѣроятно, пародіею на офиціальныя описанія подобныхъ торжествъ, и у многихъ лицеистовъ оно должно было вызвать громкій смѣхъ, но посторонняя публика могла принять все это за чистую монету. Указаніе Герцена во всякомъ случаѣ даетъ истинное освѣщеніе намѣреніямъ Петрашевскаго, а внести яснѣе ироническую струнку, конечно, мѣшали цензурныя условія. Примѣры подобной, но болѣе ясной иронiи мы встрѣтимъ далѣе, когда будемъ говорить о „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“.

ожесточилъ противъ себя". Петрашевскій прибавилъ, что „старается отомщать" (вести противоправительственную пропаганду) „тѣмъ же оружіемъ,—т.-е. черезъ учителей,—какимъ и его поражали". Горькимъ сарказмомъ звучатъ слѣдующія слова Петрашевскаго въ его запискѣ, представленной 5 іюля 1849 г. слѣдственной комиссіи (въ то время Петрашевскій былъ уже въ психически-ненормальномъ состояніи): „Ваше вниманіе чего-то ищетъ около 1840 г. Вамъ, видно, за то время угодно имѣть мое profession de foi; если хотите,—оно есть и печатное въ моихъ бумагахъ. Это экспромптомъ отвѣтъ на актѣ при выходѣ изъ лицея на рѣчь протоіерея Кочетова, [1]) Дайте мнѣ растолковать значеніе этого и увидите, что тѣ же чувства тогда и теперь меня одушевляли... Слова иныя—положеніе то же во всѣхъ отношеніяхъ... Мое настоящее положеніе представляетъ мнѣ слѣдующую картину: на берегу широкой рѣки стоитъ густая толпа народа, изъ нея слышатся крики: „Поймали колдуна, поймали очарователя, планиту небесную знать хотѣлъ. Приворотныя травы найдены .. Топить его! топить его!..." Несутъ человѣка по рукамъ и ногамъ связаннаго!.. бросаютъ въ воду!.. Туманъ мнѣ застилаетъ глаза".

25 марта 1840 г. Петрашевскій поступилъ на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній Министерства Иностранныхъ дѣлъ третьимъ переводчикомъ (съ жалованьемъ 400 р. асс., или 114 р. 29 к. сер. въ годъ) [2]), и съ осени этого года воспользовался правомъ, предоставленнымъ воспитанникамъ лицея, посѣщать (по закону въ продолженіе двухъ лѣтъ), въ свободное отъ службы время, лекціи въ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя.

Тогдашніе профессора юридическаго факультета—Калмыковъ, занимавшій кафедру энциклопедіи и русскаго государственнаго права, Шнейдеръ, профессоръ римскаго права, Ивановскій, профессоръ общенароднаго (т.-е. международнаго) права и дипломатіи, Я. Баршевъ, профессоръ русскихъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, (два послѣдніе были извѣстны уже Петрашевскому по лицею), Рождественскій, читавшій законы благочинія и благоустройства, Кра-

---

[1]) Нужно замѣтить, что Кочетовъ былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, имѣвшій въ научномъ отношеніи весьма полезное вліяніе на нѣкоторыхъ воспитанниковъ. См. „Изъ воспоминаній" *Е. Тамаскаго*. „Русс. Старина", 1915, № 1, стр. 73—74.

[2]) Кромѣ принесенія присяги, Петрашевскій, какъ и всѣ другіе, долженъ былъ дать слѣдующую подписку, въ которой дѣло не обошлось безъ школьничества, выразившагося въ случайной будто бы опискѣ: „Я, нижеподписавшійся, симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи, ни внѣ ея не принадлежу и обязываюсь впредь (вмѣсто „впредь") къ онымъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть". Въ іюнѣ 1840 г. Петрашевскій былъ откомандированъ въ канцелярію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Эссена для занятій тамъ во время, свободное отъ служебныхъ обязанностей по Министерству Иностранныхъ дѣлъ.

нихфельдъ, занимавшій каѳедру законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ,—могли сообщить Петрашевскому въ своихъ лекціяхъ извѣстныя знанія по предмету ихъ преподаванія, но до нѣкоторой степени содѣйствовать развитію въ немъ опредѣленнаго міросозерцанія могъ только Викторъ Степ. Порошинъ, читавшій политическую экономію и статистику [1]). Въ офиціальной исторіи Петербургскаго университета мы находимъ такой отзывъ о немъ: „Послѣ лекцій Бутырскаго [2]), который ни словомъ не упоминалъ о существованіи соціалистической школы въ политической экономіи, чтенія Порошина показались студентамъ удивительно глубокими [3]), и вскорѣ, благодаря разнообразію своей образованности и гуманистическимъ тенденціямъ при благородствѣ характера, сдѣлался онъ, несмотря на полное отсутствіе краснорѣчія [4]), однимъ изъ самыхъ любимыхъ профессоровъ въ университетѣ и пріобрѣлъ въ немъ почти такое же значеніе, какъ Грановскій въ Московскомъ“.—„Слушатели“, отозвался о немъ Плетневъ въ университетскомъ отчетѣ за 1847 г., „привыкли приходить въ аудиторію его съ пріятнѣйшими ожиданіями и выходить оттуда съ новыми каждый разъ идеями, глубоко обдуманными и полными многоразличнаго приложенія къ общественной жизни“ [5]). Сдѣлавшись профессоромъ, Порошинъ жилъ, какъ студентъ, занимая лишь одну комнату, загроможденную книгами. И другія потребности его были болѣе чѣмъ умѣрены: онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не курилъ, не пилъ вина, не игралъ въ карты. Его лекціи годъ отъ году пріобрѣтали все большую извѣстность, аудиторія его становилась тѣсною, и еще долго его бывшіе слушатели передавали свои воспо-

---

[1]) Викторъ Степановичъ Порошинъ (1809—1868) окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ въ 1832 г. по камеральному отдѣленію со степенью кандидата философіи, съ февраля 1833 г. по май 1835 г. находился въ командировкѣ за границей для усовершенствованія въ наукахъ, въ августѣ 1835 г. назначенъ преподавателемъ политической экономіи и статистики въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ 1839 г. за диссертацію „Критическое изслѣдованіе объ основаніи статистики“ (1838 г.) получилъ степень доктора философіи и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ.—У него было родовое имѣніе въ общемъ владѣніи съ братомъ и сестрами, въ которомъ въ началѣ 1860 хъ гг. числилось: въ Брестлитовскомъ уѣздѣ, Гроднен. губ. 840 душъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ 108 д. и въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губ. 46 д. Архивъ С.-Петербург. унив., дѣло 1864 г., № 105; См. „Русск. біогр. Словарь“.

[2]) Профессоръ словесности, которому послѣ ухода изъ университета профессоровъ Балугьянскаго и Плисова поручили читать политическую экономію.

[3]) Нѣкоторая язвительность этого отзыва объясняется тѣмъ, что онъ въ этомъ мѣстѣ основанъ на запискѣ проф. П. Я. Горлова, ничтожество котораго такъ хорошо показано было Чернышевскимъ. См. „Полн. собр. соч. *Н. Г. Чернышевскаго*“, т. VI, С.-Пб. 1907, стр. 1—50.

[4]) Это видно и изъ письма Плетнева къ Гроту. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“. Спб. 1896 г. I, стр. 170.

[5]) *В. Григорьевъ*. „Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“. СПБ. 1870 г., стр. 168—170.

минанія о немъ, какъ о замѣчательномъ педагогѣ. Часть его лекцій (1845—46 г.) сохранилась въ записи одного изъ слушателей.

Что Порошинъ былъ человѣкъ съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства,—показываетъ инцидентъ, вслѣдствіе котораго онъ оставилъ университетъ [1]). Въ процессѣ Петрашевскаго промелькнуло показаніе одного изъ подсудимыхъ, Толя, упомянувшаго о словахъ Порошина объ Александровской колоннѣ: „столбъ столба столбу", но Ханыковъ, на котораго сослался Толь, не подтвердилъ этой ссылки, и слѣдователи оставили Порошина въ покоѣ.

Порошинъ открыто порицалъ существованіе крѣпостного права, говоря о немъ подъ видомъ рабства, и съ сочувствіемъ относился къ соціализму вообще и особенно къ фурьеризму. Къ вопросу о рабствѣ Порошинъ подходитъ такимъ образомъ. Имущественное неравенство среди людей онъ считалъ „вреднымъ только тогда, когда оно порождается и поддерживается искусственными и насильственными мѣрами,..... когда напр., одни бываютъ причинами того стѣсненнаго положенія, въ которомъ находятся другіе, когда они живутъ, такъ сказать, ихъ соками, питаются ихъ трудомъ безвозмездно... Есть существенная разница между неравенствомъ природнымъ и тѣмъ, которое порождается произвольнымъ дѣйствіемъ людей, вліяніемъ гражданскихъ учрежденій. Въ первомъ мы не властны, второе зависитъ отъ насъ и слѣдовательно лежитъ на нашей отвѣтственности; иногда эти учрежденія явно узаконяютъ неравенство, напр. тамъ, гдѣ существуетъ и признается закономъ рабство; тамъ не только имущество рабовъ принадлежитъ другимъ, но и сами они, ихъ силы, ихъ природные способы и все, что они могутъ произвести; изъ всего этого на ихъ долю, для собственнаго ихъ развитія, не достается ничего. Такъ было напр. въ древнихъ обществахъ, такъ было и есть на востокѣ и въ американскихъ колоніяхъ. Рабы у грековъ и римлянъ иногда достигали нѣкотораго благосостоянія, жили покойно и были въ нѣкоторомъ смыслѣ счастливы; но все это во 1) зависѣло отъ случая; 2) было милостію и щедротою, а не послѣдствіемъ признаннаго права ихъ на личные свои способы, на собственное развитіе... Въ европейскихъ

---

[1]) Однажды въ 1847 г. онъ опоздалъ на нѣсколько минутъ на лекцію, и находившійся въ это время въ аудиторіи извѣстный своею грубостью попечитель Мусинъ-Пушкинъ рѣзко замѣтилъ ему: „Вы опоздали". Порошинъ взглянулъ на часы, отвѣтилъ только: „да, дѣйствительно", и съ этими словами взошелъ на кафедру. Попечитель приказалъ оштрафовать профессора, сдѣлавъ вычетъ изъ его жалованья, но ректоръ отвѣчалъ, что это будетъ трудно исполнить, такъ какъ Порошинъ жертвуетъ все свое жалованье въ пользу университетской библіотеки. На слѣдующій день онъ подалъ въ отставку. „Русск. Стар." 1882 г. № 10, стр. 209; ср. *Григорьевъ*, 169, „Переписка Грота съ Плетневымъ" III, 153. См. статьи о Порошинѣ въ „Русск. біогр. Словарѣ" и въ „Энц. Словарѣ" Граната.

обществахъ право личной свободы и другія права признаны неприкосновенными и пользуются безопасностью. Каждый можетъ располагать собою, своею собственностью; это право собственности считается основаніемъ *гражданской свободы*".

Относительно права собственности Порошинъ говоритъ: „нѣкоторые видятъ" въ немъ „источникъ неравенства и требуютъ уничтоженія этого права, указывая на тѣ злоупотребленія, которыя возможны при неограниченномъ распоряженіи своей собственностью. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ здѣсь мнѣнія противоположныя: одни довольствуются тѣмъ, чтобы право каждаго лица на себя и свою собственность было признано равнымъ для всѣхъ и равно неприкосновеннымъ, другіе въ самомъ признаніи права собственности видятъ нарушеніе общаго естественнаго равенства людей. Спрашивается, кто тутъ правъ? Можетъ быть и тѣ и другіе съ своей особой точки зрѣнія на общество; однако же, одни руководствуются болѣе отвлеченнымъ взглядомъ и потому самому менѣе полнымъ и менѣе практическимъ; другіе допускаютъ законное вліяніе относительныхъ понятій: пользы, удобности, практической исполнимости, которыя въ свою очередь измѣняются, съ теченіемъ времени развиваются и совершенствуются... Въ новѣйшее время право частной собственности развилось и распространилось на счетъ собственности общей... Такимъ образомъ эти два вида собственности могутъ быть оцѣнены посредствомъ сравненія. Можно возразить, что невыгоды, которыя оказываются на сторонѣ управленія собственностью общественною, происходятъ болѣе отъ злоупотребленій, которыя вкрались съ теченіемъ времени, и не составляютъ существенной стороны самой вещи, и это случайное зло не должно служить осужденіемъ самой системы; но противъ этого должно замѣтить, что злоупотребленія не чужды и въ управленіи частной собственности... Однако же, и несмотря на это, плоды значительнѣе, выгоды лучше соблюдаются, нежели въ первомъ случаѣ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, управленіе общественною собственностью имѣетъ нѣкоторыя преимущества: цѣлое сословіе менѣе подвержено случайностямъ, „корпорація никогда не умираетъ", выбывшіе „члены замѣняются другими, которые входятъ въ состояніе существующей системы; они могутъ руководствоваться общею выгодою, приводить въ исполненіе планы, начертанные ихъ предшественниками. Въ этомъ смыслѣ общество безсмертно, потому въ его дѣлахъ будетъ больше послѣдовательности и постоянства; напротивъ того, частное лицо умираетъ, и съ нимъ вмѣстѣ исчезаютъ различныя предположенія въ пользу имѣнія... Здѣсь, что собрано однимъ, можетъ быть потеряно другимъ". Указаній на наше общинное землевладѣніе Порошинъ, по крайней мѣрѣ въ сохранившихся его лекціяхъ, не дѣлаетъ.

Далѣе онъ отмѣчаетъ случаи, когда человѣкъ, пользующійся неограниченнымъ правомъ собственности, вредитъ болѣе другимъ,

нежели себѣ; такъ напр. землевладѣлецъ, сберегающій лѣсъ, въ которомъ водятся дикіе звѣри, потому что любитъ охоту. „На подобные случаи ссылаются тѣ, которые говорятъ о злоупотребленіи собственностью. И въ настоящее время подобный примѣръ показываетъ Англія, гдѣ законъ упрочилъ это неравное владѣніе имуществъ, предоставивъ право владѣнія аристократическому классу, которое остается всегда въ ихъ родѣ по причинѣ существующихъ тамъ майоратовъ и переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, именно къ старшему сыну [1]). Пользуясь этимъ правомъ, они издали другой законъ противъ привознаго хлѣба и тѣмъ самымъ содѣйствовали его дороговизнѣ... Напротивъ... есть люди, которые думаютъ, что истинное преобразованіе должно уничтожить права (собственности) безвозвратно и признать право цѣлаго общества, не отчуждаемое ни подъ какимъ условіемъ на всѣ будущія времена. Такимъ образомъ они представляютъ себѣ существованіе общества въ его совокупности, въ его безразличной цѣлости; нѣтъ частныхъ лицъ, имѣющихъ право передъ лицомъ общества, оно всегда остается цѣлымъ и сохраняетъ неограниченныя права,—частное лицо имѣетъ только право временное, право пользованія... *Соціалисты* признаютъ органомъ этого отвлеченнаго единства (общества) „правительство и поручаютъ ему всѣ тѣ права, которыя предписываются обществу. Между тѣмъ, однако же, они имѣютъ въ виду не существующія нынѣ власти, потому что почитаютъ ихъ не совершенными и опасаются ихъ абсолютизма. Слѣдовательно, говоря о правительствѣ, они воображаютъ себѣ нѣчто идеальное, или идеализируютъ настоящее и существующее".

Затѣмъ слѣдуетъ не совсѣмъ точное изложеніе ученіе Сенъ-Симона и Фурье, что можетъ, впрочемъ, происходить и отъ неточности студенческихъ записей. Привожу часть сказаннаго о Фурье:

„Согласное соединеніе людей будетъ началомъ коренного преобразованія; вмѣсто разрозненныхъ трудовъ, коими каждый занимается въ своемъ углу, трудъ будетъ общій, гармоническій, раздѣленный между всѣми по врожденнымъ дарованіямъ, по наклонностямъ каждаго. Всѣ будутъ заняты по страсти, слѣдовательно, отвращеніе къ труду уничтожится, и трудъ сдѣлается производителенъ въ необыкновенной пропорціи. Въ общей прибыли будетъ участвовать каждый; слѣдовательно уничтожится противоположность интересовъ, борьба ихъ явная или тайная, какъ мы это видимъ въ настоящее время. Не будетъ обмана, не будетъ даже мелочной торговли, потому что все производство будетъ поступать такимъ образомъ въ общую кассу, изъ кото-

---

[1]) Напротивъ, въ своей рѣчи „О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи", прочитанной на актѣ Петербургскаго университета въ 1846 г., Порошинъ восхвалялъ услуги, оказанныя въ Англіи народу аристократіею, и даже готовъ былъ признать „естественную основу" въ ея привилегіяхъ относительно поземельной собственности. Неодобрительный отзывъ объ этой рѣчи см. въ „Критическихъ опытахъ" *В. Н. Майкова*. СПБ. 1891, стр. 683—696.

рой каждый и будетъ снабжаться по мѣрѣ своихъ нуждъ и правъ. Очевидно, что вслѣдствіе всего этого сумма произведеній возрастетъ неимовѣрно; это будетъ первый плодъ этого преобразованія. Бѣдныхъ, нуждающихся, не будетъ; слѣдовательно, и всѣхъ тѣхъ слабостей и пороковъ и преступленій, кои проистекаютъ отъ зависти, нищеты, крайности, также не будетъ: нравы преобразуются, и человѣкъ переродится совершенно въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, даже внѣшній видъ общежитія перемѣнится... Не менѣе важны перемѣны въ потребленіи. Явится новый видъ потребленія,—общежительнаго: вмѣсто отдѣльныхъ хижинъ, изъ коихъ состоитъ село, вмѣсто безобразныхъ громадъ, изъ коихъ состоитъ большая часть городовъ, будетъ общественное жилище, которое будетъ прикрыто одною крышею, соединено свѣтлыми, теплыми галлереями; кругомъ расположены будутъ общественные поля, сады. Такое общее зданіе, въ которомъ помѣстится 6000 душъ вмѣстѣ, Фурье называетъ phalanstère (въ противоположность другому слову—monastère, гдѣ живутъ порознь, одиноко). Здѣсь каждое занятіе образуетъ особую фалангу (?), которая опять будетъ раздѣлена на séries, серія на groupes, sousgroupes и т. д. Экономія, которая произойдетъ отъ общежительнаго потребленія, объясняется разными примѣрами, заимствованными изъ существующаго уже міра; такъ напр., артельное потребленіе несравненно выгоднѣе, нежели одинокое. Если разсмотримъ, что дѣлается въ каждой деревушкѣ, то найдемъ, что она состоитъ изъ большаго или меньшаго числа отдѣльныхъ жилищъ, и траты разнаго рода очень значительны. Вслѣдствіе этого раздѣленія въ каждомъ домикѣ разводятся особый огонь; всѣ другія службы: амбары, погреба, сараи существуютъ также отдѣльно; вездѣ моютъ бѣлье, слѣдовательно, дѣлаютъ расходы, коихъ можно было бы избѣгнуть или сократить; если бы все это дѣлалось въ одномъ мѣстѣ и сообща, тогда вмѣсто ста, двухсотъ огней былъ бы одинъ,—выгоды... ясны для каждаго, ибо здѣсь все дѣлается разомъ, а, слѣдовательно; сберегается все то, что пропадало бы безъ пользы, и все дѣлается лучше и успѣшнѣе. Представимъ себѣ большое заведеніе, усовершенствованную харчевню; очевидно, что тутъ готовятся на нѣсколько сотъ человѣкъ разныхъ яствъ, и готовятся гораздо лучше, нежели каждый могъ бы приготовить у себя. Подобно этому должно быть устроено всякое потребленіе, и выгоды должны быть тѣмъ больше, чѣмъ въ большей мѣрѣ" это будетъ осуществлено. „Многія наслажденія, кои въ настоящемъ положеніи кажутся вовсе недосягаемы, сдѣлаются возможными. Устройство... театровъ, гульбищъ, водопроводовъ даетъ о томъ нѣкоторое понятіе. Управленіе фаланстеромъ будетъ предоставлено лицамъ, выбраннымъ обществомъ, и власть, предоставленная этимъ мѣстнымъ правителямъ, дастъ имъ возможность предпринимать великія и трудныя дѣла. Такимъ образомъ, всѣ силы ихъ могутъ быть обращены на осушеніе болотъ, улучшеніе селеній, и все это.... обогатитъ общество и преобразуетъ шаръ земной. Фаланстеры будутъ разсыпаны по всей землѣ на одинаковыхъ началахъ, и такимъ образомъ осуществится гармоническое единство человѣческаго рода. Очевидно, что въ этихъ гипотезахъ и мечтаніяхъ есть нѣчто грандіозное и не чуждое истины. Это ученіе съ одной стороны обнаружило всѣ невыгоды настоящаго положенія вещей, изобразивъ.... всѣ тѣ злоупотребленія, кои кроются въ правѣ неограниченномъ частной собственности; съ другой стороны оно выставило всѣ выгоды, кои могутъ произойти отъ общежительнаго потребленія, изъ которыхъ нѣкоторыя возможны и осуществляются передъ нашими глазами. Нѣтъ надобности прибавлять, что вполнѣ это ученіе не принято и не могло перейти въ практическое примѣненіе. Во Франціи оно имѣло и имѣетъ своихъ послѣдователей, кои развиваютъ его посредствомъ особенныхъ органовъ. Одинъ изъ этихъ органовъ есть журналъ подъ именемъ La Phalange*.

Такимъ образомъ Порошинъ указалъ слушателямъ даже фурьеристскій журналъ, изъ котораго они могли почерпать свѣдѣнія объ ученіи Фурье, и прибавилъ, что въ 1843 г. журналъ этотъ „перемѣ-

нилъ свое названіе на другое, а именно сталъ называться «Démocratie pacifique» [1]).

Самъ Порошинъ даетъ о сочиненіяхъ Фурье такой отзывъ: „Они отличаются теплотою, оригинальностью, которая доходитъ до странности, но ученики считаютъ его геніемъ, непризнаннымъ современниками, и стараются развить тѣ сѣмена, которыя онъ бросилъ въ почву, еще не воздѣланную. Между тѣмъ, какъ органическая часть его системы, т.-е. та часть, въ которой онъ созидаетъ новое, теряется еще въ несбыточныхъ мечтаніяхъ и образахъ,... отрицательная часть—..... отвергаетъ все, существующее теперь (?).. Fourier не уничтожаетъ совершенно собственности и даетъ ей новый покрой... Главное возраженіе, которое дѣлаютъ“ противъ ученія Фурье, „состоитъ въ томъ, что природа человѣческая представляется“ въ немъ не въ томъ видѣ, въ которомъ она является въ дѣйствительности: „чувство взаимнаго благоговѣнія, чувство обязанности должно быть чрезвычайно сильно тамъ, гдѣ каждый черпаетъ изъ общаго запаса средствъ, содѣйствуя... вмѣстѣ съ другими къ увеличенію этого запаса. Слѣдовательно, между членами общежитія найдется много готовыхъ“ на трудъ для общаго блага.

Возвращаясь къ вопросу о частной собственности, Порошинъ говоритъ:

„Существованіе частной собственности есть также учрежденіе общественное, основанное на общемъ всѣхъ согласіи, или, лучше сказать, на инстинктуальномъ чувствѣ общей всѣхъ потребности или необходимости... Мы различили *владѣніе* отъ *собственности*. Частная воля есть начало *владѣнія*, т.-е. присвоенія вещи; общая воля всѣхъ, общества, есть начало, которымъ освящается дѣйствіе воли частной; это есть уступка общества въ пользу того или другого недѣлимаго; тѣ, которые возстаютъ противъ этого учрежденія, основываются на послѣдней части опредѣленія, если дѣйствительно собственность образуется изъ уступки общества; оно, значитъ, есть источникъ его и имѣетъ само по себѣ власть и возможность не давать своего согласія, оно можетъ всегда вступить въ прежнія права свои, и тогда, вмѣсто собственности, останется владѣніе, котораго виды и свойства могутъ быть опредѣлены неограниченно. Мы замѣтили“, продолжаетъ Порошинъ, „что настоящій видъ исключительной собственности есть также учрежденіе общественное; слѣдовательно, всякая перемѣна существующаго порядка вещей можетъ произойти вслѣдствіе убѣжденія, что этотъ порядокъ не приноситъ желаемыхъ плодовъ, что польза общества требуетъ замѣненія его другимъ; слѣдовательно, вы видите, что здѣсь строгое право пополняется другими понятіями, понятіями общей пользы, удобоисполнимости, практической возможности

---

[1]) Дѣйствительно, въ 1843—49 гг. такое изданіе выходило въ свѣтъ подъ редакціею Виктора Консидерана, но не въ видѣ журнала, а въ видѣ ежедневной газеты. Въ то же время однако до 1849 г. включительно издавалась и „La Phalange. Revue de la science sociale“. Подъ этимъ названіемъ Консидеранъ сталъ выпускать еженедѣльное изданіе въ 1836 г., съ 1840 г. оно появлялось три раза въ недѣлю, а съ 1845 г. стало выходить книжками ежемѣсячно. *Bourgin.* „Victor Considerant. Son oeuvre“ P. 1909, стр. 36, 65, 72. Назвалъ Порошинъ своимъ слушателямъ и сочиненіе Рейбо „Etudes sur les réformateurs ou socialistes modernes“ (1 изд. 1840 г.), оговоривъ что этотъ авторъ „излагаетъ ихъ ученіе безъ особенной симпатіи“.

новыхъ преобразованій.... Нѣкоторые считаютъ"... частную собственность „причиною неравенства и, слѣдовательно, роскоши, и потому не находятъ другихъ средствъ къ отвращенію вредныхъ послѣдствій роскоши, кромѣ уничтоженія права исключительной собственности; но вмѣстѣ съ этимъ является замѣна ея другимъ родомъ собственности; но эта замѣна имѣетъ много трудностей, и системы, придуманныя различными преобразователями, не могутъ считаться удовлетворительными; слѣдовательно, естественное слѣдствіе есть то, что существующее теперь состояніе общества должно быть оставлено, а только злоупотребленія уничтожены. Эти злоупотребленія заключаются въ различныхъ постановленіяхъ, законахъ, напр., касательно недвижимой собственности, права наслѣдства, которыя поддерживаютъ и питаютъ неравенство вмѣстѣ съ другими причинами политическими и соціальными".

Такимъ образомъ, не будучи соціалистомъ, Порошинъ все же съ сочувствіемъ относился къ соціализму вообще и къ фурьеризму въ частности. Напротивъ, коммунизмъ онъ характеризовалъ рѣзко отрицательно: „Ученіе коммунистовъ считается вреднымъ, опаснымъ для существующихъ государствъ и преслѣдуется законами, почему они составляютъ какъ бы тайное общество, находятся въ заговорѣ противъ существующаго; они считаютъ всѣ средства позволительными къ уничтоженію собственности и попираютъ всѣ чувства, которыми до сихъ поръ дорожили въ свѣтѣ (?). Такое общество открыто въ недавнее время въ Швейцаріи [1]), въ Германіи; но между ними нѣтъ ни одного органа, достойнаго уваженія".

Комиссія кн. Александра Голицына, на которую было возложено разсмотрѣніе рукописей, отобранныхъ при обыскѣ у петрашевцевъ, нашла, что содержаніе двухъ тетрадей лекцій Порошина, найденныхъ у одного изъ нихъ, доказываетъ „вредное направленіе, даваемое учащимся, чрезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теорій о *соціализмѣ* и *коммунизмѣ* и притомъ не въ духѣ благонамѣренномъ, соотвѣтствующемъ монархическимъ правиламъ, которыя должны руководить русское юношество на пути будущей ихъ жизни, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго законнаго порядка".

Подъ вліяніемъ Порошина нѣкоторые студенты, какъ напр., посѣтители „пятницъ" Петрашевскаго А. В. Ханыковъ, Ипп. М. Дебу, Порфирій Ив. Ламанскій, заинтересовались политическою экономіею и изучали сочиненія Фурье, Прудона, Л. Блана, Л. Штейна, Гакстгаузена.

Прекрасно сдавъ выпускной экзаменъ, Петрашевскій получилъ 19 авг. 1841 г. кандидатскій дипломъ [2]). По поводу кандидатской диссертаціи у него произошло столкновеніе съ проф. Ивановскимъ,

[1]) Дѣло Вейтлинга.

[2]) Въ немъ сказано, что Петрашевскій признанъ „достойнымъ степени кандидата юридическаго факультета" „во уваженіе примѣрнаго поведенія и отличныхъ успѣховъ".

о чемъ мы узнаемъ изъ донесенія агента Антонелли. Петрашевскій разсказалъ ему, что нѣкоторые экзамены онъ отложилъ до послѣканикулярнаго времени и, уѣхавъ на лѣто къ себѣ въ деревню въ четырехнедѣльный отпускъ, совершенно забылъ о диссертаціи, а затѣмъ поручилъ своему знакомому Орлову написать за 100 руб. ассигн. диссертацію на тему о развитіи духа аристократіи въ Россіи. Совѣтъ университета нашелъ ее неудовлетворительною, и Петрашевскому было предложено написать другую. Тогда онъ представилъ проф. Рождественскому ранѣе написанное имъ сочиненіе „Теорія образованія юношества въ Россіи“ и получилъ отъ него одобрительную записку, которую и представилъ проф. Ивановскому. Но тотъ не одобрилъ его сочиненія, потому что оно „не проникнуто довольно духомъ учености“. Тогда Петрашевскій написалъ третью диссертацію. Въ это время Ивановскій, по словамъ Петрашевскаго, покровительствовалъ студенту Гейнрихсону и далъ ему изъ архива чью-то диссертацію, съ тѣмъ, чтобы тотъ, переписавъ ее, выдалъ за свою собственную. Петрашевскій, желая одурачить Ивановскаго, ссылался въ своей диссертаціи на множество сочиненій, по большей части никогда не существовавшихъ, и даже замѣтилъ въ ней, что не знаетъ, должно ли „основывать свои мнѣнія на сочиненіяхъ другихъ, въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла, или на собственномъ здравомъ смыслѣ“. Представивъ эту диссертацію Рождественскому, онъ сказалъ ему, что если и теперь Ивановскому не угодно будетъ ее одобрить, то онъ потянетъ его въ уголовный судъ за подлогъ, который онъ сдѣлалъ съ диссертаціей студента Гейнрихсона. Угроза эта дошла до Ивановскаго, и онъ потомъ отомстилъ Петрашевскому. Эпизодъ этотъ хорошо рисуетъ всѣ продѣлки, на которыя онъ былъ способенъ (вѣроятно, между нимъ съ Ивановскимъ были еще старые счеты по лицею). Не даромъ Герценъ сравниваетъ Петрашевскаго съ уличнымъ мальчишкой (gamin), но такимъ, который „идетъ умирать на баррикады, не заботясь о томъ, вспомнитъ ли о немъ кто-либо послѣ его смерти, а послѣ побѣды забываетъ требовать для себя мѣста или ордена. Онъ былъ уличнымъ мальчишкой не по системѣ или заранѣе обдуманному намѣренію, онъ былъ имъ по природѣ“.

Въ эту пору жизни Петрашевскій пережилъ тяжелый кризисъ, одна изъ причинъ котораго могла заключаться въ дурныхъ отношеніяхъ къ нему родителей и нравственномъ одиночествѣ. Въ одной изъ записокъ, написанныхъ позднѣе, во время заключенія въ крѣпости, онъ говоритъ:

„Три мѣсяца сряду занимала меня мысль о самоубійствѣ. Три мѣсяца лежалъ подлѣ меня заряженный пистолетъ... Не любовь, не блажь, подобная этому, привела меня къ этимъ помысламъ, но чисто философское размышленіе. Я заставленъ былъ холоднымъ размышленіемъ признать зависимость совершенную всѣхъ жизненныхъ

явленій въ человѣкѣ отъ общихъ законовъ природы; я заставленъ былъ признать ничтожность своей личности предъ лицомъ природы, отбросить въ сторону всякое самолюбивое мечтаніе, отвергнуть въ себѣ то, что называется свободою произвола, и высшею мудростью признать—стремленіе правильно послѣдовать законамъ природы ....Разбить вдребезги всѣ горделивыя мечты. Мною было это совершено,—и тогда я призналъ безразличіе для себя жизни и смерти... Три мѣсяца разрѣшалъ я себѣ этотъ вопросъ. Ему бъ не тяготить меня, если бъ у насъ гдѣ нибудь давалось толковое философское образованіе. И этотъ вопросъ себѣ я такъ разрѣшилъ: Все въ природѣ между собою находится въ тѣсной связи и зависимости. Всякое существо имѣетъ свое назначеніе. Назначеніе же каждаго существа состоитъ въ полномъ развитіи его свойствъ,—это и составляетъ его счастье. Такъ какъ все въ природѣ состоитъ въ тѣсной связи, то необходимо, чтобъ всякое существо выполняло его назначеніе для сохраненія общей гармоніи... Насильственное или преждевременное уничтоженіе всякаго существа въ природѣ разрушаетъ общую міровую гармонію. Почему я, въ какомъ бы положеніи ни находился, уничтожить свою жизнь не въ правѣ, равно какъ не въ правѣ въ пользу своей личности наносить какой бы то ни было вредъ существамъ, мнѣ по природѣ равнымъ, но обязанъ заботиться о сохраненіи своего благосостоянія и благосостоянія ближняго...

„Въ двадцать лѣтъ судьба заставила меня имѣть равнодушіе къ жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойнымъ своей привязанности — ни изъ женщинъ ни изъ мужчинъ,—я обрекъ себя на служеніе человѣчеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило во мнѣ эгоизмъ и чувство самохраненія, уваженіе къ истинѣ подавило во мнѣ всякую вспышку самолюбія. Вы найдете за 7 лѣтъ или болѣе предъ симъ писанные стихи, (они есть въ моихъ бумагахъ), быть-можетъ, не слишкомъ складные, выражающіе чувство заключеннаго, подобно мнѣ; они почти то же выражаютъ, что и теперь я вамъ въ себѣ обнаружилъ.

„Чтобъ найти приличное мѣсто для употребленія моихъ способностей, мнѣ не зачѣмъ было ходить вдаль, мнѣ стоило только обратить вниманіе на мое отечество".

По словамъ официальной записки о Петрашевскомъ (1849 г.), въ университетѣ онъ считался „человѣкомъ свободныхъ мнѣній" относительно религіи [1]) и правительства. Это будто бы побудило нѣкоторыхъ изъ его университетскихъ товарищей прекратить съ нимъ сношенія, тѣмъ болѣе, что, по ихъ словамъ и по отзывамъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, его знавшихъ, онъ не только въ кругу своихъ знакомыхъ, но даже при встрѣчѣ въ домахъ и на улицѣ готовъ былъ выражать гласно свой образъ мыслей.

Полученіе степени кандидата нѣсколько улучшило служебное положеніе Петрашевскаго [2]). Въ министерствѣ онъ исполнялъ обязанности переводчика въ тѣхъ случаяхъ, когда живущіе въ Петербургѣ иностранцы имѣли столкновенія съ полиціею [3]). Это вызвало его лич-

[1]) Однако, изъ записей, сдѣланныхъ имъ въ октябрѣ 1840 г., видно, что въ то время онъ еще вѣрилъ въ Бога.

[2]) Онъ утвержденъ былъ Сенатомъ (28 апрѣля 1842 г.) въ чинѣ коллежскаго секретаря, при чемъ жалованье его повысилось до 250 р. с., а черезъ годъ былъ сдѣланъ вторымъ переводчикомъ. Въ 1844 г. жалованье его было увеличено до 495 р. въ годъ. Въ 1846 г. онъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, на чемъ и остановилось его повышеніе въ чинахъ.

[3]) См. *Герценъ*, l. c., стр. 490. Въ официальной запискѣ о Петрашевскомъ, написанной передъ его арестомъ, сказано: „онъ, повидимому, пользуется большою довѣрен-

ныя сношенія съ столичными полицейскими офицерами, по словамъ Герцена,—„гнуснымъ классомъ людей, которыхъ населеніе Петербурга не могло видѣть хладнокровно, но зато это дало ему возможность вывести изъ затруднительнаго положенія многихъ бѣдняковъ, попавшихъ въ когти полиціи“ [1]).

Кромѣ того, Петрашевскій сдѣлался ходатаемъ по частнымъ дѣламъ, преимущественно въ Сенатѣ, и называлъ себя адвокатомъ „офиціально признаннымъ“, что было напечатано и на его визитной карточкѣ.

Въ запискѣ слѣдственной комиссіи было сказано, что Петрашевскій „и въ лицеѣ, и въ университетѣ былъ замѣченъ, какъ человѣкъ съ чрезвычайно либеральными идеями. Такое направленіе ума доказывается найденными нынѣ у него бумагами, или рукописными сочиненіями, къ тому времени относящимися“. Слѣдственная комиссія обратила вниманіе на рукопись Петрашевскаго „Мои афоризмы, или обрывочныя понятія мои обо всемъ, мною самимъ порожденныя“, которыя Петрашевскій сталъ записывать, начиная съ 30 октября 1840 г. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ афоризмовъ.

„Государства должны быть основаны по народамъ, и каждое государство должно вмѣщать въ себѣ одинъ народъ. Отношенія между народами должны быть, какъ между штатами С. Америки или провинціями одного и того же государства. Пошлинныхъ таможенныхъ сборовъ не должно существовать. Должна быть дана промышленности полная свобода, чтобы цѣль и назначенье человѣчества были постигнуты, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительно-республиканское. Всѣ должности замѣщаемы по выборамъ. Тѣ огромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы не нужны,

---

ностью начальства, потому что имѣетъ у себя въ квартирѣ множество дѣлъ... которые всѣ относятся къ французскимъ, германскимъ и Царства Польскаго подданымъ“.

[1]) Въ запискѣ, поданной въ военно-судную комиссію, Петрашевскій, утверждая, что у насъ въ тюрьмахъ существуютъ пытки, говоритъ: „Что это такъ случается, могутъ служить подтвержденіемъ многія дѣла, имѣющіяся въ Аудиторіатскомъ департаментѣ. Сверхъ того, о семъ мною было узнано путемъ службы изъ допросовъ арестантовъ изъ иностранцевъ, кои жаловались неоднократно на кормленіе ихъ сырымъ хлѣбомъ, равно какъ изъ разсказовъ другихъ переводчиковъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Такъ, одинъ изъ переводчиковъ заявилъ, что отъ одного изъ арестантовъ требовалась какая-то взятка. Когда ему случилось вторично допрашивать этого же арестанта“, то тотъ „пенялъ очень.., что переводчикъ (это былъ г. Мехелинъ), о семъ сказалъ, ибо ему, т.-е. арестанту, было очень худо въ тюрьмѣ. Это заставляетъ предполагать, что не въ одномъ С.-Петербургѣ между тюрьмой и судьями существуетъ дружественное отношеніе, удручительное весьма для арестантовъ, и то, что тюремное заключеніе служитъ часто средствомъ къ вымогательству взятокъ не только съ виновныхъ, но даже и невинныхъ... Еще долженъ сказать, что въ городахъ губернскихъ дома умалишенныхъ служатъ мѣстами, гдѣ производится иногда пытка. Все это могу подтвердить фактами“.

ибо война не могла бы имѣть мѣста. Въ религіи совершенная терпимость, и относительно сего не должно быть никакихъ постановленій но христіанская (религія) должна быть признана господствующей".

Позднѣе (24 августа 1841 г.), черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія экзаменовъ въ университетѣ, Петрашевскій записалъ такую мысль: „Мнѣ думается, что Сибирь замѣнитъ настоящую Россію, и что въ ней-то и возникнетъ народность русская безъ примѣси, и правленіе республиканское будетъ въ ней господствующимъ" [1]).

Въ числѣ бумагъ Петрашевскаго, видимо ранняго періода, но все же написанныхъ нѣсколько позднѣе предыдущихъ записей, есть одна статейка, которая начинается такъ: „Что общество существуетъ для человѣка, а не человѣкъ собственно для общества, и что общество служитъ для человѣка только средствомъ, облегчающимъ ему достиженіе тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя ему осуществить свыше предназначено, — справедливость и истинность этого положенія очевидны". На вопросъ, для чего же существуетъ самъ человѣкъ, Петрашевскій отвѣчаетъ: „для совершенствованія, какъ доказалъ Кантъ, но мы переиначимъ нѣсколько это выраженіе и скажемъ, что онъ существуетъ для наслажденія черезъ совершенствованіе". Отсюда авторъ пытается вывести „значеніе и необходимость образованія вообще и показать то вліяніе, которое оно можетъ и должно имѣть на самое благосостояніе общественное". Различными примѣрами онъ показываетъ ту великую роль, которую играютъ въ воспитаніи человѣка время, общественныя учрежденія и личныя обстоятельства жизни. „Образованность народная отражается ясно въ самомъ образѣ жизни общественной... У тѣхъ народовъ, которые не пользуются плодами образованности и пребываютъ въ состояніи ихъ первобытнаго невѣжества, всѣ ихъ учрежденія политическія столь же грубы, дики и мало способны къ содѣйствію ихъ нравственнаго развитія (sic), какъ и самые творцы ихъ". Далѣе Петрашевскій высказываетъ такую мысль: „Вниманіе людей, истинно желающихъ содѣйствовать къ всестороннему усовершенствованію человѣчества, не должно (ли) быть обращено на самый корень зла, на самое уничтоженіе тѣхъ ужасающихъ душу всякаго благороднаго человѣка учрежденій, которыя служатъ неопровержимыми препятствіями человѣку сдѣлаться истинно достойнымъ

---

[1]) Большая часть этихъ обоихъ абзацовъ приведена въ запискѣ слѣдственной комиссіи, какъ доказательство „чрезвычайно либеральныхъ идей" Петрашевскаго. 10 декабря 1841 г. онъ выражаетъ въ своихъ афоризмахъ желаніе, чтобы было изложено „развитіе понятій объ образѣ наказаній въ Россіи въ разныя времена или въ обширномъ смыслѣ исторіи философіи уголовнаго права, съ показаніемъ логическихъ причинъ составленія таковыхъ понятій изъ образа жизни народа, характера его, нравовъ его и обычаевъ, изъ степени просвѣщенія высшихъ его классовъ и простого образа его религіозныхъ или нравственныхъ вѣрованій".

имени человѣка, не должны ли они стремиться преобразовать совершенно тѣ формы общежитія и всѣхъ отношеній, какого-бы рода они ни были..., которыя являются помѣхой къ благоденствію полному и совершенному человѣка, взятаго въ отдѣльности и въ совокупности, т.-е. цѣлаго человѣчества безъ изъятія". Петрашевскій признаетъ необходимость для большинства людей заниматься механическимъ трудомъ, но „изъ этого не слѣдуетъ..., чтобы одна часть общества была живой движущейся машиной, предназначенной служить для доставленія предметовъ роскоши другой [части онаго, какъ мы это можемъ замѣтить въ нѣкоторыхъ промышленныхъ государствахъ, въ Англіи особенно, гдѣ цѣлыя тысячи фабричныхъ работниковъ въ дѣйствительности нисходятъ на степень движущихся машинъ". Въ эту пору жизни Петрашевскій еще наивно думалъ, что „введеніе школъ для первоначальнаго образованія простого народа можетъ предотвратить явленія такого рода... Вотъ все", прибавляетъ онъ, „что можетъ сдѣлать правительство... въ дѣлѣ образованія".

Въ области соціальныхъ вопросовъ воззрѣнія Петрашевскаго въ это время были еще совершенно не выяснены (хотя онъ уже интересуется положеніемъ фабричныхъ рабочихъ), но онъ успѣлъ проникнуться ненавистью къ правительству. Написавъ приведенныя выше слова о томъ, что можетъ сдѣлать оно въ дѣлѣ образованія, Петрашевскій снабжаетъ ихъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Мы, говоря это, вовсе не разумѣемъ такъ называемыя законныя и благоучрежденныя правительства, которыя, напротивъ того, подъ видомъ покровительствованія образованности и просвѣщенія тысячами тайныхъ инструкцій и инквизиціонныхъ учрежденій стараются всячески остановить умственное развитіе тѣхъ народовъ, забота о благѣ которыхъ должна бы была составлять ихъ единственное и исключительное стараніе, которые предписываютъ всѣмъ завѣдывателямъ общественнымъ воспитаніемъ знать и преслѣдовать тѣхъ изъ питомцевъ, въ которыхъ замѣтятъ они хотя нѣкоторый проблескъ самостоятельности воззрѣнія на міръ и общество" (вѣроятно, намекъ на преслѣдованія, которымъ онъ подвергался въ лицеѣ). „Презрѣніе и ненависть къ нимъ", энергически заканчиваетъ онъ это примѣчаніе, „должны священнымъ долгомъ быть каждаго человѣка, въ сердцѣ котораго не умерло сознаніе человѣческаго достоинства".

Выражая увѣренность, что „сознаніе народное, освѣщаемое увеличивающимся свѣтомъ просвѣщенія, будетъ указывать на тѣ улучшенія, которыя будетъ потребно сдѣлать въ существовавшихъ уже учрежденіяхъ", Петрашевскій хорошо понимаетъ, что „это не иначе можетъ быть достигнуто, какъ при совершенной свободѣ книгопечатанія и отсутствіи унизительной для разума человѣческаго цензуры, ужаснаго орудія угнетенія и деспотствованія". Изъ дальнѣйшихъ словъ

видно, что онъ хорошо понималъ весь вредъ отсутствія гласнаго судопроизводства („таинственныхъ скрытыхъ судовъ“) и все ничтожество высшихъ представителей нашей администраціи. „Взгляни на любого министра,—говоритъ онъ о „несчастной Россіи“,—можно сказать, что всякій изъ нихъ почти совершенный невѣжда по своей части. Такъ что, право, иногда кажется, что будто бы у насъ совершенное невѣдѣніе въ какомъ-нибудь предметѣ есть наилучшій патентъ къ публичному признанію знающимъ въ этой части и несомнѣнный путь къ общественному почету и уваженію“.

Петрашевскій вѣритъ въ великую силу образованія, не стѣсняемаго цензурой, и думаетъ, что, съ распространеніемъ образованія въ обществѣ, „внѣдрится“ въ немъ и благосостояніе, такъ какъ всякій членъ его, понимая, что его личныя выгоды неразрывно связаны съ общественными, будетъ содѣйствовать введенію общеполезныхъ учрежденій. Съ распространеніемъ образованія уменьшится и количество преступленій. Онъ вѣритъ также въ великую силу закона и полагаетъ, что большая часть преступленій обусловливается неумѣніемъ достигнуть законными средствами „своихъ цѣлей“. Статейка заканчивается мыслью, „что поощреніе и содѣйствованіе къ распространенію общественнаго образованія должно быть дѣломъ не одного только попечительнаго правительства, но и всякаго истинно благонамѣреннаго человѣка“.

Замѣтку эту Петрашевскій, кажется, хотѣлъ озаглавить: „О значеніи образованія въ отношеніи благосостоянія общественнаго“. Повидимому, это не то сочиненіе, которое онъ подавалъ въ видѣ кандидатской работы въ университетѣ подъ названіемъ „Теорія образованія юношества въ Россіи“, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта послѣдняя носила такой же характеръ, т.-е. заключала въ себѣ общія разсужденія и представляла не научную работу, а лишь рядъ мыслей на данную тему почти безъ всякихъ доказательствъ. Весьма вѣроятно, что проф. Ивановскій, который, по крайней мѣрѣ въ лицеѣ, въ концѣ 1830-хъ годовъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей, имѣлъ основаніе сказать, что сочиненіе Петрашевскаго „не проникнуто довольно духомъ учености“, хотя возможно, что ему не понравилось и направленіе работы. Петрашевскій, очевидно, истолковалъ это замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что для Ивановскаго признакомъ учености является обиліе цитатъ и ссылокъ на литературу предмета, и въ новой работѣ не только на зло Ивановскому сдѣлалъ ссылки на множество сочиненій, большая часть которыхъ никогда не существовала, но и поставилъ вызывающимъ тономъ вопросъ: должно ли „основывать свои мнѣнія на сочиненіяхъ другихъ, въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла, или на собственномъ здравомъ смыслѣ“.

Изъ „Моихъ афоризмовъ“ Петрашевскаго видно, что въ 1841 г онъ мечталъ объ основаніи журнала. „Я былъ сегодня поутру“,—

пишетъ онъ,—у Орлова (очевидно, то же лицо, которому онъ заказалъ свою первую диссертацію); „между прочимъ, говорили мы о предпринимаемомъ нами журналѣ". Для перваго номера его Петрашевскій собирался писать статью „Критика критикъ", въ которой предполагалъ развить „теорію критики, ея назначеніе..., показать, какою она должна быть и, можетъ-быть, мимоходомъ, какою она была или бывала" Онъ даже набросалъ планъ статьи отъ временъ глубокой древности до послѣднихъ дней, въ которомъ сказывается скептицизмъ въ области религіи; авторъ отмѣчаетъ „сомнѣніе въ лицѣ апостоловъ", упоминаетъ о препятствіяхъ къ развитію критики въ средніе вѣка: тогда „религіозность, вѣрованіе замѣняло убѣжденіе". Наибольшее значеніе для общежитія и вліяніе на его развитіе имѣютъ, по мнѣнію Петрашевскаго, исторія, словесность, политическая экономія и философія. Въ это время онъ еще считалъ главною задачею журнала „возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всѣхъ отношеніяхъ; главною идеей, главнымъ предметомъ должна быть Русь" [1]).

Задумывая издавать журналъ, онъ предлагалъ участвовать въ немъ своимъ товарищамъ по лицею. Такъ какъ онъ поддерживалъ отношенія къ Салтыкову и послѣ окончанія курса, то, пріѣзжая въ Царское Село, онъ приглашалъ его въ сотрудники. Такія же предложенія сдѣлалъ онъ двумъ другимъ лицеистамъ: Д. А. Засядко (впослѣдствіи служилъ въ Сенатѣ) и Влад. Степанову, позднѣе исключенному изъ лицея и поступившему въ Дерптскій университетъ.

Петрашевскій записываетъ и другія свои предположенія. Первое изъ нихъ показываетъ, что въ его взглядахъ на національный вопросъ не было никакого шовинизма, не было желанія подавить родственныя русскимъ народности. „Если вывесть войско изъ Польши, то сколько выиграетъ этимъ денегъ и увеличится русская армія? Если на Польшу, сверхъ сего, ничего не употреблять изъ общихъ государственныхъ доходовъ, то сколько увеличатся доходы ежегодно и постоянно? Разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не увеличивая налоговъ, не забывая, что увеличивается населеніе,—какъ увеличатся эти доходы?" Тутъ, очевидно, предполагалось предоставить автономію Царству Польскому, въ которомъ послѣ возстанія 1830 г. была уничтожена конституція; не были ли мысли Петрашевскаго направлены въ эту сторону чтеніемъ донесенія слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ и предположеніями Пестеля о полной самостоятельности Польши? О послѣдней—въ концѣ царствованія имп. Николая, конечно, безполезно было и мечтать.

---

[1]) По поводу найденныхъ въ бумагахъ Петрашевскаго „Афоризмовъ" слѣдственная комиссія задала ему вопросъ, излагалъ ли онъ эти мысли въ своихъ рѣчахъ на собраніяхъ—у него или въ другихъ мѣстахъ. Петрашевскій отвѣчалъ отрицательно.

Петрашевскій считалъ необходимымъ соединить духовныя и медицинскую академіи съ университетами (т.-е., очевидно, превратить ихъ въ богословскіе и медицинскіе факультеты), „соединить училища духовныя со свѣтскими“ и уничтожить принужденіе въ выборѣ образа общественнаго служенія“. Тутъ, очевидно, имѣлось въ виду уничтоженіе наслѣдственности духовнаго званія (объ этомъ и объ учрежденіи „богословскихъ лицеевъ“ при университетахъ говорилъ въ „Русской Правдѣ“ и Пестель), а также и отмѣна обязательной службы за полученіе образованія. Послѣдняя мысль могла быть, между прочимъ, навѣяна тѣмъ, что, именно, въ это время произошло очень существенное пониженіе правъ окончившихъ курсъ лицея. Прежде воспитанники этого заведенія, поступавшіе на гражданскую службу, могли оставлять ее во всякое время. Напротивъ, утвержденнымъ государемъ (2 апрѣля 1841 г.) положеніемъ Комитета Министровъ было постановлено, что не только воспитывавшіеся въ лицеѣ на казенный счетъ должны были прослужить не менѣе 6 лѣтъ, но и своекоштные не менѣе 4 лѣтъ [1]).

Что касается предположеній Петрашевскаго относительно преобразованія государственнаго управленія, то онъ считалъ необходимымъ упростить его механизмъ и правильнѣе распредѣлить завѣдываніе разными частями управленія; въ это время онъ считалъ еще возможнымъ „занять этими дѣлами членовъ царской фамиліи“ [2]).

О женщинахъ Петрашевскій былъ очень невысокаго мнѣнія. На основаніи данныхъ русскаго языка онъ собирался доказать, что „худыя свойства“—женскаго рода, и въ видѣ примѣра приводилъ слова: ревность, зависть, злоба, ненависть, „а посему“, дѣлалъ онъ отсюда смѣлое и неожиданное заключеніе,—„женщины источники худого“. Я не сомнѣваюсь, что это обобщеніе основывалось не на данныхъ филологіи, а на семейныхъ впечатлѣніяхъ. Его мать, урожд. Ѳ. Д. Фалѣева, была существо весьма несимпатичное: мальчикомъ я бывалъ въ ея домѣ въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ и помню эту антипатичную старушку въ синемъ песцовомъ платкѣ. Несмотря на то, что у нея были собственные дома и вообще хорошее состояніе, она была крайне скупа и такъ дурно кормила свою младшую дочь, что совершенно разстроила ея здоровье. Скупость Ѳ. Д. видна и изъ того, что,

---

[1]) 2-ое Пол. Соб. Зак. т. XVI. № 14421.

[2]) Какъ образчикъ критическихъ замѣчаній Петрашевскаго, отмѣчу слѣдующую мысль: „Есть три рода поэзіи: поэзія мысли, чувства и словъ. Часто встрѣчалъ послѣднюю, рѣже вторую въ соединеніи съ послѣдней и весьма рѣдко первую съ двумя послѣдними въ стройномъ гармоническомъ сочетаніи“. На это замѣчаніе его навели стихотворенія Аполлона Майкова, въ которыхъ Петрашевскій „нашелъ послѣднюю только“, т.-е. поэзію словъ. Съ Майковымъ онъ былъ лично знакомъ, такъ какъ одновременно съ нимъ держалъ выпускные экзамены въ университетѣ.

какъ мнѣ документально извѣстно, она по смерти мужа, давая сыну деньги взаймы, брала съ него векселя [1]). Что касается сестеръ, то съ двумя изъ нихъ, Ольгою и Елизаветою, по крайней мѣрѣ въ концѣ 1840 гг., Петрашевскій былъ, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ; младшая Александра, которая въ это время была еще ребенкомъ, впослѣдствіи, во время ссылки брата, помогала ему и была съ нимъ въ родственной перепискѣ, объ отношеніяхъ же къ четвертой сестрѣ свѣдѣній не имѣю. Виновницею приведеннаго выше афоризма о женщинахъ была, вѣроятно, главнымъ образомъ мать, но, быть-можетъ, отчасти и сестры. Петрашевскій говорилъ Антонелли въ 1849 г., что къ своимъ „роднымъ, даже самымъ близкимъ, онъ очень холоденъ, и..., какого бы они ни были поведенія,—ему рѣшительно все равно".

Уже и въ это время Петрашевскій задумывался надъ печальною судьбою земледѣльческихъ рабочихъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, написанныхъ непосредственно послѣ афоризма о женщинахъ: „Я думаю, всякому изъ васъ случалось если не самому видѣть, то, по крайней мѣрѣ, читать въ какомъ-нибудь романѣ или путешествіи описаніе Понтійскихъ болотъ, картину вредоноснаго вліянія ихъ мефитическихъ испареній, убійственныхъ для развитія жизни,..... и на васъ, пораженныхъ невольно этой картиной разрушенія, навѣвало могильною сыростью и тлѣніемъ, невольный ужасъ оледенялъ вашу кровь. Навѣрно, въ это время вы бы не пожелали быть на мѣстѣ несчастныхъ жителей этихъ мѣстъ".

Герценъ въ своей статьѣ о Петрашевскомъ утверждаетъ, что онъ началъ вести пропаганду среди молодежи и раздавать въ чтеніе запрещеныя книги еще въ университетѣ. Трудно сказать, насколько точно это показаніе. Во всякомъ случаѣ ни въ „Афоризмахъ", ни въ изложенной выше запискѣ объ образованіи нѣтъ еще слѣдовъ соціализма. Ранѣе Петрашевскій пришелъ къ скептицизму относительно религіи и къ политическому радикализму. Если точны свѣдѣнія Герцена, въ развитіи міросозерцанія Петрашевскаго сыграла большую роль извѣстная книга Баррюэля. „Достойно замѣчанія,—говоритъ Герценъ,—что трудъ, которому Петрашевскій приписывалъ большую силу революціонизированія, былъ старый, дурной русскій переводъ книги... аббата-іезуита... Баррюэля [2]). Эта книга,—продолжаетъ Герценъ,—написанная съ тою

---

[1]) Изъ показанія воспитателя и преподавателя лицея А. А. Кузмина, посѣщавшаго семейство Петрашевскихъ еще до 1844 г., когда это было ему запрещено принцемъ Ольденбургскимъ, видно, что мать Мих. Вас-ча еще года за два до того запретила сыну бывать у нея при гостяхъ.

[2]) „Волтеріанцы, или исторія о якобинцахъ, открывающая всѣ противухристіанскія злоумышленія и таинства масонскихъ ложъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ европейскія державы. Съ французскаго послѣдняго изданія въ 12 частяхъ." М. 1805—09. Ни имя автора, ни имя переводчика не обозначены; имя переводчика стоитъ подъ по-

неистовою яростью, которую встрѣчаешь только у писателей клерикальной партіи, изображаетъ французскую революцію, какъ заранѣе обдуманное послѣдствіе заговора, издавна замышленнаго главою иллюминатовъ Вейсгауптомъ, Вольтеромъ, Руссо, Робеспьеромъ и нѣкоторыми другими лицами. Авторъ интересовалъ Петрашевскаго постольку, поскольку онъ довольно замысловато изображалъ вымышленныя имъ комбинаціи обширнаго заговора. Петрашевскій рекомендовалъ эту книгу всѣмъ своимъ знакомымъ, судя по себѣ, что для всѣхъ, кто принимался за ея чтеніе, дѣло шло не о томъ уже, чтобы узнать, желательна ли и законна ли революція въ Россіи, а о томъ, чтобы найти средство для ея осуществленія [1]). Вслѣдствіе такого взгляда на настроеніе умовъ въ Петербургѣ онъ отвергъ не одного молодого человѣка изъ тѣхъ, которые либеральничали, желая казаться смѣлыми умами, но которые не размышляли серьезно о революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ роковая книга іезуита привила Петрашевскому, помимо его собственнаго сознанія, мысль, что революціи могутъ быть дѣломъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, а не слѣдствіемъ возбужденія народныхъ массъ силою вещей, ошибками правительства и распространенія извѣстныхъ идей". Послѣднія слова Герцена невѣрно изображаютъ взгляды Петрашевскаго: мы увидимъ, что, по его мнѣнію, именно широкая пропаганда соціалистическихъ и радикальныхъ идей должна была предшествовать революціи.

Липранди въ своей запискѣ для слѣдственной комиссіи (17 августа 1849 г.) утверждаетъ, что общество петрашевцевъ существовало съ 1842 г. [2]), но это невѣрно.

Какъ постепенно расширялся умственный кругозоръ Петрашевскаго, какъ многое его интересовало, ясно видно изъ списка темъ или вопросовъ (подъ общимъ заглавіемъ „Запасъ общеполезнаго"), которые онъ записалъ для памяти въ 1842—43 г., имѣя ихъ въ виду, какъ темы или для статей журнала, о которомъ онъ мечталъ съ Орловымъ, или для рефератовъ въ своихъ собраніяхъ, объ устройствѣ которыхъ онъ, быть-можетъ, уже думалъ. Въ это время онъ начиналъ знакомиться и съ соціалистическою литературой, какъ видно изъ темы „Объ эмансипаціи женщинъ вообще", подъ которою записано по-французски слѣ-

священіемъ: Петръ Домогатской. Французскій подлинникъ въ 5-ти томахъ (*Barruel* „Mémoires sur jacobinisme", изд. 1797 и 1813). Авторъ начинаетъ съ французскихъ писателей и философовъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Монтескье, Кондорсе, Рейналя, Мабли, затѣмъ переходитъ къ Вейсгаупту и иллюминатамъ, къ масонамъ, и оканчиваетъ якобинцами.

[1]) Свидѣтельство Герцена о пользованіи книгою Баррюэля съ цѣлью пропаганды организаціи тайныхъ обществъ подтверждается показаніемъ Момбелли, хотя онъ повидимому, получилъ эту книгу не отъ Петрашевскаго (см. ниже).

[2]) „Русск. Стар." 1872 г, т. VI, стр. 75; перепеч. въ книгѣ „Петрашевцы" изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 14.

дующее изреченіе, взятое изъ сочиненія Жюля Лешевалье: „Ребенокъ и женщина соединены самыми могущественнѣйшими связями; женщина можетъ достигнуть освобожденія лишь въ тотъ день, когда будетъ освобожденъ отъ опеки ребенокъ". Лешевалье былъ сенъ-симонистъ, перешедшій въ фурьеризмъ [1]). Другая тема по женскому вопросу была такова: „О женщинѣ, ея назначеніи и томъ значеніи или правахъ, которыми она должна пользоваться въ обществѣ".

Вліяніе фурьеризма уже чувствуется въ вопросѣ: „Очеркъ состоянія Россіи, какъ государства, т. е. одной изъ случайныхъ формъ ассоціацій человѣческихъ (картина ея несоотвѣтственности въ этомъ отношеніи)". Вліяніе сенъ-симонизма или фурьеризма чувствуется и въ темѣ „О системѣ взаимнаго содѣйствія". Этимъ же вліяніемъ, вѣроятно, навѣяна задача „О началахъ распредѣленія богатствъ или дивиденда между производителями" [2]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выписавъ заглавіе предположенной статьи, Петрашевскій набрасывалъ нѣсколько соотвѣтственныхъ мыслей. Такъ, напр., на тему: „Неужели человѣчество обречено на вѣчность застоя и умственнаго оцѣпенѣнія", онъ написалъ слѣдующее:

„Нѣтъ ничего труднѣе, какъ освободиться отъ вредоноснаго вліянія предубѣжденій, предразсудковъ и суевѣрій всякаго рода (безотчетное схоластическое вѣрованіе въ авторитетъ я отношу къ суевѣріямъ); нѣтъ ничего опаснѣе тамъ, гдѣ нѣтъ ареопага мудрецовъ или мудрѣйшихъ по общему разумному избранію [3]) для личной гарантіи всякаго изрекателя истины противу безсмысленныхъ нападокъ общественнаго мнѣнія, напитаннаго допотопными предубѣжденіями; гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ изъ истинныхъ знатоковъ всякаго дѣла и всякаго искусства для воздаянія нелицепріятнаго суда всякому по дѣламъ его, тамъ нѣтъ ничего опаснѣе и даже гибельнѣе, какъ изреченіе мнѣнія, не сходственнаго съ общественнымъ, какъ смѣлое, открытое, благородное возстаніе противъ ужасной гидры предубѣжденія, предразсудка и суевѣрія, освященныхъ, деифированныхъ" (обожествленныхъ) „за давностью ихъ внѣдренія невѣжественнымъ большинствомъ общества... И горька бываетъ часто судьба того, кто, подобно проповѣдникамъ первыхъ вѣковъ христіанства, осмѣливается убѣждать нравственныхъ язычниковъ въ ничтожествѣ предметовъ ихъ боготворенія, кто осмѣлится называть ихъ идоловъ не богами, а идолами. Милліоны рукъ на него поднимутся, дождь камней польется на него, и его, какъ учениковъ истиннаго Христа, обвинятъ въ проповѣди безбожія, проклянутъ всенародно, какъ атеиста, и причтутъ въ заключеніе къ сонму святыхъ антихриста. Просимъ покорно послѣ этого разсуждать, и думать, говорить истину! Что станешь дѣлать съ предубѣжденіями, гдѣ найти тотъ

---

[1]) См. о немъ *Bourgin* „Fourier", P. 1905 (по указателю). Назовемъ два сочиненія Лешевалье: 1) „Exposition du système social de Ch. Fourier. T. I. Lecons sur l'art d'associer." Парижъ, 1832. 2) „Etudes sur la science sociale (théorie de Ch. Fourier)". Пар. 1834. По ученію Фурье ребенокъ уже съ трехъ лѣтъ, играя, участвовалъ въ производительномъ трудѣ, и съ этого времени имѣлъ уже право на признаніе его личности въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Женщина должна быть освобождена отъ мужской опеки и сравнена въ правахъ съ мужчинами. См .*Bourgin*, стр. 302, 351, 358—359

[2]) Интересовалъ Петрашевскаго и вопросъ „о результатахъ размноженія человѣческаго рода при настоящемъ положеніи вещей и общества".

[3]) Вѣроятно, вліяніе ученія Фурье. Ср. *Bourgin*. „Fourier", p. 293.

судъ, гдѣ была бы принята на него апелляція противу приговора, имъ произнесеннаго? Patit exitus... страдай, гибни, несчастный, осмѣлившійся вѣрнѣе другихъ смотрѣть на предметы. Ты осужденъ на мученіе. Зачѣмъ осмѣлился подумать объ истинѣ, дерзнулъ внимать словамъ разума? Кто осмѣлится за тебя, осужденнаго какъ преступника, молвить слово защитительное, гдѣ найдется тотъ смѣлый адвокатъ, который дерзнетъ, если не сказать, то хоть подумать о запретительномъ словѣ истины, приговоренной къ торговой казни, къ ссылкѣ на каторгу прежде предварительнаго слѣдствія о дѣйствительности ея виновности? Вотъ образчикъ общественнаго правосудія сатанинской насмѣшки надъ природою и человѣчествомъ. Вотъ кодексъ общественной добродѣтели, вотъ сама добродѣтель—идеалъ высокій, истинный, начертанный рукою древнихъ философовъ человѣческаго совершенства въ его осуществленіи. Вотъ вамъ патентъ, за который не взыскивается нигдѣ привилегіальной таксы, грамота на общій почетъ и уваженіе".

Эта тирада, въ которой находимъ и отрицательное отношеніе къ религіи и признаніе необходимости суда присяжныхъ, о которомъ Петрашевскій такъ много думалъ и говорилъ впослѣдствіи, служитъ доказательствомъ, что, начиная пропаганду своихъ идей, онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какая судьба ему предстоитъ. Относительно религіи онъ записалъ еще слѣдующія темы: „Объ относительныхъ началахъ такъ называемой христіанской религіи или философіи".— „Въ чемъ состоитъ религіозное чувство и отчего тяжело разставаться съ нимъ и съ вѣрою. (Соотвѣтствіе себя съ природою)". Тутъ, быть-можетъ, уже сказывается вліяніе книги Л. Фейербаха „Сущность христіанства", вышедшей въ свѣтъ въ подлинникѣ въ 1841 г.[1])

Въ связи съ теоретическими взглядами на религію Петрашевскій интересовался и практическими вопросами о положеніи чернаго и бѣлаго духовенства, о его образованіи, о преобразованіяхъ въ этой области, и вопросомъ „о вліяніи духовенства на развитіе Россіи въ умственномъ отношеніи". Онъ задумывался надъ тѣмъ, что слѣдуетъ „дать священно-служителямъ жалованье, отнять всѣ церковныя имущества и ихъ самихъ сдѣлать совершенными чиновниками"[2]). Пестель также высказывался въ „Русской Правдѣ" за то, что духовенство должно быть не особымъ сословіемъ, а „частью правительства", чиновниками, съ тѣмъ, чтобы дѣти ихъ пользовались одинаковыми правами со всѣми гражданами. По мнѣнію Петрашевскаго, въ священники и монахи не слѣдуетъ поставлять ранѣе 25 или 30 лѣтъ. Пестель предлагалъ для этого еще болѣе повышенные сроки: для поступленія въ бѣлое духовенство не ранѣе 40, а въ монахи даже не ранѣе 60 лѣтъ. Монастыри Петрашевскій хотѣлъ преобразовать въ богадѣльни. „Доходы духовенства со всею милостынею и т. п." онъ предлагалъ ввести въ бюджетъ государственныхъ доходовъ. По его мнѣнію, священникамъ

[1]) Русскій переводъ ея подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго изданъ въ Спб. въ 1908 г.

[2]) Была, впрочемъ, тема и менѣе радикальнаго характера: „Объ обложеніи земель церковныхъ и монастырскихъ податью (основа сего)".

и дьяконамъ необходимо „имѣть общія медицинскія свѣдѣнія“ и произносить проповѣди „о пьянствѣ и воздержаніи“ отъ него. Кромѣ того, онъ записалъ мысль Орлова (съ которымъ, видимо, находился въ частыхъ сношеніяхъ) „о введеніи преподаванія въ семинаріи и духовныя академіи общихъ началъ права и преподаванія каноническаго въ особенности“. Услышавъ отъ какой-то неизвѣстной ему дамы мысль о томъ, что слѣдуетъ требовать знанія грамоты для допущенія къ причащенію, онъ записываетъ ее и отмѣчаетъ, что это было 8 мая 1843 г.

Петрашевскаго, какъ юриста, очень интересовали вопросы юридическіе, особенно изъ области судопроизводства. Первою изъ „темъ для юридическихъ сочиненій“ онъ отмѣчаетъ: „Сравнительное изложеніе европейскаго и русскаго... судопроизводства (tribunaux à portes ouvertes—это главное)“ и нѣсколько далѣе ставитъ, какъ особыя темы: „О необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, о преимуществахъ открытыхъ судовъ передъ закрытыми“; „о введеніи мирныхъ“ (т.-е. мировыхъ) „судей“; о порученіи надзора за тюрьмами не полиціи, а гражданскимъ судамъ; „о негодности Свода Законовъ“, „о строгой соотвѣтственности наказаній съ преступленіями и о выводѣ ихъ изъ сущности самыхъ преступленій“ (затѣмъ перечислены четыре сочиненія—два англійскихъ и два нѣмецкихъ — о смертной казни, и одно французское о французскомъ уголовномъ кодексѣ).

Поживъ въ 1841 г. въ отцовской деревнѣ, Петрашевскій, видимо, заинтересовался не только практическими вопросами сельскаго хозяйства [1]), но, что гораздо важнѣе, и устройствомъ экономическаго быта помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ, въ тотъ же день Петрашевскій записываетъ такую тему: „Расчетъ о томъ, что необходимо для помѣщика имѣть запаханной земли количество по крайней мѣрѣ — и луговъ,— равное тому, которое отведено крестьянамъ, съ прибавкою количества земли на прокормленіе дворовыхъ“ и ихъ семействъ „съ приращеніями“. Въ николаевское время отведеніе крестьянамъ количества пахотной земли, почти равнаго съ помѣщичьею запашкою, считалось весьма для нихъ благопріятнымъ; обыкновенно, количество послѣдней значительно превосходило размѣръ крестьянской пашни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (10 мая 1843 г.) Петрашевскій считаетъ необходимымъ разсмотрѣніе и болѣе общаго вопроса объ „образѣ устройства освобождаемыхъ крестьянъ“. Со временемъ мы увидимъ, какъ радикально желалъ онъ рѣшить этотъ вопросъ.

Рекрутскіе наборы Петрашевскій, повидимому, хотѣлъ замѣнить денежнымъ налогомъ (соотвѣтственное мѣсто написано не совсѣмъ

[1]) Какъ свидѣтельствуетъ запись, заимствованная (въ сентябрѣ 1842 г.) съ нѣкоторыми измѣненіями изъ „Отеч. Зап.“. 1842 г. т. 24, отдѣлъ „Хозяйство“, стр. 1.

ясно). Отмѣтимъ тему: „Общество доставленія работы бѣднымъ". Задумывался Петрашевскій и надъ необходимостью театральныхъ представленій для народа, какъ видно изъ темы объ „играніи на театрѣ пьесъ въ извѣстные дни года для народа безденежно или за малую цѣну" и надъ вопросомъ „о томъ, какими должны быть народныя пѣсни въ настоящее время, чтобы имъ быть въ существѣ народными". Есть тема: „О введеніи національной одежды", но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такая: „О томъ, что пожаръ Москвы есть болѣе признакъ грубаго варварства, нежели истиннаго патріотизма, и показаніе..., въ чемъ долженъ состоять патріотизмъ".

Интересовалъ его также вопросъ „о значеніи журналистики въ отношеніи къ общественной жизни и томъ направленіи, которое она должна получить (или принять) въ скоромъ времени"; онъ желалъ обсудить планъ издательскаго общества вообще и въ частности изданія переводовъ хорошихъ иностранныхъ книгъ (ср. ниже проектъ его знакомаго Баласогло, прочитанный на одной изъ пятницъ Петрашевскаго).

Придавая великое значеніе воспитанію, онъ предполагалъ составить планъ „учрежденія новаго воспитательнаго учебнаго заведенія, откуда бы выходили люди — людьми и граждане — гражданами". Для этого онъ считалъ необходимымъ написать сочиненіе о воспитаніи или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ подобными сочиненіями и, если возможно, „сдѣлать практическіе опыты о способахъ психологическаго развитія мышленія"[1]). Послѣдняя мысль какъ бы предвосхищала новѣйшія задачи экспериментальной педагогической психологіи. Любопытенъ еще слѣдующій вопросъ: „Какъ великъ капиталъ, утрачиваемый въ Россіи постоянно въ наше время въ формѣ знаній, или умственнаго образованія по неимѣнію возможности съ пользою примѣнить (ихъ). Разсужденіе психолого-политико-экономическое, основанное на математическихъ, физическихъ и нравственныхъ данныхъ".

Петрашевскій, видимо, чрезвычайно цѣнилъ „ясное изложеніе", считалъ необходимымъ обсудить его „методъ" и съ очевидною ироніею прибавлялъ: „Философъ долженъ быть теменъ — сказалъ Гегель" [2]).

Интересовали его и вопросы личнаго времяпрепровожденія: есть тема о вредѣ картъ (позднѣе на одной изъ пятницъ Петрашевскаго Момбелли читалъ докладъ на эту тему); есть и шутливая тема: „Защита обритыхъ бороды и усовъ отъ нападеній невѣждъ. Философское, политическое, нравственное, религіозное и гигіеническое раз-

---

[1]) Есть и такая курьезная тема: „опыты надъ цивилизаціею обезьянъ чрезъ бритье (воспитаніе) и развитіе du sentiment de la sociabilité".

[2]) Тема: „что такое человѣкъ въ одной идеѣ и съ идеей на прокатъ, или свой смыслъ изъ чужой головы", — вѣроятно, предполагала осмѣяніе ученыхъ и педантовъ.

сужденіе". Предполагалось обсудить и „что такое мода, и какъ должно ей слѣдовать, или искусство одѣваться со вкусомъ".

Интересовали также Петрашевскаго темы изъ области технологіи и промышленности: о лампахъ, о соединеніи освѣщенія съ отопленіемъ, „дешевой системѣ пароходства и паровозства", о заведеніи бумажной фабрики, типографіи, о пряденіи льна машинами, о фаянсовомъ, гончарномъ и фарфоровомъ заводѣ, о заведеніи фабрикъ для удовлетворенія потребностей азіатскихъ и пограничныхъ съ Россіею народовъ, объ улучшеніи овечьей шерсти химическими и механическими способами [1]). Нѣкоторыя темы обнаруживаютъ интересъ и къ теоріи естествознанія, какъ напр. изъ области физики.

Комиссія, разсматривавшая бумаги петрашевцевъ, доставляя въ слѣдственную комиссію по ихъ дѣлу этотъ „Запасъ общеполезнаго", отмѣтила въ немъ 19 темъ, „явно выказывающихъ преступное направленіе мыслей Петрашевскаго въ отношеніи политическомъ и нравственномъ". При этомъ прежде всего было указано приведенное выше разсужденіе на тему: „неужели человѣчество обречено на вѣчность застоя и умственнаго оцѣпенѣнія". На одномъ изъ допросовъ Петрашевскаго спросили, были ли имъ или кѣмъ-либо другимъ изъ его знакомыхъ написаны статьи на эти темы, и гдѣ онѣ были читаны. Онъ отвѣчалъ, что онѣ нигдѣ не были прочтены, а имъ самимъ было написано только то, что найдено въ его бумагахъ. Слѣдственная комиссія въ своей запискѣ о дѣлѣ петрашевцевъ не только усмотрѣла, что „по окончаніи университетскаго курса либеральное направленіе стало еще болѣе укореняться" въ Петрашевскомъ, но даже нашла въ его замѣткахъ „преступное стремленіе къ перемѣнѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка вещей" [2]).

Лѣтомъ 1844 г. Петрашевскій сдѣлалъ попытку начать педагогическую дѣятельность [3]): вѣроятно, ему хотѣлось перемѣнить мало симпатичную ему должность чиновника на дѣятельность, которая дала бы возможность вести пропаганду среди юношества. Онъ обратился съ

---

[1]) Повидимому, Петрашевскій задумывалъ даже нѣкоторыя практическія предпріятія. Такъ, онъ, между прочимъ, записалъ „о покупкѣ земель по московской дорогѣ (осмотрѣлъ Усова деревню), мѣсто по Англійскому проспекту и о кирпичныхъ заводахъ, ассарагаде на топливо (уголь и дрова)." Въ одной своей запискѣ, поданной въ слѣдственную комиссію, Петрашевскій сообщаетъ, что собирался взять подрядъ поставки хлѣба по морскому вѣдомству—въ Архангельскій порть, но не осуществилъ этого намѣренія.

[2]) Военный судъ отмѣтилъ изъ „Запаса общеполезнаго" 11 темъ, въ которомъ онъ нашелъ „преступное направленіе мыслей въ отношеніи политическомъ и нравственномъ"; курьезно то, что въ томъ числѣ названа и тема „О введеніи національной одежды".

[3]) 16 октября 1844 года начальство выдало ему свидѣтельство о дозволеніи „заниматься въ свободные отъ службы часы преподаваніемъ уроковъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ".

письмомъ къ главнозавѣдующему лицеемъ, принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, въ которомъ просилъ принять его на должность преподавателя юридическихъ наукъ въ лицеѣ[1]),—мысль довольно неудачная въ виду прежнихъ отношеній его къ лицейскому начальству. Быть-можетъ, онъ возлагалъ надежды на то, что директоромъ въ это время былъ уже не Гольтгоеръ, а генералъ-майоръ Броневскій, но и онъ былъ лишь „добрымъ, исправнымъ службистомъ", который, однако, часто сажалъ лицеистовъ въ карцеръ[2]). По желанію принца Ольденбургскаго, новый директоръ, какъ онъ писалъ впослѣдствіи официально Дубельту, „входилъ въ ближайшее сношеніе съ Петрашевскимъ" (т.-е., вѣроятно, вызвалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ) „и, не найдя въ немъ надлежащихъ свойствъ къ занятію этихъ должностей", довелъ о томъ до свѣдѣнія принца, вслѣдствіе чего Петрашевскому было отказано въ его просьбѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября того же 1844 г. начальство лицея узнало, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ младшаго курса, а именно Алексѣй Мих. Унковскій,—извѣстный общественный дѣятель въ эпоху крестьянской реформы[3]), Влад. Константиновъ и Александръ Бантышъ (въ то время уже выключенный изъ лицея за плохіе успѣхи въ ученіи), юноши 14—16 лѣтъ, находясь по праздникамъ у родственниковъ, изрѣдка посѣщали Петрашевскаго, „не испросивъ", по словамъ директора, „на то позволенія у своихъ ближайшихъ начальниковъ" (хотя, казалось бы, имъ и не было основаній спрашивать о томъ у начальства, особенно, если эти посѣщенія были извѣстны ихъ родственникамъ). Въ это время случилось еще слѣдующее происшествіе: Унковскій, тогда 15-лѣтній юноша, отличавшійся остроуміемъ и умѣньемъ мѣткимъ словомъ характеризовать слабости людей, написалъ либретто къ оперѣ-буффъ (опереткѣ) подъ заглавіемъ „Походъ въ Хиву", въ которой осмѣивалъ лицъ, бывшихъ въ то время у власти. Подлинникъ былъ уничтоженъ, но копію нашли у одного лицеиста во время обыска, произведеннаго въ лицеѣ въ 1844 г. Унковскій сознался, что онъ авторъ либретто. Неизвѣстно, что́ случилось ранѣе: былъ ли обыскъ слѣдствіемъ раскрытія посѣщеній Петрашевскаго тремя воспитанниками лицея, или, наоборотъ, это послѣднее обстоятельство обнаружилось при допросахъ по поводу найденнаго либретто. По сло-

---

[1]) Въ 1843 г. это заведеніе было переведено изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

[2]) *А. А. Рубецъ.* „Наставникамъ, хранившимъ юность нашу. Памятная книжка чиновъ имп. Александровскаго лицея". СПБ. 1911 г., стр. 212. А. М. Унковскій также говоритъ о Броневскомъ: „человѣкъ добрый, но мало образованный,—одинъ изъ генераловъ того времени". „Русск. Мысль", 1906 г. № 6, стр. 185.

[3]) Унковскій былъ переведенъ въ лицей изъ московскаго дворянскаго института въ самомъ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 г. и поступилъ въ первый (младшій) классъ. *Кобеко.* „Имп. Царскосельскій Лицей". Спб. 1911, стр. 451—452. *Джаншіевъ* „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ". М. 1894, стр. 7.

вамъ Унковскаго въ его позднѣйшихъ запискахъ, не удивительно, что лицей могъ вызывать подозрѣнія, такъ какъ *„не было ни одной запрещенной иностранной книги, которая бы не появилась „въ его стѣнахъ“ у малышей 14—15 лѣтъ“* [1]). Какъ бы то ни было, по официальному свидѣтельству директора, оказалось, что Унковскій и Константиновъ (Бантыша уже не было въ то время въ лицеѣ) „были вовлечены въ знакомство“ съ Петрашевскимъ „суетнымъ обаяніемъ новыхъ идей“, которыми онъ „прельстилъ ихъ умы, далеко не имѣвшіе достаточной зрѣлости, а еще менѣе опытности для надлежащей оцѣнки ихъ. Вліяніе на нихъ этого знакомства обнаружилось въ особенности скептическимъ настроеніемъ мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка, якобы несовмѣстнаго съ благоденствіемъ людей“ [2]). „Директоръ лицея“, говоритъ Броневскій, „убѣдясь, что А. Унковскій, особенно склонный къ подобнымъ увлеченіямъ и болѣе товарища своего Вл. Константинова подчинившійся этому лжемыслію [3]), могъ быть вреденъ для другихъ воспитанниковъ лицея“, испросилъ согласіе принца Ольденбургскаго на исключеніе его изъ заведенія. Что же касается Вл. Константинова, то рѣшено было „ограничиться тѣлеснымъ наказаніемъ, во вниманіе къ меньшей умственной зрѣлости его и къ чистосердечному раскаянію въ своемъ заблужденіи“. Унковскій замѣчаетъ, что по тогдашнему времени онъ отдѣлался еще очень легко: могли бы сослать, отдать въ кантонисты, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что если бы не обыскъ 1844 г., то впослѣдствіи онъ угодилъ бы вмѣстѣ съ Петрашевскимъ въ Сибирь.

[1]) *Джаншіевъ*, стр. 7—8; „Записки А. М. Унковскаго“ въ „Русск. Мысли“ 1906 г., № 6, стр. 186. Ср. слова Герцена, что университетская молодежь и даже царскосельскіе лицеисты въ серединѣ 40-хъ годовъ отличались совершенно реалистическимъ, т.-е. положительнымъ и научнымъ направленіемъ. О томъ, что лицеисты въ половинѣ 40-хъ гг. очень интересовались запрещенными книгами и увлекались политическою экономіею и ученіемъ сенъ-симонистовъ см. въ воспоминаніяхъ Е. П. Ламанскаго, „Русск. Стар“. 1915, № 1. стр. 75.

[2]) Когда на допросѣ въ 1849 г. въ слѣдственной комиссіи Петрашевскому сообщили приведенную характеристику его вліянія на воспитанниковъ лицея и потребовали объясненія, онъ отвѣчалъ: „отъ этого не отрицаюсь“, но впослѣдствіи, по переходѣ дѣла въ военно-судную комиссію, не призналъ, что внушалъ антирелигіозныя и противообщественныя мысли тремъ воспитанникамъ лицея (вмѣсто Бантыша онъ называетъ фамилію Каменскаго; вѣроятно, фамилія была Бантышъ-Каменскій), при чемъ прежнее признаніе объяснялъ своимъ болѣзненнымъ въ то время состояніемъ („тупоуміемъ и безпамятствомъ“), и утверждалъ, что директоръ лицея Броневскій обвинилъ его, чтобы оправдать свой недосмотръ за воспитанниками, „изъ которыхъ одинъ, и какъ кажется Константиновъ, внучекъ Броневскаго, въ чемъ-то еще прежде свиданія“ съ нимъ „попался“. Петрашевскій требовалъ очной ставки съ лицами, о томъ показавшими, а также съ инспекторомъ лицея Миллеромъ и учителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ Геслеромъ.

[3]) Въ журналѣ конференціи лицея вина Унковскаго квалифицирована, какъ „безнравственное поведеніе“. (Архивъ Имп. Лицея).

Унковскій не сохранилъ о лицеѣ добрыхъ воспоминаній; по его словамъ, въ немъ были непрестанныя драки: „колотили учителей, побили инспектора Оболенскаго, въ послѣдніе дни Царскосельскаго лицея“ (1843 г.) „разорили свой.... садъ, поломали деревья и вообще показали себя порядочными вандалами“. Относительно ученія онъ замѣчаетъ, что оно отличалось характеромъ разноязычнаго энциклопедизма [1]).

Унковскій былъ одинъ годъ товарищемъ по лицею М. Е. Салтыкова, который находился въ старшемъ классѣ, когда Унковскій былъ въ младшемъ. Салтыковъ пользовался общимъ расположеніемъ, но относительно лицея онъ сохранилъ, какъ видно изъ его сочиненій, еще болѣе неблагопріятныя воспоминанія. Однако слова Унковскаго и Е. Ламанскаго о распространеніи въ лицеѣ запрещенныхъ сочиненій показываютъ, что у многихъ его воспитанниковъ проявлялось то оппозиціонное настроеніе, о которомъ при Александрѣ I свидѣтельствовалъ извѣстный доносъ о лицейскомъ духѣ.

Несмотря на недопущеніе Петрашевскаго въ лицей въ качествѣ преподавателя и воспитателя, несмотря на исключеніе Унковскаго и наказаніе Константинова, все же въ послѣдующее затѣмъ пятилѣтіе существовала связь лицеистовъ съ Петрашевскимъ, но, повидимому, лишь по выходѣ ихъ изъ заведенія. Трое изъ нихъ—А. И. Европеусъ, Н. С. Кашкинъ (оба выпуска 1847 г.) и неокончившій курса лицея Н. А. Спѣшневъ—пострадали впослѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевскимъ; кромѣ нихъ привлекались къ слѣдствію М. Е. Салтыковъ (выпуска 1844 г.), Н. Я. Данилевскій, извѣстный публицистъ, столь почитаемый неославянофилами (выпуска 1842 г.), Евг. И. Ламанскій, извѣстный впослѣдствіи директоръ государственнаго банка, А. П. Беклемишевъ (участвовавшій при Александрѣ II въ выработкѣ первыхъ правительственныхъ мѣръ, подготовлявшихъ крестьянскую реформу), В. Р. Зотовъ, писатель (оба выпуска 1841 г.), Н. Д. Ахшарумовъ, извѣстный романистъ (одного выпуска съ Петрашевскимъ, 1839 г.), Е. С. Есаковъ (выпуска 1844 г.), товарищъ Петрашевскаго по курсу Н. И. Кайдановъ, Энгельсонъ, впослѣдствіи эмигрантъ и одно время пріятель Герцена и Кузнецовъ (не окончившій курса въ лицеѣ). Бывалъ у Петрашевскаго и Н. П. Семеновъ (выпуска 1842 г.), извѣстный впослѣдствіи членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу и ихъ лѣтописецъ [2]), а также, какъ видно изъ показаній Петрашевскаго, и Вл. Степановъ,

---

[1]) „Русская исторія преподавалась въ младшихъ классахъ на англійскомъ языкѣ англичаниномъ Броуномъ, исторія греческой литературы на французскомъ языкѣ французомъ Досси, нѣмецъ Байеръ читалъ зоологію на нѣмецкомъ языкѣ“.

[2]) Не вліяніемъ ли Петрашевскаго объясняется то, что Н. П. Семеновъ былъ впослѣдствіи горячимъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія?

о которомъ онъ прибавилъ: „изъ лицея“ [1]). Очевидно, была въ Петрашевскомъ какая-то притягательная сила, если съ нимъ стремились сблизиться бывшіе воспитанники лицея, несмотря на всѣ неблагопріятныя вліянія, которымъ они подвергались въ этомъ привилегированномъ заведеніи.

Чтобы покончить съ Унковскимъ, замѣтимъ, что сближеніе съ Петрашевскимъ не могло не оставить слѣда въ его міросозерцаніи: не даромъ въ своей обширной запискѣ объ уничтоженіи крѣпостного права, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ этого вопроса, онъ представилъ обширный планъ преобразованій и въ томъ числѣ введенія суда присяжныхъ [2]); но ненависть къ крѣпостному праву сложилась въ Унковскомъ еще дома, въ родовой деревнѣ Тверского уѣзда, до поступленія въ московскій дворянскій институтъ, подъ вліяніемъ его воспитателя, бывшаго офицера саксонской службы въ наполеонской арміи, Ив. Ив. Энгельгардта.

Случай съ Унковскимъ и двумя его товарищами вызвалъ особенное вниманіе принца Ольденбургскаго, и онъ довелъ о немъ до свѣдѣнія тогдашняго генералъ-губернатора С.-Петербурга, Александра Александр. Кавелина, при чемъ заявилъ, что пребываніе въ столицѣ Петрашевскаго кажется ему опаснымъ для воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Кавелинъ вызвалъ къ себѣ инспектора лицея для личныхъ объясненій по этому предмету.

Не ограничиваясь сношеніемъ съ Кавелинымъ, принцъ Ольденбургскій заявилъ шефу жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орлову, что Петрашевскій „говорунъ“, и что его нужно „унять“. Орловъ велѣлъ учредить надъ Петрашевскимъ секретный надзоръ и узнать, какого онъ „поведенія, какія знакомства, кто бываетъ у него въ гостяхъ и чѣмъ занимаются“. Оказалось, что онъ живетъ у Покрова, въ Коломнѣ, въ собственномъ домѣ, „поведеніе его тихое и благородное, но такъ какъ отъ отца, человѣка скупого и своенравнаго, получаетъ весьма мало, кромѣ того, что живетъ въ отцовскомъ домѣ на всемъ готовомъ, то постоянно нуждается въ деньгахъ и отъ кредиторовъ его поступали жалобы въ полицію“; она „обращалась къ отцу“, но тотъ „рѣшительно отказался платить за сына. Отецъ Петрашевскаго живетъ довольно уединенно, а сынъ бываетъ болѣе въ кругу“ своихъ „сослуживцевъ, которыми любимъ“. Развѣдыванія о Петрашевскомъ продолжались [3]). Прошло около двухъ мѣсяцевъ; Орлову доложили, что „наблюденіе“ за Петра-

---

[1]) О К. С. Веселовскомъ (выпуска 1838 г.) можно не упоминать, такъ какъ онъ лишь однажды, и то на короткое время, посѣтилъ Петрашевскаго.

[2]) См. *А. Н. Скребицкій*. „Крестьянское дѣло“ I. 785—799.

[3]) Впослѣдствіи агентъ Шапошниковъ сообщилъ со словъ дворника дома Петрашевскаго, что М. В. все спорилъ со своимъ отцомъ о томъ, что нужны новые законы.

шевскимъ „по сіе время ничего... предосудительнаго не обнаружило“, и велѣно было снять надзоръ [1]).

Повидимому, это была единственная попытка Петрашевскаго вступить на педагогическое поприще. Правда, впослѣдствіи (въ 1849 г.) агентъ Антонелли доносилъ, что Петрашевскій, по его словамъ, „въ какомъ-то заведеніи держалъ пробную лекцію, и былъ одобренъ“, но проф. Петербургскаго университета Ивановскій „донесъ на него, что онъ желаетъ вступить учителемъ... съ цѣлью распространять между молодыми людьми идеи либеральныя, и вслѣдствіе этого доноса... ему учтиво отказали“. Но возможно, что эту пробную лекцію Броневскій предложилъ Петрашевскому прочесть въ лицеѣ, а Ивановскій, бывшій тамъ профессоромъ, далъ о ней неблагопріятный отзывъ.

Въ томъ же донесеніи Антонелли сообщаетъ еще относительно Петрашевскаго, съ его словъ, слѣдующее: „По поводу чтенія какого-то его сочиненія противъ правительства какимъ-то ученикомъ училища правовѣдѣнія... принцъ Ольденбургскій писалъ о немъ въ III отдѣленіе, и если онъ избавился отъ преслѣдованія, то только потому“, что, по его словамъ, „имѣлъ изъ третьихъ рукъ какое-то сочиненіе противъ Россіи, принадлежащее какому-то генералу, находившемуся“ при III отдѣленіи. „Этотъ доносъ... принца Ольденбургскаго заставилъ его быть чрезвычайно осторожнымъ и разузнать о всѣхъ лицахъ, которымъ правительство поручило наблюдать за подобными ему людьми“. Въ дѣлѣ Петрашевскаго въ III отдѣленіи есть только одно, приведенное выше, обращеніе къ гр. Орлову принца Ольденбургскаго въ 1844 г., и слово „говорунъ“ болѣе соотвѣтствуетъ разговорамъ Петрашевскаго съ лицеистами, чѣмъ разсказу о чтеніи какого-то антиправительственнаго его сочиненія. Поэтому всего вѣроятнѣе, что Антонелли перепуталъ разсказъ Петрашевскаго объ инцидентѣ въ лицеѣ.

---

[1]) Арх. Департ. Полиціи, дѣло III отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, 1844, № 139.

ГЛАВА II.

„Карманный словарь иностранныхъ словъ."

Въ апрѣлѣ 1845 г. вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ". Это былъ первый выпускъ, обрывающійся на статейкѣ „Мальтійскій Орденъ"; въ слѣдующемъ году былъ отпечатанъ второй выпускъ, доведенный до буквъ *Орд.* [1]). Петрашевскій принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ изданіи, и потому мы должны подробно ознакомиться съ нимъ.

Первый выпускъ началъ печататься въ августѣ 1844 г. 24 декабря въ „Русскомъ Инвалидѣ" появилось объ этомъ изданіи объявленіе и проспектъ, въ которомъ было обѣщано, что въ словарѣ дано будетъ объясненіе 4000 словъ и особая энциклопедія по исторіи наукъ въ алфавитномъ порядкѣ. На оберткѣ словаря было помѣщено „Нѣсколько словъ отъ издателя", который заявлялъ, что словарь „не что иное, какъ краткая энциклопедія искусствъ и наукъ или, вѣрнѣе сказать, краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ европейскою образованностью". Довести словарь до конца издателю не удалось по причинамъ, какъ мы увидимъ, отъ него не зависѣвшимъ.

Нѣкоторые думаютъ, что Н. Кириловъ—псевдонимъ Петрашевскаго: между тѣмъ это лицо, дѣйствительно существовавшее: Николай Сергѣевичъ Кириловъ, штабсъ-капитанъ гвардейской артиллеріи. Изъ надписи на экземплярѣ „Карманнаго словаря", принадлежащемъ Имп. Публичной библіотекѣ, видно, что его издатель служилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ „по учебной части". Вѣроятно, этимъ и объясняется „всепреданнѣйшее посвященіе словаря великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній". Кириловъ, кромѣ того, состоялъ секретаремъ Общества посѣщенія

[1]) Книга эта чрезвычайно рѣдка. Изъ Петербургскихъ казенныхъ библіотекъ полный экземпляръ есть только въ Имп. Публичной библіотекѣ и библіотекѣ Лицея, а въ библіотекѣ Академіи Наукъ только первый выпускъ.

бѣдныхъ, предсѣдателемъ котораго былъ довольно извѣстный писатель кн. Вл. Ѳед. Одоевскій [1]).

Хотя издателемъ словаря было лицо, дѣйствительно существовавшее, все же весьма значительную роль въ его составленіи игралъ Петрашевскій. Это видно изъ донесенія агента Антонелли (14 января 1849 г.), который со словъ самого Петрашевскаго сообщилъ слѣдующее:

„Эта книга была сочинена имъ (т.-е. Петрашевскимъ) и двумя другими лицами, о которыхъ онъ, впрочемъ, не упоминалъ, подъ главною его самого редакціей. Она состоитъ изъ двухъ выпусковъ, и когда первый выпускъ былъ изданъ и имѣлъ большой успѣхъ, то второй выпускъ онъ посвятилъ е. и. в. вел. кн. Михаилу Павловичу, который выпускъ уже послѣ изданія, по распоряженію правительства, былъ отобранъ, но все-таки успѣлъ разойтись въ числѣ 1000 экземпляровъ. Въ этой книгѣ онъ ссылается на иностранныхъ авторовъ, которыхъ сочиненія запрещены въ Россіи, и послѣ отборки его книги, боясь, чтобы его не спросили, откуда онъ досталъ вышеупомянутыя сочиненія, онъ собралъ подробнѣйшія свѣдѣнія, когда и какія сочиненія иностранныхъ авторовъ были сначала пропущены и впослѣдствіи уже запрещены, имѣя въ виду въ случаѣ нужды сослаться на нихъ. Также, чтобы отстранить издателя Кирилова отъ отвѣтственности, и чтобы въ случаѣ допроса онъ его не запуталъ, написалъ Кирилову письмо, которое бы въ случаѣ нужды тотъ могъ показать и которое его, Кирилова, совершенно отстраняло отъ дѣла“, т.-е. избавляло отъ отвѣтственности. Но, какъ увидимъ, Кириловъ этимъ письмомъ не воспользовался. Очевидно, о „Словарѣ иностранныхъ словъ“ идетъ рѣчь въ донесеніи и другого агента, Наумова, человѣка малограмотнаго и невѣжественнаго, котораго, увидѣвъ всего во второй разъ, Петрашевскій пытался начать развивать, довѣрившись рекомендаціи своего знакомаго, студента Толстова. Примѣняясь къ уровню пониманія Наумова, Петрашевскій сказалъ ему [2]): „Надо было бы устроить разныя общества, которыя выбирали (бы) изъ среды себя людей умныхъ, а эти распоряжались бы, въ судахъ бы рѣшали дѣла головами, а не такъ, какъ теперь“. Затѣмъ онъ показывалъ Наумову какія-то запрещенныя изданія и сказалъ, что дастъ ему читать разныя книги, чтобы онъ могъ знать, какова будетъ его обязанность, когда

[1]) *В. Р. Зотовъ.* „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“. „Истор. Вѣстн.“, 1890 г., № 6, стр. 554. Этому Кирилову принадлежитъ книга, вышедшая въ свѣтъ въ Спб. въ 1845 г. подъ заглавіемъ: „Типы современныхъ нравовъ, представленные въ иллюстрированныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, издаваемые подъ редакціею *Николая Кирилова*“. Въ ней былъ помѣщенъ только одинъ разсказъ „Тертый калачъ, сцены изъ провинціальной жизни“. Неблагопріятный отзывъ Бѣлинскаго объ этой книгѣ былъ помѣщенъ въ „Отеч. Зап.“, т.40, стр. 23—24; перепечатанъ въ „Полн. собр. соч. Бѣлинскаго“, изд. подъ ред. Венгерова, т. IX, СПБ. 1910, стр 369—370.

[2]) Вѣрность передачи его словъ остается, конечно, на отвѣтственности Наумова.

его выберутъ въ какую-либо должность. Петрашевскій прибавилъ, что онъ „издалъ на русскомъ языкѣ книгу объ этомъ. Ея въ одинъ день разошлось 800 экз., но запретили, отбирали". Петрашевскій обѣщалъ дать ее Наумову. Послѣ этого онъ сталъ читать ему „какую-то маленькую русскую книжечку, въ которой много было статей, въ числѣ коихъ одна—*національное* или что-то подобное, и сказалъ, что книжку эту написалъ онъ и что подъ описаніемъ французской республики должно понимать Россію. Съ книжки этой сорваны начало и конецъ". Вѣроятно, это былъ второй выпускъ „Карманнаго словаря", начинающійся на полусловѣ на стр. 177; конца въ немъ также не было,—онъ обрывался на 324 страницѣ.

Петрашевскій преувеличилъ быстроту распространенія этой книги. Изъ офиціальнаго дѣла о второмъ выпускѣ словаря видно, что онъ былъ напечатанъ въ 2000 экз.; изъ нихъ во время конфискаціи словаря оказалось налицо въ типографіи 1260 экз., у переплетчика 294 и у издателя въ квартирѣ 45, всего 1599 экземпляровъ; изъ остальныхъ продано книгопродавцами въ Петербургѣ 27 экземпл., разослано ими въ другіе города 148 и разослано иногороднимъ (очевидно, подписчикамъ на словарь, на который была объявлена подписка) 170 экз.; слѣдовательно, собственно продано всего лишь 345 экз.; кромѣ того, роздано „издателямъ" въ С.-Петербургѣ (вѣроятно, разослано по редакціямъ) 17, подарено 32 и доставлено въ цензурный комитетъ 7 экземпляровъ.

Петрашевскій сказалъ Антонелли, что словарь составленъ имъ и двумя другими лицами подъ его главной редакціей: слова эти едва ли могутъ относиться къ первому выпуску. Есть указанія, что этотъ выпускъ словаря редактировалъ и написалъ въ немъ руководящія статьи В. Н. Майковъ, а остальныя статьи этого выпуска принадлежатъ перу его товарища по университету Р. Р. Штрандмана, во второмъ же выпускѣ Майковъ не участвовалъ: приготовивъ къ печати первый выпускъ, онъ отказался отъ редактированія изданія Кирилова, вѣроятно, потому, что сдѣлался соредакторомъ Дершау въ „Финскомъ Вѣстникѣ" и сталъ работать въ „Отечественныхъ Запискахъ" [1]).

В. Н. Майковъ, родившійся въ 1824 г., окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету въ 1842 г. [2]). Онъ пробовалъ было поступить на службу въ Министерство Государственныхъ имуществъ, но по слабости здоровья, очень скоро

---

[1]) *В. Майковъ.* „Критическіе опыты". Спб. 1891 г., стр. XVII, XIX.

[2]) Здѣсь на него оказали вліяніе лекціи проф. политич. экономіи В. С. Порошина. Ibid. стр. XV. О семьѣ родителей Майкова и собраніяхъ у нихъ по воскресеньямъ см. въ воспоминаніяхъ *А. В. Старчевскаго* о Дудышкинѣ: „Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ" въ „Истор. Вѣстн." 1886, № 2, стр. 363—364, 374—377. О непродолжительномъ участіи Майкова въ журналѣ Дершау ibid., 378—379.

вышелъ въ отставку, отправился въ маѣ 1843 г. за границу и провелъ семь мѣсяцевъ въ Германіи, Италіи и Франціи, гдѣ продолжалъ заниматься исторіей, политическою экономіею и философіею, преимущественно нѣмецкою. Майковъ былъ нѣсколько знакомъ и съ курсомъ положительной философіи Ог. Конта, но не успѣлъ основательно усвоить ни нѣмецкой философіи, ни взглядовъ Конта [1]). Первымъ оригинальнымъ литературнымъ трудомъ его была статья „Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства". Хотя она и не была напечатана въ свое время и появилась впервые въ изданіи „Критическихъ опытовъ" Майкова (1891 г.), но нѣсколько остановиться на ней необходимо ради выясненія общественныхъ взглядовъ автора.

Сочиненіе это обнаруживаетъ знакомство Валерьяна Майкова съ трудами Конта по философіи, а также и съ сочиненіями Сисмонди и французскихъ соціалистовъ. В. Н. Майковъ приписываетъ Сисмонди очень важную „роль разрушителя" ученія Адама Смита [2]). Перечисливъ различныя мнѣнія о причинахъ неправильнаго состоянія промышленности и бѣдствій рабочаго класса (одни писатели старались дѣйствовать на предпринимателей „увѣщаніями нравственности и религіи", другіе „обвиняли самую систему свободнаго соперничества" и требовали вмѣшательства законодательства, третьи считали необходимымъ „возвышеніе нравственнаго и умственнаго образованія работниковъ" и „пріученіе ихъ къ бережливости и расчетливости", четвертые возлагали надежды на устройство ассоціацій), Майковъ продолжаетъ: „Явились и такіе утописты, которые возстали противъ частной собственности и возобновили мечты Платона объ общемъ владѣніи. Утописты эти раздѣляются на два главные разряда: одни полагаютъ, что справедливое распредѣленіе богатствъ заключается въ количественномъ равенствѣ дохода между всѣми членами общества [3]);

---

[1]) *В. Майковъ.* „Критич. опыты", стр. XXXV, 573, 609—610; *Г. В. Плехановъ* „Вис. Бѣлинскій и Вал. Майковъ", „Совр. Міръ", 1911, № 5, стр. 199—200.

[2]) „Ученіе Сисмонди,—говоритъ Майковъ,—открыло глаза политико-экономамъ. Многіе изъ нихъ заговорили, что политическая экономія должна имѣть въ виду не вещи, а людей, что увеличеніе количества и возвышеніе качества вещей тогда только важно, когда черезъ то увеличивается благосостояніе всѣхъ членовъ общества. Вдругъ сдѣлалось ясно, что работники составляютъ большинство народонаселенія, что на нихъ, какъ на бѣднѣйшихъ членовъ общества, должно быть устремлено особенное вниманіе науки народнаго хозяйства. Отсюда мало-по-малу развилась такъ называемая филантропическая школа политической экономіи, раздробившаяся на множество подраздѣленій, смотря по тому, въ чемъ кто видѣлъ источникъ блага". Стр. 617. Мнѣніе Майкова о Сисмонди требуетъ большихъ оговорокъ и поясненій. Ср. *С. Прокоповичъ.* „Проблемы соціализма. Развитіе соціалистической мысли во Франціи". Спб. 1911 г., стр. 55, 62, 64, 240 и др.

[3]) Тутъ авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду требованіе Луи Бланомъ равенства рабочей платы въ его извѣстномъ Майкову сочиненіи „Organisation du travail", 5-me édition. P. 1840, p. 103.

другіе требуютъ, чтобы доходы раздѣлялись по степени труда и способностей [1]).

Разбирая далѣе всѣ предложенныя „прогрессистами“ мѣры „къ достиженію промышленнаго благосостоянія“, авторъ находитъ, что „причины бѣдствій промышленныхъ обществъ приводятся къ двумъ главнымъ: къ признанію частной собственности... и къ существованію отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій“, или, другими словами, къ „разрозненности капитала и труда“. Но авторъ считаетъ устраненіе обоихъ этихъ условій недостижимымъ и несовмѣстимымъ съ успѣхами человѣчества [2]). „Замѣну частной собственности, частнаго труда и частнаго дохода собственностью, трудомъ и доходомъ общимъ ассоціацій, иными словами — уничтоженіе частной собственности, уничтоженіе частнаго труда, уничтоженіе частнаго дохода“, авторъ считаетъ нелѣпостью, составляющею противорѣчіе всему прогрессивному развитію человѣчества. Вознагражденіе по мѣрѣ способности и труда каждаго, предложенное сенъ-симонистами, по мнѣнію Майкова, только усилитъ вражду между людьми. Планъ, изложенный Луи Бланомъ въ его сочиненіи „Организація труда“, онъ находитъ также непрактичнымъ, такъ какъ, хотя при его осуществленіи „внутреннее соперничество уничтожается“, но „не уничтожается соперничество съ иностранными рынками“. Кромѣ того, по его мнѣнію, исключеніе частной изобрѣтательности и частнаго интереса изъ сферы человѣческой дѣятельности повергнетъ ее „въ усыпленіе и мертвенность“. Что Майковъ не сочувствовалъ и фурьеризму, видно изъ слѣдующихъ словъ въ показаніи Н. Я. Данилевскаго, который въ половинѣ 1840-хъ годовъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ ученія Фурье и горячимъ его пропагандистомъ: „У Петрашевскаго познакомился я съ Вал. Майковымъ, много занимавшимся политическою экономіею. Съ нимъ имѣлъ много разговоровъ и споровъ объ ученіи Фурье и думалъ со временемъ убѣдить его совершенно въ истинности его и вдвоемъ заняться разрѣшеніемъ темныхъ сторонъ его“. Въ іюнѣ 1846 г. Данилевскій уѣхалъ изъ

---

[1]) Стр. 618. Относительно послѣднихъ (сенъ-симонистовъ) авторъ добавляетъ въ другомъ мѣстѣ статьи: „Поборники этой идеи, допуская обогащеніе трудомъ, не признаютъ собственности наслѣдственной, какъ учрежденія, содѣйствующаго къ пользованію имуществомъ безъ труда и служащаго къ накопленію огромныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ“ (620).

[2]) Слѣдовательно, о „марксизмѣ“ Вал. Майкова, который хотѣлъ найти въ его трудахъ г. И. Ивановъ („Исторія русской критики“. Спб. 1900 г. Ч. III, 301—302), не можетъ быть и рѣчи. Вздорное утвержденіе г. Иванова о „марксизмѣ“ и мнимомъ „экономическомъ матеріализмѣ“ В. Н. Майкова было повторено Г. В. Александровскимъ въ его статьѣ о литературной дѣятельности Майкова въ кіевскомъ изд. „Соч. В. Н. Майкова“ Б. К. Фукса, 1901 г., т. I, стр. XXIII—XXXI, но слова г. Александровскаго встрѣтили справедливый отпоръ со стороны Г. В. Плеханова въ его статьѣ „Вис. Бѣлинскій и Вал. Майковъ“, „Совр міръ“, 1911, № 5, стр. 190—197.

Петербурга и не видалъ уже болѣе В. Майкова, утонувшаго въ слѣдующемъ году.

Положительная часть статьи Майкова сводится къ тому, что, доказывая нелѣпость сдѣльной платы рабочимъ, или „поденщины", авторъ предлагаетъ замѣнить ее „дольщиной", т.-е. такой системой, при которой „каждое лицо, котораго трудъ или капиталъ необходимо играетъ роль въ производствѣ промысла, каждое такое лицо получаетъ дивидендъ, долю изъ чистыхъ барышей, приносимыхъ промысломъ". Указывая на разныя практическія неудобства при осуществленіи проектовъ соціалистовъ, Майковъ предлагаетъ опредѣлять размѣръ дивидендовъ постановленіями, имѣющими силу закона, не замѣчая того, что къ этому предложенію можетъ быть примѣнено возраженіе о подавленіи личной энергіи предпринимателей, которое онъ выдвигаетъ противъ плановъ соціалистовъ. Онъ предлагаетъ также, чтобы работники „какъ лица, не посвященныя въ идею цѣлаго предпріятія", не отвѣчали своими долями за банкротство хозяина, и чтобы повѣрка прихода и опредѣленіе чистой прибыли отъ промысла была поручена собраніямъ выборныхъ отъ хозяевъ и работниковъ. Авторъ поясняетъ, что „дольщина не есть что-либо среднее между Смитомъ и новѣйшими соціалистами"; онъ полагаетъ, что „скорѣе можно назвать ее продолженіемъ Смита" [1]).

Какъ уже было упомянуто, Майковъ принялъ участіе въ первомъ выпускѣ „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ", какъ редакторъ и сотрудникъ. Онъ хорошо понималъ, какія требованія слѣдуетъ предъявлять энциклопедіямъ: по его мнѣнію, онѣ должны быть одушевлены общею мыслью, и всего интереснѣе и важнѣе тѣ изъ нихъ, которыя появляются съ „водвореніемъ новой идеи въ наукѣ и обществѣ". „Такія энциклопедіи,—говоритъ онъ,—называются философическими и служатъ могущественнымъ средствомъ къ распространенію новыхъ взглядовъ и уничтоженію устарѣлыхъ". Къ типу такихъ энциклопедическихъ словарей долженъ былъ принадлежать и словарь Кирилова, если бы этому не препятствовалъ его слишкомъ небольшой объемъ. Однако первый выпускъ этого словаря, въ которомъ руководящія статьи принадлежатъ Майкову, слабѣе второго, въ составленіи котораго принималъ участіе писатель болѣе яркаго общественнаго направленія [2]).

---

[1]) *В. Майковъ.* „Критическіе опыты", стр. 614—616.

[2]) Одобрительный отзывъ Бѣлинскаго о первомъ выпускѣ словаря Кирилова см. въ собраніи сочиненій знаменитаго критика, ред. С. Венгерова, т. IX, Спб. 1910, стр. 375—376. Въ „Современникѣ" 1845 г. (т. 38, стр. 258—9) помѣщена краткая рецензія на первый выпускъ Словаря, при чемъ указывалось на неправильность или неполноту объясненій словъ, касающихся собственно литературы, но „заключительное мнѣніе" отложено до окончанія словаря; въ письмѣ къ Гроту („Переписка Грота съ Плетневымъ", II, 452) Плетневъ выражается о словарѣ гораздо рѣзче, заподозривъ „по слогу, тону и мыслямъ" участіе въ немъ Никитенка.

Другимъ сотрудникомъ словаря былъ пріятель Майкова Ром. Ром. Штрандманъ. Онъ поступилъ въ 1838 г. въ петербургскій университетъ, но, по семейнымъ обстоятельствамъ и по болѣзни, курса не окончилъ. Впослѣдствіи на вопросъ слѣдственной комиссіи, почему онъ бывалъ у Петрашевскаго по утрамъ, Штрандманъ отвѣчалъ: „Петрашевскій принималъ дѣятельное участіе въ изданіи капитана Кирилова „Словарь иностранныхъ словъ...“, въ составленіи котораго и я участвовалъ“. Изъ показаній Штрандмана также видно, что онъ еще въ университетѣ былъ „коротко знакомъ“ съ одновременно вступившимъ въ него В. Н. Майковымъ; „дружба эта не прекращалась до самой его смерти“. Майковъ часто бывалъ у Штрандмана, и послѣдній посѣщалъ семейство Майковыхъ. Майковъ также бывалъ у Петрашевскаго и нѣсколько разъ былъ у него вмѣстѣ со Штрандманомъ [1]). И Майковъ, и Штрандманъ участвовали, какъ увидимъ ниже, денежными взносами въ устройствѣ библіотеки иностранныхъ книгъ, затѣянной Петрашевскимъ [2]).

Когда у Петрашевскаго завелись фиксы по пятницамъ, то Майковъ и Штрандманъ бывали на нихъ. Ихъ встрѣчалъ тамъ Салтыковъ, будущій знаменитый сатирикъ, который по его словамъ на допросѣ прекратилъ знакомство съ Петрашевскимъ въ концѣ 1845 или въ началѣ 1846 г.; одновременно съ нимъ, какъ онъ показывалъ, пересталъ ѣздить къ Петрашевскому и Майковъ; одною изъ причинъ ихъ „отдаленія“ отъ Петрашевскаго была „рѣзкость мнѣній“ его. Извѣстно, что Штрандманъ бывалъ на пятницахъ Петрашевскаго въ 1845—46 гг. Этою зимою бывалъ у Петрашевскаго и Вл. Милютинъ, одинъ изъ членовъ талантливой семьи Милютиныхъ, тогда еще студентъ, уже въ 1847 г. начавшій печататься въ „Современникѣ“ и „Отеч. Запискахъ“,—затѣмъ профессоръ Петербургскаго университета. Ѳ. М. Достоевскій на слѣдствіи показалъ, что только однажды встрѣтилъ В. Майкова у Петрашевскаго на вечерѣ въ день его именинъ и добавилъ,

[1]) Въ 1846 г. Штрандманъ занялъ мѣсто письмоводителя II отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества, а въ 1848 г. и IV отдѣленія. Штрандманъ участвовалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, куда, вѣроятно, его рекомендовалъ В. Майковъ. Изъ матеріаловъ о цензурѣ видно, что въ 3 № „Отечественныхъ Записокъ“ 1848 г. Штрандманъ было написано „внутреннее обозрѣніе“. Въ „Каталогѣ русскихъ книгъ библ. Имп. Спб. университета“ (т. II. Спб. 1902 г., стр. 857) Штрандману приписана большая статья „Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина“ въ „Московск. Обозрѣніи“ 1859 г. т. II (по поводу стихотвореній Языкова). Мнѣ неизвѣстно, дѣйствительно ли она принадлежитъ Р. Штрандману.

[2]) Изъ сохранившихся записей выдачи книгъ изъ этой библіотеки видно, что Майковъ бралъ изъ нея книги Прудона „De la création de l'ordre dans l'humanité ou principes d'organisation politique“ (1843), Сенъ-Симона „Nouveau christianisme“, фурьеристскій журналъ „Phalange“ за 1846 г. и „Neue Geschichte der Philosophie“,—вѣроятно, сочиненіе Фейербаха“ Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie“ (1833—37 г., 2 тома).

что Майковъ „не любилъ ни Петрашевскаго, ни его собраній и старался съ нимъ видѣться какъ можно рѣже“ [1]). Очень возможно, что охлажденіе Майкова къ Петрашевскому было вызвано и различіемъ во взглядахъ на составленіе энциклопедическаго словаря. Майковъ повидимому отличался значительнымъ самомнѣніемъ, такъ какъ рѣшился печатно обвинить Бѣлинскаго въ „претензіи на диктаторство“ [2]).

Никитенко въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ, что „Словарь иностранныхъ словъ“ издаетъ „какое-то общество молодыхъ людей“ [3]). Кромѣ издателя Н. С. Кирилова, мы уже знаемъ имена трехъ главныхъ сотрудниковъ; Петрашевскій, вѣроятно имѣя въ виду тѣхъ писателей, которые давали словарю извѣстную окраску, говорилъ Антонелли, что ихъ только трое и было, но изъ дѣла петрашевцевъ видно, что Кириловъ привлекалъ и другихъ сотрудниковъ, ставя главнымъ условіемъ простое, ясное изложеніе „безъ претензій на неумѣстную ученость“. Такъ, напр., Масловъ [4]) составилъ объясненіе 50 словъ; Кириловъ былъ очень доволенъ его трудомъ и немедленно, по представленіи рукописи, уплатилъ ему гонораръ. Затѣмъ нѣкій Лысцовъ, чиновникъ контроля, занимавшійся русскою исторіей и особенно временемъ Петра, но не участвовавшій въ словарѣ, рекомендовалъ Кирилову въ качествѣ сотрудника Дм. Андр. Кропотова, служившаго дежурнымъ офицеромъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, человѣка знающаго, но, судя по его показаніямъ во время слѣдствія по дѣлу петрашевцевъ, весьма антипатичнаго [5]). Кириловъ былъ доволенъ составленнымъ Кропотовымъ объясненіемъ словъ (около 20, при чемъ главнымъ пособіемъ ему служилъ „Dictionnaire générale“ par Napoleon Landois). Кропотовъ, ссылаясь на слова Лысцова, говоритъ въ своемъ показаніи, будто предполагалось прекратить изданіе словаря „вслѣдствіи недобросовѣстности одного сотрудника, который въ три дня сработалъ 500 или 600 словъ“, давъ лишь такія объясненія: „географія или землеописаніе, навигація или мореплаваніе“. Спустя нѣкоторое время Кириловъ снова принялся

[1]) Достоевскій два раза былъ свидѣтелемъ того, какъ Майковъ велѣлъ сказать, что его нѣтъ дома, когда къ нему пріѣзжалъ Петрашевскій: „Онъ называлъ его сумасброднымъ человѣкомъ и... говорилъ, что не будетъ у Петрашевскаго никогда по пятницамъ“.

[2]) *В. Майковъ*. „Критич. опыты“, стр. 10—11, XXXIV—XXXV, XXXVIII—XL.

[3]) Цензоръ въ донесеніи по поводу статей Петрашевскаго также говоритъ о „редакціи“ сборника (т.-е. словаря). „Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб Въ Типографіи Морскаго Министерства. 1862 г. стр. 67.

[4]) Вѣроятно, Иванъ Ильичъ Масловъ, пріятель Бѣлинскаго и Некрасова. См. *Бѣлинскій*, „Письма“, III, 354.

[5]) Онъ занимался русскою исторіей и писалъ рецензіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и статьи въ „Военной Энциклопедіи“. Впослѣдствіи (въ 1874 г.) Кропотовъ издалъ первый томъ сочиненія „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“, доведеннаго до 1831 года. Кропотову принадлежитъ также статья „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ по поводу записокъ Греча“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1869 г., № 3.

за словарь и напечаталъ его, но составленныя имъ, Кропотовымъ, объясненія словъ, если вѣрить его показанію, помѣщены въ немъ не были [1]).

Если свѣдѣнія, сообщенныя Кропотовымъ, вѣрны, то въ изданіи словаря былъ какой-то кризисъ. Трудно сказать вполнѣ опредѣленно, участвовалъ ли Петрашевскій и въ первомъ выпускѣ, но съ полною несомнѣнностью его участіе можно доказать лишь относительно второго который и носитъ печать опредѣленнаго соціалистическаго міросозерцанія редактора. Герценъ, находившійся въ Петербургѣ въ октябрѣ 1846 г. вскорѣ послѣ конфискаціи словаря, говоритъ въ своей статьѣ о Петрашевскомъ, что послѣдній „напечаталъ нѣсколько статей въ энциклопедическомъ словарѣ“, и затѣмъ продолжаетъ: „Появленіе этой книги въ Россіи, классической странѣ цензуры, и подъ покровительствомъ... вел. кн., брата имп. Николая, которому она была посвящена, фактъ изумительный. Узнавъ, что нѣкто Кириловъ намѣревается издать съ исключительно коммерческою цѣлью объяснительный „Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка“, Петрашевскій явился къ нему и предложилъ себя въ качествѣ сотрудника, спросивъ, и то лишь для того, чтобы не возбудить подозрѣнія, очень умѣренный гонораръ. Литературный предприниматель, обрадованный выгоднымъ предложеніемъ, предоставилъ Петрашевскому выборъ словъ для объясненія. Тотъ горячо ухватился за случай для пропаганды своихъ идей посредствомъ изданія, повидимому, совершенно незначительнаго, расширилъ его планъ... для того, чтобы подъ разными словами изложить основныя начала соціалистическихъ ученій, перечислить наиболѣе важные параграфы конституціи, принятой французскимъ учредительнымъ собраніемъ, съ ядовитою критикою отнестись къ современному состоянію Россіи и назвать заглавія нѣкоторыхъ сочиненій—Сенъ-Симона, Фурье, Гольбаха, Кабе, Луи Блана и пр. и пр. Основная идея системы Фейербаха изложена безъ обиняковъ подъ словомъ *натурализмъ*. Подъ словомъ *ода* Петрашевскій процитировалъ даже вамъ стихотвореніе Беранже“.

Герценъ упоминаетъ о томъ, что цензоръ Крыловъ, цензировавшій „Словарь иностранныхъ словъ“, „человѣкъ очень робкій [2]) и боязливый“, много разъ говорилъ Петрашевскому, что его статейки вызываютъ въ немъ паническій страхъ, но тому удавалось его успо-

---

[1]) Изъ перечисленныхъ имъ десятка словъ нѣкоторыя (лабиринтъ, лексиконъ, лексикологія, лексикографія, оболъ, обелискъ) помѣщены въ словарѣ, но совершенно неважно, Кропотовымъ или кѣмъ другимъ даны ихъ объясненія,—такъ какъ ничего интереснаго въ нихъ нѣтъ.

[2]) „Робкій“ цензоръ обыкновенно бывалъ синонимомъ „свирѣпаго“; и дѣйствительно, цензоръ А. Крыловъ былъ очень строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глупъ. См. „Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. III, 170, 209.

каивать, доказавъ, что своею терпимостью онъ ни въ чемъ не преступилъ цензурнаго устава [1]). Агентъ Антонелли сообщаетъ со словъ Петрашевскаго, что цензоръ Крыловъ хотѣлъ сдѣлать на него доносъ, „какъ на человѣка безпокойнаго и вреднаго", но Петрашевскій удержалъ его отъ этого, „представивъ ему цензурованныя имъ въ разное время однѣ и тѣ же статьи, въ которыхъ онъ въ разное время дѣлалъ различныя поправки, противорѣчащія другъ другу". Однако, вопреки мнѣнію Петрашевскаго, цензоръ все-таки донесъ на него въ цензурный комитетъ. По поводу статей Петрашевскаго „Организація промышленности" и нѣкоторыхъ другихъ разсматривавшій ихъ цензоръ заявилъ, какъ видно изъ журнала петербургскаго цензурнаго комитета 12 марта 1846 г.: „Главное затрудненіе проистекало изъ общаго направленія статей противъ существующаго порядка въ общественной жизни. Редакція видитъ во всемъ *ненормальное*, какъ она выражается, положеніе и напрягается всѣми силами развивать способы къ приведенію общества въ другое положеніе, *нормальное*. Для редакціи кажется, что въ христіанскомъ обществѣ должно быть равенство, потому что религія христіанская есть религія братской любви". Цензора поражало также и слово „организація", и выражаемое авторомъ желаніе все организовать; послѣ организаціи производства и торговли, разсуждаетъ цензоръ, „можетъ появиться статья подъ заглавіемъ: „Организація войска, организація труда"; на чемъ можетъ остановиться этотъ рядъ организацій, угадать трудно" [2]).

Весьма важно было бы опредѣлить, какія статьи въ „Словарѣ иностранныхъ словъ" написаны Петрашевскимъ. Одна изъ его собственноручныхъ рукописей, захваченныхъ у него при обыскѣ, содержитъ въ себѣ статью *обскурантизмъ и обскурантъ*, а въ печатномъ изданіи словаря подъ словомъ „обскурантизмъ" есть только ссылка на прибавленіе къ словарю, которое, однако, напечатано не было. Статья эта интересна, какъ принадлежащая несомнѣнно Петрашевскому и къ тому же неизданная.

„Отъ сознанія или увѣренности,—говорится въ ней,—что знаніе есть основа могущества человѣка, легко сдѣлать заключеніе, что его слѣдуетъ скрывать, дабы другіе чрезъ его пріобрѣтеніе не сдѣлались тоже могущественными... Отъ этого не труденъ переходъ къ *убѣжденію въ необходимости для собственной своей безопасности отъ прочихъ людей скрывать* [3]) познанія, пріобрѣтенныя самодѣятельнымъ опытомъ, и даже удерживать ихъ (т.-е. другихъ людей) въ невѣжествѣ. Вотъ начало *обскурантизма*. Обскурантизмъ вообще составляетъ важную составную часть во всякомъ религіозномъ или теократическомъ властительствѣ или правленіи: примѣромъ этому могутъ слу-

---

[1]) „Полное Собр. Соч." *Герцена* подъ ред. М. К. Лемке, Петроградъ, 1917 т. VI, стр. 492.

[2]) „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", Спб. 1862 г., стр. 67.

[3]) Курсивъ въ подлинникѣ.

жить египтяне и другіе народы древняго и новаго міра [1]). Стараться содержать знаніе въ тѣсномъ кружкѣ священнодѣйствующихъ, употреблять самыя знанія, какъ орудіе для содержанія народа въ еще большемъ невѣжествѣ и уничиженіи, представить умъ человѣческій ограниченнымъ, божество—непонятнымъ, а истину—недосягаемой, устрашать пытливость ума сказаньемъ, подобно сказанію о гибели юноши въ Саисскомъ храмѣ, было всегда любимой уловкой обскурантизма...

„Новѣйшій обскурантизмъ, подобно древнему, считаетъ образованность тайной монополіей, которой подобаетъ исключительно пользоваться тѣсному кругу счастливцевъ, избранныхъ, а народъ слѣдуетъ оставить въ совершенномъ неразумѣніи и неразумѣніи всего того, что можетъ касаться его интересовъ... Обскурантамъ кажется почетнѣе владычествовать надъ рабами и кретинами, чѣмъ надъ дѣйствительными людьми, озаренными сознаніемъ. Тщетно имъ представлять въ примѣръ императора Максимиліана, поставлявшаго свою славу въ управленіи и властвованіи надъ людьми самостоятельными и сознающими свое человѣческое достоинство.

„Обскурантизмъ является достойнымъ соперникомъ іезуитизма [2]) на поприщѣ подавленія въ человѣкѣ разумности. Онъ хитро простираетъ свою власть на все и всѣхъ безъ различія пола, вѣроисповѣданій, спѣшитъ всѣмъ воспользоваться и дѣйствуетъ, какъ случится, тайно или открыто чрезъ посредство выставленныхъ имъ иногда важныхъ лицъ, которыя очень часто вовсе и не подозрѣваютъ своего подчиненія вліянію партіи обскурантистовъ... Опасныхъ по своей силѣ поборниковъ истины онъ старается пріобрѣсти къ себѣ деньгами; въ случаѣ неудачи такой попытки, онъ пытается уронить людей, не продающихъ свои убѣжденія, въ общественномъ мнѣніи, объявляетъ ихъ и вообще всякаго мыслящаго человѣка рушителемъ общественнаго спокойствія. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ его дѣйствованія на всѣхъ людей вообще должно признать его старанія убить въ людяхъ всякое стремленіе къ развитію и увѣренность въ его возможности... Онъ всѣми силами старается устранить разсмотрѣніе вопроса объ организаціи промышленности...

„Въ сферѣ общественнаго образованія онъ проявляется гоненіемъ на философію и вообще на всѣ тѣ науки, гдѣ можетъ или долженъ вообще разсматриваться человѣкъ, какъ человѣкъ, безъ отношенія ко времени и мѣсту, и гдѣ показывается солидарность, зависимость благосостоянія частнаго отъ общаго и, наоборотъ, и на все то, что убѣждаетъ человѣка въ необходимости дружескаго, братскаго между собою общенія; даже съ этою цѣлью онъ препятствуетъ изученію по источникамъ христіанства и возстаетъ противъ важности развитія публичности и естественности въ общественномъ бытѣ“.

Сохранилась еще рукопись почти всей статьи „Ораторство“ (написанной, повидимому, рукою Петрашевскаго и, во всякомъ случаѣ, съ его собственноручными поправками), которая напечатана въ „Карманномъ словарѣ“. Въ ней яснѣе, чѣмъ въ предыдущей, особенности слога и міросозерцанія Петрашевскаго.

„Человѣку, взятому въ отдѣльности, почти ничего невозможно совершить, но *все возможно* совершить въ *обществѣ* и *обществомъ* (par l'association et dans l'association). Для него трудъ уединенный и однообразный, *не опредѣленный природнымъ влеченіемъ* (travail isolé, monotone, non attrayant), *будетъ всегда тяжкой казнью* [3]), и великая нрав-

[1]) Авторъ приписалъ тутъ же: ламизмъ (sic), Китай.

[2]) Далѣе авторъ высказываетъ сочувствіе изгнанію іезуитовъ изъ Россіи.

[3]) Курсивы подлинника.

ственная сила потребна, дабы не пасть подъ его гнетомъ". Авторъ выдвигаетъ въ этихъ словахъ одно изъ основныхъ положеній ученія Фурье—необходимость сдѣлать трудъ привлекательнымъ[1]); что же касается слога этой статьи, то мы видимъ тутъ постоянную привычку Петрашевскаго пояснять свою мысль въ скобкахъ французскими словами. Далѣе онъ показываетъ, какъ неблагопріятны въ нѣкоторыхъ отсталыхъ государствахъ условія для развитія истиннаго краснорѣчія „Смѣшонъ,—говоритъ Петрашевскій,—въ глазахъ всякаго истинномыслящаго человѣка укоръ въ безталантливости тамъ, гдѣ была бы жалкая посредственность законодательницей и гдѣ самая талантливость являлась бы чѣмъ-то враждебнымъ духу тамошнихъ общественныхъ учрежденій!.... Не странно ли тамъ искать ума, общечеловѣческихъ полезныхъ открытій, усовершенствованій и изобрѣтеній,—гдѣ всякое обнаруженіе разумности, всякое нововведеніе было бы чѣмъ-то противозаконнымъ, безнравственнымъ..., гдѣ общественное судилище есть не иное что, какъ охранительное учрежденіе для всякой неправды?!... гдѣ однообразіе, монотонность, безмысліе и безсмысліе—законъ общественной жизни... какъ это и есть въ Турціи или Китаѣ! Тутъ странно было бы искать образцовъ краснорѣчія" [2]).

И затѣмъ, подъ предлогомъ указанія условій, необходимыхъ для развитія ораторскаго краснорѣчія, авторъ смѣло набрасываетъ программу политическихъ реформъ: „Полное, нестѣсняемое никакими общественными учрежденіями развитіе индивидуальности, признаніе не силы, но разумности началомъ управительнымъ въ обществѣ-закономъ положительнымъ, обычаемъ, упроченное разными охранительными политическими учрежденіями; обезпеченіе свободы мысли, чувства и ихъ *внѣшняго публичнаго обнаруженія* [3]), ясное сознаніе какъ своихъ частныхъ, такъ и общественныхъ интересовъ [4]), поддерживаемое публичностью всѣхъ общественныхъ и административныхъ отправленій,—вотъ главныя условія, безъ бытія которыхъ развитіе ораторства дѣлается невозможнымъ". Но и при наличности этихъ условій „явленіе образцовъ ораторскаго искусства не повседневно". Авторъ убѣжденъ, что „явленіе оратора—глашатая истины и нуждъ общественныхъ", возбуждающаго сочувствіе въ своихъ слушателяхъ, возможно „только въ часы великихъ потрясеній, переворотовъ, торжествъ

---

[1]) О Фурье, см. статью *Н. С. Русанова* въ его книгѣ „Соціалисты Запада и Россіи", изд. 2-е, написанную по поводу капитальнаго сочиненія *Bourgin* „Fourier", P 1905, и *Н. В. Водовозова* въ его книгѣ „Экономическіе Этюды", изд. 2, Спб. 1907.

[2]) Все многоточія подлинника.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Далѣе въ рукописи: „коимъ обладаетъ всякій гражданинъ", но это, вѣроятно, исключено цензурою.

или бѣдствій общественныхъ... Вотъ почему во Франціи среди Національнаго и Законодательнаго Собранія мы видимъ возрожденіе волшебнаго дѣйствія человѣческаго слова“[1]).

Агентъ Наумовъ доносилъ, что Петрашевскій читалъ ему изъ словаря „Національное, или что-то подобное“; такъ какъ Наумовъ при этомъ прибавилъ, что подъ Франціею нужно разумѣть Россію, то очевидно, что Петрашевскій читалъ ему статью „Національное собраніе“, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что примѣромъ національныхъ и общенародныхъ собраній „можетъ служить земскій соборъ, избравшій на царство нынѣ царствующій домъ Романовыхъ“. Далѣе шла рѣчь о національномъ учредительномъ собраніи во Франціи: „Можно сказать утвердительно, — говоритъ авторъ,—что если бъ Людовикъ XVI послѣдовалъ вполнѣ благоразумнымъ рѣшеніямъ сего собранія, совѣтамъ Неккера и другихъ просвѣщенныхъ своихъ министровъ, то историку вовсе бы не пришлось упоминать о многихъ ужасахъ этой революціи, и... политическое преобразованіе Франціи, какъ желалъ этого самъ Людовикъ, да и... возрожденіе народа французскаго совершилось бы тихо, мирно, безъ потрясеній“. Среди важнѣйшихъ декретовъ этого собранія онъ, между прочимъ, называетъ „объявленіе правъ человѣка“, „уничтоженіе рабства“ (l'abolition de la qualité de serf), уничтоженіе феодальныхъ судовъ, уравнительную раскладку налоговъ и подчиненіе имъ всѣхъ сословій. „допущеніе евреевъ и протестантовъ къ пользованію всѣми правами гражданскими и политическими наравнѣ съ католиками, обращеніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ въ государственную собственность для уплаты государственнаго долга..., сближеніе духовенства съ прочими сословіями и подчиненіе его общимъ государственнымъ постановленіямъ“. Приводитъ авторъ и важнѣйшіе пункты конституціи, изданной учредительнымъ собраніемъ: о неприкосновенности личности короля, о томъ, что собраніе, состоящее изъ одной палаты, образуется изъ представителей разныхъ департаментовъ, что „верховная власть принадлежитъ всему народу въ совокупности“, что всѣ правительственныя должности должны быть замѣщаемы по выбору, что судебная власть не должна находиться въ зависимости ни отъ короля, ни отъ законодательнаго собранія, что судопроизводство слѣдуетъ совершать публично, что сужденіе о виновности принадлежитъ присяжнымъ, что обвиняемые имѣютъ право избрать по своему желанію адвоката, что никто не можетъ быть содержимъ въ заключеніи безъ постановленія суда, по одному подозрѣнію, какого бы рода оно ни

---

1) Отмѣтимъ еще нѣкоторыя исключенія въ этой статьѣ: для человѣка „въ мірозданіи нѣтъ ничего *ему* не подчиненнаго, нѣтъ ничего *сверхъ-естественнаго*, такого, чего бы не заключалось въ его природѣ“. Два, напечатанныя курсивомъ, слова, исключены, очевидно, цензурою

было, о томъ, что каждый гражданинъ „имѣетъ полное право свободно выражать свои мнѣнія, писать и печатать, не подвергаясь никакому суду или цензурѣ“, а также „слѣдовать обрядамъ какой ему угодно вѣры и переходить изъ одной въ другую“ [1]). Такъ какъ Петрашевскій пояснилъ Наумову, что подъ Франціею тутъ слѣдуетъ разумѣть Россію, то, очевидно, онъ желалъ введенія у насъ такихъ же преобразованій. Статейка эта безъ всякаго сомнѣнія написана Петрашевскимъ [2]).

Несомнѣнно, ему принадлежитъ также статейка „Оппозиція“; по словамъ автора, оппозиціи, подкрѣпляемой „полною свободою выраженія мыслей (par la liberté de la presse), принадлежитъ въ странахъ, гдѣ господствуютъ формы правленія представительнаго, на дѣлѣ охрана законной свободы гражданъ отъ властительскаго произвола“. Классификація оппозиціи на: 1) фактическую (opposition de faits), 2) случайную (op. de circonstance), 3) частную, индивидуальную, личную [3]) и 4) систематическую—очевидно, навѣяна статьею Opposition въ «Dictionnaire politique, encyclopédie du langage et de la science politique, redigé par une reunion de députés, de publicistes et de journalistes avec une introduction par Garnier-Pagès» (1 изд. 1841 г.). Книга эта, какъ увидимъ, была извѣстна Петрашевскому. По мнѣнію автора, и систематическая оппозиція „должна безусловно принять всякую мѣру министерства, содѣйствующую къ прочнѣйшему установленію средствъ охраны личной безопасности и гражданской свободы, какъ, напр., обобщеніе права избранія“ (т.-е., вѣроятно, введенія всеобщаго избирательнаго права, которому, какъ увидимъ ниже, Петрашевскій сочувствовалъ), «улучшеніе формъ судопроизводства, введеніе открытаго судопроизводства..., полную замѣну имъ инквизиціоннаго или безгласнаго... и развитіе духа публичности и ассоціаціи». Далѣе авторъ проводитъ ту мысль, что при свободѣ выраженія мыслей «и права общничества» (le droit d' association), при судѣ присяжныхъ—жюри, публичности судопроизводства, оппозиція предохраняетъ отъ пролитія потоковъ крови. Въ статейкѣ этой сказывается свойственная Петрашевскому язвительность, когда онъ говоритъ, что «нашимъ законодательствомъ (превосходящимъ своимъ благодушіемъ, кротостью и простотою европейскія законодательства) узаконяется оппозиція даже противу высшихъ присутственныхъ и правительственныхъ мѣстъ, напримѣръ, сената (см. Св. Зак. изд. 1842 г.)».

---

[1]) Авторъ цитируетъ сочиненія по исторіи революціи Тьера и Кабе, „Histoire parlementaire de la France“ и „Histoire des dix ans“ Луи Блана.

[2]) Фр нцузской революціи касаются еще статьи „Мониторъ“, „Монтань, мнотаньяры“, „Ораторская рѣчь“.

[3]) Такую оппозицію, по словамъ автора, „образуютъ всякаго рода политическе пройдохи и шарлатаны, напр., Тьеръ, „не придерживающіеся никакихъ опредѣленныхъ политическихъ началъ“

Очевидно, его же перу принадлежитъ и статейка „Національность“ судя по той ѣдкой иронiи, которая была его характерною чертою и которую подмѣтилъ въ «Словарѣ» еще Герценъ. Примѣромъ ея можетъ служитъ слѣдующее мѣсто: „Мы должны благодарить Петра и *мудрыхъ его наслѣдниковъ*, что они приблизили насъ къ идеалу государственной, общественной и человѣческой жизни..., *что въ нашей администрацiи уже нѣтъ мѣста... господству привычки, рутины и безсознательно принятыхъ предразсудковъ,—и что наука, знанiе и достоинство ею руководятъ!!* И что главнымъ и отличительнымъ признакомъ нашей національности въ настоящее время есть благородное стремленiе... *подчинить всѣ явленiя жизни общественной безусловнымъ законамъ разума.* (Доказательствомъ этому можетъ служить изданiе Свода Законовъ!)“ [1]). Такъ какъ мы знаемъ, что среди „Запаса полезнаго“ у Петрашевскаго была тема „О негодности нашего Свода Законовъ“, то не можетъ быть никакого сомнѣнiя въ томъ, что вся эта тирада есть не что иное, какъ злая иронiя.

Судя по слогу, Петрашевскимъ, вѣроятно, написана и статейка „Нацiя“, любопытная по высказанному въ ней убѣжденiю, что „Россiю и русскихъ ждетъ высокая и великая будущность“, но только тогда, когда она станетъ „на высоту человѣчественнаго, космополитическаго развитiя (s'élever au degré du perfectionnement humanitaire)“, постигнетъ „общечеловѣческiе интересы“. „Тогда только можетъ какой либо народъ внести свою собственную лепту въ сокровищницу человѣческихъ знанiй, дать самодѣятельный толчекъ общечеловѣческому развитiю, когда будетъ имъ усвоена, вмѣстится въ немъ совершенно вся предшествовавшая образованность... и пережиты имъ всѣ его страданiя путемъ собственнаго тяжелаго опыта“. Въ послѣднихъ словахъ, вѣроятно, заключается намекъ на необходимость и намъ, по примѣру Западной Европы, пережить революцiю.

Кромѣ проповѣди необходимости политическихъ реформъ, главною задачею Петрашевскаго при изданiи „Карманнаго словаря“ была пропаганда соцiализма и близкихъ къ нему идей и указанiя на литературу соцiалистическихъ ученiй, изъ которой читатели могли бы дополнить по необходимости краткiя свѣдѣнiя, сообщаемыя словаремъ. Такъ, напр., въ немъ дана сравнительно большая статья „Овенизмъ“. Авторъ ея, въ отличiе отъ Фурье [2]) не относящiйся отрицательно къ овенизму, указываетъ на то, что Оуэнъ признаетъ полную зависимость человѣческой дѣятельности отъ обстоятельствъ и отрицаетъ свободу воли и „всякую отвѣтственность человѣка за причиняемое имъ зло, а принужденiе и наказанiе признаетъ средствами несправедливыми и недоста-

---

[1]) Курсивы и восклицательные знаки подлинника.

См. *Bourgin* „Fourier,“ 254—256, 303.

точными къ искорененію зла въ союзѣ общественномъ". Поэтому онъ ищетъ средствъ „радикальнаго излеченія всѣхъ недуговъ общества въ измѣненіи формы его организаціи". Причины вражды людей между собою овенизмъ видитъ въ «исключительной частной собственности, которая, развиваясь исторически подъ вліяніемъ началъ наслѣдства и фамильнаго эгоизма, сосредоточила въ рукахъ немногихъ плоды человѣческой промышленности и право на счастіе содѣлала монополіею нѣсколькихъ людей во вредъ прочимъ... Счастіе человѣчества безусловно требуетъ совершеннаго уничтоженія въ обществѣ этихъ принциповъ вражды", взамѣнъ которыхъ онъ выдвигаетъ „принципъ взаимнаго содѣйствія", требуетъ „установленія общаго и притомъ равнаго участія всѣхъ членовъ общества въ пользованіи плодами умственной и промышленной человѣческой дѣятельности". Основаніемъ новой формы общественнаго устройства овенизмъ считаетъ *ассоціацію*, „или добровольное соединеніе людей въ отдѣльныя общины", при чемъ „общую собственность составляютъ: орудія производства, сырые матеріалы" для ихъ воспроизведенія и все то, что, „нося названіе капитала, не предназначено къ непосредственному потребленію". При управленіи дѣлами общества „мнѣнія лицъ обоего пола равноцѣнны, и женщины допускаются къ должностямъ, ихъ полу свойственнымъ". Воспитаніе дѣтей, по ученію овенизма, должно быть общественнымъ, но не устраняющимъ вліянія родителей. Участниковъ въ общинѣ должно быть отъ 500 до 2000. Авторъ указываетъ и на опыты практическаго осуществленія идей Оуэна въ Ньюланаркѣ (въ Шотландіи) и въ двухъ колоніяхъ въ Америкѣ.

Въ статьѣ „Организація производства", по свидѣтельству цензора написанной Петрашевскимъ, авторъ говоритъ о томъ, что личность и права человѣка иногда приносятся въ жертву капиталу, что пришлось искать средства къ устраненію этого общественнаго зла, упоминаетъ о „знаменитомъ сочиненіи Прудона" «Qu'est ce que la propriété» (1840 — 41), рекомендуетъ сочиненіе Villegardelle «Histoire des idées sociales avant la révolution française ou les socialistes modernes devancés et depassés par les anciens penseurs» (1846) и указываетъ на ученіе Фурье и его сочиненія „Le Nouveau monde industriel" (1829) и „La fausse industrie" (1835—6) и на то, какъ онъ раздѣляетъ чистый доходъ отъ производства между капиталомъ ($^1/_{12}$), трудомъ ($^5/_{12}$), и талантомъ ($^6/_{12}$) [1]). Авторъ статьи, согласно ученію Фурье, утвержда-

[1]) По другому распредѣленію при той же долѣ капитала, Фурье предлагалъ назначить $^6/_{12}$ труду и $^2/_{12}$ таланту. *H. Bourgin* „Fourier" P. 1905, p. 330; *С. Н. Прокоповичъ* „Пробламы соціализма" Спб. 1911 г., стр. 112. Третье сочиненіе Фурье „Traité de l'association domestique agricole", переизданное въ собраніи его сочиненій подъ названіемъ „Théorie de l'unité universelle" (T. 2—5. P. 1841), названо въ статьѣ „Натуральное состояніе".

етъ, что „высшая задача общественной экономіи состоитъ въ умѣніи постоянно уравновѣшивать способы удовлетворенія нуждъ съ самыми потребностями и обезпечивать каждому члену общественнаго организма безбѣдные способы существованія (minimum de l'existence) чрезъ доставленіе ему средствъ къ общеполезному труду".

Въ статьѣ „нео-христіанизмъ" есть ссылка на слово „Сенъ-Симонизмъ", въ статьѣ „Организація производства" на слова „соціализмъ" и „фурьеризмъ"; очевидно Петрашевскій разсчитывалъ ихъ написать, но не успѣлъ въ этомъ вслѣдствіе прекращенія „Словаря" на второмъ выпускѣ. Взгляды сенъ-симонистовъ затронуты Петрашевскимъ въ статьѣ „Органическая эпоха", гдѣ сдѣлана ссылка на книгу „Exposition de la doctrine de Saint-Simon par M. Bazard et Enfantin". P. 1829. Подъ словомъ „Океана и Океанія" сообщаются свѣдѣнія о сочиненіи Гаррингтона (1656 г.), гдѣ авторъ „аллегорически представляетъ идеалъ республики, въ которой общественное благосостояніе основывается на равенствѣ имуществъ [1]). Въ статьѣ „Новаторство" съ сочувствіемъ упоминается ученіе Овена, Сенъ-Симона, Фурье, а въ статьѣ „Новаторъ", судя по слогу, тоже принадлежащей Петрашевскому, находимъ горячую защиту смѣлыхъ нововводителей: „Нынѣ *только отсталая половина человѣчества* глумится надъ смѣлымъ нововводителемъ и иногда имя его обращается въ смѣшное прозвище... Теперь разрушеніе перестало быть геройствомъ и описаніе станка Аркрайта или паровой машины Фультона... скорѣе возбудитъ удивленіе въ сердцѣ читателя, нежели описаніе знаменитой побѣды Наполеона, для которой этотъ геній крушенія безжалостно устилалъ трупами своихъ соотечественниковъ поле сраженія, говоря: mais c'est de la chère à canon. Высока, тяжела, миссія всякаго новатора и новаторства!... Неуспѣхъ, страданія, гоненія были доселѣ удѣломъ всякаго новатора, не льстившаго невѣжеству, но который, руководясь истиною, стремился усвоить ее человѣчеству.—Христосъ (для евреевъ, его не признававшихъ) былъ только новаторомъ—умеръ на крестѣ и сталъ божествомъ, Спасителемъ (для вѣрующаго въ него человѣчества). Такъ таинственна воля Господня!!!—и *крестъ—орудіе позорной казни — сталъ знаменіемъ* и завѣтомъ спасенія, вѣчнаго блаженства и жизни!" [2]) Соціалистическимъ направленіемъ проникнута и статейка (вѣроятно, также Петрашевскаго) „Натуральное право", въ которой, между прочимъ, встрѣчается энергическое осужденіе войны [3]).

---

[1]) И слѣднее невѣрно. См. статью о Гаррингтонѣ въ Энц. Словарѣ Граната, изд. 7, т. XII, 570–573.

[2]) Курсивы и восклицательные знаки подлинника.

[3]) Подъ словомъ «Неологизмъ», въ видѣ примѣровъ удачныхъ нововведеній, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, приведены слова: солидарность, цивилизація, соціальный, соціалисты, ассоціація. Въ статейкѣ „Натуральная система" упоминается сочиненіе Гольбаха „Système de la nature" и указано значеніе этого писателя для XVIII вѣка.

Въ статьѣ „Нормальное состояніе“ авторъ говоритъ: *„Нормально развитымъ* или благоустроеннымъ *обществомъ*... будетъ то, которое *доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякого человѣка въ такое положеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу, безъ самозаклапія личности. — Человѣчество тогда только можно почесть достигшимъ *нормальнаго развитія* или *состоянія*, когда духъ единства и единенія проникнетъ всѣхъ людей..... [1]) *и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Ев. Іоанна, гл. X, ст. 16). Когда физическія и нравственныя силы отдѣльнаго человѣка достигнутъ апогея ихъ возможнаго развитія и для человѣка вообще настанетъ пора самосознанія, самозаконія, общности и общительности. Когда человѣкъ войдетъ въ непосредственное общеніе съ природою *и всѣ люди въ совокупности явятся полными властелинами* живыхъ и дѣйствующихъ силъ земли и онѣ будутъ покорными орудіями человѣческаго произвола; когда все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ (согласно ученію Фурье) обратится въ *источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью*“.

Какъ весьма ясный протестъ противъ крѣпостного права, интересна статья „Негрофилъ“. въ которой на нѣсколькихъ страницахъ изложена исторія рабства негровъ и ихъ постепеннаго (во время Петрашевскаго еще не законченнаго) освобожденія. Еще интереснѣе статья „Нивеллеры“ (т.-е. левеллеры, уравнители), гдѣ въ характеристикѣ ихъ ученія, между прочимъ, упомянуты слѣдующіе пункты: „Такъ какъ ученіе Христа есть ученіе равенства, то рабство должно быть уничтожено въ христіанскомъ мірѣ... Всѣ помѣщики или землевладѣльцы должны предоставить принадлежащіе имъ воды и лѣса въ общее пользованіе. Всѣ же земли, не принадлежащія кому-либо въ особенную, исключительную собственность..., должны поступить въ общее владѣніе“. [2]) Въ этой же статейкѣ находимъ такую мысль: „Нѣтъ примѣра возстановленія утраченныхъ правъ безъ жертвъ кровавыхъ и гоненій“.

Петрашевскій былъ человѣкъ не религіозный, и придавалъ большое значеніе пропагандѣ своихъ идей въ этой области. Еще Герценъ, какъ мы видѣли, отмѣтилъ, что въ статьѣ „Натурализмъ“ Петрашевскій „безъ обиняковъ изложилъ основную идею системы

---

[1]) Цѣлая строка точекъ въ подлинникѣ; въ этой статьѣ имѣются значительныя многоточія — до шести строкъ — и въ другихъ мѣстахъ; вѣроятно она подверглась цензурнымъ сокращеніямъ.

[2]) Ср. *М. М. Ковалевскій*. Исторія Великобританіи въ „Энциклоп. словарѣ“, изд. Т-ва бр. Гранатъ, изд. 7, т. VIII, 650, IX 36 — 51.

Фейербаха въ области религіи“ [1]). Въ статьѣ „Мистицизмъ“ онъ доказывалъ, что мистицизмъ—„система нелѣпая и сама себѣ противорѣчащая“.

Въ статьѣ „Оптимизмъ“, повидимому, тоже принадлежащей перу Петрашевскаго, авторъ говоритъ, что ученіе Лейбница въ его „Теодицеѣ“—„весьма неудачная попытка защиты деизма противу сокрушительныхъ нападеній атеизма практическаго, внушаемаго самой дѣйствительной жизнью и неудобосогласимостью съ идеей о божественной благости и премудрости многихъ явленій“. Статья „Оракулъ“ заканчивается мыслью, что христіанство имѣло „цѣлью водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности“, но „какъ ни прекрасно начало сего ученія..., оно еще не получило нормального развитія“ [2]). Въ статьѣ „Моногамія“ встрѣчаемъ отрицательное отношеніе къ современному браку: любовь, по словамъ автора, почти совершенно позабыта и изгнана „въ настоящихъ брачныхъ отношеніяхъ, такъ что бракъ, разсматриваемый, какимъ онъ является въ жизни дѣйствительной, есть договоръ болѣе соединенія хозяйствъ“... Но все же моногамія, „безспорно совершеннѣйшая изъ настоящихъ“ (т.-е. существующихъ нынѣ) „формъ брака“, основывается „на сознаніи о равенствѣ правъ человѣческой личности и проистекшемъ оттуда признаніи одинаковости и тождественности правъ мужчины и женщины“. Авторъ статьи

---

[1]) Приведемъ цѣликомъ эту маленькую статейку: „Натурализмъ обыкновенно противополагается супернатурализму. Въ смыслѣ вѣроученія означаетъ ученіе, считающее возможнымъ для человѣка достиженіе, путемъ одного мышленія, безъ всякой помощи (преданія, откровенія, или самолично явленія Божества), и осуществленіе въ дѣйствительной жизни вѣчнаго и будущаго блаженства чрезъ полное, самостоятельное и самодѣятельное развитіе силъ природы своей. Натурализмъ, въ низшихъ фазисахъ своего развитія, откровенія Божества въ положительныхъ религіяхъ считаетъ ложными, созданіями не божественными, а чисто человѣческими. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи это ученіе, вмѣщая въ себя пантеизмъ и матеріализмъ, считаетъ божество ничѣмъ инымъ, какъ общей и высшей формулой человѣческаго мышленія, переходитъ въ атеизмъ и даже, наконецъ, преображается въ антропотеизмъ, т.-е. въ ученіе, признающее высшимъ существомъ только человѣка въ природѣ. Натурализмъ, находясь на этой степени своего раціональнаго развитія, считаетъ всеобщее признаніе Божества въ положительныхъ религіяхъ происшедшимъ отъ обоготворенія человѣкомъ своей личности и отъ общихъ законовъ своего мышленія, всѣ религіи, которыя представляетъ намъ историческое развитіе человѣчества, считаетъ только постепеннымъ приготовленіемъ человѣчества къ антропотеизму или полному самопознанію и сознанію жизненныхъ законовъ природы“.—Ср. *Іодль*. „Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе. Пер. Е. Максимова“. Спб. 1905 г.; *Л. Фейербахъ*. „Сущность христіанства“. Перев. Ю. Антоновскаго. Спб. 1908.—См. еще въ словарѣ Кирилова статью „Натуральное богословіе“.

[2]) Липранди въ своей запискѣ (17 августа 1849 г.) отмѣтилъ „между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ“ приведенное мѣсто статьи „Оракулъ“, какъ „небывалыя на русскомъ языкѣ строки“. („Русск. Стар.“, 1872, т. VI, стр. 82).

„Одалиска“ такъ говоритъ о женскомъ вопросѣ: „Человѣчественность въ женщинѣ возможна только при ея эмансипаціи или сравненіи правъ обоихъ половъ согласно ученію христіанства и Евангелія“.

Всѣ приведенныя выше цитаты заимствованы изъ второго выпуска словаря, составленнаго, несомнѣнно, подъ редакціей Петрашевскаго; первый выпускъ, который, какъ было упомянуто, редактированъ В. Майковымъ, гораздо блѣднѣе и слабѣе. Въ первомъ выпускѣ наиболѣе интересна статья „Конституція“, авторъ которой отрицательно относится къ конституціонному строю съ довольно высокимъ имущественнымъ цензомъ для избирателей. Въ статьѣ „Аристократія“ выражается удовольствіе по поводу того, что наши законы даютъ возможность бѣдному и незнатному человѣку подвигаться по службѣ наравнѣ съ богатымъ и знатнымъ, что „кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями“. „Въ этомъ отношеніи,—по мнѣнію автора,—мы, русскіе, можемъ гордиться передъ англичанами, народомъ, который почитаетъ себя достигшимъ совершенства въ своей государственной организаціи“. Въ своей ненапечатанной при его жизни статьѣ (см. выше) Майковъ безусловно высказался противъ майоратовъ, въ словарѣ же дѣло не обошлось безъ компромисса: „Майораты раздаются у насъ весьма рѣдко, съ особеннаго разрѣшенія государя императора и въ ознаменованіе особенныхъ заслугъ. Впрочемъ, при огромности нашей территоріи, вопросъ о майоратахъ не можетъ имѣть у насъ такой важности, какъ въ государствахъ малоземельныхъ“ [1]).

Этого примѣра въ статьѣ „Аристократія“ достаточно, чтобы показать, насколько выигралъ словарь отъ перехода его подъ редакцію Петрашевскаго [2]). Но опредѣленность направленія и погубила сло-

---

[1]) Въ первомъ выпускѣ позднѣе, въ 1849 г., извѣстный бутурлинскій комитетъ обратилъ вниманіе на слова „авторитетъ“, „анархія“, „демократія“, „деспотизмъ“. Въ статьѣ „анархія“ указано на то, что она „иногда господствуетъ и въ такомъ государствѣ, гдѣ, повидимому, существуетъ и стройность, и порядокъ въ управленіи, но въ сущности нѣтъ ни прочныхъ постановленій, ни строгаго выполненія ихъ“. Въ статейкѣ „демократія“ комитету, очевидно, не понравилась мысль, что „формы такого правленія могутъ быть различны, смотря по степени развитія нравственныхъ силъ въ народѣ и сознанія истинной разумной свободы“. Обидѣлся комитетъ 2 апрѣля и на слово „деспотизмъ“, которому было дано такое опредѣленіе: „правленіе, въ коемъ безмѣрная власть государя переходитъ вся къ тѣмъ, кого онъ ею облекаетъ, а эти правители, не имѣя никакихъ правилъ, дѣйствуютъ согласно собственнымъ прихотямъ, содержатъ народъ въ постоянномъ страхѣ казнями. Въ этомъ правленіи нѣтъ суда и расправы. Повелителю вздумалось, повелѣніе дано,—и дѣло кончено!“ Рукописное отд. имп. публ. библ., цензурныя дѣла (сданныя въ 1892 г.), л. 1959—1964.

[2]) Однако впослѣдствіи цензура объявила неблагонамѣренными совершенно невинныя статьи перваго выпуска, какъ напр.: Анализъ и синтезъ, идеалъ, идиллія, иронія и нѣкоторыя другія. Первый выпускъ словаря вызвалъ похвальный отзывъ Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1845 г., т. 40. („Собр. соч.“ подъ

варь [1]). Никитенко въ своемъ дневникѣ (12 октября 1846 г.) говоритъ: „Въ цензурѣ новая исторія. Цензоръ (А. Крыловъ) пропустилъ книгу „Словарь иностранныхъ словъ"... книга, дѣйствительно, такая, что по уставу ея не слѣдовало пропускать".

Второй выпускъ „Карманнаго словаря" былъ отпечатанъ въ апрѣлѣ 1846 г. Въ засѣданіи петербургскаго цензурнаго комитета 14 мая предсѣдатель его, извѣстный попечитель петер. учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ, объявилъ, что, прочитавъ эту книгу, онъ „нашелъ въ ней многія мысли и выраженія неприличныя, могущія служить поводомъ для умовъ легкомысленныхъ къ толкамъ и заключеніямъ лживымъ и вреднымъ". Мусинъ-Пушкинъ обратилъ вниманіе на два обстоятельства: во-первыхъ, что рукопись, съ которой печатались нѣкоторыя статьи, такъ перемарана поправками, что трудно опредѣлить, были ли многія сомнительныя мѣста въ виду у цензора во время ея разсмотрѣнія или они прибавлены позднѣе [2]), во-вторыхъ, что „многія рѣзкія, неблаговидныя выраженія напечатаны курсивомъ съ очевиднымъ намѣреніемъ обратить на нихъ особенное вниманіе читателей". Онъ подтвердилъ цензору Крылову, чтобы тотъ строже цензировалъ эту книгу, и въ то же время объявилъ издателю ея Кирилову, чтобы онъ не выпускалъ второго выпуска своего изданія въ продажу и не выдавалъ его въ свѣтъ до разрѣшенія. Цензурный комитетъ постановилъ представить это дѣло на усмотрѣніе высшаго начальства, не найдетъ ли оно нужнымъ перепечататать въ словарѣ тѣ мѣста, какія цензура признаетъ нужнымъ исключить или перемѣнить. Мусинъ-Пушкинъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія Уварова, который нашолъ, что „это сочиненіе наполнено столь многими мыслями непозволительными и вредными, что со стороны цензора, одобрившаго ее къ напечатанію, сдѣлана большая неосмотрительность". Онъ приказалъ сдѣлать Крылову строгій выговоръ и принять мѣры къ отобранію всѣхъ экземпляровъ изданія изъ типографіи, у издателя и книгопродавцевъ, а дальнѣйшее изданіе словаря прекратить. Издателю велѣно было внушить, чтобы онъ постарался, по возможности, изъять изъ обращенія и тѣ экземпляры, которые уже поступили въ обращеніе, такъ какъ распростра-

---

ред. Венгерова, т. IX, стр. 375). По словамъ знаменитого критика, словарь „составленъ умно, съ знаніемъ дѣла,—словомъ, столько удовлетворителенъ, сколько отъ перваго опыта и ожидать нельзя... Словарь, какъ первый опытъ,... превосходенъ". Въ заключеніе авторъ рецензіи совѣтовалъ запасаться имъ „всѣмъ и каждому".

[1]) Липранди въ своей запискѣ замѣтилъ, что второй выпускъ „болѣе замѣчателенъ дерзостью".

[2]) В. Зотовъ увѣряетъ, будто бы цензура нашла, что статьи этого словаря составлялись по извѣстной энциклопедіи Пьера Леру. При сопоставленіи ихъ съ первыми томами словаря Леру, которые только и есть въ петербургскихъ библіотекахъ, этого не замѣтно. „Историч. Вѣстникъ", 1888 г., т. XXXII, стр. 445.

неніе этой книги можетъ и его подвергнуть отвѣтственности. Кириловъ изъявилъ готовность это исполнить. Всего издателемъ было представлено находившихся у него, въ типографіи и у книгопродавцевъ 1586 экз. полныхъ и 14 неполныхъ, всего 1600 экз. „Карманнаго Словаря". Экземпляры эти были опечатаны и хранились въ цензурномъ комитетѣ.

Петрашевскій 10 мая 1846 г., вѣроятно, какъ только „Словарь иностранныхъ словъ" былъ задержанъ, написалъ письмо Н. С. Кирилову, въ которомъ говорилъ:

«Не пишите три слова,—говорилъ Ришелье, кажется,—и я вышу достаточно матеріаловъ, чтобы составить на законномъ основаніи уголовный приговоръ.—Этой поговоркѣ, кажется, суждено осуществиться надъ нами по изданію Словаря.—Въ немъ, я слышалъ, будто бы, какой-то недоброжелательный глазъ нашелъ богъ знаетъ что,—чтобы, можетъ быть, чрезъ это обвиненіе что-нибудь выиграть... Мнѣ не вѣрится, чтобы добросовѣстное исполненіе моихъ обязанностей въ качествѣ писателя, т.-е. отчетливое объясненіе и изложеніе предметовъ, соотвѣтствующее современному состоянію науки, могло быть поводомъ и причиною запрещенія словаря. Это мнѣ невообразимо! Перебирая въ памяти весь словарь, ничего не могу припомнить, хоть и хочу найти, что-нибудь предосудительное. Впрочемъ, злоба и недоброжелательство хитры на выдумки... Благодарю провидѣніе въ этомъ случаѣ, охраняющее личность автора цензурнымъ уставомъ и цензорами отъ всякой отвѣтственности; дѣло другое, если бы была свобода книгопечатанія; а потому, и не взирая на глупые слухи,—не нахожу причинъ заботиться и безпокоиться объ этомъ дѣлѣ. Совѣтую и вамъ оставаться совершенно спокойными. Если бы случилось сверхъ всякаго чаянія, чтобы отъ васъ потребовали разныхъ объясненій въ статьяхъ, мною написанныхъ, то объявите, что я ихъ авторъ, ибо въ качествѣ ихъ составителя я нахожусь въ большей возможности вывесть цензурный комитетъ отъ превратнаго пониманія и толкованія моихъ словъ».

Отправляя Кирилову это письмо, написанное съ большимъ достоинствомъ, Петрашевскій имѣлъ въ виду, чтобы Кириловъ могъ показать его въ Цензурномъ Комитетѣ и тѣмъ устранить себя отъ отвѣтственности; такъ объяснилъ Антонелли цѣль письма. Самъ Петрашевскій, конечно, хорошо понималъ, какъ многое не цензурное по тому времени ему удалось провести въ своемъ Словарѣ черезъ предварительную цензуру. Въ постъ-скриптумѣ Петрашевскій высказался откровеннѣе: „Мнѣ кажется, сами себѣ вы повредили, просивъ Крылова вторично просматривать словарь,—вините въ этомъ излишнюю вашу мнительность" [1]).

22 мая Кириловъ подалъ въ цензурный комитетъ прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что его начальство, вполнѣ убѣжденное въ благонамѣренности его образа мыслей, будетъ ходатайствовать у министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи перепечатать всѣ статьи Петрашевскаго, допущенныя имъ въ изданіе „по безусловной довѣренности" своей „къ особенному цензорскому просмотру и одобренію", такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ „оказались болѣе чѣмъ несоотвѣтствующими

---

[1]) „Голосъ Минувшаго" 1914 г., № 8, стр. 188.

лавной цѣли изданія, удостоенного посвященія е. и. в. вел. кн. Михаилу Павловичу". Въ заключеніе Кириловъ просилъ цензурный комитетъ пріостановить уничтоженіе представленныхъ имъ экземпляровъ впредь до особаго распоряженія министра.

Уваровъ отвѣчалъ Мусину-Пушкину (26 іюля), что на просьбу Кирилова можно согласиться „не иначе, какъ соблюдая при этомъ особенную осмотрительность", а именно, „поручить нѣсколькимъ цензорамъ, независимо одинъ отъ другого, пересмотрѣть вновь напечатанныя части словаря и поставить издателю въ обязанность перепечатать все, что въ какомъ-либо отношеніи будетъ найдено предосудительнымъ". Пересмотръ словаря порученъ былъ цензорамъ Никитенкѣ и Фрейгангу. „Недозволительныхъ" мѣстъ оказалось такъ много, что цензурный комитетъ 3 сентября 1846 г. нашелъ невозможнымъ перепечатать лишь нѣкоторыя страницы и сдѣлалъ представленіе управляющему министерствомъ, что слѣдуетъ оставить отобранные у Кирилова экземпляры при дѣлахъ комитета и считать ихъ уничтоженными. Уваровъ, по возвращеніи въ Петербургъ, согласился на то, чтобы перепечатка книги не была дозволена [1]).

Липранди впослѣдствіи въ запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, съ негодованіемъ говорилъ о томъ, что «издатель остался безъ всякаго преслѣдованія [2]), не спрошено было даже о лицахъ, доставившихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее обращеніе".

Кромѣ „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ", Петрашевскій повидимому, не печаталъ въ то время своихъ литературныхъ произведеній, но все же пробовалъ писать. Въ показаніи на слѣдствіи Модерскій, жившій въ квартирѣ Петрашевскаго, сообщаетъ, что, по предложенію своего хозяина, онъ завелъ у себя въ 1846 г. литературные вечера, гдѣ «читали переводы статей, которые хотѣли помѣстить въ книгѣ „Дѣтскій сборникъ" [3]), и, кромѣ того, читали введеніе къ Донъ-Кихоту, написанное Петрашевскимъ".

Послѣ ареста Петрашевскаго, редакторъ-издатель „Отечественныхъ

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., дѣло канц. министра. № 149084, л. 58-59.

[2]) В. Р. Зотовъ увѣряетъ, будто бы Кириловъ доказалъ, что онъ далъ только свое имя, деньги же на изданіе были даны Петрашевскимъ, а цензоръ—что рѣзкія выходки вносились въ статьи послѣ его одобренія („Истор. Вѣстн.". 1888 г., т. XXXII, 445); однако ничего подобнаго мы не находимъ въ дѣлѣ цензурнаго комитета о „Карманномъ словарѣ". Любопытно, что для интересовавшагося словаремъ Зотова Петрашевскій все же имѣлъ возможность достать экземпляръ. „Истор. Вѣстн.". 1890 г. № 6, стр. 540.

[3]) „Петербургскій сборникъ для дѣтей", изд. *В. Петровымъ* и *М. М.* Спб. 1847 г. 282 стр. Неблагопріятный отзывъ объ этой книгѣ см. въ „Отеч. Зап.", 1847 г., т. 52, отд. VI, стр. 125.

Записокъ", А. А. Краевскій явился (26 апрѣля 1849 г.) въ III Отдѣленіе е. в. канцеляріи къ старшему чиновнику Попову (извѣстный учитель Бѣлинскаго), чтобы выяснить, могутъ ли выйти въ свѣтъ напечатанныя въ приготовляемомъ къ 1 мая номерѣ его журнала повѣсти Ѳ. М. Достоевскаго и А. И. Пальма, арестованныхъ по дѣлу Петрашевскаго. Хотя эти повѣсти „самаго невиннаго содержанія и пропущены двумя цензорами", но Краевскій опасался, „не признано ли будетъ неумѣстнымъ, что въ печати явятся сочиненія лицъ, подвергшихся аресту". При этомъ Краевскій очень неблагопріятно, въ тонѣ доносчика, отзывался о Петрашевскомъ и, между прочимъ, разсказалъ, что онъ три раза приходилъ въ редакцію „Отчеств. Записокъ" съ просьбою принять его въ число сотрудниковъ журнала. Краевскій, по его словамъ, „всѣми мѣрами уклонялся отъ этого, но... одинъ разъ далъ ему для испытанія перевести небольшую, самую незначительную статью о нѣмцахъ, переселяющихся изъ Европы въ Америку. Вмѣсто того, чтобы привезти переводъ на другой же день, Петрашевскій явился черезъ нѣсколько недѣль и принесъ огромную статью, ибо онъ къ небольшой переводной статьѣ прибавилъ безконечное предисловіе съ своими взглядами о переселеніи народовъ въ древнія времена и тому подобномъ". Краевскій статью не принялъ [1]).

Быть-можетъ, подъ вліяніемъ этой неудачи Петрашевскій рѣшилъ до 30-лѣтняго возраста не печатать „ничего капитальнаго". Въ запискѣ подъ заглавіемъ „Не во имя закона, но во имя чувства совѣсти и справедливости", написанной имъ въ 1849 г. въ крѣпости и представленной въ слѣдственную комиссію, онъ говоритъ: „Если бъ мнѣ захотѣлось пріобрѣсти извѣстность въ нашей литературѣ при малоуміи и невѣжествѣ большинства нашихъ литераторовъ,—чтобы пріобрѣсти ее, мнѣ стоило только двѣ-три статьи написать, и извѣстность была бы пріобрѣтена, самолюбіе удовлетворено. Вы признаете, г. г. слѣдователи, что написанное мною было бы всегда выше посредственности, но я самъ, зная, что хоть въ головѣ у меня и есть кое-что хорошее, но не все еще въ порядкѣ система(ти)зировано и разрѣшено, отъ этого до 30 лѣтъ я рѣшился ничего капитальнаго не печатать, чтобы недостаткомъ основательности не имѣть на общество вредное вліяніе, а предпочелъ все въ головѣ своей привести въ порядокъ". Петрашевскій родился въ 1821 г., слѣдов. свое выступленіе въ печати онъ откладывалъ до 1851 г.

Чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ „Словарю иностранныхъ словъ", упомянемъ объ его позднѣйшей судьбѣ. 13 ноября 1849 г., незадолго до окончанія дѣла петрашевцевъ, комитетъ 2 апрѣля обра-

[1]) Арх. Деп. Полиціи, дѣла III Отдѣленія. № 214, ч. 4, л. 14, 16.

тилъ вниманіе на этотъ словарь и именно на первый выпускъ его, вышедшій въ свѣтъ. Членъ комитета Аненковъ писалъ: „По тщательномъ разсмотрѣніи означенной книжки, комитетъ не могъ не признать въ ней направленія не только двусмысленнаго, но и прямо предосудительнаго. Назначеніе подобнаго изданія... должно, казалось бы, состоять въ объяснительномъ, такъ сказать, переводѣ значеній иностранныхъ словъ, въ русскомъ языкѣ употребляемыхъ. Но въ словарѣ... цѣль эта становится, напротивъ, второстепенною, уступая мѣсто явному намѣренію развивать такія идеи и понятія, которыя у насъ могли бы повести къ однимъ лишь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, въ означенный словарь включено много такихъ словъ, о которыхъ нельзя было не предвидѣть уже впредь, что самое даже благонамѣрное объясненіе ихъ значенія поведетъ къ толкованіямъ, вовсе не свойственнымъ образу и духу нашего правленія и гражданскаго устройства и что потому осторожнѣе не допускать ихъ въ книгу, для популярнаго чтенія предназначенную; напротивъ, авторъ... словаря не только переполнилъ ими свою книгу, но и издалъ ее, какъ по всему заключить должно, единственно для непримѣтнаго разлитія въ народѣ, подъ видомъ толкованія этихъ словъ, косвенныхъ по своимъ видамъ похвалъ или порицаній, выражаемымъ ими понятіямъ... Вслѣдствіе сихъ соображеній, комитетъ полагалъ необходимымъ: 1). всѣ остающіеся нераспроданными экземпляры этой книжки, какъ весьма вредной и опасной, извлечь изъ продажи, 2) хотя она появилась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т.-е. до тѣхъ смутныхъ происшествій на Западѣ, которыя побудили правительство усилить бдительность цензурнаго надзора, но какъ сочиненіе сіе по общему его духу и направленію съ перваго взгляда, повидимому, всегда и во всякое время долженствовало подлежать запрещенію, то предоставить министру народнаго просвѣщенія сообразить: можно ли цензора Крылова, имѣвшаго неосмотрительность или неблагоразуміе пропустить подобное сочиненіе въ печать, оставлять въ должности цензора“? Государь положилъ на этомъ мнѣніи такую резолюцію: „Не отбирая экземпляровъ упомянутаго словаря, дабы чрезъ то не возбудить любопытства, стараться откупить ихъ партикулярнымъ образомъ“[1]).

За цензора Крылова вступился попечитель петербургскаго учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ, который отозвался, что „въ Крыловѣ онъ всегда находилъ честнаго, исправнаго, дѣятельнаго, благонамѣреннаго цензора и человѣка, истинно преданнаго государю и отечеству, на котораго потому и возлагалъ разсмотрѣніе повременныхъ изданій

[1]) Напечатано съ измѣненіемъ нѣсколькихъ словъ въ „Русск. Старинѣ“, 1903 г. № 8, стр. 420—421.—О поискахъ этого словаря въ Одессѣ и пріобрѣтеніи полиціею одного экземпляра перваго выпуска за 1 р. 10 к. см. „Русск. Стар.“, 1907 г., № 5, стр. 355—356. [Ссылка ошибочная. Въ указанномъ мѣстѣ этого нѣтъ. *В. Водовозовъ.*]

и рукописей, требующихъ по своему направленію особеннаго наблюденія, и всегда имъ былъ совершеноо доволенъ“[1]). Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шахматовъ въ докладѣ государю 25 ноября заявилъ, что цензоръ Крыловъ подлежалъ бы увольненію, но, такъ какъ со времени „нарушенія“ имъ своей обязанности прошло около 5 лѣтъ и въ виду одобрительнаго отзыва ближайшаго начальства, ходатайствовалъ объ оставленіи его на службѣ. Государь согласился на это, приказавъ сдѣлать Крылову строгій выговоръ и подтвердить быть впередъ осторожнѣе[2]). Въ началѣ 1853 г. вслѣдствіе представленія петербургскаго попечителя, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ сжечь, какъ совершенно ненужные, всѣ хранившіеся послѣ отобранія экземпляры второго выпуска „Карманнаго словаря“, кромѣ одного, оставленного при дѣлахъ петербургскаго цензурнаго комитета. Вслѣдствіе этого 3 февраля 1853 года, въ присутствіи цензора Крылова и секретаря цензурнаго комитета, было сожжено 1599 экземпляровъ этой книги[3]).

---

[1]) Плетневъ отзывался о Крыловѣ, какъ о свирѣпомъ и въ то же время глупомъ цензорѣ.

[2]) Ср. Архивъ С. Петербургскаго университета. Журналъ засѣданій СПб. цензурнаго Комитета за 1847 г., 1849 и 1850 г., № 142, засѣданіе 29 ноября 1849 г.

[3]) „Русская Старина“, 1903 г., № 8, стр. 421—422.

ГЛАВА III.

Главныя черты характера Петрашевскаго.

Отказавшись на время отъ литературной дѣятельности, Петрашевскій рѣшилъ посвятить себя въ часы, свободные отъ службы, пропагандѣ радикальныхъ и соціалистическихъ идей. Это побуждаетъ насъ ближе познакомиться съ его личностью.

Д. Д. Ахшарумовъ, начавшій посѣщать Петрашевскаго въ 1848 г., такъ описываетъ его: онъ былъ „средняго роста, полный, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ, на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его были часто въ безпорядкѣ; небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы проникали вдаль. Лобъ у него былъ большого размѣра, нахмуренный. Говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ, разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взорѣ болѣе всего выражалась глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка“ [1]). Герценъ также весьма живо изображаетъ наружность Петрашевскаго [2]): „Ростомъ ниже средняго, онъ былъ широкоплечъ, съ нервными руками, круглой головой, немного наклоненной въ сторону, съ небольшимъ, но правильнымъ носомъ; его темно-сѣрые глаза всегда сверкали умомъ; его походка и всѣ его движенія были порывисты; мечтательность, dolce far niente были ему невыносимы“. Что наружность Петрашевскаго производила благопріятное впечатлѣніе, видно изъ свидѣтельства даже агента Антонелли. По его словамъ, когда Петрашевскій „начинаетъ съ жаромъ что-нибудь говорить, то не можетъ ни усидѣть, ни установить взгляда на одномъ мѣстѣ. Когда же онъ разсердится, то лицо его становится дѣйствительно прекраснымъ, и во всѣхъ чер-

---

[1]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній“, 1905 г., стр. 15.

[2]) Только протестъ жены удержалъ Н. П. Огарева и другого пріятеля Герцена, К. Д. Кавелина, отъ посѣщенія пятницы Петрашевскаго передъ самымъ его арестомъ. *Н. А. Огарева-Тучкова.* „Воспоминанія“. М. 1903 г., стр. 66—67, 69—70. О возможной встрѣчѣ Герцена съ Петрашевскимъ см. выше, стр. 28.

тахъ проглядываетъ умъ въ полномъ развитіи". Въ другомъ донесеніи Антонелли также сообщаетъ, что Петрашевскій „говоритъ съ жаромъ, съ убѣжденіемъ, скоро, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень правильно; во время рѣчи выраженіе его лица было, дѣйствительно, прекрасно и, признаюсь, я невольно имъ любовался".

Чиновники не могли тогда носить бороды и длинныхъ волосъ на головѣ; вѣроятно поэтому, ради протеста, Петрашевскій отрастилъ себѣ длинную шевелюру и съ кудрями по плечамъ являлся на службу въ министерство. Директоръ департамента велѣлъ передать ему совѣтъ остричься; когда на другой день Петрашевскій вновь явился съ длинными волосами, то, какъ разсказываетъ К. Веселовскій, въ отвѣтъ на замѣчаніе директора, онъ будто бы приподнялъ парикъ и сказалъ, что не только подстригся, но и сбрилъ волосы на головѣ [1]). Послѣднее, конечно, просто анекдотъ, и авторъ воспоминаній едва ли бы ему повѣрилъ, если бы не старался представить въ смѣшномъ видѣ своего товарища, къ которому чувствовалъ антипатію ученаго педанта къ человѣку, стоящему неизмѣримо выше его во многихъ отношеніяхъ. Анекдотъ сложился, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ-нибудь выходокъ Петрашевскаго, которому послѣ замѣчанія директора пришлось-таки постричься; это видно изъ слѣдующаго инцидента. Петрашевскій протестовалъ въ 1848 г. противъ грубаго и насильственнаго поведенія слѣдственнаго пристава относительно одного иностранца. Въ объясненіи, поданномъ этимъ приставомъ по требованію сената, онъ говоритъ, что Петрашевскій, „при первомъ прибытіи его въ контору, явился съ косматою, всклокоченною головою и съ длинною, широкою и окладистою бородою, скрывшею болѣе половины лица его" и ему было сдѣлано замѣчаніе, что „въ такомъ странномъ видѣ неприлично присутствовать при слѣдствіи". Въ слѣдующій разъ онъ пришелъ въ камеру слѣдственнаго пристава съ подрѣзанными бакенбардами и выбритою до подбородка бородою [2]) и, между прочимъ сообщилъ, что ему сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ наружности директоръ департамента, гдѣ онъ служитъ, а затѣмъ Петрашевскій будто бы заявилъ, что „государь императоръ разрѣшилъ ему носить длинную бороду, при чемъ плевалъ на полъ, говоря, что они его сглазили" [3]). Это, конечно, такая же выдумка раздраженнаго Петрашевскимъ слѣдственнаго пристава, какъ и разсказъ К. Веселовскаго о бритьѣ волосъ на головѣ, опровергаемый заявленіемъ этого пристава.

---

[1]) *К. Веселовскій.* „Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій". „Русская Старина", 1900 г., № 9, стр. 450—451.

[2]) Въ полицейскомъ донесеніи 1848 г. сказано, что Петрашевскій носилъ „усы и эспаньолетъ". Арх. Деп. Полиціи. дѣло III Отд. Соб. Е. В. Канц., 1848 г., № 214. ч. 4, л. 3.

[3]) *А. Безродный.* „Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго". „Историч. Вѣстникъ", 1901 г., № 1, стр. 226, 228.

Бросалась въ глаза и одежда Петрашевскаго: „Несмотря на свое искреннее желаніе быть хорошо одѣтымъ,—говоритъ о немъ Герценъ,—его галстукъ всегда сидѣлъ криво; но что особенно тѣшило молодыхъ насмѣшниковъ, его посѣщавшихъ, такъ это его халатъ, который съ выхода изъ лицея и до самаго ареста ему не удалось имѣть въ полномъ порядкѣ: одинъ изъ рукавовъ былъ всегда оторванъ въ плечѣ, такъ что одѣваясь онъ постоянно долженъ былъ надѣть сначала халатъ, а потомъ рукавъ отдѣльно. Это одѣяніе было хорошо извѣстно всѣмъ его друзьямъ“ [1]). Оброшенность Петрашевскаго, конечно, объясняется тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ холостой и поселился отдѣльно отъ матери и сестеръ, которыя жили въ другомъ, также собственномъ домѣ рядомъ. Не ведя домашняго хозяйства, питаясь по клубамъ и отелямъ, онъ не имѣлъ женской прислуги и довольствовался услугами крѣпостныхъ дворника и двухъ мальчиковъ. Одежда Петрашевскаго, какъ и его прическа, возбуждала немало разговоровъ. „Будучи чиновникомъ такого министерства,—говоритъ К. Веселовскій,—въ которомъ корректность въ костюмѣ считается строго обязательной, онъ ходилъ по улицамъ въ какомъ-то широкомъ плащѣ и въ шляпѣ съ самыми широкими полями—въ настоящемъ сомбреро, скандализируя тѣмъ своихъ сослуживцевъ... Однажды какой-то тароватый французъ привезъ изъ Парижа модную новинку, которую надѣялся пустить въ ходъ въ Петербургѣ,—мужскія шляпы, у которыхъ верхъ тулья состоялъ не изъ круга, какъ у теперешнихъ цилиндровъ, а изъ квадратнаго четвероугольника, какъ у уланскихъ шапокъ,—и первымъ, явившимся въ такой обновкѣ на Невскомъ въ часы наибольшаго тамъ оживленія, былъ... не кто иной, какъ Петрашевскій“. Къ насмѣшкамъ пріятелей онъ относился весьма добродушно [2]). Веселовскій объясняетъ это тѣмъ, что Петрашевскій, вездѣ, гдѣ только могъ, старался „не быть какъ всѣ“ [3]) но, это была не простая „страсть оригинальничать“, какъ думаетъ его лицейскій корректный товарищъ, при не особенно большихъ талантахъ достигшій степеней извѣстныхъ,—Петрашевскимъ руководило и глубокое убѣжденіе. „Свойство природы человѣческой, многообразіе ея требованій,—читаемъ мы въ статейкѣ „Мода“ въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“, вѣроятно, написанной Петрашевскимъ,—посто-

[1]) Вѣроятно, поэтому въ донесеніи 1848 г. въ III отдѣленіе Е. В. Канцеляріи было сказано, что Петрашевскій „довольно скупъ, хотя имѣетъ большое состояніе“.

[2]) Кропотовъ, сообщивъ въ своемъ показаніи о „фламандской“ шляпѣ и испанскомъ плащѣ Петрашевскаго, прибавляетъ, хотя и не ручаясь за достовѣрность, вздорный слухъ, „будто бы онъ щеголялъ въ Коломнѣ“, т.-е. въ Коломенской части, гдѣ были дома Петрашевскихъ, „въ женскомъ платьѣ“.

[3]) Ѳ. М. Достоевскій говоритъ въ своемъ показаніи: „меня всегда поражало много эксцентричности и странности въ характерѣ Петрашевскаго“.

янное ихъ развитіе, неподавимое никакими формами общежитія, хотя бы оно было основано на безусловныхъ началахъ квіетизма, побуждая человѣка къ вѣчному прогрессу и движенію, дѣлаетъ для него постылыми издавна установленныя формы быта общественнаго. Заставляетъ его не довольствоваться однажды придуманными способами удовлетворенія его потребностей, но заботиться непрестанно объ отысканіи новыхъ, болѣе соотвѣтственныхъ съ его природою. Заставляетъ его смотрѣть съ улыбкою презрѣнія на все, освящаемое болѣе стародавнимъ преданіемъ, чѣмъ живой измѣнчивой потребностью минуты, глядѣть на пережитое, какъ на несвоевременное, негодное, какъ на стѣснительное для свободнаго развитія его дѣятельности,—побуждаетъ его искать всего прекраснаго въ будущемъ и ждать всего хорошаго въ новомъ. Это стремленіе къ новизнѣ, многообразное выраженіе жизненнаго принципа природы человѣческой, — обнаруживаетъ свое преобразовательное вліяніе также и въ такъ называемыхъ мелочахъ общественной жизни... и создаетъ моду". Признавъ необходимымъ на основаніи этихъ соображеній не считаться въ своемъ костюмѣ съ общепринятыми требованіями, онъ съ презрѣніемъ относился ко всякимъ посягательствамъ въ этой области на свою личную свободу [1].

По словамъ Антонелли въ кабинетѣ Петрашевкаго все было „въ большомъ безпорядкѣ, множество книгъ и бумагъ, но шкапы и ящики всѣ открыты. Даже уходя со двора, онъ не запираетъ ни одного ящика, ни своего кабинета". По свидѣтельству К. Веселовскаго, „Петрашевскій принималъ своихъ гостей въ комнатѣ средней величины, въ которой всю мебель составляли старый диванъ, покрытый грязнымъ ситцемъ, очень жесткій..., повидимому, набитый мочалами, нѣсколько грошевыхъ, рыночныхъ стульевъ, старый столъ, на которомъ стояла одна сальная свѣчка, составлявшая все освѣщеніе комнаты". А. А. Краевскій, редакторъ „Отечественныхъ Записокъ", разсказалъ въ III отдѣленіи Попову, что у Петрашевскаго въ одной изъ комнатъ висѣли на стѣнѣ одинъ противъ другого два портрета— римскаго папы и оберъ-прокурора синода ген.-ад. гр. Протасова „въ ознаменованіе борьбы церквей западной и восточной" [2]. Петрашевскій показывалъ Антонелли много пистолетовъ и особенно хвалилъ одну пару карманныхъ, къ которымъ у него было заготовлено 12 пуль. Онъ гордился мѣткостью своей стрѣльбы, и говорилъ: „если бы что

[1] Какой-то изъ агентовъ тайной полиціи сообщилъ III отдѣленію въ мартѣ 1848 г., что, по свѣдѣніямъ, собраннымъ о Петрашевскомъ, „въ одномъ домѣ, гдѣ онъ прежде очень часто бывалъ, его называютъ человѣкомъ очень страннымъ, дерзкимъ и способнымъ дѣлать всякія глупости".

[2] Арх. Деп. Полиціи. Дѣло III Отд. 1848 г. № 214, ч. 4, л. 14. Жилъ Петрашевскій на площади у церкви Покрова въ каменномъ домѣ, а мать съ дочерьми рядомъ, въ деревянномъ.

случилось, то первая пуля никогда не пропадетъ даромъ", и часто упражнялся дома въ стрѣльбѣ въ цѣль, гася свѣчу на разныхъ разстояніяхъ.

По выходѣ изъ лицея, Петрашевскій бросилъ курить. Онъ не былъ игрокомъ и даже не любилъ играть, но изрѣдка игралъ въ домино или въ карты по маленькой (отъ 1 до 5 коп. сер.) и притомъ относился къ игрѣ, какъ и ко всему, съ сильнымъ увлеченіемъ. Такъ онъ игралъ съ Антонелли въ домино до перваго часа ночи, пока не остался въ выигрышѣ: въ другой разъ всю ночь проигралъ съ нимъ въ карты и при этомъ сказалъ: „У меня уже такой, если хотите, несчастный характеръ: если я вдамся во что-нибудь, то вдамся всей душой, и до тѣхъ поръ не отстану, пока не достигну своей цѣли, хотя бы пришлось идти на перекоръ судьбѣ". Если онъ игралъ въ карты въ клубѣ, то всегда съ новыми лицами, —очевидно, карты служили для него средствомъ сближенія съ людьми. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ записокъ, Петрашевскій говоритъ: „Не у себя и я несъ повинность изрѣдка картежной игры".

Антонелли удивлялся дѣятельному характеру Петрашевскаго: его никогда нельзя было застать безъ дѣла, онъ былъ вѣчно въ хлопотахъ [1]). Онъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ, что отмѣчаетъ и Герценъ, и значительною физическою силою. Такъ, проигравъ съ Антонелли въ карты всю ночь до 9-ти часовъ утра, онъ, не ложась спать, поѣхалъ по обязанностямъ службы къ слѣдственному приставу, потомъ цѣлый день хлопоталъ по разнымъ дѣламъ, а вечеръ и часть ночи опять провелъ съ Антонелли. Если онъ тратилъ на него такъ много времени, если и обѣдалъ съ нимъ, и ходилъ въ концерты и клубъ, то, разумѣется, потому, что надѣялся распропагандировать этого молодого человѣка, сумѣвшаго вкрасться въ его довѣріе. Вина Петрашевскій не пилъ, но однажды, чтобы удержать Толя, котораго онъ очень любилъ, и помѣшать ему ѣхать кутить, выпилъ цѣлую бутылку шампанскаго. Онъ состоялъ членомъ мѣщанскаго танцовальнаго собранія (клуба) [2]), ходилъ и въ танцклассъ, очевидно, ища сближенія съ людьми различныхъ классовъ общества. По словамъ Дѣева, въ 1847 г. поселившагося у Петрашевскаго, онъ рѣдко бывалъ дома послѣ полудня, а по другимъ свѣдѣніямъ, послѣ двухъ часовъ, и затѣмъ до двухъ часовъ ночи его нельзя было застать; это понятно: онъ шелъ на службу [3]), обѣдалъ у знакомыхъ или въ

---

[1]) Ѳ. М. Достоевскій также говоритъ о Петрашевскомъ: „Человѣкъ онъ вѣчно суетящійся и движущійся, вѣчно чѣмъ-нибудь занятъ".

[2]) Слово „клубъ" было запрещено имп. Павломъ.

[3]) Впрочемъ, въ одномъ документѣ III отдѣленія 1848 г. сказано о Петрашевскомъ, что онъ „въ департаментѣ бываетъ очень рѣдко, а занимается дѣломъ дома, какъ богатый человѣкъ".

какомъ-нибудь отелѣ, а затѣмъ, по словамъ Антонелли, много работалъ въ Публичной библіотекѣ. Согласно поставленной себѣ цѣли—вести пропаганду, Петрашевскій посѣщалъ очень многихъ знакомыхъ и даже мало знакомыхъ людей, стараясь повліять на нихъ проповѣдью атеизма и соціализма.

Въ сферахъ тайной полиціи Петрашевскаго считали человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и хитрымъ. Въ одномъ документѣ 1848 г. сказано, что „онъ ловокъ и уменъ, языкъ весьма дерзкій, приверженецъ коммунизма и другимъ новымъ идеямъ"; по другому свидѣтельству, онъ „ловокъ", но „ума большого въ немъ не примѣтно". Что Петрашевскій былъ уменъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія [1]), но о его „хитрости" не можетъ быть и рѣчи, хотя самъ себя онъ считалъ человѣкомъ весьма осторожнымъ и проницательнымъ [2]); всѣ отношенія его къ Антонелли показываютъ, что онъ отличался удивительною, можно сказать, слѣпою, дѣтскою довѣрчивостью.

Петрашевскій былъ „страстный спорщикъ" [3]), но замѣчательно, что онъ не любилъ при этомъ рѣзкостей. Ѳ. М. Достоевскій „замѣчалъ неоднократно, что Петрашевскому очень не нравилось", когда кто-либо „говорилъ у него на вечерахъ слишкомъ рѣзко...; онъ всегда старался какъ-нибудь замять подобный промахъ". „Въ глубинѣ души,—по свидѣтельству Герцена,—Петрашевскій отличался великою кротостью и испытаннымъ терпѣніемъ. Всякое противорѣчіе со стороны людей искреннихъ, всякую критику, какъ бы она ни была язвительна, онъ выносилъ безъ малѣйшаго злопамятства. Никогда мысль о превосходствѣ надъ окружающими не только не сквозила въ его словахъ, но даже не приходила ему въ голову; онъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои замыслы, чтобы заниматься своею личностью". Когда однажды Спѣшневъ, послѣ долгаго молчанія наединѣ съ Петрашевскимъ, спросилъ, не имѣетъ ли онъ чего-либо противъ него, тотъ отвѣчалъ, что „никогда ни противъ кого ничего не имѣетъ" [4]). Доброта Петрашевскаго сказывалась, между прочимъ, въ томъ, что съ жильцовъ, приглашенныхъ имъ поселиться въ его квартирѣ, онъ бралъ весьма небольшую плату [5]). Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту

---

[1]) Кандидатъ университета Михайловъ свидѣтельствуетъ въ своемъ показаніи объ остроуміи и хорошей памяти Петрашевскаго.

[2]) Въ одной запискѣ въ слѣдственную комиссію онъ говоритъ даже о своей „привычной подозрительности".

[3]) Какъ мы видѣли, въ лицеѣ онъ изводилъ спорами одного гувернера.

[4]) Михайловъ также говоритъ о добродушіи Петрашевскаго. Однажды, впрочемъ, въ первой половинѣ 1840-хъ годовъ, Петрашевскій поссорился съ какимъ-то лицейскимъ товарищемъ и дѣло едва не дошло до дуэли. Но жилецъ дома Петрашевскихъ, Серебряковъ, который долженъ былъ быть секундантомъ, помирилъ ихъ.

[5]) Кропотовъ, начавшій посѣщать Петрашевскаго въ іюнѣ 1848 г., свидѣтельствуетъ въ своемъ показаніи о большомъ его радушіи: „Къ добродѣтелямъ Петрашев-

его характера: имѣя множество знакомыхъ, онъ ни съ кѣмъ близко не сходился. Въ запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, онъ самъ говоритъ о себѣ: „Въ характерѣ животныхъ слабыхъ ходить стадами, сильныхъ—одиноко. Ни съ кѣмъ не былъ коротокъ, даже не говорилъ никому „ты“, исключая товарищей по лицею. Что такой нравъ мой,... этому могутъ служить (доказательствомъ) слѣдующіе стихи, имѣющіеся въ бумагахъ у меня, писанныхъ лѣтъ за шесть: „И никто обо мнѣ, какъ сѣдой старинѣ, не разскажетъ потомкамъ далекимъ. Умру я, какъ жилъ, средь людей одинокимъ“. Еще можетъ служить этому утвержденіемъ, что почти никто изъ знакомыхъ не знаетъ, что я пишу стихи“. Позднѣе онъ еще разъ повторилъ въ одномъ изъ показаній: „ни съ кѣмъ не находился въ особой близости и дружбѣ“.

Въ цитированной уже выше запискѣ, представленной имъ слѣдственной комиссіи, Петрашевскій, разсказавъ о печальныхъ условіяхъ своего дѣтства, о нелюбви къ нему матери, продолжаетъ: „Въ двадцать лѣтъ судьба заставила меня имѣть равнодушіе къ жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойнымъ своей привязанности—ни изъ женщинъ, ни изъ мужчинъ,—я обрекъ себя на служеніе человѣчеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило во мнѣ эгоизмъ и чувство самосохраненія. Уваженіе къ истинѣ подавило во мнѣ всякую вспышку самолюбія. Вы найдете за семь лѣтъ или болѣе передъ симъ писанные стихи (они есть въ моихъ бумагахъ), быть-можетъ, не слишкомъ складные, выражающіе чувства заключеннаго, подобно мнѣ: они почти то же выражаютъ, что и теперь я вамъ... въ себѣ обнаружилъ“.

Главною обязанностью Петрашевскаго по службѣ, какъ мы видѣли, была помощь иностранцамъ въ качествѣ переводчика въ ихъ сношеніяхъ съ петербургскою полиціею. Но онъ принималъ къ сердцу интересы другихъ людей не только по обязанностямъ службы, какъ это видно изъ двухъ излагаемыхъ ниже случаевъ.

29 апрѣля 1847 г. начальство откомандировало его для переводовъ въ комиссію, учрежденную по высочайшему повелѣнію для изслѣдованія растраты денегъ (до 45.000 рублей) кригсъ-комиссаромъ Костылевымъ. 27 мая Петрашевскій донесъ департаменту внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, что былъ свидѣтелемъ „неправильнаго вмѣшательства“ полковника Синельникова, штабъ-офицера генеральнаго штаба гвардейскаго и гренадерскаго

скаго слѣдуетъ прибавить его хлѣбосольство“. Все, что слѣдуетъ къ чаю (ромъ, коньякъ и красное вино), обильный ужинъ: „телячьи котлеты съ зеленымъ горошкомъ, поросенокъ подъ сметаной, а иногда блюдо дичи, въ заключеніе пирожное... въ приличномъ количествѣ“; на столѣ стоялъ ящикъ сигаръ и папиросъ. Многіе посѣтители „осаждали Петрашевскаго просьбами дать взаймы“.

корпусовъ, который, не будучи членомъ этой комиссіи, устрашалъ „разнаго рода наказаніями Іоганна Лури (замѣшаннаго въ это дѣло по оговорамъ Костылева), какъ бы эти наказанія находились въ его распоряженіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, какъ узналъ я, — Іоганнъ Лури, на воображеніе котораго подѣйствовали эти устрашенія, бросился въ воду и потонулъ". Считая угрозы Синельникова причиной самоубійства Лури и полагая, что онѣ могутъ навести на обстоятельства, способствующія открытію причинъ растраты, Петрашевскій спрашивалъ департаментъ, въ которомъ служилъ, какъ слѣдуетъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Рапортъ его былъ препровожденъ къ начальнику штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ г.-л. Витовтому, на запросъ котораго Синельниковъ далъ такое объясненіе:

«Получивъ приказаніе Ваше заготовить бумагу г. министру внутреннихъ дѣлъ о присылкѣ въ слѣдственную комиссію къ тому времени, когда она найдетъ нужнымъ распечатать квартиру и контору Лури, двухъ опытныхъ въ досмотрѣ чиновниковъ... .. я пошелъ въ комиссію...; но... засѣданіе уже кончилось, а находились тамъ только нѣкоторые члены и аудиторъ, почему я и просилъ доложить предсѣдателю комиссіи о приказаніи, мною полученномъ. Но лишь только я объявилъ оное, какъ г. переводчикъ Буташевичъ-Петрашевскій, обратясь ко мнѣ, сказалъ, что это противозаконно, что черезъ это Лури теряетъ свою собственность, что квартиру и контору его нельзя оставить запечатанными. На это я отвѣчалъ ему, что «они запечатаны съ высочайшаго соизволенія, и что чиновники для обыска» при распечатываніи конторы и квартиры... будутъ истребованы по распоряженію начальства, слѣдовательно, это не противозаконно и не подлежитъ нашему разсужденію. Но г. Буташевичъ-Петрашевскій и засимъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи, а когда я напомнилъ ему, что онъ прислалъ въ комиссію не какъ депутатъ, а какъ переводчикъ, то онъ, сѣвши передо мною, сказалъ, что теперь присутствіе комиссіи кончилось, и онъ имѣетъ такой же голосъ, какъ и я, и что не знаетъ, что я за человѣкъ, а видитъ только по эполетамъ, что я, кажется, полковникъ. Послѣ сего Лури, бывшій также въ то время въ той комнатѣ и ободренный видимымъ участіемъ г. Буташевича-Петрашевскаго, которому, однакожъ, до того я не говорилъ ни одного слова, обратился ко мнѣ съ объясненіемъ: «Вы хотите, полковникъ, чтобы я заплатилъ за вашего, казначея промотанныя имъ деньги; нѣтъ, я ихъ не заплачу, ибо это было бы несправедливо». Только послѣ этихъ словъ узнавъ, что ко мнѣ обращался Лури, котораго я никогда не видалъ и не зналъ, я отвѣчалъ ему, что тутъ дѣло идетъ объ исполненіи приказанія начальства, кому же придется платить растраченныя казначеемъ деньги, это рѣшитъ судъ, а не мы,—я полагаю, однакожъ, что ближе всего слѣдуетъ заплатить тому, кто ихъ бралъ; впрочемъ, я пришелъ сюда не съ тѣмъ, чтобы объясняться съ вами и не считаю нужнымъ продолжать разговоръ нашъ». Назвавъ свидѣтелей, Синельниковъ продолжаетъ: «Изъ этого в. пр-во изволите усмотрѣть, что человѣку, который чувствуетъ себя правымъ, не было поводу прійти въ отчаяніе и покушаться на что-либо, а всего менѣе на свою жизнь, и если я въ то же время не донесъ о неумѣстныхъ выраженіяхъ г. Буташевича-Петрашевскаго, то это единственно потому, что полагалъ, что онъ убѣдился моими возраженіями и будетъ впредь осторожнѣе».

По всей вѣроятности, Іоганнъ Лури былъ родственникомъ книгопродавца Лури, который выписывалъ для Петрашевскаго всевозможныя запрещенныя книги и съ которымъ, быть-можетъ, это горячее заступ-

ничество и сблизило Петрашевскаго. Объясненіе Синельникова дали прочесть Петрашевскому, на чемъ дѣло и кончилось [1]). Другое заступничество Петрашевскаго не было поддержано сенатомъ.

Находясь 14 октября 1848 г. въ камерѣ слѣдственнаго пристава Зануцци вмѣстѣ съ однимъ иностранцемъ, Петрашевскій былъ свидетелемъ такой сцены. Въ контору пристава явился офицеръ Кондратьевъ, служащій при департаментѣ военныхъ поселеній, для врученія отвѣта по касавшемуся его уголовному дѣлу.

«Я очень хорошо видѣлъ,—заявлялъ потомъ Петрашевскій,—что г. Кондратьевъ сперва отдалъ приставу одну бумагу, а ту, которая ей служила оберткой, удержалъ у себя. Едва только вручена была г. Зануцци первая бумага, какъ онъ сказалъ: «съ отвѣтовъ вашихъ вы не можете оставлять у себя», стремительно привставъ со стула, схватился за бумагу, которую держалъ Кондратьевъ, разорвалъ ее, смялъ въ комокъ, положилъ въ лѣвый карманъ брюкъ и требовалъ отъ Кондратьева возвращенія остальнаго». Тотъ сказалъ Зануцци: «Побойтесь вы Бога, г. слѣдственный приставъ; что вы это со мной дѣлаете! Мало вамъ, безъ всякой нужды, меня запутывать и тревожить! Что же вы дѣлаете съ людьми бѣдными и мужиками, когда въ присутствіи другихъ противъ офицера позволяете себѣ дѣлать такое насиліе. Господа, будьте, пожалуйста, этому свидѣтелями». Такъ какъ въ комнатѣ, кромѣ Петрашевскаго, находились только иностранецъ и пять письмоводителей пристава, которые не посмѣли бы, конечно, свидѣтельствовать противъ своего начальника, то свидѣтелемъ вызвался быть Петрашевскій. «Въ то же время,—разсказываетъ онъ,—по свойственному мнѣ миролюбію, старался я привести г. слѣдственнаго пристава къ сознанію его долга и убѣждалъ его возвратить Кондратьеву вырванную имъ бумагу, но... совѣтъ мой не былъ исполненъ. Г. приставъ, какъ всякій человѣкъ, доведенный до крайности и видя незаконность и несправедливость своихъ дѣйствій, ложно разсчитывая еще большею дерзостью скрыть и безъ того уже весьма явную преступность его дѣйствій, желая... застращать и меня, позволилъ себѣ съ этою цѣлью и мнѣ нанести оскорбленіе и именовать неоднократно за такое мое стараніе внушить ему должное уваженіе къ законамъ справедливости... помѣшаннымъ и сумасшедшимъ».

Петрашевскій на этомъ не успокоился, какъ сдѣлали бы это, вѣроятно, корректные люди, съ насмѣшкою и порицаніемъ относящіеся къ нему въ своихъ воспоминаніяхъ, а подалъ подробный рапортъ о случившемся своему начальству. Кромѣ того, чтобы дѣло это не было замято, онъ представилъ и петербургскому оберъ-полицмейстру мотивированное прошеніе о назначеніи формальнаго слѣдствія, а тотъ препроводилъ его въ управу благочинія. По полученіи объясненія отъ пристава Зануцци, она отклонила домогательство Петрашевскаго о назначеніи слѣдствія, а онъ обжаловалъ это постановленіе въ первый департаментъ сената, то съ горячностію, то съ ироніею разобравъ дѣйствія управы благочинія, и заявилъ, что представитъ подтвержденіе справедливости своихъ показаній лишь по производствѣ формальнаго слѣдствія, такъ какъ въ лицѣ Зануцци имѣетъ дѣло «съ отвѣтчикомъ, виновнымъ въ нарушеніи законовъ, вооруженнымъ практичес-

[1]) Арх. Мин. Ин. Д., IV. 10, 1847 г., № 22, л. 7-8.

кимъ знаніемъ» ихъ „и тѣхъ изворотовъ, къ коимъ прибѣгаютъ преступники для умаленія силы доказательствъ и уликъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ виновности“ [1]).

Зануцци въ своемъ объясненіи, вытребованомъ сенатомъ отъ управы благочинія, старался обвинить во всемъ самого Кондратьева и Петрашевскаго (который, по словамъ Зануцци, „принялся съ неописаннымъ жаромъ и вдохновеніемъ “защищать Кондратьева) и такъ характеризовалъ Петрашевскаго: „Вообще неодолимое страстное влеченіе его къ занятіямъ судебными, тяжебными и стряпческими дѣлами, при его богатомъ состояніи и при служебныхъ обязанностяхъ, самые усиленные поиски и вызовы тяжущихся посредствомъ газетныхъ публикацій и даже завлеченіе ихъ силою, какъ поступилъ онъ въ отношеніи г. Кондратьева [2]), и ночи, проводимыя имъ безъ сна, какъ онъ разсказывалъ..., въ бдѣніи надъ изученіемъ законовъ и ихъ глубокаго смысла,—все это ведетъ къ заключенію, не принадлежитъ ли эта загадочная страсть его къ области болѣзни, хотя бы и односторонняго качества, въ родѣ мономаніи, и тогда этимъ только можно объяснить себѣ поступокъ г. Петрашевскаго“. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ эпоху гоголевскаго „Ревизора“ безкорыстное заступничество за совершенно посторонняго человѣка казалось объяснимымъ только помѣшательствомъ или близкою къ нему болѣзнью. Въ дѣйствительности горячее желаніе Петрашевскаго наказать Зануцци вызывалось убѣжденіемъ, что нужно „поражать власть и выставлять всѣ ея неправильныя дѣйствія“. Это, конечно, должно было казаться еще болѣе ненормальнымъ.

Петербургскій военный губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, запрошенные сенатомъ, согласились съ постановленіемъ управы благочинія; правильнымъ призналъ его и сенатъ въ виду того, что отъ поручика Кондратьева никакой жалобы не поступало. Жалоба Петрашевскаго была оставлена безъ послѣдствій и велѣно было взыскать съ него гербовыя пошлины, но исполнить это послѣднее было невозможно, такъ какъ Петрашевскій въ это время (въ февралѣ 1850 г.) былъ уже сосланъ на каторгу [3]).

На одной изъ пятницъ Петрашевскго (см. ниже), 1 апрѣля 1849 г., при обсужденіи вопроса объ улучшеніи судопроизводства, одинъ изъ

---

[1]) Въ январѣ 1849 г. Петрашевскій сказалъ Антонелли, что, „держась своего правила, гдѣ только возможно поражать власть и выставлять всѣ ея неправильныя дѣйствія, онъ 16-го числа подалъ въ сенатъ жалобу на слѣдственнаго пристава 4-й Адмиралтейской части“.

[2]) Петрашевскій настаивалъ, чтобы Кондратьевъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ немедленно жаловаться оберъ-полицмейстру.

[3]) *А. Безродный*. „Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго.“ „Историческій Вѣстникъ“, 1901 г., № 1, стр. 225—229.

гостей, Головинскій, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, указавъ на равнодушіе нашего общества къ этой назрѣвшей потребности, въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на то, что въ русскихъ законахъ находятся двѣ статьи „дѣйствительно прекрасныя", по которымъ: 1) тяжущійся можетъ присутствовать при рѣшеніи дѣла и 2) всякій имѣетъ право подавать словесныя просьбы. А между тѣмъ, кто этимъ правомъ пользовался?—спрашивалъ Головинскій. Только двое: Петрашевскій и еще какой-то ябедникъ; они оба требовали дозволенія присутствовать при рѣшеніи дѣла, но имъ было отказано со ссылкою на безпримѣрность подобнаго требованія. Воспользоваться вторымъ правомъ захотѣли только двое и получили отказъ по той же причинѣ.

Петрашевскій, по показанію жившаго у него Барановскаго, въ 1846 г. рѣшилъ заниматься „хожденіемъ по дѣламъ", и пригласилъ Барановскаго, окончившаго курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, помогать ему своими совѣтами, а учителя Ларинской гимназіи Егорова—писаніемъ просьбъ. Барановскій работалъ у Петрашевскаго до іюня 1848 г., но выгодъ эта дѣятельность не приносила, да Петрашескій и не стремился къ нимъ; поэтому Барановскій рѣшилъ, что Петрашевскій «неспособенъ серьезно заняться дѣломъ», и прекратилъ свое сотрудничество. Краевскій заявилъ въ III отдѣленіи: въ «Вѣдомостяхъ» три раза было напечатано, что Буташевичъ-Петрашевскій вызывается ходатайствовать безъ всякой платы по тяжебнымъ дѣламъ всѣхъ бѣдныхъ и не имѣющихъ средствъ имѣть адвокатовъ, а съ богатыхъ людей... будетъ брать самую незначительную плату".

По словамъ Герцена, хорошо оцѣнившаго побужденія Петрашевскаго, онъ полагалъ, что „русское правительство изъ государственныхъ видовъ желаетъ афишировать свое уваженіе къ законности. Онъ ясно видѣлъ, что если бы правительство строго исполняло законы, даже такіе, какіе само издало, то оно подорвало бы самое основаніе своего существованія, принципъ произвола, который, вслѣдствіе солидарности всѣхъ чиновниковъ, дѣлаетъ изо всей администраціи ни болѣе, ни менѣе, какъ торговую компанію, цѣль которой состоитъ въ эксплуатаціи страны. Но Петрашевскій полагалъ, что если отъ правительства будутъ требовать соблюденія закона, то оно не будетъ настолько безстыдно, чтобы, по крайней мѣрѣ, официально сбросить маску законности[1]). Онъ сожалѣлъ, что въ Россіи нѣтъ людей, которые захотѣли бы поймать правительство на словѣ въ его намѣреніи уважать законность, и онъ первый попытался сдѣлать этотъ опытъ. Съ этою цѣлью онъ задумалъ открыть у себя адвокатскую контору и

[1]) Антонелли онъ сказалъ: должно выставлять всю неправильность дѣйствій правительства, „показывая несообразность его установленій, дѣлая его такимъ образомъ смѣшнымъ въ глазахъ общества".

помѣстилъ объявленіе о томъ въ петербургскихъ газетахъ; но такъ какъ лица, приходившія къ нему съ предложеніемъ вести ихъ дѣла, начинали лишь денежные иски противъ частныхъ лицъ, то онъ отказался отъ веденія чужихъ частныхъ дѣлъ и только въ своихъ личныхъ дѣлахъ (т.-е. въ интересахъ близкихъ родныхъ) „заводилъ процессы съ полиціею и въ судахъ. Много поводовъ для этого ему давало владѣніе двумя домами въ столицѣ и имѣніемъ въ Петербургской губерніи“ (это было нераздѣленное еще семейное имущество). „Такъ какъ въ Россіи можно жаловаться на чиновника только его непосредственному начальнику, который обыкновенно, хотя это провотивозаконно, не даетъ хода жалобамъ, не указывая даже причинъ отказа, то Петрашевскій, переходя отъ одной инстанціи къ другой, осаждалъ сенатъ своими жалобами на оберъ-полицмейстера и петербургскаго генералъ-губернатора и требовалъ преданія ихъ суду. Несмотря на то, что его жалобы принимались съ насмѣшкою, какъ вещь необычная, Петрашевскій настаивалъ, чтобы имъ данъ былъ ходъ, и требовалъ дозволенія устно защищать свое дѣло предъ сенатомъ, такъ какъ законъ это допускаетъ. Секретарь возражалъ ему, что законъ, на которомъ онъ основываетъ свое требованіе, пришелъ въ забвеніе, хотя и не отмѣненъ, и что по установившемуся въ сенатѣ обычаю истцы должны давать свои объясненія только письменно. Но такъ какъ Петрашевскій не хотѣлъ отказаться отъ права, даннаго ему закономъ, въ пользу произвольно введеннаго обычая, то его жалобы, никогда не разсматривались“ [1]).

Петрашевскій умѣлъ отразить посягательства разныхъ высокопоставленныхъ чиновниковъ на свое человѣческое достоинство. Ѳ. Н. Устряловъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о такой сценѣ, которую онъ видѣлъ при случайномъ посѣщеніи имъ цензурнаго комитета: „Вслѣдъ за мною въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, черноволосый, съ большими блестящими глазами, съ оригинальнымъ и выразительнымъ лицомъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился ревъ Михаила Николаевича (Мусина-Пушкина), который въ тотъ день былъ, вѣроятно, не въ духѣ и кого-то распекалъ. Быстро распахнулась дверь въ секретарскую и Михаилъ Николаевичъ явился во всемъ грозномъ величіи. „Вы что за птица?—гнѣвно обратился онъ къ неизвѣстному господину.—Что вамъ нужно?“ — „Я, ваше превосходительство, не птица, а человѣкъ“,—отвѣтилъ черноволосый господинъ (это былъ Петрашевскій) и своимъ отвѣтомъ „такъ сразилъ“ Мусина-Пушкина, „что тотъ безъ дальнихъ словъ поспѣшилъ убраться въ предсѣдательскую комнату“ [2]).

[1]) *Герценъ.* «Pétrachevsky» въ „Полномъ Собр. Соч.“ подъ ред. Лемке, т. VI, стр. 492.—Послѣднее, какъ мы видѣли, не точно: жалоба на дѣйствія Занудцы была разсмотрѣна сенатомъ.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1884 г., № 6, стр. 599—600.

Краевскій разсказалъ въ апрѣлѣ 1849 г. въ III отдѣленіи, что Петрашевскій хотѣлъ быть секретаремъ петербургскаго дворянскаго депутатскаго собранія и въ послѣдніе выборы разослалъ „ко многимъ дворянамъ записки", въ которыхъ разсуждалъ „о выборахъ вообще, о безпристрастіи при выборахъ и о прочемъ". Записки эти, по словамъ Краевскаго, успѣха не имѣли. Онъ сообщаетъ еще, что вскорѣ послѣ того при городскихъ выборахъ Буташевичъ-Петрашевскій, желая быть секретаремъ въ думѣ, разослалъ такія же записки купцамъ, но тѣ еще менѣе поняли его посланія, и желаніе его не исполнилось. Беклемишевъ слышалъ, что Петрашевскій хотѣлъ быть выбраннымъ въ какую-то городскую должность и для этого будто бы „давалъ избирательные обѣды и вечера". Есть указаніе Есакова, будто бы, потерпѣвъ неудачу на городскихъ выборахъ, Петрашевскій подалъ жалобу въ сенатъ. По словамъ Герцена, участвуя въ собраніяхъ петербургскаго дворянства, Петрашевскій требовалъ занесенія въ протоколъ своихъ протестовъ противъ нарушеній закона.

По дѣламъ, касающимся семейнаго нераздѣльнаго имущества, онъ приходилъ въ столкновеніе съ различными правительственными учрежденіями. По смерти отца, скончавшагося 29 мая 1845 г., Михаилъ Васильевичъ подалъ прошеніе въ петербургскую дворянскую опеку объ утвержденіи его, какъ главнаго наслѣдника, опекуномъ надъ оставшимся имѣніемъ. Несмотря на неоднократное хожденіе въ опеку, онъ не могъ добиться удовлетворенія своей просьбы; 16 ноября того же года онъ подалъ новое прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что рѣшеніе опеки не было ему объявлено и „формально неизвѣстно", какое распоряженіе сдѣлано съ этимъ имуществомъ. Прошеніе Петрашевскаго было возвращено ему съ надписью, что оно написано не по формѣ. Въ формулярномъ спискѣ его (20 октября 1849 г.) и въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ инспекторскимъ департаментомъ (24 декабря 1849 г.) послѣ его осужденія, сказано, что „за нимъ (т.-е. за его семьею) въ Петербургской губерніи, Ладожскаго уѣзда, 250 душъ (и болѣе 3.000 десятинъ земли), въ Петербургѣ два дома, каменный и деревянный, и пустопорожнее мѣсто". Мать его имѣла въ Вологодской и другихъ губерніяхъ до 150 душъ и въ Петербургѣ два каменныхъ дома[1]). Отцовское имѣніе оставалось въ нераздѣль-

---

[1]) По полицейскимъ свѣдѣніямъ, у семьи Петрашевскихъ было три дома,— одинъ большой каменный и одинъ деревянный на Покровской площади и одинъ большой каменный на Канонерской улицѣ. (Ср. „Русск. Ст". 1901 г., № 2, стр. 493). „Сверхъ того, говорятъ, главное состояніе ихъ заключается въ большихъ деньгахъ и во множествѣ дорогихъ вещей". Деньги, конечно, принадлежали матери, такъ какъ Петрашевскій въ нихъ очень нуждался.

номъ владѣніи съ матерью и сестрами и, какъ заявилъ Петрашевскій, во время слѣдствія, доходъ съ него вмѣстѣ съ жалованьемъ служилъ ему „средствами къ пропитанію“. Незадолго до ареста Михаила Васильевича рѣшено было произвести раздѣлъ, по которому ему приходилось получить на свою долю около 40 или 50 душъ, верстахъ въ полутораста отъ Петербурга. Очевидно, раздѣлъ долженъ былъ совершиться не по закону,—иначе доля Петрашевскаго была бы гораздо больше,—а поровну между нимъ и сестрами (быть-можетъ, и матерью, хотя у нея было самостоятельное имущество). Свою долю Михаилъ Васильевичъ соглашался взять отдѣльно отъ главнаго имѣнія, безъ всякихъ хозяйственныхъ строеній, скота и проч., и раздѣлъ онъ предполагалъ произвести въ теченіе лѣта 1849 г. На хозяйственное обзаведеніе своей доли имѣнія онъ предполагалъ истратить не менѣе 5000 рублей, которые думалъ добыть подъ залогъ земли или одного изъ домовъ въ Петербургѣ. Есть показаніе Есакова, что послѣ раздѣла Петрашевскій собирался уѣхать за границу и будто бы даже совершено тамъ поселиться. Послѣднее мало вѣроятно.

Д. Д. Ахшарумовъ говоритъ [1]) о Петрашевскомъ, что „это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ самообразованіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный“ „Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ показаніи свидѣтельствуетъ о томъ, что „всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго“.

Кромѣ юриспруденціи, исторіи и соціалистическихъ ученій, Петрашевскій, какъ сынъ врача, интересовался естествознаніемъ и медициной. По словамъ Кропотова, онъ носилъ съ собою въ карманѣ какую-то „теорію лѣченія“ и тетрадь съ рецептами. Онъ былъ большой охотникъ лѣчить камфорой, которую въ разныхъ видахъ можно было найти у него въ кабинетѣ, и ему нельзя было доставить бо́льшаго удовольствія, какъ спросить совѣта въ какой-нибудь болѣзни и обратиться съ просьбою дать чего-нибудь камфорнаго [2]). У него было не мало медицинскихъ книгъ, а также книги и по естествознанію, какъ, напримѣръ, анатомія и „Новая система органической химіи“ Распайля (на французскомъ языкѣ). Вѣроятно, отчасти изученіемъ естествознанія объясняются и антирелигіозные взгляды Петрашевскаго,

---

[1]) „Изъ моихъ воспоминаній“. СПБ. 1905 г., стр. 17.

[2]) Въ этомъ отношеніи Петрашевскій былъ послѣдователемъ системы доктора-соціалиста Распайля (1794—1878), рекомендованной послѣднимъ въ его книгѣ: „Histoire naturelle de la santé et de la maladie chez les végetaux et les animaux“ (3 тома, 1839—43). Распайль участвовалъ въ іюльской революціи 1830 г., и писалъ статьи въ журналахъ республиканской партіи, за что въ 1834 г., былъ подвергнутъ 15-ти мѣсячному тюремному заключенію. Сравни объ его медицинской системѣ въ воспоминаніяхъ В. Р. Зотова въ „Историч. Вѣстн.“ 1890 г., № 4, стр. 107—108.

относительно которыхъ Краевскій сплетничалъ въ III отдѣленіи, что въ Великую пятницу его гости разговлялись сыромъ, куличемъ, ветчиною, „какъ бы въ первый день Пасхи“. Краевскій имѣлъ безстыдство прибавить, что Петрашевскій „съ давняго времени извѣстенъ за человѣка безнравственнаго, безрелигіознаго и самаго безразсуднаго“. По полицейскимъ свѣдѣніямъ, онъ въ своемъ околоткѣ „прослылъ басурманомъ“. Вообще о немъ ходило много вздорныхъ слуховъ. Такъ Львовъ слышалъ, что Петрашевскій человѣкъ дурной, развратный, но не вѣрилъ имъ, „потому что не видалъ его никогда кутящимъ или дѣлающимъ какія-либо безчинства“, и полагалъ, что такая репутація его создалась вслѣдствіе „странности его фигуры, одежды и манеръ“.

По свѣдѣніямъ тайной полиціи, нѣкоторые университетскіе товарищи прекратили съ нимъ сношенія, опасаясь его свободныхъ мнѣній относительно религіи и правительства. Съ другой стороны нѣкоторые заподозрили въ немъ „агента-вывѣдывателя (agent-provocateur) III отдѣленія“ и боялись, что его „увлекательное краснорѣчіе“ можетъ завлечь ихъ въ западню. Когда въ январѣ 1849 г. стали ходить слухи, что онъ агентъ III отдѣленія, то Петрашевскій сказалъ Антонелли „Я очень этимъ доволенъ, потому что эти слухи даютъ мнѣ возможность смѣлѣе выражать свои мысли, а люди, которые меня знаютъ 4 или 5 лѣтъ, нисколько этому не повѣрятъ, такъ какъ совершенно во мнѣ увѣрены“. Однако неблагопріятныя вѣсти о Петрашевскомъ все же вредили ему: такъ, когда онъ пожелалъ сдѣлаться членомъ общества посѣщенія бѣдныхъ и заявилъ объ этомъ чрезъ своего товарища по лицею В. Р. Зотова, то его не приняли въ общество по неизвѣстнымъ причинамъ [1]).

Личная жизнь для Петрашевскаго была на второмъ планѣ. Однажды онъ сказалъ Антонелли, что его любили многія женщины, но самъ онъ никогда не позволялъ себѣ увлекаться, „и если заводилъ интригу, то съ чисто политическою цѣлью, чтобы увлечь... женщину своими идеями“, надѣясь, что она потомъ будетъ распространять ихъ среди мужчинъ. По его словамъ, онъ зналъ „болѣе 20 человѣкъ мужчинъ, которые вышли изъ школы увлеченныхъ имъ женщинъ съ совершенно человѣческими идеями“. Ему представлялся случай жениться на женщинѣ съ приданымъ въ 5.000 душъ. Разсказывая объ этомъ, онъ прибавилъ, что если бы рѣшился жениться, то только съ

---

[1]) Несмотря на то, что общество посѣщенія бѣдныхъ, предсѣдателемъ котораго былъ кн. Вл. Ѳ. Одоевскій, вовсе не отличалось соціалистическимъ характеромъ, несмотря на то, что почетнымъ членомъ его былъ герцогъ Лейхтенбергскій до своей смерти въ 1852 г., а затѣмъ попечителемъ его сдѣлался вел. кн. Константинъ Николаевичъ, общество это сначала присоединили къ человѣколюбивому обществу, а потомъ и вовсе закрыли. *В. Зотовъ.* „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“, „Истор. Вѣстн.“, 1890 г., т. 40, стр. 554—555. *Пятковскій.* „Кн. В. Ѳ. Одоевскій“, СПБ., 1880 г. стр. 31—33.

тою цѣлью, чтобы, имѣя тогда большія средства, „сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать для общаго блага“.

Хотя обстоятельства и заставляли Петрашевскаго оставаться чиновникомъ, но у него не было ни малѣйшаго стремленія къ блестящей карьерѣ. Въ этомъ отношеніи онъ руководился не только личными вкусами, но и глубокими соображеніями общественнаго характера. Вотъ что говоритъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ, представленныхъ слѣдственной комиссіи:

«Чтобы найти приличное мѣсто для употребленія моихъ способностей, мнѣ не зачѣмъ было ходить вдаль,—мнѣ стоило только обратить вниманіе на мое отечество. Петръ В., преобразуя Россію, сдѣлалъ двѣ ошибки, которыя помѣшали благимъ его начинаніямъ принести всю предполагаемую имъ отъ нихъ пользу. Такъ, онъ завелъ академію, когда не было школъ народныхъ. Круто принявшись за дѣло, онъ сдвинулъ, такъ сказать, съ мѣста организмъ русскаго быта общественнаго, уничтожилъ многое, что у насъ органически развилось, замѣнилъ это искусственной организаціей. Все лучшее изъ народа ввелъ въ администрацію (для его времени это было хорошо), — оттого наша общественная жизненная сила ослабѣла. Вся кровь прилила къ головѣ, желудокъ разстроился, и организмъ сталъ чахнуть. Послѣ него интересы администраціи, т.-е. міра чиновниковъ, разошлись еще болѣе съ интересами прочаго общества. Въ обществѣ (изъ него было изъято все полное силы нравственной) осталось все неподвижное, апатическое, по ограниченности своей враждебное безъ различія всякому усовершенствованію, новизнѣ. Это остается и теперь еще такъ. Вотъ отчего мѣры поистинѣ благодѣтельныя правительства» (Петрашевскій разумѣетъ тутъ нѣкоторые указы по крестьянскому вопросу) «въ обществѣ, именно въ томъ слоѣ общества, въ которомъ ему слѣдовало находить наибольшее сочувствіе, находятъ его весьма мало. Въ администраціи въ теченіе времени вліяніе генія Петра исчезло, установилась своя рутина, возникла та же вражда къ усовершенствованіямъ, какъ изгоняющимъ рутину, рутина же, по выраженію пр. Канкрина, превратилась въ «к а к ъ - н и б у д ь - и з м ъ». Екатерина II пыталась было это исправить. Но вотъ 60 лѣтъ, какъ благія сѣмена, ею брошенныя, не всходили до сихъ поръ на почвѣ русской общественности по тѣмъ же причинамъ.—Знаніе этого заставило меня предпочесть скромную дѣятельность гражданина въ сферѣ, мнѣ правами моего сословія предоставленной, блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ административномъ».

Вотъ тѣ черты характера Петрашевскаго, которыя намъ удалось собрать на основаніи его собственныхъ показаній и показаній его друзей и враговъ. Но нужно помнить, что знакомые не смѣли хвалить его передъ слѣдственною комиссіею, и иногда, даже попытавшись защитить отъ клеветъ его личность, дѣлали оговорку, что не защищаютъ его взглядовъ. Нужно было великое благородство одного изъ его пріятелей, Баласогло, чтобы смѣло дать и во время слѣдствія одобрительный отзывъ о Петрашевскомъ безъ всякихъ оговорокъ [1]).

[1]) Не поддавшись вліянію дурныхъ слуховъ о Петрашевскомъ, Баласогло „убѣдился въ его умѣ, благородствѣ правилъ и высокости души, которая, только по избытку чувствъ предаваясь порывамъ негодованія на все окружающее, переступала границы обыкновенныхъ свѣтскихъ, не скажу приличій, потому что Петрашевскій слишкомъ хорошо воспитанъ, а однѣхъ церемоній“.

Враги же или люди совершенно другого образа мыслей, не понимавшіе идеальныхъ стремленій Петрашевскаго и потому не оцѣнившіе его, какъ онъ того заслуживалъ, или прямо клеветали на него, или разсказывали о немъ плоскіе анекдоты съ тупоумною усмѣшкою. Но такой человѣкъ, какъ Герценъ, соціалистъ, какъ и Петрашевскій, такъ оцѣниваетъ его: „Если Барбье, говоря о *святой черни* (sainte canaille), разумѣлъ при этомъ величественную простоту, чистоту побужденій въ дѣйствіяхъ, смѣлую послѣдовательность, отсутствіе всякой хитрости, всякой задней мысли личнаго тщеславія,—качества, которыя, къ несчастью, встрѣчаешь въ наше время только среди людей изъ народа и, лишь какъ рѣдкія исключенія, въ другихъ классахъ общества, то Петрашевскаго можно безъ всякаго преувеличенія считать святымъ“. Какъ мы видѣли, и самъ Петрашевскій заявилъ слѣдственной комиссіи, что, вслѣдствіе незадавшейся личной жизни, онъ „обрекъ себя на служеніе человѣчеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило въ немъ эгоизмъ и чувство самосохраненія“.

ГЛАВА IV.

Пятницы М. В. Петрашевскаго въ 1845—48 годахъ.

Большую роль въ пропагандѣ фурьеризма сыграли собранія по пятницамъ у Петрашевскаго. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ, что назначилъ пятницу „для пріема пріятелей“ въ февралѣ или мартѣ 1846 г., но до 1848 г. на его вечерахъ было мало гостей, и въ теченіе этого времени „рѣчей никто не говорилъ, а былъ обыкновенный, простой разговоръ“. Однако, судя по показаніямъ Барановскаго и Есакова, пятницы Петрашевскаго начались еще въ 1845 году. Такъ сказано и въ запискѣ слѣдственной комиссіи, и въ докладѣ генералъ-аудиторіата [1]); Энгельсонъ показалъ даже, будто бы онъ бывалъ на собраніяхъ Петрашевскаго еще въ 1844 году.

Барановскій, служившій тогда въ сенатѣ, познакомился съ Петрашевскимъ осенью 1845 г. у профессора Казанскаго университета Ратовскаго, командированнаго въ сенатъ для изученія порядка дѣлопроизводства, и затѣмъ сталъ посѣщать Петрашевскаго. „У него были тогда,—говоритъ Барановскій,—назначенные дни — пятницы, въ которыя собиралось нѣсколько молодыхъ людей“, а именно, писатели М. Е. Салтыковъ, Валер. Ник. Майковъ, Р. Р. Штрандманъ, поэтъ Алексѣй Ник. Плещеевъ (неокончившій курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по восточному факультету), студенты того же университета Влад. Алексѣев. Милютинъ, Александръ Влад. Ханыковъ, познакомившійся съ Петрашевскимъ у Плещеева въ 1845 г, и побудившій въ 1848 г. Н. Г. Чернышевскаго заняться изученіемъ сочиненій Фурье, товарищъ Петрашевскаго по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Баласогло (или Баласъ-Оглу), окончившій курсъ лицея Евг. Сем. Есаковъ, Кайдановъ, Михайловъ и друг. [2]). „Иногда

[1]) По словамъ слѣдственной комиссіи, Петрашевскій сталъ собирать своихъ знакомыхъ, „преимущественно изъ воспитателей, молодыхъ литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ, съ цѣлью, нынѣ обнаруженною, чтобы потрясать умы соціальными книгами, разговорами и рѣчами“, дѣйствовать на молодое поколѣніе, „не производить самому возстанія“, но „мало-по-малу нанести ударъ правительству и настоящему порядку вещей“.

[2]) Есаковъ назвалъ еще Н. Я. Данилевскаго, Семенова, кавалергарда Ховрина, Серебрякова, Латкина.

разбиралось какое-нибудь ученое или литературное произведеніе", завязывались споры по вопросамъ политической экономіи. Петрашевскій говорилъ о системѣ Фурье, какъ о „самой лучшей и удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ", и слушатели сочувственно относились къ его словамъ [1]). Зимою 1845—46 г., по словамъ Есакова, у Петрашевскаго собиралось не болѣе 15 человѣкъ. Лѣтомъ 1846 г. Петрашевскій уѣзжалъ на нѣсколько недѣль въ деревню [2]). Зимою 1846—47 г. явились новыя лица: писатели Ѳ. М. Достоевскій [3]) и Апол. Н. Майковъ (служившій библіотекаремъ въ Румянцевскомъ музеѣ, который тогда находился въ Петербургѣ), Ольдекопъ, чиновникъ Чириковъ, неокончившій курса въ Петербургскомъ университетѣ Пл. Дѣевъ. Въ эту зиму, по свидѣтельству Барановскаго, вечера Петрашевскаго, прежде носившіе научный характеръ, стали гораздо разнообразнѣе. „То Баласогло вооружался противъ семейственности и всѣхъ ея условій", то Петрашевскій говорилъ о „преимуществахъ публичнаго производства суда; Ольдекопъ трактовалъ о магнетизмѣ, защищалъ противъ Петрашевскаго мистицизмъ", разсказывались анекдоты о профессорахъ, при чемъ отличались преимущественно самъ хозяинъ и Плещеевъ. Къ веснѣ 1847 г. составъ кружка Петрашевскаго измѣнился: къ нему перестали ѣздить Милютинъ, Штрандманъ, Салтыковъ, Есаковъ (у послѣдняго, кажется, произошла съ Петрашевскимъ ссора изъ-за книгъ). Затѣмъ Салтыковъ 28 апрѣля 1848 г. былъ высланъ изъ Петербурга за двѣ его повѣсти, напечатанныя въ журналахъ, а А. Майковъ въ 1847—49 гг. бывалъ на пятницахъ Петрашевскаго всего раза три и участвовалъ только въ разговорахъ о литературѣ [4]).

Зимою 1847—48 г., по словамъ Барановскаго, кромѣ прежнихъ посѣтителей—Достоевскаго, Плещеева, Баласогло, Чирикова, Ханыкова, у Петрашевскаго стали бывать: Ник. Александр. Спѣшневъ, богатый курскій помѣщикъ, жившій нѣсколько лѣтъ за границей, человѣкъ широко образованный, радикальнаго образа мыслей, послѣдователь не фурьеризма, а коммунизма [5]), писатели С. Ѳ. Дуровъ и А. И. Пальмъ (офицеръ л.-гв. егерскаго полка), два брата Дебу, Кузминъ [6]), Модерскій. Спѣшневъ, Дебу 1-й и Баласогло обыкновенно бесѣ-

---

[1]) „И сами восхваляли систему Фурье", прибавляетъ другой свидѣтель.

[2]) „Помнится для межеванія", сообщалъ Есаковъ.

[3]) Ѳ. М. Достоевскій показалъ во время слѣдствія, что въ первый разъ былъ у Петрашевскаго „около весны 1847 г."

[4]) Вал. Майковъ утонулъ 15 іюля 1847 г. Прочувствованный некрологъ его, написанный И. А. Гончаровымъ, былъ напечатанъ въ „Современникѣ" 1847, № 8.

[5]) Затѣмъ Спѣшневъ былъ, по словамъ Модерскаго, постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ Петрашевскаго.

[6]) Пав. Алексѣев. Кузминъ, офицеръ генеральнаго штаба, сталъ бывать у Петрашевского весною 1848 г.

довали отдѣльно въ кабинетѣ Петрашевскаго, остальные въ другой комнатѣ: Дебу 2-й и Ханыковъ, въ особенности послѣдній, толковали объ ученіи Фурье, „излагали нѣкоторыя его части, опровергали ученіе коммунистовъ“, доказывая, что основаніе его—„абсолютное равенство—противорѣчитъ видимымъ законамъ природы“; Дуровъ говорилъ съ исторической точки зрѣнія о союзѣ родственномъ и доказывалъ, что „родственныя связи опутываютъ личность человѣка [1]). Баласогло, иногда вступавшій въ разговоръ, поддерживалъ Дурова“. Таково показаніе Барановскаго, наиболѣе подробное изъ всѣхъ показаній о пятницахъ Петрашевскаго.

Къ числу давольно раннихъ знакомыхъ Петрашевскаго при; надлежалъ Ник. Як. Данилевскій [2]), извѣстный впослѣдствіи авторъ книги „Россіи и Европа“, теоретикъ національнзма. Окончивъ курсъ въ лицеѣ (гдѣ онъ нѣсколько зналъ Спѣшнева и Петрашевскаго) въ декабрѣ 1842 г., онъ записался на службу въ канцелярію военнаго министерства, но должности никакой не занималъ, а по праву, данному питомцамъ лицея, съ 1843 г. прошелъ какъ вольнослушатель курсъ естественныхъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ. Уже въ это время онъ славился, какъ знатокъ фурьеризма. Н. Страховъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ однажды во время его пребыванія въ университетѣ „между студентами вдругъ пронесся говоръ: Данилевскій! Данилевскій!“, и Страховъ „увидѣлъ, какъ около высокаго молодого человѣка, одѣтаго не въ студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Всѣ жадно слушали, что онъ говоритъ; ближайшіе къ нему задавали вопросы, а онъ отвѣчалъ и давалъ объясненія. Дѣло шло о бытіи Божіемъ и о системѣ Фурье“ [3]). Въ іюнѣ 1846 г. Данилевскій выдержалъ экзаменъ на степень кандидата, а въ началѣ слѣдующаго года вышелъ въ отставку, желая всецѣло посвятить себя занятіямъ естествознаніемъ [4]). Съ Петрашевскимъ онъ познакомился въ 1844 г. и затѣмъ бывалъ у него, какъ по пятницамъ, такъ и въ другіе дни, но лѣтомъ 1845 г. и съ іюня 1846 г. до октября 1847 находился внѣ Петербурга. На собраніяхъ у Петрашевскаго, какъ показалъ Данилевскій во время слѣдствія, обмѣнивались

---

[1]) Срав. ниже во 2 части, гл. 2 о кружкѣ Дурова и Пальма.

[2]) Во время слѣдствія (въ 1849 г.) Данилевскій показалъ, что ему 25 лѣтъ, а въ атестатѣ, выданномъ ему изъ канцеляріи военнаго м—ства 22 янв. 1847 г., сказано, что ему 23 года; между тѣмъ въ исторіи Царскосельскаго Лицея Д. Ѳ. Кобеко (стр. 523), вѣроятно, на основаніи представленныхъ документовъ, дата рожденія Данилевскаго—22 ноября 1822 г. Отецъ его въ 1849 г. находился въ дѣйствующей арміи въ чинѣ генералъ-майора, а мать имѣла въ Ливенскомъ у. Орловской губ. небольшое родовое имѣніе (60 душъ крестьянъ).

[3]) Н. Я. Данилевскій. „Россія и Европа“. СПБ. 1888 г., стр. VII.

[4]) Напечаталъ статью „О космосѣ Гумбольдта“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г. и др.

мыслями, сообщали другъ другу „идеи, касавшіяся различныхъ... современныхъ соціальныхъ вопросовъ“. Разговоры были преимущественно „содержанія теоретическаго“.

Другой знатокъ ученія Фурье, Ханыковъ, сталъ посѣщать пятницы Петрашевскаго съ 1846 г., и на него произвели сильное впечатлѣніе слова Михаила Васильевича, который тотъ любилъ повторять: „Прежде чѣмъ дѣйствовать,—нужно учиться. Надъ нами еще гремитъ насмѣшливый стихъ Пушкина: „Мы всѣ учились понемногу—чему-нибудь и какъ-нибудь“... Если бы понадобилось,—начнемъ наше образованіе съ азбуки... Мнѣ нравилось,—прибавляетъ Ханыковъ.—это... откровенное желаніе учиться“, и оно сблизило меня съ нимъ [1]).

Едва ли не болѣе всѣхъ цѣнилъ вечера Петрашевскаго Александръ Пантелеймоновичъ Баласогло, сынъ генерала, служившаго въ интенданствѣ черноморскаго флота, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы во флотѣ сдѣлавшійся чиновникомъ сначала въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ въ главномъ петербугскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Трагедію его жизни составляло то, что онъ не могъ удовлетворить своимъ научнымъ стремленіямъ къ изученію этнографіи и филологіи (ему очень хотѣлось изучать восточные языки), такъ какъ необходимость содержать большое семейство принуждала его тянуть чиновничью лямку. Ему удавалось имѣть кое-какіе литературные заработки, пробовалъ онъ писать и стихи, и это нѣсколько сблизило его съ литературною средою. Баласогло сталъ мечтать о томъ, чтобы предпринять изданіе, въ которомъ „всякая живая душа нашла бы себѣ отрадную мысль, пріятную черту, примѣръ доблести, отечественное воспоминаніе, брильянтъ изъ науки, картину, смягчающую ожесточенное сердце... Потомъ, если бы мнѣ это удалось, читатели втянулись (бы) въ направленіе, явились (бы) писатели, художники, ученые,—можно начать изданіе и посолиднѣе, можно мало-по-малу пустить въ общество цѣлый всемірный кругъ идей, дать ему въ руки цѣлый сводъ учебниковъ по всѣмъ предметамъ, составленныхъ не на живую нитку, но созданныхъ органически, по одной общечеловѣческой логикѣ“. Онъ началъ посѣщать писателей, но литературные круги ему не нравились. Онъ не могъ найти въ нихъ удовлетворенія своимъ стремленіямъ, не могъ отвести душу, пока не познакомился (около 1845 г.) съ Петрашевскимъ. Баласогло разочаровался въ писателяхъ-„либералахъ“ съ ихъ „бѣлыми перчатками, съ ихъ обѣдами и попойками, съ ихъ криками и карточными остротами“, съ ихъ холоднымъ равнодушіемъ къ идеямъ и чувствамъ. Онъ рѣшилъ „поискать другихъ людей, помоложе, попроще, посвѣжѣе и

---

[1]) Д. Д. Ахшарумовъ утверждалъ во время слѣдствія, что Ханыковъ первый изъ знакомыхъ Петрашевскаго усвоилъ подъ вліяніемъ послѣдняго ученіе Фурье.

покрѣпче душой. И я, — продолжаетъ онъ, — къ неописанному своему восторгу нашелъ" много такихъ людей, —людей совершенно простыхъ и благородныхъ, не „только толкующихъ, но и вѣрующихъ въ идеи и занимающихся каждый своимъ предметомъ не изъ поденщины, какъ все литературное мѣщанство [1]), а по органической необходимости для всего своего существа. Всего пріятнѣе была для меня встрѣча съ однимъ изъ такихъ людей, съ тѣмъ, который довольно долго... слылъ человѣкомъ безпокойнымъ, пустымъ, безграмотнымъ, такимъ, для котораго нѣтъ ничего святого, — это былъ Петрашевскій". Особенно полюбилъ его Баласогло, когда послѣ февральской революціи во Франціи у насъ наступила дикая реакція, и эта любовь дала ему нравственную силу говорить о Петрашевскомъ въ своихъ показаніяхъ въ тонѣ, необычномъ для многихъ его товарищей по дѣлу [2]).

«Когда по случаю западныхъ происшествій цензура всей своей массой обрушилась на русскую литературу и, такъ сказать, весь литературно-либеральный городъ прекратилъ по домамъ положенные дни, одинъ Петрашевскій нимало не поколебался принимать у себя своихъ друзей и короткихъ знакомыхъ; это обстоятельство, признаюсь, привязало меня къ нему навѣки. Онъ, какъ и всѣ его гости, очень хорошо зналъ, что правительство, внимая чьимъ бы то ни было ябедамъ,... во всякую минуту могло схватить, такъ сказать, весь его вечеръ и начать розыски,—и не смутился духомъ; слѣдовательно, его совѣсть была спокойна; слѣдовательно, онъ готовъ былъ дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ во всякую минуту; слѣдовательно, онъ вѣровалъ въ то, что исповѣдывалъ. Я, который до того, признаюсь, хотя и въ весьма незначительной степени, но все-таки, не довѣряя однимъ своимъ наблюденіямъ, иногда безпокоился насчетъ его основныхъ задушевныхъ пожеланій, былъ восхищенъ этимъ рѣшительнымъ признакомъ души благородной...

«Всѣ лица, съ которыми я тутъ имѣлъ дѣло, были рѣшительно души молодыя, благородныя, серьезныя. Единственная явная и неопровержимо общая намъ всѣмъ цѣль,—разсказываетъ Баласогло о вечерахъ Петрашевскаго,—была, во-первыхъ, убѣжище отъ картъ и либеральной болтовни, наводящей на душу грусть до изнеможенія ума и воли; во-вторыхъ, обмѣнъ понятій и кровныхъ убѣжденій посредствомъ разговора, чтенія статей и прѣнія, которое иногда вызывало цѣлыя связныя рѣчи одного лица къ многимъ; въ-третьихъ, сообщеніе, какъ и вездѣ, другъ другу городскихъ и другихъ новостей и всѣхъ частныхъ свѣдѣній... Каждую пятницу сходилось обыкновенно человѣкъ отъ 7 до 10; часто бывало до 15, а разъ въ годъ, когда онъ праздновалъ день своихъ именинъ или рожденія,—до 20 и до 30 [3]). О чемъ были сужденія, рѣчи, прѣнія? Рѣшительно обо всемъ: каждый сообщалъ свои личныя свѣдѣнія и взгляды на ту науку, которою онъ непосредственно занимался: перевѣсъ брали, безъ всякаго сомнѣнія, науки общественныя, идеи были въ самомъ огромномъ большинствѣ случаевъ не однихъ фурьеристовъ, коммунистовъ, утопистовъ

---

[1]) Выраженіе, быть можетъ навѣянное статьями Герцена.

[2]) Въ бесѣдахъ съ Антонелли Петрашевскій говорилъ о Баласогло, „какъ о своемъ пріятелѣ, съ которымъ онъ часто видится".

[3]) Въ 1847 г. на именинахъ Петрашевскаго, по словамъ Пальма, было болѣе 50 человѣкъ; по свидѣтельству Дурова на одномъ собраніи у Спѣшнева было даже до 70 человѣкъ. По свидѣтельству Алексѣя Тимковскаго въ концѣ 1848 г. на пятницахъ Петрашевскаго бывало отъ 20 до 40 человѣкъ.

или конституціоналистовъ, а вообще всѣхъ соціалистовъ, разсматриваемыя каждымъ лицомъ сравнительно и со своей личной точки зрѣнія: кто во что вѣровалъ, тотъ то и доказывалъ. Большого согласія никогда не было; общая точка соприкосновенія—одна короткость, или дружба, или удовольствіе новаго, пріятнаго знакомства.

«Какіе наше общество имѣло уставы, внѣшнія формы и т. п.? Никакихъ, такъ какъ оно никогда не бывало и никогда не думало быть обществомъ, а было только простое собраніе знакомыхъ, тѣсно связанныхъ взаимными чувствами и отношеніями,—у него и не могло быть никакихъ уставовъ и внѣшнихъ формъ, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ, общихъ всему образованному міру. Скорѣе всего, чтобы опредѣлить дѣло однимъ словомъ, это было одно семейство, только семейство не кровное, а чисто духовное и свѣтское, семейство по узамъ науки и общежитія. У насъ былъ, говорятъ, колокольчикъ и предсѣдатель? Объ этомъ колокольчикѣ прозвенѣли уши цѣлому городу тѣ невинныя, но жалкія существа либеральной породы, которыхъ я называю мальчики-перебѣжчики, ребятишки-переносчики... Колокольчикъ, дѣйствительно, почти всегда лежалъ на столѣ... Я не разъ просилъ Петрашевскаго удалить..., во избѣжаніе впредь всякихъ толковъ въ городѣ, колокольчикъ въ другую комнату; но онъ мнѣ отвѣчалъ: «Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ! Если ужъ толкуютъ, значитъ, будутъ толковать и о томъ, что у Петрашевскаго уже нѣтъ на столѣ колокольчика, а поэтому и не видно, кто предсѣдатель!»—и онъ былъ совершенно правъ. Какія рѣчи говорились о правительствѣ?.. Все, что было дѣйствительно рѣзкаго,—и это ужъ въ высочайшей степени,—такъ это перечетъ и аттестація всѣхъ лицъ, употребляющихъ торжественно на всю Россію и свою власть, и неограниченное къ нимъ довѣріе Государя Императора. Въ этомъ болѣе и яростнѣе всѣхъ отличался, конечно, я первый... Не разъ не только у Петрашевскаго, но и всюду, гдѣ только считалъ, что говорю какъ бы самъ съ собою, въ своемъ собственномъ умѣ, я дерзалъ, осуждать и... самого Государя Императора, изумляясь, какъ онъ не видитъ, что надъ нимъ и вокругъ него дѣлается, и почему онъ никогда не удостоилъ спросить лично управляемыхъ, каково имъ жить и существовать подъ своими управляющими, и не въ публикѣ, а наединѣ, каждое, любое человѣческое существо порознь, на что его величество имѣетъ тысячи возможностей» [1]).

Въ періодъ своихъ мечтаній объ издательской дѣятельности Баласогло написалъ проектъ учрежденія въ Петербургѣ общества ученыхъ и любителей просвѣщенія и устройства имъ книжнаго склада для возможно болѣе дешеваго изданія и продажи книгъ съ библіотекою для чтенія и собственною типографіею и литографіею. Предполагалось завести сношенія въ Россіи, чтобы узнавать запросы публики и въ самомъ скоромъ времени удовлетворять ихъ, а для пріобрѣтенія иностранныхъ книгъ — съ заграницею. Проектъ этотъ былъ прочтенъ авторомъ на собраніяхъ у Петрашевскаго въ надеждѣ найти участниковъ и сотрудниковъ для осуществленія этого обширнаго плана. Слѣдственная комиссія увидѣла въ проектѣ Баласогло „духъ либеральной пропаганды“ и „преступную политическую цѣль“. Хотя составитель его и утверждалъ, что „руководствовался лишь стремле-

[1]) Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ 1848 г. сказалъ бар. Корфу, что «батюшка» слишкомъ довѣрчивъ и «нисколько не подозрѣваетъ, какъ обманываютъ его иногда своекорыстіе и неблагодарность самыхъ приближенныхъ». «Рус. Стар.» 1900 г. № 3, стр. 550.

ніемъ къ просвѣщенію себя и другихъ средствами науки и искусства въ предѣлахъ, освящаемыхъ законами и добрыми нравами", но вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду, насколько это было возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, и распространеніе соціалистическихъ идей. Дѣломъ устройства склада были заинтересованы братья Майковы[1]), вкладчиками изъявляли готовность быть вильмандстрандскій купецъ первой гильдіи Татариновъ и чиновникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ Булгаковъ, но проектъ все же не осуществился[2]).

До зимы 1847—48 г. собранія у Петрашевскаго отличались менѣе упорядоченымъ характеромъ, чѣмъ позднѣе, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ А. Н. Плещеева: „На нихъ собиралось иногда очень много, человѣкъ до 20 и болѣе, иногда же, напротивъ, кружокъ весьма ограниченый. Въ первомъ случаѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, почти никогда не завязывалось общаго разговора. Всѣ раздѣлялись на маленькія группы, и въ каждой шелъ свой особенный разговоръ. Изрѣдка только, если между двумя какими-нибудь лицами завязывался споръ, могущій интересовать всѣхъ, какъ напримѣръ, объ искусствѣ, литературѣ, о вопросахъ науки, не слишкомъ спеціальныхъ, то спорящихъ окружали, и кто-нибудь изъ постороннихъ вызывался быть посредникомъ, т.-е. наблюдать, чтобъ спорящіе давали другъ другу вполнѣ развить свою мысль, а не перебивали бы другъ друга безпрестанно; также записывать для памяти имена постороннихъ, которые желали по окончаніи спора сдѣлать на нѣкоторые пункты возраженія". По словамъ Ханыкова. только съ зимы 1847 г., разговоръ, вслѣдствіе предложенія Спѣшнева, „чтобы говорящій выбиралъ себѣ президента, сдѣлался изъ случайнаго, отрывочнаго, замѣтнымъ и удобопонятнымъ".

Д. Д. Ахшарумовъ, познакомившійся съ Петрашевскимъ весною 1848 г., въ своихъ „Воспоминаніяхъ" говоритъ:

«У насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ всвсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякого стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи... На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе

---

[1]) Въ дѣлѣ есть слѣдующая записка Ап. Ник. Майкова: „Препровождаю вамъ списокъ журналовъ съ отмѣтками брата" (вѣроятно Валер. Ник.). „Нужно бы было назначить общее собраніе: я имѣю кое-что предложить и полезное, и выгодное для компаніи".

[2]) Баласогло читалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго отрывки изъ какого-то большого и неоконченнаго сочиненія „Объ изложеніи наукъ", котораго въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ.

опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи... Нашъ маленькій кружокъ, сосредоточивавшійся вокругъ Петрашевскаго въ концѣ 40-хъ годовъ, носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ.

«Вечера Петрашевскаго, по содержанію разговоровъ, касавшихся преимущественно соціально-политическихъ вопросовъ, представляли большой интересъ для насъ и потому, что они были единственны въ своемъ родѣ въ Петербургѣ. Собранія эти продолжались обыкновенно до поздней ночи, часовъ до двухъ или трехъ, и кончались скромнымъ ужиномъ» [1]).

Пятницы Петрашевскаго того же времени такъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген.-лейт. П. А. Кузминъ:

«Я посѣщалъ эти вечера, — говоритъ онъ,—съ весны 1848 г., и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были не безынтересны для каждаго изъ присутствующихъ. Да и могло-ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе, въ какой-бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убивавшая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло-бы быть лучше, если-бы было иначе; а въ это именно время самоуправство всѣхъ и каждаго изъ агентовъ правительства дошло до высшей степени: злоупотребленія, лихоимство не имѣли границъ». Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе, что вездѣ, гдѣ собирались люди выше средняго уровня, они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ [2])».

Пятницы Петрашевскаго пользовались въ Петербургѣ широкою извѣстностью: такъ, нѣкто Петровъ, въ письмѣ къ знакомому отъ 1-го декабря 1848 г., въ числѣ удовольствій петербургской жизни называетъ: проповѣди Нильсена, «пропаганду Петрашевскаго», публичныя лекціи и фельетоны Плещеева. Молодой піанистъ А. Г. Рубинштейнъ, только что пріѣхавшій изъ заграницы, нашелъ у Петрашевскаго «большое собраніе мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ—разсказываетъ Рубинштейнъ,—помню одного,—то былъ Пальмъ». «Мужчина съ бородой начинаетъ читать что-то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата... все это меня чрезвычайно удивило, и я не скрылъ своего удивленія отъ сосѣдей.—«Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что-либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія, и такія мысли и принципы высказываются за границей, тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста!» Петрашевскій навѣщалъ потомъ Рубинштейна и давалъ ему читать «разныя либеральныя на иностранныхъ языкахъ книги» и толковалъ съ нимъ «о конституціи, о парламентахъ и проч.» [3]).

Несмотря на то, что въ 1844 г. Петрашевскій подвергался полицейскому надзору, его пятницы до поры, до времени не обращали

---

[1]) Д. Д. Ахшарумовъ. «Изъ моихъ воспоминаній». Спб. 1905, стр. 15—17.

[2]) См. Записки П. А. Кузмина въ рукописномъ отдѣлѣ Публ. Библ., бумаги, Шильдера, карт. 3. II. 4. I. Записки Кузмина напечатаны въ «Русск. Старинѣ», 1895 №№ 2, 3, 4, но съ нѣкоторыми сокращеніями и смягченіями.

[3]) «Воспоминанія А. Г. Рубинштейна», «Рус. Стар.» 1889 г., № 11, стр. 539—540.

на себя вниманія полиціи. Но дѣло тотчасъ же измѣнилось, какъ только онъ вздумалъ публично затронуть крестьянскій вопросъ. Въ февралѣ 1848 г., какъ видно изъ официальнаго доклада о Петрашевскомъ, разнесся слухъ, что какая-то литографированная записка ходитъ по рукамъ дворянъ Петербургской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ чиновнику особыхъ порученій при немъ Липранди [1]) достать экземпляръ ея. Это было не трудно, такъ какъ она была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Оказалось, что она носила заглавіе: „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній“ и имѣла подпись: «дворянинъ С.-Петербургской губерніи, землевладѣлецъ и избиратель М. Буташевичъ-Петрашевскій». Упомянувъ о томъ, что цѣна населенныхъ имѣній ниже дѣйствительной цѣнности, Петрашевскій считалъ причинами этого явленія: предоставленіе владѣнія населенными имѣніями одному только классу, недостаточность употребляемыхъ на это дѣло капиталовъ, малое развитіе кредита и др. Для устраненія вреднаго вліянія этихъ причинъ онъ предлагалъ: 1) Предоставить купцамъ право пріобрѣтать населенныя земли подъ условіемъ дѣлать живущихъ на этихъ земляхъ крестьянъ обязанными (на основаніи закона 2 апрѣля 1842 г.) [2]), вмѣстѣ съ дарованіемъ такимъ купцамъ—землевладѣльцамъ права участвовать съ правомъ голоса въ дворянскихъ собраніяхъ по дѣламъ, относящимся до обоихъ сословій, какъ землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ полезнымъ предоставить крестьянамъ право выкупаться на волю за опредѣленную сумму. Петрашевскій почему-то предполагалъ, что вслѣдствіе этого до 500 милліоновъ руб. асс., и

---

[1]) Иванъ Петровичъ Липранди (1790—1880), потомокъ испанскихъ дворянъ, во время Отечественной войны былъ полковникомъ генеральнаго штаба, въ битвѣ подъ Смоленскомъ получилъ тяжелую контузію въ колѣно; по взятіи Парижа назначенъ начальникомъ русской военной и политической полиціи во Франціи. По окончаніи войны вышелъ въ отставку и занялся изученіемъ восточнаго вопроса, собралъ по этому предмету обширную библіотеку и написалъ много монографій. Передъ турецкой войною 1828 г. былъ посланъ на мѣсто предстоявшихъ военныхъ дѣйствій для собранія политическихъ, военныхъ и этнографическихъ свѣдѣній. По вступленіи въ управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, занялъ по его приглашенію мѣсто чиновника особыхъ порученій. Производилъ официальныя разслѣдованія о старобрядцахъ и сектантахъ,—скопцахъ и др. *И. Арсеньевъ.* „Слово живое о неживыхъ.“ „Историч. Вѣстн.“, 1887, № 4, стр. 71—73; біографическій очеркъ въ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“. Петрашевецъ П. А. Кузминъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что сенатъ весною 1849 г. постановилъ отдать Липранди подъ судъ за взятки со скопцовъ. „Русск. Стар.“ 1895 г., № 4, стр. 84. Біографъ же Липранди говоритъ, что обвиненіе во взяткахъ „врядъ ли можетъ быть признано дѣйствительнымъ: извѣстно, что Липранди умеръ почти нищимъ, да и при жизни вынужденъ былъ продать свою библіотеку Имп. Публ. Библіотекѣ, тогда какъ могъ-бы обогатиться, ведя дѣла раскольниковъ“, („Рус. Біогр. Словарь“).

[2]) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“ т. II, стр. 63—64.

даже болѣе, изъ купеческихъ капиталовъ обратится на пріобрѣтеніе населенныхъ земель. Къ облегченію способовъ пріобрѣтенія такихъ земель купцами на указанномъ выше основаніи можетъ служить дозволеніе имъ дѣлать ссуды дворянамъ подъ ихъ имѣнія. 2) Ввести „гипотетическія книги“ (ипотеки) на томъ же основаніи, какъ въ Пруссіи. 3) Устроить кредитныя земскія учрежденія, какъ въ Польшѣ. 4) Учредить дворянскіе, „или, лучше сказать, земледѣльческіе банки“. 5) Уменьшить въ одинаковомъ размѣрѣ проценты, какъ платимые кредитнымъ учрежденіямъ за ссуженныя деньги, такъ и уплачиваемыя этими учрежденіями за отданные имъ на храненіе капиталы. 6) Учредить сохранныя кассы во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и поручить пріемъ взносовъ въ нихъ всѣмъ приходскимъ священникамъ. Этой мѣрѣ Петрашевскій придавалъ преувеличенное значеніе, полагая, что она разовьетъ духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ и постепенно приготовитъ ихъ „къ пользованію дарами гражданской свободы и плодами своей свободной дѣятельности“. Онъ даже думалъ, что эта мѣра, такъ же, какъ и допущеніе купцовъ покупать дворянскія населенныя имѣнія, „важна тѣмъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, что значительную часть тягости и неудобства, сопряженныхъ съ измѣненіемъ настоящихъ отношеній крестьянина, переноситъ на другіе классы“. Но если обращеніе въ обязанные крестьянъ, живущихъ на покупаемыхъ купцами земляхъ, могло бы имѣть значеніе, то этого отнюдь нельзя сказать объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ безъ огражденія собственности крѣпостныхъ крестьянъ, какъ движимой, такъ и недвижимой, отъ помѣщичьей власти, безъ регулированія размѣра денежнаго выкупа за освобожденіе и проч. А Петрашевскій не коснулся этихъ болѣе важныхъ вопросовъ, очевидно, совершенно не надѣясь на поддержку петербургскихъ дворянъ. Кромѣ того, онъ предлагалъ: 1) учрежденіе при сохранныхъ кассахъ mont-de-piété на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существуютъ во Франціи съ присоединеніемъ права принимать подъ залогъ нѣкоторыя земледѣльческія произведенія; 2) улучшеніе формъ судопроизводства и надзора за административными властями. Это, по его мнѣнію, не можетъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній „черезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами“. 3) Пополненіе библіотекъ, находящихся при уѣздныхъ училищахъ, сочиненіями по сельскому хозяйству и связаннымъ съ нимъ отраслямъ промышленности съ предоставленіемъ безвозмезднаго пользованія этими книгами всѣмъ земледѣльцамъ и городскимъ жителямъ.

На принятіе всѣхъ этихъ мѣръ въ теченіе непродолжительнаго времени Петрашевскій возлагалъ преувеличенныя надежды: онъ полагалъ, что онѣ не только значительно увеличатъ цѣнность земельной собственности, но и разовьютъ въ народѣ многія нравственныя

и матеріальныя силы, находящіяся „въ дремотномъ состояніи“, положатъ начало самопознанію и сознанію своего общественнаго значенія въ тѣхъ классахъ, которые до тѣхъ поръ были ему совершенно чужды. Въ заключеніе Петрашевскій изъявлялъ готовность, если этого пожелаетъ петербургское дворянство, подробно изложить всѣ эти мѣры и словесно разрѣшить всѣ недоразумѣнія и разнаго рода вопросы, которые могутъ возникнуть по этому поводу [1]).

Въ офиціальныхъ сферахъ придали этой запискѣ чрезмѣрное значеніе [2]). Петербургскій губернскій предводитель дворянства Потемкинъ передалъ Петрашевскому желаніе государя, чтобы „о семъ предметѣ не было разсужденія“. Петрашевскій усомнился въ вѣрности этого заявленія, но подчинился требованію Потемкина, хотя и считалъ, что по закону имѣетъ полное право внести свое предложеніе и такимъ образомъ „разрѣшить многое въ труднѣйшемъ изъ всѣхъ вопросовъ общественной жизни“ [3]). Въ разговорѣ съ Беклемишевымъ Петрашевскій сообщилъ ему, что принесъ жалобу въ Сенатъ на министра внутреннихъ дѣлъ и намѣренъ жаловаться на губернскаго предводителя дворянства, который не допустилъ его предложенія до обсужденія, а Антонелли (агенту Липранди) Петрашевскій сказалъ, что, затѣвая дѣло противъ предводителя дворянства, надѣется осмѣять его и выиграть въ мнѣніи дворянъ.

---

[1]) „Былое“, 1906 г. № 4, стр. 61—63.

[2]) Въ одномъ докладѣ о Петрашевскомъ было сказано: „Заголовокъ не соотвѣтствовалъ содержанію статьи, выходящей совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ закономъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ былъ придуманъ для одной только приманки, чтобы, воспользовавшись наступившими выборами, раздать записку многимъ дворянамъ, въ надеждѣ поселить въ нихъ нѣкоторыя идеи, противныя благоустройству государства и вредныя для общества. Усмотрѣвъ, что для достиженія обѣщаннаго заглавіемъ *благоденствія*, авторъ находитъ необходимымъ поколебать существующій порядокъ вещей, предлагая *преобразованія* и *нововведенія* вовсе не подлежащія обсужденію частныхъ лицъ, дворяне не только не вошли съ сочинителемъ въ дальнѣйшія обсужденія излагаемаго имъ предмета (на что онъ вызывался въ своей запискѣ), но, замѣтивъ противозаконное и злоумышленное развитіе идей, старались скрыть даже и то, что приняли отъ него записки эти, отзываясь о сочинителѣ, какъ о *сумасшедшемъ*, чѣмъ онъ, впрочемъ, никогда не бывалъ. Содержаніе записки этой, розданной болѣе чѣмъ въ 200 экземпляровъ, слишкомъ ясно обнаруживаетъ цѣль автора: посѣять волею или неволею свои идеи въ тѣхъ, которые вдадутся въ обманъ заглавіемъ и прочитаютъ ее“.

[3]) Что Потемкинъ дѣйствовалъ не по собственному усмотрѣнію, а по внушенію свыше, можно заключить изъ того, что когда въ томъ же 1848 г. дворяне Царскосельскаго, Ямбургскаго и Петербургскаго уѣздовъ задумали составить положеніе, точно опредѣляющее повинности помѣщичьихъ крестьянъ, и для выработки его выбрали особые комитеты, то министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ избраніе комитетовъ противозаконнымъ, и дѣйствія дворянства въ этомъ направленіи были прекращены.— Въ дѣлѣ о Петрашевскомъ III отдѣленія Соб. Е. В. канцеляріи сказано, что „раздача“ его записки „остановлена по дурному впечатлѣнію, которое она произвела; нынѣ записка сія распространена по городу во многихъ экземплярахъ“.

Слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ также придала очень важное значеніе запискѣ Петрашевскаго: въ своемъ докладѣ она повторила обвиненіе, что авторъ ея вышелъ „совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ“ (?), и въ подтвержденіе этого страннаго мнѣнія указала на то, будто бы Петрашевскій считаетъ „гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями одному только классу исключительно“ (явная передержка: Петрашевскій полагалъ только, что это понижаетъ цѣнность дворянскихъ имѣній), „желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи“ (это были совершенно невинныя предложенія въ области кредита), „пишетъ, что мѣры эти дадутъ возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благоразумію, а не..... пожертвованію другихъ своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы“. Поставлено было въ вину Петрашевскому и то, что онъ желалъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными властями. Какъ видно изъ одной позднѣйшей его записки, онъ самъ хорошо понималъ, что „литографированный листокъ“ по крестьянскому вопросу былъ началомъ его злоключеній.

Уже 27 февраля 1848 г. III отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи обратило вниманіе на то, что у Петрашевскаго, котораго характеризовали, какъ „приверженца коммунизма и другихъ новыхъ идей“, каждую „пятницу собираются лицеисты, правовѣды и студенты университета“. Велѣно было „узнать, какого онъ поведенія и образа мыслей“. 1 марта было сообщено, что, дѣйствительно, по пятницамъ у него бываютъ гости, но кто именно—неизвѣстно; относительно поведенія о немъ „отзываются, какъ о вѣтреномъ молодомъ человѣкѣ, но предосудительнаго ничего не замѣтно“. 9 марта было сообщено невѣрное свѣдѣніе, будто бы у Петрашевскаго „играютъ въ карты“, хотя и „очень мало“, между тѣмъ какъ на пятницахъ картъ никогда не было[1]) и будто бы „говорятъ между собою по-французски“, почему содержаніе разговоровъ людямъ его неизвѣстно.

По соглашенію шефа жандармовъ гр. Орлова и министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго было рѣшено сдѣлать видъ, будто бы записка Петрашевскаго о крестьянскомъ вопросѣ „правительствомъ не замѣчена, что бы не возбудить подозрѣнія и большой осторожности въ сочинителѣ и не затруднить чрезъ это дальнѣйшихъ“ относительно

---

1) Петрашевскій прямо говоритъ: нѣкоторыя лица не посѣщали пятницъ, зная, что не найдутъ у меня карточной игры.

него разысканій, которыя (10 марта) возложены были на Липранди, и агенты III отдѣленія не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ [1]). Соотвѣтственно этому, когда какой-то А. Г. спросилъ графа Орлова, „не прикажетъ ли онъ сдѣлать визитъ“ (къ Петрашевскому), то шефъ жандармовъ отозвался: „надобно имѣть болѣе положительныхъ данныхъ“. Сообщая объ этомъ Дубельту, А. Г. прибавилъ: „приказалъ продолжать знакомство, но такъ какъ люди осторожные, то подаются весьма туго“. Затѣмъ, когда 23 марта было предложено или „учредить бдительное секретное наблюденіе“, или въ первый день собранія „сдѣлать внезапный подробный обыскъ“, то графъ приказалъ „прекратить наблюденія на нѣкоторое время“, ибо Петрашевскій „догадывается“.

Такимъ образомъ записка Петрашевскаго очень повредила ему и его дѣлу пропаганды, а въ то же время она не понравилась и нѣкоторымъ изъ его знакомыхъ. Такъ, напримѣръ, А. Пальмъ говоритъ въ своемъ показаніи, что когда Петрашевскій далъ ему „литографированный листъ, программу того, что онъ хотѣлъ прочесть въ дворянскомъ собраніи, но до чего его не допустили“, то листокъ этотъ „своею безграмотностью [2]) и безтолковостью разочаровалъ“ его въ Петрашевскомъ [3]). Посылалъ онъ этотъ листокъ и своему знакомому Влад. Ив. Кайданову, находившемуся въ то время въ Ярославской губ., съ просьбою сообщить его тамошнему дворянству, но тотъ отвѣчалъ (15 дек. 1848 г. изъ Ростова) черезъ своего брата рѣзко отрицательно.

«Я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую, а я не могу сочувствовать его проекту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ. Въ этомъ году въ Ростовскомъ уѣздѣ управляющій ярославской палатой государственныхъ имуществъ купилъ для казны съ публичнаго торга имѣніе здѣшняго предводителя дворянства Протасова по 120 руб. сер. за душу. Здѣсь говорятъ, что всѣ палаты государственныхъ имуществъ имѣютъ порученіе покупать имѣнія съ публичнаго торга, которыя продаются ниже 500 руб. асс. за душу, такъ что,

---

[1]) Графъ Орловъ въ докладѣ государю о Петрашевскомъ 21 апрѣля 1849 г. говоритъ: „Я, съ согласія гр. Перовскаго, предоставилъ ему весь ходъ этого дѣла“ Ср. разсказъ о томъ же Липранди. „Русс. Ст.“ 1872, № 7, стр. 70—71.

[2]) Записка написана дѣйствительно нѣсколько тяжелымъ слогомъ, но въ ней есть только одно совершенно неправильное выраженіе.

[3]) По свидѣтельству И. М. Дебу, Ханыковъ по поводу записки Петрашевскаго воскликнулъ даже: „да это измѣна!“ Авторъ ея объяснилъ, что пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній купцами съ переводомъ крестьянъ въ положеніе обязанныхъ можетъ облегчить рѣшеніе крестьянскаго вопроса, но это мало удовлетворило „фурьеристовъ“. *О. Ѳ. Миллеръ.* „Матер. для жизнеопис. Достоевскаго“ въ «Полномъ собр. соч. Достоевскаго“, т. I, 1883 г., стр. 88—89.

по моему мнѣнію, стараться о возвышеніи цѣнности населенныхъ имѣній значитъ препятствовать правительству провести свою благую мѣру, скупить въ свою пользу населенныя имѣнія. А по-моему гораздо ужъ лучше крестьянамъ принадлежать государству, нежели купцамъ, à ces sangsues politiques, которые сумѣли къ своимъ деньгамъ присоединять еще и самые источники богатства, получать полную власть ворочать дѣлами государства, производить искуственные голода и прочія perfectibilités de l'immense commerce au profit des amis de commerce, какъ хочетъ Петрашевскій, а я ничего не сдѣлаю въ пользу того класса, который я никогда не любилъ и къ которому, прочитавъ Фурье, чувствую полное отвращеніе. Итакъ, дѣло рѣшенное, пусть на меня не надѣется» [1]).

Напротивъ, Тамбовскій помѣщикъ Сабуровъ выразилъ рѣшительное несогласіе съ предложеніями Петрашевскаго, находя ихъ неправильными со своей безусловно крѣпостнической точки зрѣнія [2]).

Въ февралѣ 1848 г. Петрашевскій говорилъ Антонелли, что одно изъ его предложеній дворянскому собранію, заключающееся въ его литографированномъ листкѣ,— учрежденіе земледѣльческихъ банковъ — „пошло въ ходъ", и для разсмотрѣнія его составленъ комитетъ изъ принца Ольденбургскаго, Гофмана, Сенявина и другихъ; при этомъ онъ называлъ членовъ комитета „чистѣйшими дураками" за то, что считая учрежденіе такихъ банковъ полезными, они не могутъ найти способовъ привести его въ исполненіе.

Съ 1848 г. характеръ вечеровъ Петрашевскаго измѣнился. „Въ маѣ 1848 г.,—говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ показаній,— сдѣлалъ я предложеніе для прекращенія безсвязнаго разговора, чтобы всякій говорилъ о томъ, что лучше знаетъ", но вслѣдсевіе разъѣзда на дачи оно не было приведено въ исполненіе. „Съ ноября же 1848 г. я старался, чтобы у меня на вечерахъ по пятницамъ обыкновенно кто-нибудь о чемъ-нибудь говорилъ", но такъ какъ нерѣдко не находилось охотниковъ, „то я самъ говорилъ о разныхъ предметахъ". Барановскій также свидѣтельствуетъ, что „только въ 1848 г. осенью" разговоры по пятницамъ „получили характеръ какихъ-то рѣчей", произносимыхъ „отдѣльно каждымъ, такъ что, покуда говорилъ одинъ, другіе не могли его перебивать" и дѣлали „свои возраженія каждый поодиночкѣ". Но еще весной 1848 г. на пятницахъ у Петрашевскаго было сдѣлано Данилевскимъ изложеніе ученія Фурье.

По словамъ Спѣшнева, однажды вечеромъ въ мартѣ 1848 г. пришелъ къ нему Петрашевскій и сталъ бранить „собирающееся у него общество, называлъ его мертвечиной, говорилъ, что они ничего не знаютъ и учиться не хотятъ, что споры у него ни къ чему не ведутъ,

---

[1]) Петрашевскій отправилъ также свою записку въ Кіевъ художнику Бернардскому и въ Казань Н. М. Благовѣщенскому, извѣстному впослѣдствіи профессору римской словесности въ С.-Петербургскомъ, позднее Варшавскомъ университетѣ (1821—1892).

[2]) См. цитированныя выше рукописныя „Записки" П. А. Кузмина, жившаго съ 1848 г. въ Тамбовѣ.

потому что у нихъ всѣхъ основныя понятія не ясны". Затѣмъ, обратясь къ Данилевскому, который также пришелъ въ это время къ Спѣшневу, онъ предложилъ кратко изложить систему Фурье [1]), а Спѣшнева просилъ разъяснить „религіозный вопросъ". Данилевскій, еще въ университетѣ славившійся какъ знатокъ системы Фурье, сталъ излагать ее на вечерахъ Петрашевскаго. Онъ и ранѣе дѣлалъ попытки пропагандировать ее среди своихъ товарищей по лицею, но потерпѣлъ неудачу [2]), а зимою 1847—48 г. говорилъ о немъ и у Спѣшнева, также своего лицейскаго товарища [3]), говорилъ и на вечерахъ Плещеева.

Изъ подробнаго письменнаго изложенія ученія Фурье, сдѣланнаго Данилевскимъ по требованію слѣдственной комиссіи, отчасти видно, на какія черты этого ученія онъ обращалъ вниманіе, хотя въ этомъ объясненіи, по понятнымъ причинамъ, онъ задавался цѣлью не столько излагать систему Фурье, сколько доказать ея безвредность. По его словамъ въ этомъ письменномъ изложеніи, Фурье утверждалъ, что „наука должна открыть законы гармоническаго устройства междучеловѣческихъ отношеній... другими словами, — законы человѣческаго счастья". Основою общественнаго устройства не можетъ служить равенство, какъ это думали философы XVIII вѣка и какъ это „довели до крайнихъ результатовъ новѣйшее коммунисты"; никто этого не думалъ доказывать, хотя въ этомъ была необходимость, „ибо видимость и опытное знаніе наше этому догмату противорѣчатъ. Не только между людьми, но и во всей природѣ видимъ мы только рядъ неравенствъ во всѣхъ отношеніяхъ. Положимъ даже, что порядокъ вещей, при которомъ отношенія людскія были бы основаны на равенствѣ" (возможенъ?), — „что толку въ этомъ? Человѣкъ жаждетъ не равенства, не свободы, а счастья; а между тѣмъ никто изъ приверженцевъ теоріи равенства не доказывалъ и не думалъ доказывать, чтобы оно необходимо влекло за собою счастье, да трудно бы и было это сдѣлать. Равенство, по ихъ мнѣнію, есть необходимое требованіе человѣческаго разума, и во что бы то ни стало надо его достигнуть, принося такимъ образомъ отвлеченной идеѣ въ жертву и жизнь, и счастье людей, подобно тому, какъ языческіе народы приносили человѣческія жертвы богамъ своимъ, которые также были олицетворенными отвлеченіями ихъ разума".

---

[1]) По мнѣнію Спѣшнева, Данилевскій „основательнѣе всѣхъ зналъ фурьеризмъ".

[2]) Въ своемъ показаніи онъ говоритъ: „Въ первое время послѣ того, какъ я познакомился съ этимъ ученіемъ, я говорилъ объ немъ товарищамъ моимъ одного со мною выпуска изъ лицея, но они меня не стали слушать, считая это фантазіей и не имѣя охоты заниматься предметомъ, требующимъ сильнаго вниманія".

[3]) Спѣшневъ и Данилевскій предполагали издать энциклопедію „естественныхъ и историческихъ наукъ", но намѣренія этого не осуществили. Не было осуществлено и предположеніе Спѣшнева и К. Тамковскаго основать кружокъ съ Данилевскимъ, когда онъ возвратится въ Петербургъ, для распространенія ученія Фурье.

Итакъ, по словамъ Данилевскаго, приложеніе апріористической методы ко всѣмъ отраслямъ знанія, кромѣ математики, было неудачно. Напротивъ, нѣкоторые ученые, какъ напр., Аристотель и политико-экономы, стали принѣнять апостеріористическую методу, т.-е. анализировать настоящія и прошедшія общества, чтобы открыть общіе законы ихъ существованія, но и эта метода была не полна: они разсматриваютъ общество «со стороны его политическаго устройства и общихъ экономическихъ началъ, имъ управляющихъ; тѣ же ежедневныя домашнія, такъ сказать, будничныя отношенія людей между собой, которыя только для поверхностныхъ наблюдателей могутъ казаться ничтожными, а которыя въ сущности играютъ самую важную роль въ вопросѣ человѣческаго счастья, всѣми были оставлены безъ вниманія. Такое исключительное обращеніе вниманія на политическую сторону жизни имѣло неисчислимыя вредныя вліянія на ходъ человѣчества, было причиною многихъ кровавыхъ событій. Объясненіе такого заблужденія въ развитіи человѣческой мысли должно искать въ образѣ жизни древнихъ грековъ, у которыхъ жизнь политическая сливалась съ жизнью частною,—отъ нихъ получили новѣйшіе народы преемственно свое образованіе".

Такъ было, пока Фурье не вывелъ общественныя науки „на истинную дорогу". По его ученію, чтобы „опредѣлить законы гармоническаго устройства междучеловѣческихъ отношеній, должно анализировать природу человѣка и по требованіямъ ея устроить" ту среду, „въ которой она должна проявляться". Вся общественная задача состоитъ въ такомъ устройствѣ отношеній между людьми, чтобы страсти однихъ „не сталкивались враждебно со страстями другихъ". Данилевскій излагаетъ ученіе Фурье о страстяхъ, указываетъ на признаніе имъ необходимости и возможности увеличить производство богатствъ [1]), объясняетъ выгодность соединенія отдѣльныхъ хозяйствъ въ одно общее, что Фурье называетъ ассоціаціею, необходимость и возможность сдѣлать трудъ привлекательнымъ, устраняя его чрезмѣрную продолжительность, однообразіе, уединенность, его принудительный характеръ и проч. Въ видѣ примѣра этой возможности, Данилевскій беретъ работу во время сѣнокоса, которая, несмотря даже на продолжительность труда, „составляетъ настоящій праздникъ для деревенскаго населенія". Въ своемъ изложеніи онъ подчеркиваетъ, что ученіе Фурье не отрицаетъ права собственности. „Всякій, вступающій въ ассоціацію

---

[1]) Этотъ послѣдній пунктъ былъ подробнѣе изложенъ въ черновой рукописи Данилевскаго объ ученіи Фурье, которая не сохранилась, а въ бѣловую онъ внесенъ короче „по краткости времени", но все же Данилевскій указываетъ на возможность привлеченія къ труду женщинъ, дѣтей, праздныхъ людей, торговцевъ, военныхъ, таможенныхъ стражниковъ и прочихъ людей, ненужныхъ при новомъ общественномъ строѣ, и на многія другія средства увеличенія производства.

сохраняетъ всю собственность, которую имѣлъ, и, сообразно оцѣнкѣ внесенной имъ доли, получаетъ акцію, которую можно продать, подарить,—цѣна акціи падаетъ и возвышается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ цѣны той недвижимой собственности, которой она есть движимый представитель".

Извѣстно, что ассоціаціи, которыя предполагалъ устроить Фурье, носили названіе фалангъ, а недвижимая собственность, принадлежащая каждой изъ нихъ, имѣла названіе фаланстера.

Бурженъ, лучшій знатокъ ученія Фурье, авторъ исчерпывающаго о немъ сочиненія, такъ излагаетъ его взглядъ на собственность. „Фаланстеръ составляетъ обширное владѣніе, право на часть собственности въ которомъ обезпечено за всѣми членами фаланги. Они не являются непремѣнно участниками собственности, но могутъ ими быть... Общая собственность ассоціаціи (la propriété sociétaire), принадлежащая фалангѣ, не уничтожаетъ частной собственности" (Фурье протестуетъ противъ обвиненія его въ сочувствіи коммунизму). „Всякій участникъ въ ассоціаціи можетъ потребовать обратно соотвѣтственную часть собственности"... „Великая задача соціальной механики", по словамъ Фурье, „состоитъ въ томъ, чтобы возвысить народъ до состоянія собственника". Фаланга является въ одно и то же время „колоссальнымъ собственникомъ" и соединеніемъ мелкихъ собственниковъ. Владѣніе фаланги имѣетъ значительную цѣнность; этому капиталу соотвѣтствуетъ извѣстное число акцій, не меньшее чѣмъ число участниковъ нормальной фаланги, т.-е. отъ 1600 до 1800 [1]). Эти акціи являются ипотеками на имущество фаланги; ихъ можно передавать; они дѣлятся на купоны. Можно быть участникомъ фаланги, не будучи акціонеромъ и, наоборотъ, можно быть акціонеромъ, не будучи членомъ ассоціаціи... Но по необходимости является стремленіе соединить званіе акціонера и члена ассоціаціи въ одномъ лицѣ. И можетъ и должно случиться, что, по словамъ Фурье, каждый, даже самый бѣдный, простолюдинъ, станетъ участникомъ ассоціаціи и собственникомъ" [2]).

«Доходъ, получаемый обществомъ,—продолжаетъ Данилевскій,—слѣдующимъ образомъ распредѣляется между членами. Каждый получаетъ изъ него долю сообразно внесенному имъ капиталу, сообразно своему труду и таланту. Поэтому ..... весь доходъ дѣлится на три части—часть капитала, часть труда и часть таланта. Фурье предлагаетъ для этого слѣдующія приблизительныя пропорціи: $^4/_{12}$ на капиталъ, $^5/_{12}$ на трудъ и $^3/_{12}$ на талантъ, или $^5/_{12}$ на капиталъ, $^5/_{12}$ на трудъ и $^2/_{12}$ на талантъ. Эти пропорціи не имѣютъ въ себѣ существенно обязательнаго и могутъ быть измѣняемы сообразно временнымъ обстоятельствамъ»...

«Признавая право собственности,—говоритъ Данилевскій,—Фурье понимаетъ

---

[1]) Въ „Manifeste de l'école sociétaire" (1841 Консидеранъ говоритъ о 1500—2000 чел. См. *Hubert Bourgin.* „V. Considérant". Paris, 1909, стр. 56.

[2]) *Hubert Bourgin.* „Fourier". Paris, 1905, стр. 291, 296—298.

подъ нимъ какъ право пользоваться имуществомъ, такъ и право отчуждать его [1]), и поэтому признаетъ и право передачи собственности по наслѣдству, уничтоженіе котораго считаетъ нарушеніемъ законной свободы человѣка—угнетеніемъ одного изъ коренныхъ стремленій души человѣческой—страсти родственности (familisme). Фурье полагаетъ только, что въ обществѣ, устроенномъ по его плану, наслѣдство будетъ дробиться на большее число долей, нежели теперь. При необезпеченности, которой подвержены теперь даже самые богатые люди, умирая, каждый желаетъ доставить дѣтямъ своимъ какъ можно болѣе, дабы по возможности оградить ихъ отъ этой необезпеченности. Тутъ любовь къ дѣтямъ, обыкновенно далеко превышающая всѣ другія привязанности, заставляетъ ихъ на время умолкать и отдаетъ дѣтямъ все изъ страха могущихъ случиться съ ними бѣдствій. Однако и теперь видимъ мы, что очень богатые люди всегда почти оставляютъ часть наслѣдства другимъ родственникамъ своимъ и приближеннымъ, чего не бываетъ при небольшихъ или среднихъ состояніяхъ, при которыхъ существуетъ больше опасеній за будущность. Такъ какъ при экономическомъ устройствѣ обществъ по плану Фурье для всѣхъ существуетъ полная обезпеченность, то каждый, отказывая свое имущество, можетъ принимать въ расчетъ всѣ свои привязанности. Поэтому Фурье говоритъ, что наслѣдство будетъ распредѣляться пропорціонально числу и степенямъ привязанностей умирающаго. Черезъ это достигается тотъ результатъ, что каждый, находясь въ родственныхъ или дружественныхъ связяхъ со множествомъ лицъ, получаетъ въ теченіе жизни своей значительное число наслѣдствъ». Но «если бы кому вздумалось отдать все свое наслѣдство своему единственному сыну, то онъ точно также могъ бы это сдѣлать, какъ теперь всякій можетъ отдать свое благопріобрѣтенное имущество кому ему угодно» [2]).

Данилевскій подчеркиваетъ также, что Фурье признаетъ вреднымъ всякое насильственное измѣненіе государственнаго устройства. Въ заключеніе онъ защищаетъ ученіе Фурье отъ обвиненія въ томъ, что оно уничтожаетъ семейство и проповѣдуетъ безнравственность въ половыхъ отношеніяхъ. Онъ признаетъ, что, по мнѣнію Фурье, „отношенія между полами должны измѣниться и сдѣлаться свободнѣе, нежели они теперь не на дѣлѣ, а по праву“ [3]), но это „должно со-

---

[1]) Бурженъ также говоритъ, что, по ученію Фурье, каждый человѣкъ имѣетъ „право совершенно свободно располагать имуществомъ, которое онъ пріобрѣлъ своимъ трудомъ, пользоваться имъ, обмѣнивать его, дарить его, передавать“ (стр. 301). Но Данилевскій, по очень понятнымъ причинамъ, не упомянулъ о томъ, что Консидеранъ объявилъ современный общественный строй, основанный на частной собственности, противорѣчащимъ справедливости, потому что въ немъ не существуетъ права на трудъ, признанія котораго требовалъ Фурье. *Bourgin.* „V. Considérant.“ стр. 46.

[2]) Бурженъ такъ излагаетъ взглядъ Фурье на наслѣдство: «Право наслѣдованія не опредѣляется никакимъ закономъ, никакимъ обычаемъ: оно зависитъ исключительно отъ воли завѣщателя; отсюда слѣдуетъ, что наслѣдства не могутъ быть ревниво охраняемы семействами, и что свободная воля владѣльца можетъ устанавливать для лицъ постороннихъ, избранныхъ имъ по своему расположенію къ нимъ, права, равныя съ членами семейства... Рядомъ съ семейными привязанностями являются другія, болѣе широкія, подготовляющія усвоеніе чувства общественной солидарности и стремленіе къ ней. Создается, по словамъ Фурье, «истинно сыновняя любовь учениковъ къ своимъ учителямъ», сотрудники въ одномъ трудѣ смотрятъ другъ на друга, «какъ на членовъ одной и той же семьи». „Fourier“, стр. 362.

[3]) Ср. *Bourgin.* „Fourier“, стр. 359—362.

вершиться не ранѣе, какъ черезъ пять поколѣній послѣ всеобщаго принятія предлагаемаго имъ общественнаго устройства". Большимъ достоинствомъ ученія Фурье Данилевскій считалъ возможность убѣдиться въ его истинности посредствомъ опыта въ маломъ видѣ; нужно только собрать 4 или 5 милліоновъ, пріобрѣсти 3 или 4 тысячи десятинъ земли и найти 1,500 или 2.000 человѣкъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ, различныхъ по состоянію, образованію, способностямъ и занятіямъ, и устроить „общину" по плану Фурье. Идей Фурье о космогоніи, психологіи, будущей жизни Данилевскій не признавалъ, считая ихъ противорѣчащими даннымъ положительной науки. Чтеній своихъ о Фурье у Петрашевскаго Данилевскій не окончилъ [1]).

Послѣ изложенія Данилевскимъ ученія Фурье Спѣшневъ, по словамъ Ханыкова, „объявилъ, что будетъ говорить о религіозномъ вопросѣ съ точки зрѣнія коммунистовъ". Фурьеристы братья Дебу, Петрашевскій и Ханыковъ очень заинтересовались этимъ и готовили возраженія съ своей точки зрѣнія, но „послѣ довольно неопредѣленнаго введенія въ этотъ вопросъ, сдѣланнаго на двухъ вечерахъ" Спѣшневъ „болѣе не говорилъ о немъ". По словамъ Момбелли, Спѣшневъ въ первомъ своемъ чтеніи разсуждалъ исключительно о метафизикѣ и ни слова не сказалъ о религіи, а въ слѣдующія пятницы обѣщалъ говорить о религіяхъ въ историческомъ и философскомъ отношеніяхъ. Но, по позднѣйшимъ воспоминаніямъ Момбелли, во время слѣдствія Спѣшневъ прочелъ „трактатъ объ атеизмѣ" [2]). Изъ

[1]) Въ первые четыре мѣсяца 1848 г. Данилевскій очень часто бывалъ у Петрашевскаго, но съ мая мѣсяца этого года пересталъ посѣщать его. Весною 1849 г. онъ выдержалъ экзаменъ на магистра ботаники (интересъ къ естественнымъ наукамъ явился у него еще въ лицеѣ) и представилъ диссертацію, но защитить ее не успѣлъ, потому что долженъ былъ отправиться по порученію вольнаго экономическаго общества для изслѣдованія пространства, занимаемаго въ Россіи черноземомъ, въ агрономическомъ и остественно-историческомъ отношеніи (изученіе флоры). Изъ Петербурга Данилевскій вѣроятно уѣхалъ уже послѣ ареста петрашевцевъ, такъ какъ открытый листъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ выданъ ему 13 мая 1849 г. Изъ Москвы онъ направился въ Тульскую, Рязанскую и Орловскую губ. О началѣ исполненія этого порученія онъ успѣлъ еще до своего ареста довести до свѣдѣнія вольнаго экономич. общества. Весной 1849 г. онъ находился вмѣстѣ съ П. П. Семеновымъ, своимъ пріятелемъ (впослѣдствіи извѣстнымъ географомъ), съ которымъ передъ тѣмъ жилъ вмѣстѣ въ Тульской губ. (на Красивой Мечѣ); тамъ во второй половинѣ мая онъ и былъ арестованъ. Въ это время онъ былъ женихомъ, и только за два дня до ареста объяснился съ будущей невѣстой (*Н. Данилевскій.* „Россія и Европа", изд. 3-е, стр. VII—VIII). Во время слѣдствія Данилевскій заявилъ, что постепенно разочаровался „въ возможности осуществленія въ настоящее время идей Фурье, но не переставалъ считать это ученіе справедливымъ." Гораздо позднѣе онъ утверждалъ, что „европейскій соціализмъ есть ученіе революціонное не столько по существу своему, сколько по почвѣ, гдѣ ему приходится дѣйствовать". „Россія и Европа", изд. 3-е, стр. 538—539.

[2]) *О. Ѳ. Миллеръ.* Матеріалы для біографіи Ѳ. М. Достоевскаго въ „Полномъ собр. соч. Достоевскаго", СПб. 1883, т. I, стр. 94.

доклада слѣдственной комиссіи видно, что въ бумагахъ Спѣшнев было найдено „разсужденіе въ формѣ рѣчи о религіи, въ которомъ опровергается существованіе Бога, съ отрывкомъ разсужденія о двухъ вопросахъ,—общественномъ и религіозномъ". Къ сожалѣнію, дѣло Спѣшнева утрачено и пока не найдено.

Съ осени 1848 г., по словамъ Барановскаго, на пятницахъ Петрашевскаго появились новыя лица: И. Льв. Ястржембскій, изъ дворянъ Минской губ., по исповѣданію католикъ, учившійся сперва въ Овручскомъ базиліанскомъ монастырѣ, затѣмъ въ виленской гимназіи, виленскомъ и кіевскомъ университетахъ и окончившій курсъ въ харьковскомъ университетѣ, служившій помощникомъ инспектора Технологическаго института и преподававшій въ немъ политическую экономію, а также бывшій учителемъ въ Дворянскомъ полку и институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія; Момбелли, поручикъ л.-гв. егерскаго полка, Ѳ. Н. Львовъ, поручикъ (съ декабря 1848 г. штабсъ-капитанъ) того же полка, прикомандированный къ Павловскому кадетскому корпусу въ должности репетитора химіи; Порфирій Ив. Ламанскій служившій въ департаментѣ внѣшней торговли [1]), и другіе.

Осенью 1848 г. Баласогло произнесъ рѣчь о семейномъ счастьи которая, по словамъ Ястржембскаго, была сказана въ духѣ ученія Фурье [2]). Тою же осенью Ястржембскій предложилъ объяснить основныя начала политической экономіи и въ продолженіе пяти или шести собраній далъ „опредѣленіе промышленности, богатства, источниковъ богатства—природы, труда и капитала"; изложилъ „теорію населенія по Мальтусу и Сэю, теорію первоначальнаго распредѣленія богатства или распредѣленія дохода между предпринимателемъ промышленности, землевладѣльцемъ, капиталистомъ и работникомъ", говорилъ о торговлѣ, далъ опредѣленіе ея, указалъ на различіе ея отъ спекуляціи, далъ „опредѣленіе цѣны первоначальной и мѣновой". Въ заключеніе Ястржембскій говорилъ о кредитѣ и кредитныхъ учрежденіяхъ, при чемъ сдѣлалъ разборъ сочиненія объ этомъ гр. Цѣшковскаго [3]). доказывалъ, что кредитъ не можетъ избавить отъ пауперизма [4]). По

[1]) Бывалъ у Петрашевскаго и братъ его Евгеній Ивановичъ, впослѣдствіи извѣстный директоръ государственнаго банка.

[2]) По свидѣтельству Барановскаго, Баласогло и раньше вооружался противъ семейственности и всѣхъ ея условій. Кромѣ того Ястржембскій прочелъ, по его словамъ, „статью полусерьезную, полушуточную"—о любви.

[3]) Вѣроятно, книги *Cieszkowski* „Du credit et du circulation", 2 изд. 1847, а можетъ-быть, и статьи того же автора „Du credit foncier" въ журналѣ „La Phalange", (1847, t. VI). Авг. Цѣшковскій писалъ экономическіе и религіозно-философскіе очерки. См. о немъ *Zdziechowsky* „U opoki mesyanizmnu. Nowe szkice z psychologii narodow slowianskich". Lwów, 1912. Срав. *Кульчицкій*, „Исторія русскаго революціоннаго движенія", т. I, СПБ. 1908, стр. 316, и ст. *Бердяева* въ „Рус. Мысли" 1913, № 12, стр. 31.

[4]) Онъ доказывалъ, что всякій кредитъ долженъ обезпечиваться вещественнымъ богатствомъ и что только такой кредитъ можетъ быть полезенъ промышленности.

свидѣтельству Львова, Ястржембскій излагалъ, „пересыпая разными шуточками [1])“, мнѣнія объ этихъ вопросахъ „политико-экономовъ, не выводя никакихъ своихъ заключеній“, какъ это заявилъ и самъ Ястржебскій [2]). Вотъ что припомнилъ Львовъ изъ его чтеній: „Собственность есть накопленный трудъ, и слѣдовательно, нельзя никакъ говорить, что можетъ не быть частной собственности“. По вопросу объ увеличеніи народонаселенія онъ признавалъ предположенія Мальтуса справедливыми, но находилъ, что его указанія, какъ помѣшать возрастанію народонаселенія, весьма безчеловѣчны, и что вопросъ этимъ не рѣшенъ. Фурье, по словамъ Ястржембскаго, говоритъ, что „этому пособятъ moeurs phanerogames, т.-е. свободные браки [3]),“ но что теперь, кромѣ проституціи, онъ не знаетъ другого средства [4]). О вознагражденіи за трудъ работникамъ отъ предпринимателей промышленности онъ говорилъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ промышленность развита, плата за трудъ выше, „но что это имѣетъ нѣкоторый предѣлъ, и когда появляется сильная конкуренція, то плата эта уменьшается и, наконецъ, доходитъ то того, что работники работаютъ за самую малую плату, недостаточную для содержанія своего“. Отсюда онъ выводилъ происхожденіе пролетаріата, которое считалъ зломъ западнаго общества. „Говоря о торговлѣ и капиталѣ, онъ объяснялъ, какимъ образомъ производятся коммерческіе обороты“. По мнѣнію Дурова, Ястржембскій былъ „не очень силенъ въ политическихъ наукахъ, и потому на каждый вопросъ или возраженіе онъ отдѣлывался шуткой или остротой; духъ его чтеній былъ болѣе шуточный, нежели серьезный“ [5]). Предъ военно-судною комисіею Ястржембскій

---

[1]) Между прочимъ, надъ католическими патерами.

[2]) Вѣроятно къ чтенію Ястржембскаго относятся слова Петрашевскаго въ его написанной въ крѣпости обширной запискѣ, что одинъ изъ его знакомыхъ разъяснялъ у него „вопросъ о кредитѣ, и то, что задача промышленной дѣятельности не есть барышъ, а прямое удовлетвореніе общественныхъ потребностей“.

[3]) Фурье дѣйствительно утверждалъ, что хотя увеличеніе благосостоянія при осуществленіи предлагаемыхъ имъ преобразованій сначала можетъ содѣйствовать увеличенію народонаселенія, но черезъ извѣстное число поколѣній улучшеніе питанія и другихъ жизненныхъ условій сдѣлаютъ женщинъ менѣе плодовитыми. *Bourgin*, стр. 336.

[4]) Конечно проституцію Фурье считаетъ великимъ зломъ; но онъ говоритъ, что проституція въ бракѣ увеличиваетъ распутство, создаваемое внѣбрачною проституціею, этимъ „неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бѣдности и приводитъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, къ тому же нравственному и экономическому упадку общества.“—Въ одной его рукописи, напечатанной послѣ его смерти, онъ говоритъ: „Проституція пользуется для разложенія и развращенія людей той же свободною любовью, которая при соціетарномъ устройствѣ общества (dans l'état sociétaire) будетъ только возбуждать ихъ къ полезному труду.“ *Bourgin*, стр. 214, 359.

[5]) Ястржембскій говорилъ то, что Дебу 2-му, по словамъ послѣдняго, было уже извѣстно, и что онъ уже „читалъ подробнѣе и лучше у другихъ“, но судя „по

призналъ, что „въ политической экономіи слѣдуетъ ученію Фурье" но „не почитаетъ этого преступленіемъ", такъ какъ Фурье признаетъ право собственности, и „все его ученіе ознаменовано отвращеніемъ отъ либерализма".

Ѳ. Н. Львовъ говорилъ на вечерахъ Петрашевскаго о „любимомъ своемъ предметѣ—о спеціальномъ и энциклопедическомъ образованіи" и доказывалъ, что, кромѣ послѣдняго, необходимо и тщательное спеціальное образованіе[1]). Большинство слушателей не соглашалось съ мнѣніемъ Львова, что спеціалистъ можетъ имѣть вѣрный взглядъ на вещи, и утверждало, что онъ бываетъ всегда слишкомъ односторонненъ, Львовъ же осуждалъ людей энциклопедически образованныхъ за то, что они, „ничего не зная основательно, почитаютъ себя всезнающими, вообще чрезвычайно тщеславны и всегда плохіе практики", говорилъ, что всякое дѣло нужно поручать спеціалисту и приводилъ въ примѣръ, что быть одновременно хорошимъ химикомъ и механикомъ невозможно. Быть-можетъ, это разсужденіе имѣло цѣлью представить возраженіе на требованіе въ ученіе Фурье частой смѣны труда и указать на то, какія препятствія на практикѣ встрѣчаетъ осуществленіе этого требованія.

Петрашевскій произнесъ рѣчи: 1) о необходимости свободы печати и 2) о различіи между свободой соціальной и свободой политической. Вторая рѣчь была произнесена въ пятницу, слѣдующую за тою, когда Данилевскимъ была разсмотрѣна одна изъ частей вопроса объ организаціи труда, и при этомъ было упомянуто о всеобщемъ избирательномъ правѣ, по выраженію Петрашевскаго, „одной изъ благонадежнѣйшихъ основъ свободы политической". Изъ сохранившагося маленькаго наброска рѣчи Петрашевскаго видно, что она подала поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ относительно способовъ осуществленія организаціи производства. Петрашевскій сказалъ, что, по его мнѣнію, недоразумѣніе можно „устранить точнымъ разграниченіемъ понятій о свободѣ политической и свободѣ соціальной". Слово свобода во время великой французской революціи служило

вниманію слушателей", онъ заключилъ, что „говорится имъ неизвѣстное"; Баласогло также говорилъ, что ему было скучно слушать въ чтеніяхъ Ястржембскаго уже извѣстное, но форму его изложенія онъ находилъ строго научною, лишь изрѣдка съ присоединеніемъ невинной шутки. Сказанное Ястржембскимъ о капиталѣ Дѣевъ, по его словамъ, слышалъ уже въ университетѣ. Напротивъ, Толь слушалъ эти чтенія „съ большимъ вниманіемъ". На Достоевскаго чтенія Ястржембскаго произвели хорошее впечатленіе. См. „Петрашевцы", изд. Саблина, М. 1907, стр. 93.

[1]) Бакунинъ впослѣдствіи слышалъ, что Львовъ „взялъ на себя" въ кружкѣ Петрашевскаго естественныя науки. „Всемірный Вѣстникъ", 1904 г., августъ, стр. 23. О посѣщеніи Львовымъ пятницъ Петрашевскаго въ 1849 г. Антонелли донесъ, что хотя онъ „и не говорилъ ни на одномъ собраніи собственно рѣчи, но всегда принималъ самое живое участіе во всѣхъ преніяхъ и горячился не менѣе, если еще не болѣе другихъ".

„болѣе для обозначенія свободы политической, а нынѣ оно употребляется для обозначенія свободы соціальной“, потому что человѣкъ только тогда будетъ пользоваться истинною свободою, „когда для него не только будетъ *возможно* развитіе полное и гармоническое всѣхъ потребностей его природы, но самое такое развитіе будетъ *дѣйствительно*. Политическая свобода будетъ (имѣть) возможность только послѣ революціи (сдѣлаться) и соціальной“.

Кромѣ того Петрашевскій произнесъ рѣчи 1) о вліяніи пищи на умственное развитіе народа [1]) и на его матеріальную или промышленную дѣятельность, 2) о вредѣ басенъ и волшебныхъ сказокъ для умственнаго развитія дѣтей, и другія. Нѣкоторые посѣтители пятницъ Петрашевскаго, по его словамъ, говорили у него: о пагубномъ вліяніи самолюбія на развитіе общественности, о значеніи искусства въ жизни общественной, о значеніи эстетическаго образованія въ нравственномъ развитіи человѣка и проч.

Петрашевскій говорилъ съ внѣшней стороны иногда довольно нескладно: если вѣрить показанію Д. Ахшарумова, „онъ путался и мялъ слова, такъ что его непріятно было слушать“; по словамъ Львова, доказывая необходимость судебной реформы, Петрашевскій, „пестрилъ“ свою рѣчь „ненужными“ словами: какъ бы, такъ сказать, именно, разумѣется, вотъ именно и др. Момбелли утверждалъ въ своемъ показаніи, что Петрашевскій обыкновенно говорилъ, „бросаясь изъ одного въ другое и отдалясь въ отвлеченность, такъ что за его мыслью трудно слѣдить“. Кропотовъ также находилъ въ манерѣ Петрашевскаго говорить „несвязность, бездну отвлеченностей, какой-то странный наборъ иностранныхъ словъ“, что дѣлало его рѣчь даже „при напряженномъ вниманіи“ совершенно непонятною и неуловимою для памяти. Но такіе отзывы о манерѣ говорить Петрашевскаго отчасти подсказывались желаніемъ доказать, что проповѣдь его идей была мало вразумительна и потому не вліяла на слушателей. Напротивъ, агентъ Антонелли въ своихъ донесеніяхъ Липранди говоритъ о краснорѣчіи Петрашевскаго съ восторгомъ. Судя по письмамъ Петрашевскаго, возможно, что онъ говорилъ языкомъ отвлеченнымъ и мало доступнымъ для многихъ, не привыкшихъ къ серьезному чтенію.

Осенью 1848 г., на вечерахъ Петрашевскаго появился чиновникъ особыхъ порученій по министерству вн. д., Конст. Иван. Тимковскій [2]). Передъ тѣмъ въ маѣ 1848 г. онъ былъ командированъ въ Эстляндскую губернію для изслѣдованія городского хозяйства и жилъ въ Ревелѣ, гдѣ усердно изучалъ систему Фурье. Около 20 октября

[1]) „Такъ какъ быстрота или живость мышленія зависитъ отъ быстроты крово обращенія,“ на которое имѣетъ значительное вліяніе пища.

[2]) Ему (вмѣстѣ съ Беклемишевымъ) во 2 части посвящена особая глава.

онъ поѣхалъ въ Петербургъ, и уѣхалъ обратно 7 декабря и въ это время успѣлъ посѣтить нѣсколько пятницъ Петрашевскаго; бывалъ также у Спѣшнева. Неизвѣстно, сочувствовалъ ли онъ и прежде коммунизму, или на него повліялъ въ этомъ отношеніи Спѣшневъ, но только Петрашевскій замѣтилъ, что Тимковскій, хотя называлъ себя фурьеристомъ,[1]) но въ существенныхъ чертахъ отклонился отъ этого ученія. Когда Тимковскій изъявилъ желаніе изложить свои взгляды предъ посѣтителями пятницъ, то Петрашевскій былъ противъ этого и чтенія Тимковскаго состоялись лишь по настоянію Спѣшнева [2]).

По свидѣтельству Достоевскаго, рѣчь Тимковскаго заняла два или три вечера. По показанію на слѣдствіи самого Тимковскаго, онъ, узнавъ на вечерахъ Петрашевскаго, что „цѣль ихъ — осуществленіе реформъ соціальныхъ, а ближайшее средство—пропаганда», сказалъ въ своей рѣчи:

«Господа, можетъ-быть, я и буду согласенъ съ вами въ этой главной цѣли, но прежде намъ надо еще согласиться и въ подробностяхъ... Простите мою откровенность, но, чтобы учить другихъ, надо сперва самим научиться [3]); а, признаюсь, я не вижу между вами знанія: очень немногіе изъ васъ знакомы съ соціализмомъ, а большая часть говоритъ и судитъ только по наслышкѣ, не изучивъ добросовѣстно предмета.... Положимъ, что и я принадлежу къ числу послѣднихъ. Что жъ изъ этого выйдетъ? Въ состояніи ли мы вести пропаганду, какъ слѣдуетъ? Тѣ, кто будутъ насъ слушать, могутъ сбивать насъ на каждомъ шагу. По-моему надо начать съ того, что самимъ намъ изучить основательно всѣ системы, сличить ихъ, выбрать изъ нихъ лучшую (т.-е. систему Фурье) и тогда распространять ее (faire la propagande) сознательно. Этого изученія станетъ намъ надолго.

«Когда такимъ образомъ мы сами научимся, тогда только примемся за пропаганду, тогда будемъ проповѣдывать нашу науку во всѣхъ обществахъ (гостиныхъ), гдѣ намъ случится быть, но только въ высшемъ кругу, а не между простымъ народомъ, потому что намъ нужно идти путемъ мира и убѣжденія, дѣйствовать на разумъ людей просвѣщенныхъ, а не на страсти невѣждъ... Критикуя недостатки общества, тутъ же показывайте и средства, какія предлагаетъ наука къ ихъ искорененію... Этого дѣла пропаганды станетъ намъ года на три, а потомъ? Потомъ, когда такимъ образомъ мы возбудимъ общественное мнѣніе въ пользу нашей науки, мы подадимъ

---

[1]) У Спѣшнева, по словамъ Ханыкова, обсуждалось предложеніе Тимковскаго перевести сочиненія Фурье.

[2]) Вотъ какъ характеризуетъ Тимковскаго Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ показаніи на слѣдствіи: „Это, какъ показалось мнѣ, одинъ изъ тѣхъ исключительныхъ умовъ, которые, если принимаютъ какую-нибудь идею, то принимаютъ ее такъ, что она первенствуетъ надъ всѣми другими, въ ущербъ другимъ. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье, и онъ не замѣтилъ другихъ сторонъ, которыя бы могли охладить его излишнее увлеченіе Фурье; кромѣ того, онъ недавно только ознакомился съ его системой и еще не успѣлъ переработать ее собственной критикой. Это по всему было видно, а извѣстно, какое обаяніе дѣлаетъ система Фурье съ перваго раза“.

[3]) Напротивъ, по словамъ Петрашевскаго въ его показаніи по поводу рѣчи Тимковскаго онъ, Петрашевскій, съ своей стороны „возражалъ, что, прежде чѣмъ браться быть учителемъ, надо самимъ изучить соціальныя науки“; какъ мы видѣли, онъ постоянно это говорилъ.

правительству просьбу, въ которой изложимъ нашу цѣль и средства и будемъ просить разрѣшенія и денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго пробнаго общества въ 1800 человѣкъ». Тутъ многіе возразили мнѣ, что правительство никогда на это не согласится. Я продолжалъ: «Можетъ-быть; да и трудно же правительству рѣшиться выдать сумму въ нѣсколько милліоновъ для опыта, который можетъ оказаться неудачнымъ. Но тогда у насъ въ рукахъ другое средство. Неужели изъ числа убѣжденныхъ нами послѣдователей не найдутся многіе и очень многіе, которые рѣшились бы составить компанію на акціяхъ для учрежденія пробнаго общества, отъ котораго, сами они понимали бы, зависитъ успѣхъ всего дѣла? Тогда мы просили бы только разрѣшенія». На что нѣкоторые возражали: «Никогда такое правительство, каково наше, не дало бы этого разрѣшенія».

Несомнѣнно, что Тимковскій для слѣдственной комиссіи изложилъ свою рѣчь въ иномъ видѣ, чѣмъ ее сказалъ, или лучше сказать, умолчалъ объ одной изъ своихъ рѣчей: въ первый разъ, по словамъ Дебу 2-го, онъ „говорилъ о вредѣ революцій,..... но потомъ измѣнилъ свой образъ мыслей". Этимъ и объясняются разногласія въ показаніяхъ объ его рѣчахъ. По словамъ Ханыкова, онъ „произнесъ возбудительную рѣчь въ коммунистическомъ духѣ". Львовъ сообщаетъ совѣтъ Тимковскаго, чтобы каждый дѣйствовалъ по своимъ убѣжденіямъ, и его слова: „Сильные, не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь: я васъ не вызываю на площадь". Напротивъ, Толь уже не для слѣдственной, а предъ военно-судною комиссіею далъ такое показаніе: „Тимковскій высказалъ, кажется, въ теченіе своей рѣчи, что всѣ старанія истинныхъ поборниковъ прогресса должны быть обращены на ускореніе возмущенія, что раньше или позже оно должно произойти, но что онъ желалъ бы видѣть осуществленіе этого еще до отъѣзда своего въ Ревель, что онъ готовъ первый выйти на площадь и, если нужно будетъ, принести себя въ очистительную жертву святому дѣлу свободы, котораго первое условіе успѣха заключается въ единодушіи его поборниковъ и прекращеніи всѣхъ споровъ о системахъ, а также въ установленіи прочныхъ правилъ пропаганды. Въ концѣ своей рѣчи онъ дѣлалъ родъ воззванія къ соединенію въ одно общество всѣхъ согласныхъ съ его образомъ мыслей". Но въ докладѣ генералъ-аудиторіата отмѣчено, что ни самъ Тимковскій, и никто изъ бывавшихъ у Петрашевскаго объ этомъ не показываютъ. Порфирій Ив. Ламанскій показалъ, что Тимковскій говорилъ о Фурье, „какъ о геніи, который долженъ стоять выше всѣхъ геніевъ-философовъ..., потому что онъ первый обратилъ вниманіе на существенное, т.-е. на матеріальное благосостояніе, и предложилъ средство къ осуществленію, тогда какъ философы ограничились только метафизическими преніями".

По показанію Модерскаго цѣлью рѣчей Тимковскаго было сдѣлать доступною всѣмъ систему Фурье и для этого стараться, чтобы министровъ и высшихъ правительственныхъ лицъ окружали лица,

знакомыя съ нею и съ соціализмомъ вообще и чтобы такимъ образомъ ознакомить правительство съ этою системою.

По словамъ Спѣшнева Тимковскій, „кромѣ Фурье не зналъ другихъ соціальныхъ теорій, а онъ, Спѣшневъ, въ спорахъ съ нимъ о фурьеризмѣ успѣлъ нѣсколько поколебать въ немъ безусловную вѣру въ Фурье, такъ что Тимковскій просилъ его приготовить ему книгъ къ его пріѣзду въ Петербургъ, куда онъ скоро надѣялся быть переведеннымъ на службу". По словамъ Момбели, когда Тимковскій, придя на вечеръ съ тетрадкою въ рукѣ, заявилъ, что намѣренъ открыто высказать свои мысли, Петрашевскій просилъ позволенія просмотрѣть его тетрадь, но тотъ на это не согласился. „Началъ онъ разсужденіемъ о прогрессѣ, о фурьеризмѣ, о коммунизмѣ и... о пропагандѣ, потомъ предлагалъ раздѣлить міръ на двѣ части, отдавъ одну часть на опытъ фурьеристамъ, а другую—коммунистамъ... Кончалъ онъ совѣтомъ устроить кружки, въ которыхъ занимались бы исключительно вопросомъ фурьеризма и коммунизма, и чтобы хозяева тѣхъ кружковъ собирались въ свой (центральный) кружокъ, на которомъ разсуждали бы о вопросахъ спорныхъ и труднѣе рѣшаемыхъ. Въ заключеніе онъ сравнивалъ себя съ Самсономъ". Если вѣрить Момбелли, рѣчь Тимковскаго испугала многихъ присутствовавшихъ. Петрашевскому она, видимо, не понравилась, но, какъ вѣжливый хозяинъ, онъ подходилъ ко многимъ и потихоньку просилъ благодарить Тимковскаго „за откровенность, за довѣренность". Момбелли истолковалъ (совершенно неправильно) видимое неудовольствіе Петрашевскаго въ томъ смыслѣ, что онъ былъ испуганъ рѣчью Тимковскаго, что пятницы его опустѣютъ [1]).

Многіе изъ слушателей, по словамъ того же Момбелли, заподозрили даже Тимковскаго въ шпіонствѣ [2]), другіе же думали, что онъ „просто энтузіастъ, что у него мозгъ въ воспаленномъ состояніи". Опредѣленно на вечерѣ Петрашевскаго выразили сочувствіе Тимковскому, по его словамъ, только двое: его братъ—морякъ, и Спѣшневъ [3]). Однако передъ отъѣздомъ Тимковскаго семь человѣкъ дали ему прощальный обѣдъ.

---

[1]) А между тѣмъ Ханыковъ показалъ, что рѣчь Тимковскаго произвела на Момбелли довольно сильное впечатлѣніе. Петрашевскій въ своемъ показаніи не подтвердилъ показаній Момбелли и Дурова о возмутительномъ духѣ рѣчи Тимковскаго, но призналъ, что его „непріятно поразилъ ея эмфазъ и то, что сказано было о кружкахъ и о солидарности, ибо могло дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ". Вѣроятно, желая вести пропаганду, Петрашевскій не хотѣлъ кричать о томъ, что онъ ее ведетъ.

[2]) Спѣшневъ утверждаетъ, что одно время такъ думалъ и самъ Петрашевскій.

[3]) По показанію Тимковскаго, Спѣшневъ сказалъ, что „во всемъ съ нимъ соглашается", но „отвѣчаетъ лично за себя одного". Когда гости уѣхали, Черносвитовъ, по словамъ Спѣшнева, сказалъ: „Какая неосторожность говорить такія рѣчи, и зачѣмъ пускать къ себѣ такого человѣка, который не умѣетъ языка держать за зубами". Спѣшневъ же защищалъ Тимковскаго, называя его „теплою душою".

чтобы доказать, что „мысли“ ихъ „сходны“, Петрашевскій же „недружелюбно“ разстался съ нимъ и въ обѣдѣ этомъ не участвовалъ. Ханыковъ утверждаетъ, что рѣчь Тимковскаго послужила даже поводомъ къ ссорѣ Петрашевскаго со Спѣшневымъ.

Тимковскій во время слѣдствія отрицалъ, что говорилъ о раздѣленіи міра на двѣ половины между фурьеристами и коммунистами [1]); но изъ письма Петрашевскаго къ Тимковскому видно, что слова эти были дѣйствительно сказаны, какъ это подтверждаетъ и Пальмъ въ своемъ показаніи.

Очень обширное письмо Петрашевскаго къ Тимковскому носитъ заглавіе: „Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ“. Оно сохранилось только въ черновомъ видѣ, со многими помарками, передѣлками и исключеніемъ многихъ тирадъ; экземпляръ письма, полученный Тимковскимъ въ Ревелѣ, былъ имъ уничтоженъ, и онъ на него не отвѣчалъ. Изъ письма Петрашевскаго видно, что ему прежде всего не понравились тонъ рѣчи Тимковскаго и упрекъ, брошенный имъ слушателямъ въ незнакомствѣ съ соціализмомъ.

«Надѣюсь, что мнѣ, старому фурьеристу, пишетъ Петрашевскій, дошедшему давно къ соціализму самостоятельно, вы позволите съ вами быть откровеннымъ, сурово искреннимъ, немножко жесткимъ». Упомянувъ, что слушателямъ понравилась «откровенность» Тимковскаго, Петрашевскій говоритъ, что хочетъ отвѣтить ему тѣмъ же и является въ этомъ случаѣ представителемъ не своего личнаго только убѣжденія, но «убѣжденія тѣхъ людей, которые, очень хорошо сознавъ свои отношенія къ ихъ окружающей природѣ, весьма хорошо сознаютъ свои обязанности, яко люди считаютъ содѣйствованіе свое общественному развитію не дѣломъ личнаго вкуса, но и естественной обязанностью, стоящей выше формулы всякаго положительнаго законодательства, опредѣленіе средствъ къ утвержденію разумности въ человѣчествѣ не предоставляютъ на произволъ случайности: тѣхъ, которые въ постепенномъ раціональномъ развитіи индивидуумовъ до полнаго самосознанія и самозаконности видятъ единственный способъ дѣйствія на развитіе общественности, которые ложь считаютъ единственнымъ преступленіемъ, и потому они давно объявили войну не на жизнь, а на смерть всякому предразсудку, всякому предубѣжденію безъ различія, изгнали изъ себя стараго человѣка, по словамъ извѣстнаго демагога Христа, нѣсколько неудачно кончившаго свою карьеру, которые, ни во имя другихъ, ни въ угоду личныхъ и матеріальныхъ внушеній, съ чьей стороны они бы ни проистекали, а не убѣжденія, не сдѣлаютъ уступокъ ни на вершокъ отъ истины, отъ убѣжденій тѣхъ, которые готовы внимать истинѣ, будь она произнесена хоть изъ устъ младенца, предъ которыми авторитетъ лишь вещь безполезная, которые, видя въ умственной дѣятельности человѣка одно изъ органическихъ его отправленій, считаютъ отступленіе отъ своихъ убѣжденій (если только они дѣйствительно были) предъ лицомъ смерти или изъ страха дѣломъ физически невозможнымъ... Разумѣется—продолжаетъ

---

[1]) Онъ утверждалъ, что неправильно поняли слѣдующія его слова: „Мнѣ кажется, что если бъ гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ устроились вдругъ рядомъ фаланстерія и *община* (communauté) коммунистская, то коммунисты сами переняли бы очень многое отъ фаланстеріи, а фаланстерія, можетъ быть, кое-что отъ нихъ, и такимъ образомъ вмѣсто фаланстеріи и общины устроились бы двѣ фаланстеріи смѣшанныя (mixtes)“.

Петрашевскій.—на людей съ такимъ воззрѣніемъ... объявленіе о вашей готовности, если въ томъ окажется надобность, запечатлѣть дѣйствительность вашихъ убѣжденій вашей смертью, приведенное въ непосредственное доказательство справедливости вашихъ убѣжденій, не произвело того поразительнаго дѣйствія, которое, вы предполагали, оно могло произвести, и имъ, не въ укоръ будь это вамъ сказано, показалось вещью обыкновенной, доказательствомъ неудачно выбраннымъ, болѣе эффектнымъ, нежели дѣйствительнымъ фактомъ, могущимъ завѣрить болѣе въ стойкости характера, нежели въ вѣрности тѣхъ убѣжденій, во имя которыхъ такая стойкость характера обнаружилась. Болѣе чѣмъ за истину, за ложь для подтвержденія предразсудковъ и предубѣжденій умерло людей, можетъ-быть, оттого, что численное отношеніе поборниковъ истины къ невольнымъ и безсознательнымъ защитникамъ предразсудковъ и предубѣжденій безконечно мало. Это говоритъ исторія и тѣмъ мѣшаетъ этого рода доказательствамъ давать большую вѣру. Неудовлетворительность этого рода доказательствъ еще ясне для васъ будетъ, если вы потрудитесь обратить вниманіе на то, что мыслящій человѣкъ, зная всю цѣну жизни и смотря на себя и на другихъ людей, какъ на аггрегатъ всѣхъ силъ, на землѣ дѣйствующихъ, безусловно подчиненныхъ міровымъ законамъ, и хорошо зная отведенное ему природою мѣсто въ кругу міровыхъ дѣйствователей, не приписываетъ своей личности, какъ индивидууму, чрезвычайнаго значенія, убѣжденный опытомъ во временности своего существованія въ формѣ существа сознательнаго, факту своего существованія или несуществованія предъ лицомъ ему однородныхъ существъ не приписываетъ особой важности и, помирясь издавна съ мыслью о смерти, не видитъ въ ней ничего удручительнаго, не хвалится своей готовностью подчиниться необходимому и неизбѣжному. Не важно умереть, произведя театральный эффектъ (mit Fluch gegen Ross und Gott) и безполезной сенсаціи въ чувствительныхъ зрителяхъ, но важно наполнить тотъ кратковременный срокъ своего существованія, въ который можно надѣяться сохранить полноту жизненныхъ силъ дѣлами поистинѣ общеполезными».

Петрашевскій упрекалъ Тимковскаго въ противорѣчіяхъ, которыя, быть можетъ, не замѣтны ему самому, „какъ неофиту одного изъ ученій прогрессивныхъ".

«Вы объявили себя фурьеристомъ, въ этомъ еще нѣтъ ничего худого, даже больше хорошаго, нежели дурного, если вы имъ въ дѣйствительности есть. Но, сочувствуя къ какой-либо системѣ (sic), слѣдуетъ ли еще принимать ее во всемъ безусловно, даже и въ томъ, что въ ней нельзя считать раціонально доказаннымъ, что въ ней является гипотезой, внесенной въ систему, такъ сказать, болѣе для округленности системы, для симметріи, распорядка ея частей, которую, какъ вводное предложеніе въ любой фразѣ, можно откинуть безъ изъяна для полнаго уразумѣнія мысли. Зачѣмъ вамъ было вызываться доказывать матеріальную дѣйствительность воплощеній [1]). Такъ вызовъ вашъ всѣми былъ понятъ. Какъ согласить это съ послѣдующими отрицаніями этого же. Я не могу предполагать, чтобы вы отвергли связь, существующую между такъ называемымъ міромъ нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ, между явленіями нравственными и органическими въ человѣкѣ...

Нападенія ваши на философію, обвиненіе ея въ томъ, что ею ничего не было сдѣлано для блага человѣчества, могли быть объяснены или тѣмъ, что все, встрѣчаемое вами въ сочиненіяхъ Фурье, было принято au pied de la lettre, и вы ему вѣрите, какъ алкорану, и авторитетъ вашего смысла ему безусловно подчинили, или не знаете совершенно исторіи философіи и незнакомы съ вліяніемъ философскихъ системъ на общественное развитіе...

---

[1]) О религіозныхъ взглядахъ Тимковскаго, о которыхъ здѣсь говоритъ Петрашевскій, см. во 2 части этой книги.

«Какъ согласить обвиненія въ неопредѣленности, которыя были вами сдѣланы рѣчи Pyat и упрекъ, почти вами категорически выраженный, въ томъ, что онъ не изобразилъ, такъ сказать, вполнѣ организаціи труда, забывая, что такое изложеніе было бы несьма (sic, не кстати?) въ парламентскомъ дебатѣ, гдѣ и шелъ вопросъ болѣе о принципѣ, нежели о практическомъ его осуществленіи [1]). Въ первой вашей письменной рѣчи провозглашены были начала соціализма, но я долженъ съ прискорбіемъ замѣтить, что они провозглашены были съ меньшей отчетливостью, чѣмъ въ рѣчи Pyat [2]). Отъ васъ ожидали не провозглашенія принципа, но взгляда на самый принципъ, объясненіе его пониманія...

«Вторая часть..: рѣчи, которая, какъ намъ казалось, имѣла..... спеціальной цѣлью указать» тѣ положенія, кои были «провозглашены вами, могутъ получить право гражданства въ нашей общественной жизни; мы думали, что вы намъ укажете на то, какіе готовые элементы къ таковымъ преобразованіямъ представляетъ уже бытъ современнаго русскаго общества, какія учрежденія въ немъ могутъ быть согласно съ этимъ преобразованы, мы жаждали фактовъ, фактовъ положительныхъ, а ихъ-то и не оказалось. Въ это же время... была сдѣлана уступка въ пользу вѣковыхъ предразсудковъ—осужденія, такъ называемыхъ, политическихъ и антирелигіозныхъ тенденцій, но какъ согласить это съ послѣдующими одобреніями такой тенденціи...

«Чему приписать довольно неудачный выборъ, примѣръ, раздѣленія какого бы то ни было, государства порознь между фурьеристами и коммунистами и объявленіе, что должны произойти въ этомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ заимствованія. Извините, что мнѣ, старому фурьеристу, отчетливо знакомому съ обѣими системами, показалось со стороны «фурьериста» выраженіемъ какой-то ничѣмъ не оправданной, ни на чемъ не основанной, странной уступкой въ пользу коммунизма, слишкомъ человкимъ комплиментомъ коммунизму, какъ бы задобреніемъ коммунизма. Люди, положительно убѣжденные, не боятся формулировть своихъ убѣжденій, не двоедушничаютъ на каждомъ словѣ,—и вотъ отчего именно. Вопросъ объ организаціи работъ, вопросъ коренной быта общественнаго, отчетливѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ соціалистовъ, разработанъ у фурьеристовъ, природа человѣческая разсмотрѣна внимательнѣе, и человѣкъ, эта живая единица быта общественнаго, взята у нихъ не въ отвлеченіи, въ идеѣ, какъ у большей части коммунистовъ, а такъ, какъ онъ есть, и бытъ общественный къ нему приноровленъ, а не онъ насильственно подведенъ подъ извѣстныя формы быта общественныя; фурьеризмъ доводитъ до того постепенно и естественно, чего желаетъ установить мгновенно и насильственно коммунизмъ; коммунизмъ хочетъ единовременно направить всѣ жизненныя силы общества на его пересозданіе, несмотря ни на что, фурьеризмъ на пересозданіе общественное стремится направить избытокъ силъ общественныхъ, силы, ненужныя для поддержанія существованія того общества-цивилизаціи [3]), ко-

[1]) Феликсъ Піа въ своей рѣчи (2 ноября 1848 г.) требовалъ признанія въ конституціи *права на трудъ*; за его предложеніе, отвергнутое національнымъ собраніемъ, подали голоса Консидеранъ, Пьеръ Леру, Ламменэ, Ледрю Ролленъ, Распайль и др. См. „Le droit au travail à l'Assemblée nationale, recueil complet des discours, prononcés dans cette mémorable discussion par M. M.... Lamartine,... Ledru-Rollin, Duvergier de Hauranne,... Thiers, Considérant,... Lagrange, Félix Pyat... (textes revus par les anteurs); suivi de l'opinion de M. M. Proudhon, Louis Blanc, E. Laboulaye... arec une introductiou et des notes par Joseph Garnier.“ P. 1848 г. p. 406—419, 429, 443—445. Книга эта имѣлась въ библіотекѣ кружка Петрашевскаго.

[2]) Тамковскій могъ отнестись несочувственно къ рѣчи Піа, между прочимъ, потому, что, сочувствуя коммунизму, онъ могъ неодобрять признанія въ рѣчи Піа права собственности.

[3]) *Цивилизація*—періодъ всемірной исторіи, переживаемый человѣчествомъ, и

торое онъ не можетъ не признать преддвѣріемъ лучшихъ формъ быта общественнаго, той фабрикой, въ которой предназначено покуда вырабатывать матеріалы и способъ для будущаго благосостоянія всего человѣчества. Ему не надо, чтобъ совершить свой преобразовательный трудъ, полміра, ему не нужны безцѣльное передвиженіе безчисленныхъ народныхъ массъ, представляющее неблагоразумную трату силъ общественныхъ, уничтоженіе сотенъ тысячъ индивидуумовъ, онъ не хочетъ въ одну минуту, пожалуй, величественнаго, но тѣмъ не менѣе болѣзненнаго, лихорадочнаго потрясенія утратить результаты тысячелѣтнихъ кровныхъ трудовъ человѣчества; для него, чтобъ получить полное осуществленіе, довольно мили земли, удобной къ воздѣлыванію, около двухъ тысячъ человѣкъ, съ соотвѣтственнымъ ихъ потребностямъ количествомъ способовъ ихъ удовлетворенія, т.-е. капиталовъ для первоначальнаго осуществленія, чтобы самую вычурную мечту о райскомъ блаженствѣ сдѣлать дѣйствительностью.

«Мнѣ кажется, объявленіе возможности у коммунистовъ чѣмъ-нибудь позаимствоваться есть поношеніе системы Фурье, sous le meilleur avis этой системѣ нечего у коммунистовъ заимствовать, а если и встрѣчастся что-либо хорошее у коммунистовъ, какъ, напримѣръ, атеизмъ, то это не состоитъ въ связи съ системою, а болѣе съ личностью гг. коммунистовъ.

«Вотъ то въ вашемъ profession de foi, что насъ всего болѣе поразило, вотъ тѣ противорѣчія, причинъ которыхъ мы не доискиваемся, соглашать не торопимся и по нимъ произнести судъ о васъ воздерживаемся...

«Мы не считаемъ нужнымъ вдругъ, оптомъ высказывать всѣ намъ извѣстныя истины, а обыкновенно высказываемъ ихъ помаленьку, стараемся сперва воздѣлать почву для ихъ воспріятія, для того, чтобы не метать... бисера передъ свиньями. Мы не пытаемся никого знакомить съ соціализмомъ прежде, нежели разрушимъ совершенно въ немъ союзъ съ его наслѣдственными предразсудками, не пытаемся въ простительномъ, но часто вредномъ увлеченіи ставить тѣхъ въ хранители живого завѣта, кто вѣкъ жилъ заимствованіями безъ усвоеній, надъ кѣмъ тяготѣетъ еще рука семейственности и общественныхъ приличій, (кто) льстится согласить свои личныя выгоды съ служеніемъ истинѣ; кто, провозглашая себя торжественно общественнымъ радикальнымъ реформаторомъ, заботится о томъ, чтобы общественныя реформы не потемнили лоскъ его лайковыхъ перчатокъ, не положили неприличной складки на платье. У кого голова разболится отъ получасового размышленія, у кого всегда будутъ въ недочетѣ слова и выраженія для толковаго выраженія мысли, кто не умѣетъ съ быстротою во всякое время нейтрализировать и обобщать свои понятія, вообще анализировать, доводить раздробленіе таковое до возможныхъ крайностей и черезъ такіе пріемы всякую истину дѣлать доступной, очевидной и, такъ сказать, осязательной всякому, тотъ не берись за дѣло трудное и смѣлое философа-пропагатора, тотъ ѣшь въ постные дни капусту и читай «помилуй мя Боже» и не называйся къ намъ въ спутники. Наше странствіе не вчера началось, не завтра оно и кончится. Мы хорошо знаемъ, что нашъ путь хотя и дологъ, но маршрутъ хорошій у насъ, (что) на распутьи въ глухую полночь мы не повѣсимъ уныло голову въ раздумьи, куда итти, не будемъ поджидать счастливой нечаянности, запоздалаго прохожаго, чтобъ во имя Христа и того, чему не вѣримъ, указалъ намъ милостиво путь, не будемъ сѣтовать на то, что версты въ 500, а не въ 250 саженъ, а будемъ, не истомляя своихъ силъ чрезмѣрной поспѣшностью, помаленьку, неукоснительно подвигаться и съ черепашьимъ шагомъ, быть-можетъ, обгонимъ быстроногихъ ахилловъ. Если исторія дѣлаетъ людей, то люди дѣлаютъ исторію.... (Намъ

предшествующій періоду *гарантизма*, въ которомъ взгляды Фурье на общественное устройство должны найти свое осуществленіе. Ср. статью *Н. В. Водовозова* „Шарль Фурье" въ его „Экономическихъ этюдахъ", 2-е изданіе, Спб., 1907 г. стр. 58—59.

не годится нашъ девизъ разрушенія). Мы твердо убѣждены, что въ истинѣ... заключается наибольшая сила творчества». Поэтому мы считаемъ «уничтоженіе предразсудковъ дѣломъ творчества, кладкою фундамента подъ зданіе правильнаго общественнаго устройства. (Такъ) какъ вами не было показано ничего опредѣлительнаго и новаго..., мы будемъ то же дѣлать, что и прежде дѣлали, будемъ помаленьку стараться совершенствоваться, усовершать другихъ по возможности. Мы никому не бросимъ первые перчатку раздора, ничьего заблужденія не признаемъ истиной, мы знаемъ, что всякое заблужденіе само въ себѣ носитъ свое обличенье и казнь, не приличемъ самолюбиво то своей личности, что есть дѣло принциповъ и духа времени, не станемъ горделиво въ ослепленіи, успѣвъ подметить въ людяхъ двѣ-три слабости, два-три такъ называемыхъ порока, не станемъ на этомъ расчитывать на возможность мгновенно пересозданія быта общественнаго. Наша сила не въ числѣ, но въ истинѣ, прямотѣ нашихъ убѣжденій [1]), широтѣ началъ, точности ихъ анализа и вѣрности ихъ примѣненія къ каждому данному и мелочному случаю»... [2]).

Въ письмахъ къ Спѣшневу Тимковскій спрашивалъ, извѣстно ли ему что-нибудь о письмѣ Петрашевскаго и какого онъ о немъ мнѣнія, но отвѣта не получилъ.

Не имѣя текста рѣчи К. И. Тимковскаго, который не сохранился, трудно съ полною точностью опредѣлить тѣ литературныя вліянія, которыя привели его вмѣсто прежняго сочувствія исключительно фурьеризму, къ колебанію между фурьеризмомъ и коммунизмомъ. Вѣроятнѣе всего, что исключительную роль въ этой перемѣнѣ взглядовъ Тимковскаго сыгралъ Ник. Александровичъ Спѣшневъ, опредѣленно назвавшій себя коммунистомъ [3]).

---

[1]) Слова, набранныя въ разрядку, подчеркнуты краснымъ карандашомъ (какъ и вообще многое въ послѣдней части письма), и отмѣчены знакомъ NB, очевидно, кѣмъ-либо изъ членовъ слѣдственной комиссіи.

[2]) Приведенные мною отрывки составляютъ лишь треть огромнаго письма Петрашевскаго къ Тимковскому, которое тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что сохранилось вообще очень мало его писемъ изъ времени до ссылки. У моего брата М. И. Семевскаго, редактировавшаго до своей смерти (въ 1892 г.) „Русскую Старину“, я видѣлъ обширныя письма Петрашевскаго къ Н. М. Благовѣщенскому, извѣстному впослѣдствіи профессору римской словесности, служившему тогда въ Казани; небольшіе почтовые листы этихъ писемъ были разорваны пополамъ, и уцѣлѣла только нижняя ихъ половина, такъ что ни одно изъ писемъ не представляло чего-либо цѣльнаго. Военный судъ обратилъ вниманіе на найденное въ бумагахъ Петрашевскаго черновое письмо къ неизвѣстному, въ видѣ описанія путешествія, въ которомъ онъ называлъ отечество „смраднымъ“ и говорилъ, что въ немъ „нѣтъ возможности“ не только „думать, а, кажется, дышать свободно, по-человѣчески“.

[3]) Д. Д. Ахшарумовъ показалъ, что „хотя Спѣшневъ зналъ ученіе Фурье, но не раздѣлялъ этихъ мыслей“.

ГЛАВА V.

Бесѣды съ Антонелли и послѣднія пятницы Петрашевскаго.

Около 10 марта 1848 г. наблюденіе за Петрашевскимъ было поручено д. с. с. Липранди. Въ запискѣ объ его дѣлѣ онъ говоритъ: „Нетрудно было узнать, что у него въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ бываютъ постоянныя по пятницамъ собранія, на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, онъ *пишетъ новые законы*. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непремѣнно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какого-либо благонадежнаго лица". Такимъ агентомъ Липранди сдѣлался Петръ Дмитр. Антонелли, сынъ академика живописи Дмитрія Ивановича, родившійся въ январѣ 1825 г., въ 1835 г. поступившій въ 3 классическую гимназію, довольно посредственно окончившій въ ней курсъ въ 1844 г. и затѣмъ сдѣлавшійся студентомъ 1 отдѣленія филологическаго факультета по разряду восточной словесности. Липранди уговорилъ его оставить университетъ, что онъ и сдѣлалъ въ іюнѣ 1847 г. Антонелли, по официальному свидѣтельству, „послѣ должнаго испытанія и подготовки, оказался весьма способнымъ" на дѣло ему предложенное, и „согласился принять его на себя, но съ условіемъ, чтобы имя его не сдѣлалось гласнымъ". Онъ опредѣленъ былъ въ январѣ 1848 г. канцелярскимъ чиновникомъ (съ жалованьемъ 130 руб. въ годъ) въ тотъ же департаментъ, гдѣ служилъ Петрашевскій, и ему удалось съ нимъ познакомиться. Слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, Антонелли сначала выказалъ недовѣріе Петрашевскому, давъ ему понять, „что его почитаютъ за *агента-вывѣдывателя* (agent provocateur)". Это вызвало объясненіе, короче сблизившее ихъ, и Петрашевскій сталъ откровеннѣе говорить съ Антонелли. Тогда послѣднему приказали всякій разъ сообщать письменно „сущность ихъ разговора, стараясь при первой возможности записывать все, не упустивъ не только мысли, но и не проронивъ ни одного важного слова".

Только съ января 1849 г. начинаются донесенія Антонелли Липранди о всемъ, что онъ слышалъ отъ Петрашевскаго, котораго при этомъ онъ называетъ „извѣстнымъ лицомъ", а не по фамиліи. Съ

самаго же начала оказывается, что Петрашевскій думаетъ не только о соціальныхъ преобразованіяхъ, но считаетъ необходимымъ и измѣненіе государственнаго строя и составленіе съ этою цѣлью тайнаго общества. Въ запискѣ Антонелли отъ 27 января 1849 года подъ заглавіемъ „Собственныя мнѣнія и слова одного извѣстнаго лица“ сообщается слѣдующее:

Одно правительство республиканское, представительное, достойно человѣка, потому что и неприлично, и смѣшно существу, одаренному и разумомъ, и волею, и самопознаніемъ подчинять и тѣло свое, и душевныя способности произволу другого существа, отличающагося отъ него только самопроизвольнымъ деспотизмомъ. Всякій народъ долженъ управляться самъ собою, быть самъ властелиномъ, а не подчинять себя власти. И можетъ ли одинъ человѣкъ, имѣющій собственный интересъ, быть совершенно безпристрастнымъ къ интересамъ другихъ людей, совершенно ему противоположныхъ, можетъ ли даже онъ понимать интересы какого-нибудь класса людей не принадлежа къ нему и имѣя съ нимъ совершенно разнородныя понятія? Да если бы онъ даже и соблюдалъ интересы своихъ подданныхъ, то и то только тѣхъ, которые были бы къ нему ближе и имѣли бы на него большое вліяніе, прочіе все же бы должны были страдать.—Сравните правительство С.-А. Штатовъ и наше, и вы убѣдитесь въ истинности моихъ мнѣній. Гдѣ можетъ быть хуже, неправильнѣй и утомительнѣе нашего судопроизводство? Сужденіе дѣлъ непремѣнно должно быть публичное, черезъ присяжныхъ... Гдѣ законы больше сбивчивы, безтолковы, противорѣчащи, какъ не у насъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ составить человѣкъ, принадлежащій совершенно къ другому классу, законъ для людей, которыхъ ни нуждъ, ни понятій, ни характера онъ не понимаетъ, да и понять не заботится. Изъ этого вы видите, что перемѣна правительства н у ж н а, н е о б х о д и м а д л я н а с ъ, но перемѣнить его нужно не вдругъ, но дѣйствуя исподволь, приготовляя какъ можно осторожнѣе и вѣрнѣе средство къ возстанію такимъ образомъ, чтобы идея о перемѣнѣ правительства не зародилась бы въ головы двумъ, тремъ, десяти лицамъ, но утвердилась бы въ массахъ народа и казалась бы не в н у ш е н н о й, а естественною по положенію дѣлъ.—Дѣйствовать нужно на средній классъ людей, какъ имѣющихъ болѣе средствъ и болѣе причинъ быть недовольными. Высшій классъ..., естественно, имѣетъ и больше выгодъ, и удовлетворенной гордости при правительствѣ монархическомъ, потому,—говорилъ Петрашевскій Антонелли,—я и записался членомъ въ Мѣщанское Танцовальное общество, чтобы тамъ дѣйствовать на ремесленный классъ народа и привлекать его на нашу пользу. Уже не говоря (о томъ), что этотъ классъ многочисленъ самъ собою, но въ случаѣ нужды, каждый изъ нихъ можетъ быть предводителемъ отъ 5 до 150 человѣкъ, совершенно ему преданныхъ и подвластныхъ.—Впрочемъ, провести» (т.-е. осуществить) эту «идею можно только или при перемѣнѣ властелина, или уже воспользовавшись какимъ-нибудь необыкновеннымъ, непредвидѣннымъ случаемъ. Въ отношеніи раскольниковъ... должно дѣйствовать черезъ людей одного съ ними состоянія и, слѣдовательно, пользующихся ихъ особеннымъ довѣріемъ. Вообще дѣйствовать должно не только на отдѣльные слои общества, но и на отдѣльныя страны государства, напримѣръ, приготовивъ возстаніе на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Сибири...

«Общество должно составлять такимъ образомъ: собирать около себя людей въ маломъ числѣ и только такихъ, въ которыхъ вы совершенно увѣрились и опытомъ, и продолжительнымъ временемъ. Идеи же свои внушать какъ можно большему числу людей, но такимъ образомъ, чтобы наводить ихъ только на нихъ и чтобы казалось, что эти идеи родились въ нихъ сами собою, безъ чьей-либо посторонней помощи...Такого рода внушенія и безопасны для васъ самихъ, и льстятъ ихъ самолюбію,

и, слѣдовательно, имѣютъ больше успѣха. Набравъ такимъ образомъ черезъ внушеніе еще нѣсколько людей, стараться уже дѣлать изъ нихъ собранія не у себя, а у каждаго изъ нихъ отдѣльно. Поступая такимъ образомъ, не навлекаешь на себя подозрѣнія, а слѣдовательно, находишься дальше и отъ опасности быть открытымъ. Принимать у себя избранныхъ (нужно) такимъ образомъ, чтобы прислуга не знала ихъ фамилій. И наконецъ, въ обществѣ, когда встрѣчаются разногласія, быть иногда и на сторонѣ неправаго, чтобы не раздражить его самолюбія, но постоянной логикой все-таки привести его къ одному мнѣнію съ правымъ. Бояться должно особенно собственнаго своего письма, и если что-нибудь уже необходимо написать надо, то давать это переписывать другимъ, сохраняя оригиналъ у себя».

Петрашевскій пытался содѣйствовать Антонелли въ выработкѣ опредѣленнаго политическаго міросозерцанія; для этого онъ далъ ему „Dictionnaire politique. Encyclopedie du langage et de la science politiques rédigé par une réunion de députés, de publicistes et de journalistes avec une introduction par Garnier-Pagès. Publié par Duclerc et Pagnerre“, tP. 1848, 3-me édit.), продиктовалъ списокъ 134 словъ, которыя Антонелли долженъ былъ перевести изъ этого словаря, и при этомъ дѣлалъ свои замѣчанія примѣнительно „къ нашему быту“. Антонелли поспѣшилъ переписать этотъ списокъ для Липранди съ замѣчаніями Петрашевскаго по поводу нѣкоторыхъ словъ, такъ напримѣръ: „associa(ion—слово особенно замѣчательное“, „chef de partie“—на это слово Петрашевскій просилъ „обратить особенно вниманіе, развернуть самымъ подробнымъ образомъ“, такъ какъ „мораль“ его „особенно должна относиться къ намъ въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ“, „constitution“—замѣчательно, „divan“—слово, по объясненію Петрашевскаго, „доказывающее присутствіе въ нашемъ правительствѣ болѣе деспотизма, нежели въ Турціи“, „égalité—слово совершенно въ его вкусѣ“, „Etats-Unis, Fédéralisme, Fédération, Fédérés—особенно замѣчательныя слова, какъ нить, на которой зиждятся всѣ его теоріи“, „jury—по его словамъ, необходимо нужное для насъ“, „prolétaire, prolétariat—идея, совершенно имъ усвоенная и приводимая имъ въ дѣйствіе во всѣхъ возможныхъ случаяхъ“, „représentants, représentants du peuple—просилъ развернуть идею пообширнѣе“, „révolution—уже одно это слово, замѣченное имъ, достаточно, чтобы высказать его мнѣнія“, „souveraineté, souveraineté du peuple—просилъ развернуть идеи этихъ словъ“, „tiers-état—просилъ со вниманіемъ замѣтить и изучить“, „république, républiques américaines—идеи... совершенно ему родныя; всѣ его желанія, по крайней мѣрѣ, сколько можно видѣть изъ его разсужденій, клонятся къ тому, чтобы передѣлать наше правительство на манеръ Соединенныхъ Штатовъ и поставить его на ногу американскихъ республикъ“; „comité“ (вѣроятно, „Comité du salut public“), „communauté“—„какъ вообще и другія подобныя сему слова, показываетъ его образъ мыслей“. Кромѣ того, Петрашевскій далъ ему книги Токвиля „De la démocratie en Amerique“; A. Blanc „Histoire des conspirations et des exécutions politiques, contenant l'histoire des sociétés secrètes“ (P. 1846),—

„сочиненіе“, по мнѣнію составителя одной офиціальной записки, „самое вредное, какое я когда-либо встрѣчалъ; Россія также помѣщена тутъ“; Pelletan, „Histoire de trois journées de février“ (1848); „Constitution de la république française, suivi de decret sur l'élection du président“ (P. 1846). По внимательномъ прочтеніи всѣхъ этихъ книгъ, Антонелли долженъ былъ изложить „свои мысли съ примѣненіемъ къ нашему быту“. Старанія Петрашевскаго развить Антонелли и дополнить его образованіе послѣдній со своей шпіонской точки зрѣнія объяснилъ желаніемъ имѣть „у себя разсужденіе, писанное рукою Антонелли“ для того, чтобы „онъ могъ и его самого держать въ своихъ рукахъ, смѣло ознакомить со своими единомышленниками и ввести въ общество“ [1]).

Увидѣвъ, что Антонелли, встрѣтившись съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ ему черкесовъ, дружески говорилъ съ ними, Петрашевскій пожелалъ этимъ воспользоваться и предложилъ начать среди нихъ пропаганду [2]). Для этого онъ далъ ему словесное наставленіе [3]) и поручилъ Антонелли составить записку такъ, чтобы „вкратцѣ изложена была общая идея... и потомъ особенно относительно горцевъ“. Антонелли, набросавъ записку начерно, просилъ Петрашевскаго исправить ее, но тотъ будто бы изъ осторожности заставилъ самого Антонелли дѣлать поправки и дополненія, такъ что „цѣлыя полустраницы писаны съ его словъ“. Затѣмъ Петрашевскій совѣтовалъ „заставлять черкесовъ списывать своею рукою по частямъ, чтобы самъ Антонелли не могъ быть компрометированъ“, и при этомъ прибавилъ: „Нужно только заронить въ ихъ головы эту идею, а тамъ она сама расцвѣтетъ и созрѣетъ“. Записку эту агентъ Липранди доставилъ разумѣется ему, а не черкесамъ, съ поясненіемъ, что „черновое сочи-

---

[1]) Въ разговорѣ со студентомъ Толстовымъ Петрашевскій сказалъ объ Антонелли, въ присутствіи послѣдняго, что онъ „человѣкъ недоконченный, но что они, принявшись за него, сдѣлаютъ изъ него что-нибудь хорошее“. Петрашевскій при всякомъ свиданіи побуждалъ Антонелли „скорѣе держать выпускной экзаменъ въ здѣшнемъ университетѣ“, чтобы имѣть возможность опредѣлить его куда-нибудь учителемъ. «Какъ сверхъ того,—прибавляетъ Антонелли,—по всѣмъ моимъ соображеніямъ у него должна быть очень значительная партія между студентами, то я думаю съ первой же недѣли Великого поста поступить въ университетъ вольнослушателемъ» Эту мысль онъ сообщилъ Петрашевскому, который очень ей обрадовался и всячески старался поддержать его въ исполненіи этого намѣренія.

[2]) На эту мысль могло навести Петрашевскаго и то, что у его хорошаго знакомаго, поэта А. Н. Плещева, бывали черкесы (быть можетъ вслѣдствіе того, что въ университетѣ онъ былъ на восточномъ факультетѣ). Эти „свирѣпые по виду“ черкесы были всегда вооружены. *С. Яновскій.* „Воспоминанія о Достоевскомъ“, „Русск. Вѣстн.“, 1885 г. № 6, стр. 813, 818.

[3]) Диктуя списокъ словъ изъ энциклопедическаго словаря, онъ отмѣтилъ тѣ, которыя могли пригодиться съ этой цѣлью: „centralisation“ онъ просилъ разъяснить для черкесовъ, „conscription, conseil, islamisme, orient“, тоже для нихъ „Turquie—для черкесовъ и для сравненія съ нами“.

неніе было прочитано" Петрашевскому „и потомъ уже, съ его словъ, распространено по его идеямъ".

Записка эта сохранилась; въ общей ея части мѣстами повторяются нѣкоторыя мысли Петрашевскаго о народномъ правленіи, которыя намъ уже извѣстны изъ приведеннаго выше донесенія Антонелли, но интересны и соображенія о связи личныхъ интересовъ съ общественными, и планъ государственнаго устройства страны черкесовъ послѣ переворота на Кавказѣ, предположеннаго Петрашевскимъ.

«Каждый человѣкъ есть частица цѣлаго общества людей, есть какъ бы вѣтка одного огромнаго дерева. Онъ безпрестанно долженъ находиться въ тѣсныхъ связяхъ съ своими ближними, и его отдѣльные интересы неразрывною нитью связаны съ интересами цѣлаго общества. Человѣкъ, естественно, стремится къ достиженію своего блага и счастья, благо же и счастье его совершенно зависятъ отъ блага и счастья цѣлаго общества. Хотя большая часть людей и основываетъ свое благополучіе на разрушеніи спокойствія своихъ ближнихъ, но подобный способъ достиженія собственныхъ интересовъ и ложенъ, и непрочень, потому что черезъ таковой способъ теряется кредитъ, и тогда человѣкъ долженъ поддерживать свое благоденствіе самъ собою, не имѣя подпоры въ своихъ ближнихъ. Между тѣмъ, если достиженіе интереса отдѣльнаго человѣка тѣсно связано съ достиженіемъ интересовъ его ближнихъ и, слѣдовательно, цѣлаго общества, тогда основаніе его счастья прочно и соблюденіе его интереса вѣрно, потому что тогда уже его отдѣльный интересъ становится вмѣстѣ и общимъ интересомъ. Итакъ, отъ благоденствія общества зависитъ и истинное благоденствіе каждаго человѣка отдѣльно, и слѣдовательно, общій интересъ долженъ служить ему какъ бы центромъ, къ которому стремились бы всѣ его отношенія.

«Въ прежнія времена, когда люди были еще въ невѣжествѣ, и слѣдовательно, не могли понимать ни собственнаго достоинства, ни собственнаго блага, они принуждаемы были подчиняться власти сильнаго и предоставлять ему заботиться о ихъ собственномъ счастьѣ. Сильные, видя въ своей власти соблюденіе и достиженіе своихъ собственныхъ отдѣльныхъ интересовъ, старались держать имъ подвластныхъ людей въ невѣжествѣ и страхѣ, дабы распространеніемъ чрезъ образованіе новыхъ идей и понятій не нанести тѣмъ удара этой самой власти. Наконецъ, хотя впослѣдствіи времени образованіе понемногу и проникло во всѣ слои общества, но привычка имѣть надъ собою властелина вошла уже въ природу человѣка и скинуть съ себя эту обременительную тяжесть считалось даже смертнымъ грѣхомъ.

«Нынѣ, когда понятія людей просвѣтились, когда человѣкъ почувствовалъ собственное достоинство и вслѣдствіе того всю нелѣпость покорять и честь свою, и волю, и общее благо интересамъ одного отдѣльного существа (пѣшки), онъ понялъ, что только одно правленіе народное, правленіе представительное, гдѣ бы сохранялись интересы каждаго отдѣльнаго класса людей и, слѣдовательно, каждаго человѣка отдѣльно, достойно его. Мысль, что общее благо есть истинное благо и каждаго отдѣльнаго члена общества, есть нынѣ уже аксіома».

Вотъ какъ должны были черкесы устроить управленіе своей страны по мысли Петрашевскаго въ передачѣ Антонелли.

«Верховное правленіе народа должно быть предоставлено совѣту, составленному изъ представителей племенъ подъ предсѣдательствомъ одного, избраннаго изъ ихъ же среды по большинству голосовъ. Представители должны быть избираемы изъ среды цѣлаго народа-племени и утверждаемы большинствомъ голосовъ. Совѣту пре-

доставляется право заботиться о благахъ и нуждахъ цѣлаго народа, разсуждать о законахъ, о содержаніи войска, о мирѣ и войнѣ и, наконецъ, о всемъ, что касалось бы до общаго интереса всѣхъ племенъ вообще. Ему предоставляется право рѣшать распри между племенами, налагать на нихъ наборы войскъ и другія повинности, и рѣшенія его должны считаться священными. Для большей же вѣрности его дѣйствій всѣ внутреннія управленія племенъ должны доставлять ему свѣдѣнія чрезъ своихъ представителей о внутреннемъ ихъ состояніи и о существующихъ обычаяхъ. Главная цѣль совѣта—стремиться по возможности вводить вездѣ единообразныя узаконенія. Для скорѣйшаго хода дѣлъ должны быть устроены между племенами постоянныя сношенія въ родѣ нашей почтовой гоньбы. Наконецъ совѣщанія совѣта должны происходить публично, и присутствіе его находиться въ безопасномъ мѣстѣ.

«Внутреннее же управленіе каждаго племени особенно должно быть семейное, домашнее, и основываться на законахъ, обычаяхъ и нравахъ народа, его составляющаго. Оно также должно состоять изъ совѣта представителей каждаго отдѣльнаго класса людей по выбору, и ему предоставляется власть судейская и исполнительная. Судопроизводство должно производиться публично черезъ присяжныхъ, основываясь на здравомъ смыслѣ, законахъ и обычаяхъ страны. Духовному классу предоставляется право заниматься дѣлами, до религіи только касающимися, отнюдь не вмѣшиваясь въ гражданское управленіе.

«Число представителей племенъ должно быть сообразно числу народа, примѣрно полагая на 15 тысячъ одного, продолженіе же времени ихъ управленія—три года.

«Таковое управленіе, самое простое, удобопонятное и человѣчное, влеклось бы естественно къ сохраненію интересовъ общихъ или общества и, слѣдовательно, къ сохраненію интересовъ каждаго человѣка отдѣльно. Такъ что отношенія каждаго человѣка къ правленію и отношенія правленія къ каждому человѣку въ особенности были бы общія и, слѣдовательно, служили бы центромъ, около котораго обращались бы всѣ интересы какъ общіе, такъ частные.

«Верховный совѣтъ долженъ внушать мысль, чтобы всѣ племена соединились и дѣйствовали общими силами и, наконецъ, чтобы племена, болѣе отдаленныя отъ театра дѣйствій, нежели племена пограничныя, помогали бы этимъ послѣднимъ, какъ болѣе претерпѣвающимъ. Совѣтъ долженъ наблюдать за обученіемъ войска, вести болѣе регулярную и правильную войну, обратясь въ случаѣ нужды съ просьбою о помощи къ полякамъ, недовольнымъ Россіею, живущимъ во Франціи и другихъ государствахъ.

«Вообще черкесамъ должна быть внушаема мысль, что чрезъ подчиненіе себя русскому правительству они теряютъ свою самостоятельность, что страна ихъ, не дѣлаясь источникомъ богатствъ, которыя могли бы тамъ существовать чрезъ торговлю съ азіатскими и другими народами, дѣлается только путемъ, чрезъ который всѣ богатства будутъ проходить въ другія страны, и что, наконецъ, война Россіи съ Кавказомъ не есть желаніе народа, а только политика правительства, и что, слѣдовательно, съ перемѣною правительства въ Россіи должны перемѣниться и ихъ отношенія къ ней.

«Переворотъ на Кавказѣ полезенъ какъ въ общемъ человѣческомъ смыслѣ, такъ и въ ближайшемъ для насъ. Съ усиленіемъ сопротивленія на Кавказѣ потребуется усиленіе войска, налоговъ и, наконецъ, другихъ тягостей, которыя, естественно, всегда болѣе рождаютъ недовольныхъ, и, слѣдовательно, скорѣе въ массахъ возраждается идея объ улучшеніи правительства, и изъ этого ближе приводится къ цѣли общечеловѣческая идея о народномъ представительномъ правленіи».

Въ это же время (въ январѣ 1849 г.) Петрашевскій сказалъ Антонелли, что „цѣлость Россіи поддерживается только военною си-

лою, и что когда эта сила уничтожится", или, по крайней мѣрѣ, ослабѣетъ, „то всѣ народы, составляющіе Россію, раздѣлятся на отдѣльныя племена, и что тогда Россія будетъ собою представлять нынѣшніе Соединенные Штаты Сѣверной Америки".

Антонелли спросилъ Петрашевскаго, не имѣетъ ли онъ поддержки въ Финляндіи, и получилъ отвѣтъ, что „интересы Финляндіи совершенно отдѣльны отъ нашихъ интересовъ, что она пользуется особыми правами, управляется собственными узаконеніями и при какомъ-нибудь движеніи у насъ сама, безъ поощренія, будетъ помогать нашимъ интересамъ, стараясь отдѣлиться и составить отдѣльное племя". Такимъ образомъ Петрашевскій въ противоположность Пестелю сочувствовалъ федеративному строю.

Въ концѣ февраля 1849 г. онъ сталъ разспрашивать Антонелли, какъ идетъ его пропаганда среди черкесовъ, и тотъ, уже достаточно сблизившись съ Петрашевскимъ, не видѣлъ болѣе надобности „передъ нимъ маскироваться съ этой стороны" и сказалъ ему, что, „не зная черкесовъ, живущихъ на Кавказѣ", онъ считаетъ невозможнымъ и „заикнуться о чемъ-нибудь подобномъ" тѣмъ изъ нихъ, которые находятся здѣсь при эскадронѣ въ виду ихъ преданности государю. „Хотя и пронесся слухъ о неудовольствіи ихъ на начальство", но это лишь относительно генерала Львова, котораго они, дѣйствительно, не жалуютъ. Петрашевскій высказался за то, чтобы теперь оставить черкесовъ въ покоѣ, а при удобныхъ обстоятельствахъ [1]) „попробовать возмутить ихъ на мѣстѣ и тѣмъ отвлечь военныя силы". Любопытно, что ни слѣдственная, ни военно-судная комиссіи не коснулись предположеній Петрашевскаго относительно черкесовъ; быть-можетъ, это объясняется тѣмъ, что дѣло между Петрашевскимъ и Антонелли происходило по этому вопросу съ глазу на глазъ, и что полнаго довѣрія къ доносчикамъ люди военные, начиная съ самого имп. Николая, не питали, а записка о черкесахъ была написана рукою Антонелли.

Петрашевскій дѣлился съ Антонелли и общими соображеніями, и политическими новостями. Такъ, въ половинѣ января 1849 г. онъ сказалъ: „Военная сила, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, непремѣнно должна уничтожиться или, по крайней мѣрѣ", до того ослабѣть, „что не можетъ быть опасной для внутренняго благоустройства государства. Уничтожиться же" или ослабѣть „она должна потому, что въ Германіи составляется конгрессъ, который, какъ говорятъ, для равновѣсія будетъ требовать уничтоженія въ государствахъ военной силы, удержавъ только національную гвардію для внутренняго спокойствія". Однако, вслѣдъ за тѣмъ Петрашевскій, не замѣчая

[1]) У Антонелли сказано: „При какой-нибудь реакціи", можетъ быть въ смыслѣ противодѣйствія народа какимъ-нибудь мѣрамъ правительства, народнаго возстанія. Вообще, Антонелли не всегда употреблялъ слова въ надлежащемъ смыслѣ.

противорѣчія, если вѣритъ Антонелли, продолжалъ: „Конечно, нашъ императоръ не согласится на это и будетъ отвѣчать вооружонной рукой, между тѣмъ какъ въ Европѣ только и ждутъ. Если же этого и не случится, то, во всякомъ случаѣ, война неизбѣжна, и что онъ даже слышалъ о выступленіи нашихъ войскъ въ Галицію“ [1]).

Когда во время разговора о черкесахъ въ концѣ февраля Антонелли замѣтилъ, что „очень бы недурно было забросить нѣсколько идей въ войско“, то Петрашевскій отвѣчалъ ему: „При нашей дисциплинѣ это очень трудно сдѣлать“, и кромѣ того, „опасно, потому что, вообще говоря о военныхъ,—это народъ, по большей части, необразованный, съ какими-то странными, особенными понятіями и взглядомъ на вещи [2]), и что обладая какой-нибудь тайной, военный сейчасъ сдѣлаетъ себѣ изъ нея конька и будетъ на немъ выѣзжать передъ всѣми и каждымъ, и, наконецъ, это безполезно, потому что главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы идеи и желанія укоренились въ массахъ народа, а когда будетъ чего желать цѣлый народъ, тогда противъ него ничего не можетъ войско.—Сверхъ того, войско трогать не только опасно, но и безполезно, потому что при первой же открывшейся кампаніи всѣхъ этихъ дураковъ и безъ того перебьютъ“. Тутъ, вѣроятно, сказалось вліяніе Фурье, считавшаго армію и флотъ „національными паразитами“ [3]), а кромѣ того Петрашевскій, быть-можетъ, негодовалъ на военныхъ за то, что въ царствованіе Николая среди нихъ не возникло ничего подобнаго обществу декабристовъ. Если такъ, то онъ забывалъ, что въ кружкѣ, группировавшемся вокругъ него, были и офицеры, были также и другіе кружки преимущественно изъ военныхъ, хотя не соціалистическаго, но либеральнаго направленія [4]).

Антонелли сохранилъ отзывъ Петрашевскаго о декабристахъ:

«Заговоръ 14 декабря не могъ никакимъ образомъ имѣть успѣха потому, что главная его цѣль была извѣстна только очень малому числу дѣйствующихъ лицъ, между тѣмъ какъ другіе дѣйствовали наобумъ; этотъ заговоръ и лица, въ немъ участвовавшія, были уже извѣстны правительству, и ихъ и безъ того ожидало наказаніе; оттого они и дѣйствовали по поговоркѣ: «авось лихая вывезетъ», и, наконецъ,

---

[1]) 1 мая н. с. 1849 г. въ вѣнской оффиціальной газетѣ появилось извѣстіе, что имп. Николай согласился придти на помощь австрійскому императору, а 4 іюня русскія войска уже вступили изъ Галиціи въ Венгрію. „Энциклопедическій Словарь Т-ва бр. Гранатъ“, IX, 403.

[2]) Петрашевскій на допросѣ подтвердилъ эти слова.

[3]) Еще въ „Монхъ афоризмахъ“ Петрашевскій указалъ на то, что при такихъ отношеніяхъ между народами, какъ между штатами Сѣверной Америки, не было бы войнъ, и огромныя войска были бы не нужны.

[4]) Напр. кружокъ офицеровъ, собиравшихся у Момбелли.—Въ первые годы на пятницахъ Петрашевскаго бывалъ кавалергардъ Ховринъ; онъ бралъ также книги изъ библіотеки Петрашевскаго: читалъ Вольтера и "Contradictions économiques" Прудона.

случай къ исполненію представился такой соблазнительный, что можно было даже и при недостаточности средствъ надѣяться на успѣхъ. Но для вѣрнаго успѣха подобнаго рода предпріятій должно, чтобы распоряжающіяся лица старались сперва преодолѣвать самыя малыя препятствія, имѣть всегда успѣхъ въ самыхъ съ перваго взгляда незначительныхъ обстоятельствахъ, и такимъ образомъ пріобрѣтая мало-помалу довѣріе и внушая всѣмъ и всякому необходимость новаго порядка вещей, они могутъ надѣяться на самый вѣрный, самый блистательный успѣхъ. Хотя правительство обладаетъ всѣми средствами поставить преграды подобнаго рода успѣхамъ, но масса всегда противъ правительства, и сверхъ того, когда этой массой будутъ распоряжаться люди, которые убѣждены въ своихъ мнѣніяхъ и имѣютъ полное довѣріе и другъ къ другу, и къ своимъ дѣйствіямъ, то правительство никакими средствами не въ состояніи будетъ остановить общаго потока и необходимо должно будетъ покориться новому порядку вещей: но, главное, не нужно спѣшить, но должно дѣйствовать осторожно, исподволь и все полагать на время».

Одною изъ любимыхъ идей Петрашевскаго была пропаганда черезъ учителей, а также и иными путями, въ учебныхъ заведеніяхъ для этого по его словамъ, сказаннымъ Антонелли, онъ старался помѣщать учителями въ разныя учебныя заведенія „своихъ приверженцевъ“. Спрошенный по этому поводу на допросѣ [1]), Петрашевскій заявилъ: „Показаніе Антонелли утверждаю. Пропаганду же разумѣю въ смыслѣ, мною изъясненномъ въ объясненіи, сдѣланномъ мною о соціализмѣ (см. ниже). Отъ желанія таковой пропаганды не отрицаюсь[2]). Приверженцевъ никогда никакихъ не имѣлъ, не желалъ ихъ имѣть и даже опасался чьей бы то ни было приверженности; но всякаго желалъ сдѣлать самостоятельнымъ и мнѣ равнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Если вѣрить Антонелли, Петрашевскій говорилъ ему даже, что за преслѣдованія, которымъ подвергался въ лицеѣ, онъ старается мстить „тѣмъ же оружіемъ“ (т.-е. черезъ учителей), „какимъ и его поражали“ [3]).

Въ училищѣ правовѣдѣнія въ отличіе отъ лицея вліяніе фурьеризма не чувствовалось, однако въ концѣ 40-хъ годовъ и здѣсь иногда проявлялось оппозиціонное настроеніе. Петрашевскій живо интересовался тѣмъ, что творилось въ этомъ училищѣ. Въ первой половинѣ февраля 1849 г. у него съ Антонелли зашелъ разговоръ о томъ, что по слухамъ „кн. Гагаринъ и еще какіе-то два воспитанника училища правовѣдѣнія вели заграничную переписку“. Петрашевскій сказалъ, что кн. Гагаринъ „никакой заграничной переписки

---

[1]) Вопросные пункты слѣдственной комиссіи, основанные на доносѣ Антонелли, начинаются такъ: „Антонелли показываетъ“, хотя въ дѣйствительности Антонелли къ допросу не призывали.

[2]) См. во 2 части о пропагандѣ петрашевцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

[3]) Однажды Петрашевскій предложилъ Антонелли „поступить въ какое-нибудь учебное заведеніе съ цѣлью распространять тамъ идеи, по его словамъ, человѣчныя, и даже предлагалъ ему „для этого свою протекцію и книги для чтенія, изъ которыхъ бы онъ могъ почерпнуть истинную методу преподаванія“.

не велъ, но, разговаривая со своими товарищами, выразился, что недурно было (бы), если бы китайскій императоръ, обладая такими огромными средствами, пошелъ бы войною на Россію и немного поразстрепалъ нашего государя, другой же воспитанникъ изъ поляковъ прибавилъ, что кстати бы было въ это же время возстановить и Польшу. Этотъ разговоръ былъ переданъ гр. Орлову, и вслѣдствіе того кн. Гагарина и его товарищъ усадили въ карцеръ и хотѣли сдать въ солдаты, но принцъ Ольденбургскій вступился за нихъ, и эта исторія кончилась тѣмъ, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ оставить училище правовѣдѣнія. Воспитанники училища..., желая узнать, кто выдалъ ихъ товарищей, и подозрѣвая уже давно одного Политковскаго, который разными поступками и тѣмъ, что, не получая ни отъ кого изъ своихъ родныхъ денегъ, очень часто имѣлъ въ карманѣ по 100 и 150 р. с., разломали его шкатулку и, дѣйствительно, нашли въ ней черновую доноса его на кн. Гагарина и нѣкоторые черновые эскизы характеровъ его товарищей".

Другія извѣстія о событіяхъ въ училищѣ правовѣдѣнія не вполнѣ совпадаютъ съ этимъ разсказомъ. Н. С. Голицынъ (бывшій директоромъ училища съ 15 янв. 1848 по 7 дек. 1849 г.) въ замѣткѣ, написанной гораздо позднѣе, такъ характеризуетъ одного изъ пострадавшихъ воспитанниковъ: Бѣликовичъ—юноша 16 лѣтъ, „очень способный, отлично учившійся, прекрасныхъ качествъ души и сердца, но уроженецъ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній, католикъ, очень восторженный политически польской идеей и неосторожно, какъ оказалось, ведшій на польскомъ языкѣ дневникъ свой, въ которомъ выражалъ сочувствіе Мѣрославскому", извѣстному польскому революціонеру; другой — „кн. Гагаринъ, русскій и православный, обвиненный будто бы въ дерзкихъ выраженіяхъ о государѣ во время общаго стола воспитанниковъ" [1]). Въ историческомъ очеркѣ 75-лѣтія училища правовѣдѣнія г. Сюзора это событіе отнесено къ концу 1848 г., но совершенно неправильно связано съ дѣломъ Петрашевскаго [2]).

---

[1]) Онъ сказалъ товарищамъ: „нужно повѣсить". „Русская Старина", 1880 г., т. 29, стр. 126—127; 1885, т. 48, стр. 673; 1890, т. 68, стр. 375—376; 1900, № 3, стр. 562—563; „Русск. Арх.", 1910, т. III, стр. 356.

[2]) „Два воспитанника 3-го класса, соотвѣтствующаго первому университетскому курсу, кн. Г. и польскій уроженецъ Б., разсуждая въ кафе-ресторанѣ Лерхе за обѣдомъ въ компаніи пяти товарищей о дѣлѣ Петрашевскаго" (оно началось лишь въ апрѣлѣ 1849 г. и окончилось въ концѣ его) „позволили себѣ высказать довольно рѣзкія сужденія по поводу отношенія къ нему правительства". *Г. Сюзоръ.* „Ко дню 75-лѣтняго юбилея Имп. училища правовѣдѣнія 1835—1910". СПБ. 1910, стр. 38—39. Н. Голицынъ сообщаетъ, что доносчикъ Политковскій „былъ въ полномъ презрѣніи у товарищей и у начальства, скоро вышелъ изъ заведенія и скрылся для исторіи" „Рус. Стар.", 1880 г., т. 29, стр. 127.

Въ историческомъ очеркѣ г. Сюзора находимъ еще два интересныхъ извѣстія о событіяхъ этого времени въ училищѣ правовѣдѣнія: „Въ 1848 г. воспитанникъ 5 класса училища... Ямондъ 2-ой, воротясь домой послѣ воскреснаго отпуска, объявилъ своимъ товарищамъ, что Франція болѣе не королевство, а республика, потому что парижане прогнали короля, а тронъ сожгли. За это Ямондъ безъ объясненій былъ исключенъ изъ училища". Затѣмъ, разсказавъ о расправѣ съ кн. Гагаринымъ и „польскимъ уроженцемъ Б.", Сюзоръ продолжаетъ: „Почти одновременно съ этимъ происшествіемъ у одного изъ воспитанниковъ училища были найдены какія-то вольнодумныя записки". Быть-можетъ, это извѣстіе потверждаетъ приведенныя выше [1]) слова Петрашевскаго, сказанныя Антонелли, что какой-то ученикъ училища правовѣдѣнія читалъ „какое-то сочиненіе его противъ правительства" [2]).

Слухи о сравнительно мягкомъ рѣшеніи участи двухъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, кн. Гагарина и Б., оказались невѣрными, и скоро послѣ перваго разговора Петрашевскій сообщилъ Антонелли, что кн. Гагарина отправили солдатомъ [3]) на Кавказъ (въ дѣйствительности юнкеромъ въ пѣхотный полкъ), а его товарища въ арестанскія роты въ Оренбургъ (въ дѣйствительности въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ, и онъ былъ убитъ въ 1853 г. при взятіи крѣпости кокандцевъ Акъ-мечеть) [4]). Петрашевскій прибавилъ, что одному изъ воспитанниковъ было не болѣе 16 лѣтъ, осуждалъ государя за строгость наказанія и даже видѣлъ въ этомъ одно изъ доказательствъ сумасшествія императора Николая. Очень неуважительно отзывался онъ также въ разговорѣ со студентомъ Толстовымъ объ умѣ принца Ольденбургскаго, при чемъ въ запискѣ въ военно-судную комиссію мотивировалъ свой отзывъ о немъ тѣмъ, что принцъ велѣлъ въ наказаніе цѣлому классу спать безъ подушекъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Петрашевскій разсказалъ Антонелли о другомъ инцидентѣ въ училищѣ правовѣдѣнія съ ученикомъ Депрерадовичемъ: „Обо всѣхъ происшествіяхъ въ училищѣ государь приказалъ тотчасъ же докладывать ему, и потому и о происшествіи съ

---

[1]) Стр. 57.

[2]) Директоръ учил. правов. кн. Н. С. Голицынъ говорилъ, что правовѣды, перешедшіе въ 1848 г. въ старшій классъ, „наполовину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже нигилисты)". „Р. Ст.", 1890, № II, стр. 376.

[3]) Въ резолюціи имп. Николая было еще сказано, что отецъ долженъ самъ наказать его. Директору училища былъ объявленъ строгій выговоръ. Черезъ нѣкоторое время кн. Гагаринъ былъ произведенъ въ офицеры на Кавказѣ. „Руск. Стар." 1890, т. 68, стр. 317.

[4]) Во взятіи крѣпости участвовалъ и сосланный по дѣлу петрашевцевъ поэтъ А. Н. Плещеевъ.

Депрерадовичемъ" (неизвѣстно какомъ) „ему было донесено... Депрерадовича взяли въ III отдѣленіе. По разборѣ дѣла гр. Орловъ донесъ государю, что въ этомъ училищѣ нѣтъ никакого заговора, но что между учениками существуетъ какая-то *интонація*" (Антонелли, быть-можетъ, перевралъ слово „агитація"). „Вслѣдствіе этого и предшествовавшихъ происшествій на мѣсто бывшаго директора училища правовѣдѣнія Голицына временно назначенъ какой-то адъютантъ принца Ольденбургскаго съ приказомъ не щадить наказаній"... Онъ наказалъ розгами 8 человѣкъ, а гр. Орлову велѣно было имѣть строгій „надзоръ надъ всѣми правовѣдами, какъ вышедшими изъ училища, такъ и находящимися въ немъ". Дѣйствительно, гуманный директоръ училища кн. Голицынъ былъ уволенъ, директоромъ въ декабрѣ 1849 г. назначенъ бывшій рижскій полицмейстеръ А. Языковъ, и большинство гражданскихъ воспитателей училища были замѣнены военными.

Когда Антонелли спросилъ Петрашевскаго, какого онъ мнѣнія о правовѣдахъ, тотъ отвѣчалъ:

Вообще всѣ они «получаютъ въ училищѣ правовѣдѣнія знаніе законовъ очень плохое, образованіе самое недостаточное» для ихъ назначенія, «дѣлъ не понимаютъ вовсе, а между тѣмъ мечтаютъ о себѣ Богъ знаетъ что; если же между ними есть порядочные люди, то ихъ всѣхъ можно пересчитать по пальцамъ, но, несмотря на все это», подъ вліяніемъ духа времени, они инстинктивно ведутъ «чистѣйшую пропаганду, стараясь всѣ дѣйствія административной власти представлять публикѣ въ черномъ видѣ и, что всего важнѣе, стараясь на всякомъ шагу давать щелчки министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому и людямъ, которые пользуются его довѣренностью, особенно же генералу Липранди, какъ человѣку, у котораго на рукахъ дѣла особой важности. Важно же это потому, что вся власть исполнительная, полицейская и политическая, касающаяся до внутренняго состоянія Россіи, находится въ рукахъ этого человѣка (Перовскаго), и, выставляя его всегда... въ самомъ черномъ видѣ, они вселяютъ въ публикѣ къ нему недовѣріе, вооружаютъ ее противъ него и, слѣдовательно, лишая его возможности дѣйствовать съ должнымъ успѣхомъ, приготовляютъ такимъ образомъ тотъ великій переворотъ, котораго всякій человѣкъ съ душою и честью и истинно человѣчными понятіями долженъ ожидать съ нетерпѣніемъ... [1]) Хотя важная часть административной власти находится также и въ рукахъ Киселева, но такъ какъ Киселевъ и своими мнѣніями, и своими дѣйствіями не только не мѣшаетъ, но даже способствуетъ развитію общечеловѣчной идеи, то они не только оставляютъ его въ покоѣ, но, желая подавить Перовскаго, даже, если можно такъ выразиться, протежируютъ ему, зная, что и Перовскому, и Киселеву, каждому косточку объ освобожденіи крестьянъ хочется обглодать на свой ладъ».

Относительно членовъ высшей администраціи въ Россіи Петрашевскій сказалъ Антонелли, что всѣ они „не на своихъ мѣстахъ"; но все же дѣлалъ между ними большое различіе и раздѣлялъ ихъ на три разряда. Къ первому онъ причислялъ министра государственныхъ имуществъ Киселева, морского министра кн. А. С. Меншикова, министра иностранныхъ дѣлъ Нессельроде и министра внутреннихъ

[1]) Петрашевскій заявилъ слѣдственной комиссіи, что «никогда этого не говорилъ».

дѣлъ Перовскаго, которыхъ считалъ умными людьми; ко второму — министровъ: военнаго Чернышева и народнаго просвѣщенія Уварова, „называя ихъ ни то, ни се“, и, наконецъ, къ третьему — министровъ: финансовъ Вронченко, путей сообщенія Клейнмихеля и оберъ-прокурора Синода Протасова, „отзываясь о нихъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ“: относительно Блудова Петрашевскій сказалъ, „что онъ не изъ числа глупыхъ людей, но хорошій ли онъ человѣкъ, или дурной — это другое дѣло“. О шефѣ жандармовъ А. Ѳ. Орловѣ Петрашевскій замѣтилъ, что графъ „никогда ничего не дѣлалъ и, желая казаться аристократомъ, едва-ли и теперь чѣмъ занимается. Хотя всѣ его государственныя заслуги ограничиваются отравленіемъ (?) Дибича[1]), но что со всѣмъ этимъ онъ долженъ быть человѣкъ хитрый, съ характеромъ возвышеннымъ и неспособнымъ на подлость“. Онъ „сдѣлался intime государя“, тѣмъ, что 14 декабря удержалъ гвардейскій конный полкъ „на сторонѣ императора“[2]), почему „теперь и занимаетъ такой важный постъ“. О III отдѣленіи собств. Е. В. канцеляріи Петрашевскій выразился, „что подобное правительственное учрежденіе существуетъ только въ Россіи и, какъ двѣ капли воды, сходно съ орденомъ іезуитовъ, вооружая брата на брата, отца на сына, сына на отца. Это и тому подобныя учрежденія сдѣланы для того, чтобы подавить все умственное развитіе и тѣмъ охранить монархическую власть. Подобныя учрежденія не только подлость, но даже святотатство, потому что они развращаютъ нравственность человѣка“. О гр. Панинѣ[3]) Петрашевскій сказалъ, что это „самый пустой человѣкъ“ и къ тому же „совершенный дуракъ, хотя онъ и ученый человѣкъ... книгоѣдъ, но здраваго смысла въ немъ нѣтъ ни на грошъ“. Петрашевскій читалъ два или три предложенія его общему собранію (Сената), и хотя въ нихъ было много „ученыхъ положеній“, но „не было ни соображенія, ни здраваго смысла. Всѣ дѣйствія гр. Панина похожи на дѣйствія машины: когда ее хозяинъ толкаетъ, тогда она и дѣйствуетъ, куда ее направятъ, туда она и стремится. Три человѣка — гр. Панинъ, Анненковъ[4]) и Сенявинъ[5]) безъ спора могутъ держать диспутъ, кто изъ нихъ глупѣе“.

---

[1]) Петрашевскій, вѣроятно, заимствовалъ это извѣстіе (если онъ его дѣйствительно сообщалъ) изъ Л. Блана, высказывающаго это какъ преположеніе („Hist. de dix ans“, P. 1846, II, 364). Выписка изъ книги Л. Блана о смерти Дибича отобрана также въ бумагахъ Г. П. Данилевскаго и имѣется въ дѣлѣ Петрашевцевъ. Въ дѣйствительности Дибичъ-Забалканскій умеръ 29 мая 1831 г. въ селѣ Клешовѣ близъ Пултуска отъ холеры.

[2]) Сравн. *Шильдеръ*. „Имп. Николай I“, 1903 г., т. I, стр. 286.

[3]) Викторъ Никитичъ (1801—1874 г.), министръ юстиціи.

[4]) Николай Николаевичъ (1799—1865 г.), членъ государственнаго совѣта и „бутурлинскаго“ комитета для высшаго надзора за печатью.

[5]) Сенявиныхъ было два брата, оба сенаторы: Иванъ Григорьевичъ (1801—1851 г.), товарищъ министра внутр. дѣлъ, и Левъ Григор. (1805—1861 г.) товар. мин. иностран.

Въ одну изъ своихъ пятницъ Петрашевскій (прочтя передъ тѣмъ сочиненіе Гизо „Les moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France") говорилъ рѣчь, въ которой указывалъ, что тамъ, гдѣ есть „собирательное правительство" (единое министерство), оно руководствуется общимъ планомъ, у насъ же дѣйствія отдѣльныхъ министровъ противорѣчатъ другъ другу, и общаго плана, общей идеи у нихъ нѣтъ. Петрашевскій думалъ, что Сенатъ могъ бы быть учрежденіемъ весьма полезнымъ, но, какъ и декабристы, былъ очень низкаго мнѣнія объ его личномъ составѣ: „Вообще дѣйствія Сената,— говорилъ онъ,—очень важны для развитія идей въ народѣ, потому что обсуживая дѣла апелляціонныя, онъ имѣетъ всю возможность унижать власть административную", что „вездѣ и всегда было поводомъ къ революціямъ". Изъ числа сенаторовъ Петрашевскій считалъ дѣльными людьми только Ковалевскаго [1]) да, можетъ быть, еще человѣкъ двухъ, прочіе же, по его словамъ, „не стоятъ ни гроша". Сенаторы присутствуютъ въ собраніяхъ для того только, чтобы занимать мѣста, а не для того, чтобы обсуживать дѣла, и потому они не разбирая подписываютъ все, что имъ ни подложатъ. Сенаторами правительство назначаетъ такихъ людей, которые уже выжили изъ ума и которымъ пора положить зубы на полку... Когда не знаютъ, куда дѣвать человѣка, думаютъ, думаютъ, да и закричатъ: въ сенаторы его!" Уже изъ одного этого можно видѣть „всю глупость и негодность нашего правительства" [2]).

О русскихъ законахъ и нашемъ судопроизводствѣ Петрашевскій, по словамъ Антонелли, былъ очень невысокаго мнѣнія: наши законы „очень многосложны, заключаютъ въ себѣ много повтореній, противорѣчій, однимъ словомъ много лишняго и сверхъ того не имѣютъ системы. Оттого у насъ происходятъ всѣ проволочки..., продолжительность дѣлъ и слишкомъ сложное дѣлопроизводство" [3]).

дѣлъ („Руск. Біогр. Словарь", изд. Имп. Ист. Общ.). Петрашевскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду второго.

[1]) Вѣроятно Евграфа Петровича, сенатора съ 1843 г.

[2]) Въ ноябрѣ 1848 г. въ письмѣ къ П. А. Кузмину Петрашевскій сообщилъ слухъ, что петербургскій военный генералъ губернаторъ Шульгинъ „за глупость сдается въ архивъ, т.-е. дѣлается членомъ госуд. совѣта".

[3]) „Напримѣръ,—говорилъ онъ,—если дѣло производилось въ низшей инстанціи и переводится въ высшую, то... нужно прописать не только смыслъ производства дѣла въ низшей инстанціи, но даже всѣ отзывы, всѣ мелочи, однимъ словомъ все.. отъ доски до доски". При переносѣ дѣла въ еще болѣе высшую инстанцію прописываютъ производство обѣихъ низшихъ инстанцій. Если дѣло возобновляется по апелляціи или „высшая инстанція поручитъ пересмотрѣть его низшей, опять начинается та же исторія, такъ что конца дѣла никогда не дождешься", и истецъ, можно сказать, навѣрное, всегда теряетъ двѣ трети своихъ интересовъ. Знай такой порядокъ, грѣшно жаловаться на чиновниковъ „за проволочку дѣлъ": они „бѣдные труженики, которые никакъ не могутъ найти выхода изъ этого египетскаго лабиринта".

Петрашевскій жадно ловилъ разные слухи, иногда мало правдоподобные, и дѣлился ими съ Антонелли. Такъ, въ январѣ онъ сообщилъ ему, будто бы хотятъ обложить податью всѣхъ женщинъ безъ различія состоянія, по 30 коп. сер. въ годъ, и что эта мѣра, въ случаѣ осуществленія, „будетъ имѣть большое вліяніе на идеи массъ народа, и тогда идею пауперизма можно будетъ пустить еще въ большій ходъ, потому что женщины будутъ имѣть право требовать права голоса на всѣхъ собраніяхъ сословій“ [1]).

Въ томъ же мѣсяцѣ Петрашевскій сообщилъ, что, какъ онъ слышалъ отъ одного лица, проѣхавшаго черезъ Кіевъ и Харьковъ, много студентовъ тамошнихъ университетовъ содержится въ петербургской крѣпости. Петрашевскій имѣлъ свѣдѣнія, хотя и не точныя, о доносѣ (въ 1847 г.) студента Петрова на членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ и говорилъ Антонелли, что, „несмотря на неуспѣхъ этого предпріятія, оно все-таки пустило корни въ Малороссіи, чему много способствовали сочиненія Шевченка, которыя разошлись въ томъ краю во множествѣ и были причиною сильнаго волненія умовъ, вслѣдствіе котораго и теперь Малороссія находится въ броженіи“ [2]).

Во второй половинѣ января 1849 г. до Петрашевскаго дошелъ слухъ, будто бы правительство хочетъ закрыть всѣ университеты, кромѣ Петербургскаго и Московскаго. Нѣкоторыя правительственныя мѣры вызывали въ немъ радость, такъ какъ онъ ожидалъ отъ нихъ усиленія общественнаго недовольства. Въ разговорѣ о закрытіи танцъ-классовъ Петрашевскій сказалъ Антонелли: „Поговариваютъ, будто государь хочетъ закрыть и всѣ клубы“. Петрашевскій этому радовался, потому что всѣ тѣ, „которые убивали свое время въ подобнаго рода заведеніяхъ“, начнутъ роптать, принуждены будутъ собираться „отдѣльными кружками“ и „скорѣе нападутъ на общечеловѣчныя идеи“. Наконецъ, тогда непремѣнно повсюду начнутся домашніе балы, „гдѣ не нужно будетъ языкъ держать на привязи“.

Объ императорѣ Николаѣ Петрашевскій говорилъ Антонелли, что онъ будто бы страдаетъ душевною болѣзнью, что съ каждымъ днемъ его поступки становятся „несноснѣе и нестерпимѣе“, и онъ все болѣе походитъ на Павла I. Въ видѣ доказательства мнимаго су-

---

[1]) По словамъ Толя, ихъ общество много хлопотало о томъ, чтобы ввести въ собранія Петрашевскаго нѣсколько умныхъ женщинъ, такъ какъ черезъ нихъ, по мнѣнію Толя и Петрашевскаго, идеи скорѣе распространяются и усваиваются.

[2]) На допросѣ Петрашевскій заявилъ, что объ этомъ никогда не говорилъ Антонелли. А послѣдній передавалъ въ своемъ донесеніи дошедшіе до Петрашевскаго невѣрные слухи о судьбѣ Шевченка, будто бы онъ „былъ сосланъ на Аландскіе острова на каторгу и тамъ убитъ ударомъ въ голову прикладомъ ружья“, который нанесъ ему одинъ солдатъ, „вѣроятно по приказанію высшаго начальства“. См. *В. Семевскій*. „Кирилло-Меѳодіевское общество 1846—47 г.г.“ Изд. журнала „Голосъ Минувшаго“, 1918.

масшествія онъ разсказывалъ, вѣроятно по слухамъ, что „какой-то аудиторъ, встрѣтившись съ государемъ, снялъ шапку, вытянулся, однимъ словомъ, отдалъ честь совершенно по формѣ, но при этомъ не такъ взглянулъ, что ли, на императора и за то былъ отданъ въ солдаты". Въ другой разъ „государь, встрѣтивъ какого-то студента, который не отдалъ ему честь, и, не видя около себя ни одного изъ полицейскихъ крючковъ, всегда таскающихся за нимъ, остановилъ какого-то мужика и приказалъ ему отвести студента на ближайшую гауптвахту. Мужикъ будто бы, безъ церемоніи схвативъ несчастнаго студента за шиворотъ,.. стащилъ его на Адмиралтейскую гауптвахту. Дежурный офицеръ, видя въ этомъ происшествіи попраніе всякихъ правъ, не хотѣлъ было сначала брать студента, но,ославъ вѣстового справиться и узнавъ, что мужикъ дѣйствительно", сдѣлалъ это „по личному приказанію государя, наконецъ, принялъ его". Эти слухи, во всякомъ случаѣ, характеризуютъ отношеніе къ имп. Николаю того круга, въ которомъ вращался Петрашевскій. 27 ноября 1848 г. онъ писалъ шт.-кап. Кузмину, находившемуся въ Ростовѣ (Ярославской губ.): „Карла Ивановича здоровье, говорятъ, поправилось вслѣдствіе удачи его оборотовъ съ Европою; но эти успѣхи временные, и кредитъ къ его лицу и конторѣ падаетъ все болѣе" [1]).

При такомъ настроеніи вѣрилось и тому, что велѣно „захватить такихъ-то пятнадцать человѣкъ при въѣздѣ ихъ въ Россію", такъ какъ они принадлежатъ къ тайному обществу, имѣющему цѣлью убійство коронованныхъ особъ, и что двоимъ изъ нихъ все же удалось пріѣхать въ Петербургъ, и ихъ усердно ищутъ.

Петрашевскій, видимо, мечталъ о революціи въ Россіи, но думалъ, что она возможна лишь послѣ продолжительной и обширной пропаганды. По поводу словъ Антонелли, что въ Москвѣ должны непремѣнно существовать партіи однихъ мнѣній „съ нами", онъ сказалъ, „что тамошніе жители придерживаются старинныхъ повѣрій и обычаевъ, но что со всѣмъ этимъ Москва не лишена" важнаго значенія, „какъ сердцевина всѣхъ сектъ и расколовъ, и что тамъ, дѣйствительно, есть много людей съ истинно человѣчными понятіями; но... лучшее мѣсто для всѣхъ предпріятій...—Петербургъ, и если здѣсь что-нибудь произойдетъ", то оно „отзовется тотчасъ же" сначала въ

---

[1]) Въ запискѣ Липранди министру внутр. дѣлъ отъ 3 февраля 1849 г., говорится:

„..... Между разговоромъ (съ Антонелли), всегда отличающемся неимовѣрною дерзостію, Петрашевскій сказалъ, что нѣсколько разъ встрѣчая ВЫСОЧАЙШУЮ ОСОБУ, онъ нарочно не отдавалъ ей почтенія, а въ случаѣ непріятности у него уже заранѣе была приготовлена отговорка, что онъ очень близорукъ, и совѣтъ, чтобы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ носилъ на головѣ какія нибудь погремушки, которыя издали давали бы о немъ знать" Примѣчание *В. Вдовозова.*

Москвѣ, а потомъ и во всѣхъ концахъ Россіи, особенно же въ Малороссіи. Онъ часто говорилъ Антонелли, что „вовсе не старается быть героемъ какого-нибудь переворота, напротивъ, готовъ пожертвовать собою, но съ условіемъ, чтобы только укоренились его идеи“ [1]).

Петрашевскій хорошо зналъ, что за нимъ слѣдятъ. Вотъ что онъ разсказывалъ Антонелли: какой-то господинъ старался втереться въ ихъ общество, но, видя, что это ему не удается, хотѣлъ устроить имъ ловушку, предложивъ имъ, „что онъ будетъ вызывать духовъ, и чтобы они явились на это представленіе, но не иначе, какъ съ оружіемъ“. Если бы мы исполнили это предложеніе, то захвативъ насъ, „могли бы уличить въ заговорѣ, въ тайномъ собраніи, потому что невозможно было повѣрить, чтобы люди образованные явились глядѣть духовъ и вѣрили подобной глупости“. Поэтому Петрашевскій сказалъ этому господину, что они готовы принять его предложеніе, но что „если его духи вздумаютъ“ имъ „сдѣлать какую-нибудь непріятность, то первый будетъ убитъ онъ. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе не являлся“. Другой фактъ: какіе-то два человѣка въ теченіе двухъ недѣль ходили около его дома и выспрашивали у его прислуги и дворника о немъ и о людяхъ, его посѣщающихъ [2]). Но дворникъ, его крѣпостной, преданъ ему и не видитъ тѣхъ, кто у него бываетъ, а прислуга его состоитъ изъ двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ старшій очень глупъ, а второй „очень молодъ“, чтобы что-нибудь понимать, и кромѣ того, они не знаютъ людей, его посѣщающихъ. Такъ ничего и не могли узнать о немъ. Наконецъ, одинъ изъ этихъ господъ явился къ нему съ письмомъ и предложилъ заложить свое имѣніе, а Петрашевскій, заподозривъ его, сдѣлалъ ему очную ставку съ своимъ мальчишкой и, узнавъ, что это тотъ самый человѣкъ, который его разспрашивалъ, велѣлъ подать агенту шинель, сказавъ, что онъ дуракъ, и посовѣтовалъ тому, кто его подослалъ, выбирать людей

---

[1]) Въ выпискахъ, найденныхъ въ бумагахъ Петрашевскаго, слѣдователи обратили вниманіе и отмѣтили краснымъ карандашомъ между прочимъ слѣдующія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Революція вездѣ приближается къ тѣмъ, кто ее совершаетъ. Alexandre Thomas“.—„Не деспотизмъ, а свобода имѣетъ право старшинства въ Европѣ. M-me de Staël“.—„Національное сознаніе способности совершить дѣло есть уже начало этого дѣла. Budeus. Epigonen“.—Слѣдующая выписка по-нѣмецки тоже отмѣчена слѣдователями краснымъ карандашомъ: „И противоестественныя политическія системы могутъ долго держаться, ибо велико разстояніе между терпѣніемъ народовъ и ихъ отчаяніемъ, но бываетъ политическая система, сила которой вслѣдствіе ея долгаго существованія не возрастаетъ, а утрачивается и, наконецъ, наступаетъ мгновеніе, когда уже опасно желать ея сохраненія, ибо вслѣдствіе долгой жизни она созрѣла для смерти“. Отмѣчу еще одно выписанное Петрашевскимъ изрѣченіе: „Истина входитъ въ дворцы королей, говоритъ Розеръ (?), но для этого нужно взломать двери“.

[2]) По свидѣтельству сестры Петрашевскаго, ему даны были въ услуженіе 2—3 крѣпостныхъ человѣка изъ имѣнія, находящагося въ Новоладожскомъ уѣздѣ.

поумнѣе. Какой-то господинъ предлагалъ Петрашевскому издавать журналъ, но, употребивъ выраженіе, что „журналъ есть политическій заговоръ", возбудилъ подозрѣніе, а дѣлая противорѣчивыя предложенія ему и нѣсколькимъ его знакомымъ, въ томъ числѣ и Майковымъ. былъ уличенъ. Оказалось, что предлагавшій вызывать духовъ, желалъ поступить въ III Отдѣленіе Соб. Е. В. канц., но для этого долженъ былъ представить удостовѣреніе въ своихъ способностяхъ: ему предложено было изобличить Петрашевскаго, а когда это не удалось, онъ подговорилъ того господина, который предлагалъ издавать журналъ [1]). Нельзя не удивляться, что, имѣя въ рукахъ всѣ эти доказательства надзора за нимъ тайной полиціи, Петрашевскій такъ довѣрился Антонелли, и еще болѣе удивительно, что это довѣріе нисколько не поколебалось и тогда, когда онъ узналъ отъ самого Антонелли, что тотъ не только знакомъ съ Липранди, но даже часто посѣщаетъ его, и наивно полагалъ, что ему удастся черезъ Антонелли узнавать отъ Липранди важныя новости. Петрашевскій отозвался о Липранди, какъ объ очень умномъ человѣкѣ, и сказалъ, что онъ занимается секретными дѣлами, а когда Антонелли сталъ его увѣрять, что онъ занятъ разборомъ раскольничьихъ дѣлъ и даже думаетъ уѣхать въ Молдавію хлопотать о дѣлахъ своей жены, то Петрашевскій сказалъ, что Липранди никогда не поѣдетъ въ Молдавію, а если и поѣдетъ, то по порученію правительства съ политическою цѣлью, а не по женинымъ дѣламъ. Редактора „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" Н. И. Надеждина Петрашевскій назвалъ „ужаснымъ скотомъ и мерзавцемъ" и разсказалъ, что „онъ получилъ извѣстность, написавъ уставъ тайной полиціи, который и былъ принятъ въ руководство, и что въ послѣднее время онъ былъ тайнымъ посредникомъ разныхъ сношеній, подкуповъ и другихъ подлостей нашего правительства съ Молдавіею и Валахіею, и что для этого онъ и ѣздилъ недавно въ Молдавію" [2]).

---

[1]) Благодаря обширному знакомству Петрашевскаго въ чиновничьей средѣ, ему извѣстны были нѣкоторые секреты администраціи: такъ, онъ сказалъ студенту Толстову, что „можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ лицъ, записанныхъ въ Министерствѣ Финансовъ, которымъ или вовсе запрещенъ въѣздъ въ Россію, или которые при въѣздѣ внѣ должны быть задержаны".

[2]) По словамъ И. И. Панаева, Надеждинъ былъ человѣкъ, „не имѣвшій никакихъ твердыхъ убѣжденій". — Печальнѣйшимъ эпизодомъ его біографіи. — говоритъ С. А. Венгеровъ,—является его дѣятельность по расколу. ...Надеждинъ явился выразителемъ самыхъ заскорузлыхъ взглядовъ, и все его изученіе привело къ вящему уясненію „вредности" раскольническаго движенія. Поѣздка же къ австрійскимъ раскольникамъ-липованамъ ознаменовалась вещами прямо недостойными: Надеждинъ сблизился съ ними, сошелся по-пріятельски, а потомъ всѣ задушевныя бесѣды выложилъ по начальству... У Надеждина ничего, кромѣ желанія исполнить волю начальства, не было, и вся его ученость пошла на новую аргументацію системы по-

Петрашевскаго, видимо, встревожило извѣстіе, которое сообщилъ ему Антонелли, что Липранди, кажется, собирается ѣхать въ Москву [1]), и онъ просилъ агента хорошенько узнать, правда ли это. Вѣроятно, вслѣдствіе этого сообщенія онъ поручилъ одному писцу своего департамента отправить въ Москву письмо за казенной печатью, чтобы „полиція не вздумала узнать“ его содержаніе [2]).

Осторожный въ однихъ случаяхъ, Петрашевскій былъ очень неосторожень въ другихъ. Онъ разсказывалъ о многихъ своихъ выходкахъ противъ полицейскихъ чиновниковъ на гуляньяхъ и въ публичныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, одинъ случай на Екатерингофскомъ вокзалѣ, когда „онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей *возмутили* толпу и довели ее до того, что она даже употребила насиліе“ противъ этихъ чиновниковъ. Онъ разсказывалъ этотъ случай въ доказательство, какъ легко это сдѣлать человѣку съ самымъ небольшимъ разсудкомъ. Что Петрашевскій не сомнѣвался въ предстоящей ему участи, что онъ сознательно жертвовалъ собою ради пропаганды своихъ идей въ обществѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ его въ запискѣ, представленной имъ слѣдственной комиссіи: „Не разъ говорилъ я моимъ знакомымъ..., что тайная полиція давно уже на меня пристально смотритъ, что, правый или виноватый, я долженъ ждать первый“ отъ нея „захвата, что ихъ... можетъ постигнуть та же участь. Но потребность разумной бесѣды была такъ сильна, что заставляла пренебрегать этимъ, и они теперь дѣлятъ со мною непріятность заключенія. Вотъ торжество духа надъ матеріей. Если бъ не этотъ страхъ, то, вѣроятно, у меня недоставало бы средствъ принимать гостей“ (т. е. ихъ было бы такъ много). «Никто изъ нихъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ можно было попасть въ крѣпость изъ-за того только, что двѣ идеи въ головѣ связно держатся, а на повѣрку вышло такъ... О, люди!... О, времена!»

Несмотря на то, что Петрашевскій сблизился съ Антонелли и

давленія“. „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“ подъ редакціею и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Спб. 1900 г., т. I, стр. 408—409. Срав. *М. К. Лемке*: „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“ Спб., 1908 г., стр. 462—464.

[1]) Быть-можетъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ вымысловъ, которые велѣно было сообщить Петрашевскому, чтобы удовлетворить его желаніе знать, что говорится въ домѣ Липранди. Въ другой разъ послѣдній далъ Антонелли будто бы для перевода на французскій языкъ свою статью (написанную въ 1831 г.) о политическомъ состояніи княжествъ Молдавіи и Валахіи съ замѣчаніями на выработанный подъ руководствомъ Киселева и принятый валахскимъ собраніемъ регламентъ. Это, по словамъ агента, „имѣло большой успѣхъ“ въ отношеніяхъ его съ Петрашевскимъ.

[2]) Однако во время слѣдствія по дѣлу петрашевцевъ Дубельтъ, на основаніи донесенія московскаго генералъ губернатора, увѣдомилъ 9 іюля 1849 г. слѣдственную комиссію, что въ „Москвѣ по самымъ тщательнымъ секретнымъ наблюденіямъ... не открыто отраслей преступленія Петрашевскаго и его соучастниковъ“

довѣрчиво разговаривалъ съ нимъ, онъ все же не приглашалъ его на свои пятницы. Однако ловкій агентъ сумѣлъ проникнуть на нихъ и безъ приглашенія. 11 марта 1849 г., въ 10 часовъ вечера, онъ отправился къ Петрашевскому, о чемъ самъ разсказываетъ такъ: „Лѣстница была освѣщена ночникомъ, чего въ другіе дни я не замѣчалъ, и на окошкѣ, выходящемъ“ на нее „изъ передней комнаты квартиры Петрашевскаго... стояла свѣча, вѣроятно, для того, чтобы замѣчать людей, которые будутъ приходить... Я сталъ такимъ образомъ, чтобы меня не было видно изъ окошка, и... позвонилъ. Двери открылъ мнѣ“ самъ Петрашевскій „и какъ будто былъ пораженъ моимъ неожиданнымъ явленіемъ. Однако пригласилъ меня въ залу, гдѣ я нашелъ уже 10 человѣкъ гостей. Не желая показать, что я принимаю это собраніе за что-нибудь особенное, я старался не казаться любопытнымъ... Всѣ гости сидѣли кругомъ стола, на которомъ былъ собранъ чай и за которымъ хозяйничалъ Модерскій... Нѣкто Толь, котораго я уже разъ видѣлъ“, взялъ Петрашевскаго подъ руку „и увелъ его въ кабинетъ“. Черезъ нѣкоторое время Антонелли отправился туда же и, замѣтивъ „холодное выраженіе“ на ихъ лицахъ, сталъ разсказывать имъ такія вещи, которыя заставили перемѣнить съ нимъ обращеніе, а Толь началъ даже откровенничать. «Возвратившись въ зало», продолжаетъ Антонелли, и замѣтивъ, что „нѣкоторые посматриваютъ на меня все еще исподлобья и поминутно то тотъ, то другой уводятъ“ Петрашевскаго „въ кабинетъ и тамъ съ нимъ перешептываются, я, желая пріобрѣсть довѣренность, подсѣлъ къ ихъ кружку“ и разными разсказами заинтересовалъ собравшихся, „послѣ чего уже всѣ они были со мною очень ласковы“. Черезъ полчаса Петрашевскій объявилъ, что Толь желаетъ о чемъ-то говорить [1]).

Антонелли такъ передаетъ его рѣчь въ пятницу 11 марта: „О ненадобности религіи въ соціальномъ смыслѣ“. Сначала онъ говорилъ о происхожденіи религіи и разбиралъ вопросъ, существуетъ ли въ людяхъ религіозное чувство. Затѣмъ сказалъ слѣдующее:

«Человѣкъ, чувствуя свое несовершенство, старается представить себѣ что-нибудь высшее, подобное ему по образу, но обладающее всѣми совершенствами въ высшей степени. Представляя себѣ подобное еущество, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ какое-то давленіе, какъ бы страхъ, чувство, которое» приходилось «испытывать каждому среди дикой степи лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь дивнымъ созданіемъ природы, напримѣръ, со скалою, составленною изъ множества камней, какъ будто чудомъ держащихся другъ за друга, и покрытою пеленою какой-то... дикости, неприступности и вмѣстѣ съ тѣмъ величія. Это-то чувство давленія, страха и принимаютъ

[1]) О преподавательской дѣятельности Толя см. во 2 части, глава о пропагандѣ Петрашевцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

всѣ за религіозное чувство. Является человѣкъ съ свѣтлымъ, геніальнымъ умомъ», который «придаетъ фактивность» этому чувству страха, охватывающему массу народа и «направляетъ его къ какой-нибудь цѣли»: «такимъ образомъ является религія» [1]). Тутъ является вопросъ, дѣйствуетъ ли этотъ человѣкъ изъ какихъ (нибудь) видовъ или изъ чистаго убѣжденія. Человѣкъ дѣйствуетъ рѣшительно изъ видовъ [2]). „Фактивная религия, действуя на мораль человѣка, не только не нужна въ соціальномъ смыслѣ, но даже вредна, потому что она подавляетъ развитіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному его убѣжденію, а по чувству страха наказанія, слѣдовательно, она убиваетъ и нравственность» [3]).

Многіе возражали на рѣчь Толя, а онъ, въ свою очередь, опровергалъ ихъ. „Особенно много и краснорѣчиво“, по словамъ Антонелли, говорили двое,—Ястржембскій и какой-то молодой человѣкъ [4]).

---

[1]) По словамъ Ястржембскаго, «Толь говорилъ о происхожденіи религіи отъ страха предъ внѣшнею природою и ея силами»; по словамъ Дурова, онъ «старался доказать, что религіозное чувство въ человѣкѣ есть слѣдствіе сознанія своей ничтожности передъ міромъ, его окружающимъ».

[2]) По словамъ Филиппова Толь утверждалъ, что «основатели различныхъ религій, Зороастръ, Магометъ и др.», кромѣ І. Христа, «не вѣровали въ тѣ божества, поклоненіе которымъ проповѣдывали».

[3]) Львовъ подтвердилъ, что Толь дѣйствительно говорилъ о вредности религіи. Самъ Толь показалъ на допросѣ, что его разсужденіе о происхожденіи религіи было изложеніемъ ученія Фейербаха, Бауера и другихъ мыслителей. У него была найдена рукопись: «Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ», въ которой, между прочимъ, было сказано: «Религія выработавшаяся изъ жизни самого народа, представляетъ ему авторитетъ въ лицѣ Бога..., Ормузда, Іеговы, Озириса; онъ низводитъ Бога на землю, заставляетъ Его изъ любви къ одному народу принять человѣческій образъ, говорить языкомъ, доступнымъ этому народу, создать для него кодексъ морали и государственной жизни. Прежде народъ не имѣлъ надобности въ этомъ потому, что безъ него тепло вѣрилъ въ своего Бога, братски любилъ своихъ ближнихъ, былъ равенъ имъ и свободенъ, значитъ обладалъ тѣмъ, чего, какъ прекрасной, но отдаленной мечты, добивается въ настоящую минуту вся Европа,—благосостояніемъ. Но вотъ это благосостояніе нарушено вторженіемъ чужого народа. Является сильный и слабый, изъ братьевъ люди дѣлаются членами кастъ, побѣжденный становится рабомъ, а слѣдовательно льстецомъ, человекомъ безъ убѣжденій. Народъ гибнетъ. Нуженъ человѣкъ, который снова скрѣпилъ бы связь между человѣкомъ и природою. Такимъ образомъ явились въ критическую минуту: Ману, Будда, Зороастръ, неизвѣстный основатель египетской религіи, Моисей, Орфей, Гомеръ, Христосъ. Всѣ они старались подслушать таинственный голосъ минувшаго, повѣствовавшаго о философіи природы, всѣ старались отыскать ключъ къ морали, которой главными задачами было установленіе равенства, братства и свободы между людьми, съ тою разницею, что одинъ думалъ достигнуть этой цѣли болѣе духовнымъ, другой болѣе литературнымъ путемъ; одинъ рѣшительнѣе, и менѣе боялся разрушать старое, другой хотѣлъ примирить свою мораль съ существующимъ порядкомъ вещей, найдя точку соприкосновенія рабства со свободою, братства съ господствомъ, равенства съ кастами. Оттого первый находилъ мало отголосковъ; второй, ничего не измѣняя, только утверждалъ прежнее и давалъ ему болѣе прочное основаніе».

[4]) Это былъ Порфирій Ламанскій, возражавшій, что страхъ не вездѣ былъ причиною зарожденія религіи, потому что были и такія религіи, въ которыхъ глав-

Петрашевскій защищалъ мнѣніе Толя, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Рѣчь его вызвала аплодисменты. Всего на собраніи учавствовало 13 человѣкъ. Чтеніе началось въ двѣнадцатомъ часу, а разошлись всѣ въ третьмъ часу пополуночи.

Не мудрено, что Петрашевскій произнесъ горячую и краснорѣчивую рѣчь въ защиту доклада Толя: вопросы религіи издавна занимали его. Его обвиняли въ антирелигіозной пропагандѣ лицеистамъ; въ спискѣ его темъ („Запасъ общеполезнаго"), какъ мы уже видѣли, были темы: 1) „Объ истинныхъ началахъ такъ называемой христіанской религіи или философіи" и 2) „Въ чемъ состоитъ религіозное чувство и отчего тяжело разставаться съ нимъ и съ вѣрою. (Соотвѣтствіе съ природою)". При первомъ же знакомствѣ съ Ханыковымъ Петрашевскій сказалъ: „Слѣпая вѣра въ Бога вредна, ибо она повергаетъ человѣка въ бездѣйствіе и косность. Разъ пробужденное сознаніе и разумъ требуютъ свободнаго проявленія и возможности публичной защиты, если въ лицѣ человѣка или общества ихъ подвергаютъ обвиненіямъ." Мы видѣли, что въ письмѣ къ Тимковскому Петрашевскій называлъ Іисуса Христа „извѣстнымъ демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру", а Тимковскій заявилъ въ своемъ показаніи, что на собраніяхъ у Петрашевскаго услыхалъ такія рѣчи о религіи, которыя сначала приводили его въ ужасъ, а потомъ совершенно поколебали въ немъ вѣру, въ которыхъ доказывалась „недостовѣрность всѣхъ книгъ Св. писанія Ветхаго и Новаго завѣта, неподлинность ихъ и позднѣйшее происхожденіе". Антонелли донесъ о слѣдующихъ словахъ Петрашевскаго: „Религіи я не имѣю никакой, или, если хотите, принадлежу ко всѣмъ; впрочемъ, пишусь православнымъ". Модерскій говоритъ въ своемъ показаніи, что тотъ хотѣлъ перевоспитать его и началъ съ того, что сталъ разрушать его религіоныя вѣрованія. Модерскій продолжалъ ходить въ церковь и „молился, хотя рѣже, но ревностнѣе". Тѣмъ не менѣе „первыя искры, зароненныя" въ немъ „сомнѣніемъ во многомъ, что привыкъ считать святымъ, породили" въ немъ желаніе прочесть какое-то сочиненіе Вольтера; это еще болѣе поколебало его вѣрованія и побудило перестать исполнять христіанскіе обряды. Чиновникъ и музыкантъ Серебряковъ, нанимавшій комнату отъ жильца въ домѣ Петрашевскаго и приглашенный имъ бывать у него, жаловался въ своемъ показаніи, что Петрашевскій сталъ смѣяться надъ тѣмъ, что онъ молится, говоря, что это простительно только дѣтямъ, что онъ расколотитъ лбомъ плиты въ церкви Покрова. И въ дневникѣ своемъ Серебряковъ писалъ, что „поневолѣ заразился" отъ Петрашевскаго „безвѣріемъ", а въ показаніи своемъ такъ отозвался

ную роль играли божества благодѣтельныя, а божества устрашающія играли роль только второстепенную. Ламанскій подтверждалъ свое мнѣніе историческими фактами.

объ обществѣ, посѣщавшемъ Петрашевскаго: „Тамъ не вѣрятъ въ религію Господа нашего Іисуса Христа, утверждаютъ, что онъ простой человѣкъ... и что религія есть страхъ и трусость". Особое усердіе въ дѣлѣ антирелигіозной пропаганды Герценъ въ своей характеристикѣ Петрашевскаго объяснетъ слѣд. образомъ: „такъ какъ онъ полагалъ, что главная причина порабощенія русскаго народа заключается въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ, то онъ преимущественно на религію и направлялъ свои нападенія".

Въ слѣдующее свиданіе съ Антонелли Петрашевскій пригласилъ его бывать по пятницамъ и предлагалъ, когда онъ короче ознакомится съ характеромъ его собраній, „въ свою очередь словесно развернутъ какую-нибудь идею". Толь такъ быстро сошелся съ Антонелли, который обѣщалъ ему доставить частные уроки, что они условились съ перваго апрѣля поселиться вмѣстѣ въ меблированной комнатѣ [1]). Петрашевскій, по наблюденіямъ Антонелли, былъ расположенъ къ Толю болѣе, чѣмъ къ другимъ, а тотъ говорилъ о Петрашевскомъ, что онъ „только для того и живетъ, чтобы осуществить свою идею".

Въ пятницу 18 марта Антонелли былъ, конечно, вновь у Петрашевскаго и насчиталъ 19 гостей, въ томъ числѣ новыми для него были Спѣшневъ, Ник. Ив. Кайдановъ, получившій воспитаніе въ лицеѣ, художникъ Бернардскій, молодой человѣкъ Михайловъ [2]), „кажется очень образованный", и Десбутъ (т. е. Дебу, Desbout), служащій въ азіатскомъ департаментѣ (неизвѣстно который изъ братьевъ—Константинъ или Ипполитъ: они оба бывали у Петрашевскаго).

Ястржембскій говорилъ рѣчь о статистикѣ. Самъ онъ на допросѣ показалъ о ней слѣдующее: „желая опредѣлить, что такое статистика, я привелъ различныя мнѣнія авторовъ и сказалъ, что придерживаюсь мнѣнія Нимана, по которому статистика есть теорія государства или общества, что другіе авторы называютъ такую науку политическою экономіею, но что совершенно все равно, какъ ни называть ее, и что такъ она называется у насъ въ военноучебныхъ заведеніяхъ съ утвержденія Великаго Князя".

Антонелли же передаетъ рѣчь Ястржембскаго иначе. По его словамъ Ястржембскій старался дать въ ней понятіе о статистикѣ, какъ наукѣ чисто соціальной. Сперва опредѣлялъ, что такое наука, и раздѣлялъ всѣ науки на три класса — на естественныя, философскія и политическія. Статистику онъ относилъ къ разряду послѣднихъ и говорилъ, что по настоящему она не должна называться статистикою, а общественною, соціальною наукою, но такъ какъ великій князь

[1]) „Изъ записокъ г.-л. Кузмина". „Рус. Стар.", 1895 г., № 2, стр. 160.

[2]) Александръ Мих. Михайловъ, въ 1845 г. окончившій курсъ С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата.

(Михаилъ Павловичъ) велѣлъ въ приказѣ назвать ее статистикою, то нечего дѣлать, нужно ее такъ и называть [1]). Насчетъ богословія онъ говорилъ, что это не наука, а какія-то бредни, вышедшія изъ монашескихъ клобуковъ [2]). „Затѣмъ онъ утверждалъ, что понятія и идеи объ истинѣ общи всѣмъ людямъ“- Опредѣляя, что такое государство, онъ задавался вопросомъ, имѣетъ ли оно цѣль, и при этомъ замѣтилъ, „что россійское государство имѣетъ цѣлью подчинить достоинство всѣхъ людей, его составляющихъ, выгодѣ и пользѣ одного [3]). Онъ говорилъ также, что всѣ науки, и въ особености статистика. показываютъ прямо на соціальное правленіе, какъ на наилучшее [4]). „Ястржембскій часто ссылался на Прудона, но утверждалъ, что его понятіе объ обществѣ очень ограничено, и что человѣкъ долженъ стремиться составлять не какія-нибудь отдѣльныя общества, но одно цѣльное, которое соединило бы въ себѣ весь родъ человѣческій [5]). Антонелли донесъ, что „рѣчь Ястржембскаго была усѣяна солью на здѣшнее чиноманіе, на тайныхъ совѣтниковъ, на государя, по его словамъ, богдыхана [6]), и вообще на все административное. Рѣчь была написана“. Есть показаніе, что, желая назвать кого-нибудь дуракомъ, Ястржембскій говорилъ „дѣйствительный статскій совѣтникъ“. Мнѣніе Дурова о томъ, что познанія Ястржембскаго въ области общественныхъ наукъ были не велики, подтверждается сдѣланымъ имъ, по требованію слѣдственной комисіи, изложеніемъ ученія коммунистовъ и соціалистовъ.

Въ пятницу 25 марта Антонелли насчиталъ у Петрашевскаго 17 гостей. Въ числѣ новыхъ для него посѣтителей онъ отмѣтилъ Достоевскаго, а изъ прежде бывшихъ узналъ фамиліи Плещеева, Д. Д. Ахшарумова (своего товарища по университету, находившагося въ то

---

[1]) Ястржембскій отрицалъ это не только въ своемъ показаніи, но и въ своихъ позднѣйшихъ печатныхъ воспоминаніяхъ. „Минувшіе Годы“, 1908 г., № 1, стр. 31. По словамъ Михайлова, великаго князя Ястржембскій не называлъ, а сказалъ только: „потому что такъ приказано“.

[2]) И это Ястржембскій отрицалъ; но Дебу 1-й подтверждаетъ эти слова.

[3]) Ястржембскій отрицалъ и это, но эти слова были подтверждены показаніями другихъ, между прочимъ Львова. — Какъ видно изъ показанія Ахшарумова, Петрашевскій на одномъ изъ своихъ собраній сказалъ какъ-то, что въ Россіи и Австріи нѣтъ правительства, потому что „правительствомъ называлъ онъ общество, которое приняло на себя обязанность заботиться о благѣ своего народа“,

[4]) Ястржембскій отрицалъ это и сказалъ, что даже не понимаетъ этихъ словъ.

[5]) Ястржембскій, какъ пояснилъ онъ самъ въ своемъ показаніи, высказывалъ предположеніе, „что признаки отдѣльныхъ народностей соединятся въ одно (sic), будетъ общій языкъ, общія мѣры и т. д., по ученію Фурье“. По передачѣ, Дебу 1, Ястржембскій не соглашался съ Прудономъ и называлъ его анархистомъ.

[6]) Ястржембскій это рѣшительно отрицалъ и на слѣдствіи, и въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 28). Дѣевъ показалъ, что богдыханомъ назвалъ государя Петрашевскій, и послѣдній это призналъ, Модерскій же заявилъ, что они оба такъ называли его. и что Ястржембскій скорѣе подражалъ Петрашевскому.

время въ институтѣ восточныхъ языковъ) и Серебрякова, чиновника, увлекавшагося музыкой, надъ религіозностью котораго Петрашевскій, какъ мы видѣли, постоянно подтрунивалъ. Антонелли засталъ у Петрашевскаго горячій споръ между Дуровымъ, съ одной стороны, и Баласогло, Филипповымъ, Кайдановымъ и художникомъ Берестовымъ —съ другой. Дуровъ доказывалъ, что нужно вооружать подчиненныхъ не противъ ихъ ближайшихъ начальниковъ, которые сами являются подчиненными, а противъ самаго корня, начала зла, которое заключается въ законѣ и государѣ. Напротивъ, остальныя лица, участвовавшія въ спорѣ, утверждали, что нужно вооружать подчиненныхъ противъ ихъ ближайшаго начальства [1]) и уже затѣмъ показать, что то, что происходитъ, зависитъ не отъ одной ближайшей власти, а отъ высшей и, „переходя такимъ образомъ отъ низшихъ къ высшимъ, наконецъ... ощупью довести и до самого начала зла... [2]) У насъ въ Россіи не только простой народъ принимаетъ военнаго губернатора за какое-то всевышнее, всекарающее существо, передъ которымъ онъ блгоговѣетъ и трепещетъ, но даже чиновники дрожатъ передъ своими начальниками отдѣленія", и про начальника, какой бы скотъ онъ ни былъ, даже въ отсутствіи его, боятся вымолвить дурное слово. „Какимъ же образомъ подобнымъ людямъ указывать прямо на начало зла? Они, замахавъ руками и заткнувъ уши, разбѣгутся отъ васъ прочь". При этомъ Филипповъ прибавилъ: „Наша система пропаганды есть наилучшая, и отступать отъ нея — значитъ отступать отъ возможности исполненія нашихъ идей".

Потомъ Толь читалъ статью о религіи, написанную имъ въ томъ же духѣ, какъ и прежняя. Она вызвала большіе дебаты. Антонелли, отозвавъ въ сторону Петрашевскаго, спросилъ его: для чего читаютъ у него о „такихъ вещахъ, которыя, кромѣ схоластическихъ споровъ и потери времени, ничего больше не могутъ произвести?". Петрашевскій отвѣчалъ: „Напротивъ, я очень радъ такимъ спорамъ, они необходимы, потому что, согласивъ мнѣнія о началахъ, слѣдствія изъ нихъ должны проистечь непремѣнно единодушныя и единообразныя". Толь обѣщалъ продолжать свои чтенія. Баласогло и Момбелли во многомъ соглашались съ нимъ [3]), но, по словамъ Антонелли, такъ же, какъ и онъ, признавали религію „ненужною въ соціальномъ смыслѣ для благосостоянія человѣчества".

---

[1]) Кто-то сказалъ, что судьба бѣднаго чиновника „достойнѣе сожалѣнія, чѣмъ судьба крестьянина".

[2]) Мнѣніе Филиппова изложено ниже, въ главѣ о кружкѣ Дурова и Пальма (2-ая часть).

[3]) По показанію Д. Ахшарумова, Баласогло утверждалъ, что „религія происходитъ отъ соединенія чувствъ энтузіазма, сознанія своего ничтожества и своей зависимости отъ высшей силы, которою управляется вся вселенная".

Затѣмъ Баласогло прочелъ предисловіе къ вновь изданнымъ сочиненіямъ Хмельницкаго, написанное Дуровымъ [1]). Антонелли нашелъ, что „въ этомъ предисловіи, очень хорошо написанномъ, множество либеральныхъ идей. Все общество рукоплескало, много хохотало надъ нѣкоторыми выходками автора, который, впрочемъ, жаловался, что цензура очень многое не пропустила". Въ статьѣ Дурова „Нѣсколько словъ о Н. И. Хмельницкомъ" въ томъ видѣ, какъ она была напечатана, вовсе нѣтъ „множества либеральныхъ идей". Авторъ называетъ его „гражданиномъ", упоминаетъ, что онъ „жилъ еще въ эпоху *чинолюбія*", но и опредѣлившись на службу, сохранилъ „въ душѣ весь жаръ истиннаго поэта", не искалъ протекціи, „смотрѣлъ на службу, какъ на широкое поле труда и пользы общественной", чрезвычайно любилъ чтеніе, причемъ въ послѣднее время ему особенно нравился Мишель Шевалье [2]): по словамъ Дурова, Хмельницкій „въ этомъ смѣльчакѣ инженерѣ нѣкоторымъ образомъ провидѣлъ благородное стремленіе цѣлой націи". Вотъ и всѣ „либеральныя идеи" въ статьѣ Дурова [3]). Послѣ чтенія ея Петрашевскій поблагодарилъ автора отъ имени всего общества и прибавилъ, что „всѣ должны писать въ подобномъ духѣ, потому что хотя цензура вымараетъ 10, 20 мыслей, но хоть 5, да все-таки останутся".

Въ пятницу 1 апрѣля у Петрашевскаго было 19 гостей; изъ нихъ новыми для Антонелли оказался офицеръ генеральнаго штаба Кузминъ, „который былъ 9 мѣсяцевъ во внутреннихъ губерніяхъ по дѣламъ службы", а „прежде постоянно посѣщалъ собранія" Петрашевскаго [4]), Ольдекопъ и Головинскій — „замѣчательное лицо, какъ по своему характеру, такъ и по твердости своихъ идей и широкому краснорѣчію". Вас. Андр. Головинскій былъ сыномъ масона Андрея Егоровича Головина, члена ложи Les amis reunis, бывшаго

---

[1]) Драматургъ Хмельницкій былъ родной дядя С. Ф. Дурова.

[2]) Авторъ многихъ сочиненій о соціализмѣ, первоначально сенъ-симонистъ, затѣмъ профессоръ-либералъ, защищавшій свободу торговли и въ 1848 г. писавшій противъ Луи Блана.

[3]) Первоначально она была напечатана въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" 1848 г. №№ 8 и 9, а затѣмъ перепечатана въ первомъ томѣ „Полнаго собр. соч. Хмельницкаго", изд. А. Смирдина, 1849 г.

[4]) Впервые увидавъ здѣсь Антонелли, Кузминъ такъ описываетъ его наружность: „Блондинъ, небольшого роста, съ довольно большимъ носомъ. съ глазами свѣтлыми, не то чтобы косыми, но избѣгающими встрѣчи, въ красномъ жилетѣ! Этотъ господинъ, судя по участію, какое принималъ онъ въ разговорахъ, былъ не безъ образованія, либераленъ во мнѣніяхъ, но участіе его было по преимуществу вызывающее другихъ къ высказыванію". На вопросъ Кузмина, кто это такой, Балосогло отвѣчалъ: „Это итальянчикъ Антонелли, способный только носить на головѣ гипсовыя фигурки... Вы знаете, что Михаилъ Васильевичъ расположенъ принять и обласкать каждаго встрѣчнаго на улицѣ". „Изъ записокъ г.-л. П. А. Кузмина". „Рус. Стр." 1895 г. № 2. стр. 158—159.

опекуномъ декабриста Ивашева [1]). Онъ жилъ въ домѣ директора департамента юстиціи Карніолина Пинскаго [2]). Онъ учился въ училищѣ правовѣдѣнія; по окончаніи курса въ 1848 г. служилъ въ сенатѣ, затѣмъ былъ причисленъ къ министерству юстиціи и скоро долженъ былъ отправиться губернскимъ стряпчимъ въ Казань. Начальство Головинскаго по м-ству юстиціи поручило ему „просмотрѣть всѣ дѣла по разбору вольныхъ людей, какъ оконченныя, такъ и неразрѣшенныя, и вывести изъ нихъ общія начала для руководства въ будущемъ". Головинскій стремился получить степень магистра, чтобы со временемъ сдѣлаться профессоромъ въ училищѣ правовѣдѣнія [3]). Въ этотъ вечеръ Петрашевскій говорилъ рѣчь на тему, какую реформу слѣдуетъ поставить на первую очередь: цензурную, крестьянскую или судебную [4]). По словамъ Антонелли, относительно свободы печати Петрашевскій будто бы говорилъ, что это „вопросъ первой важности", что свобода „можетъ принести много пользы какъ для образованности, такъ и для достиженія лучшаго, всѣми желаемаго правленія", но что она можетъ принести и много вреда. „Что существованіе цензуры хотя много и очень много стѣсняетъ возможность большого развитія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ оно приноситъ и ту пользу, что вычеркивая всѣ нелѣпости изъ какого-нибудь сочиненія, она даетъ" ему „видъ дѣльный и порядочный". Если „въ нынѣшнемъ положеніи вещей цензура будетъ уничтожена, то явится множество людей, которые", руководствуясь „своими личными побужденіями и страстями, хотя и напишутъ множество книгъ дѣльныхъ и по своему слогу, и краснорѣчію, и хотя своимъ талантомъ заслужатъ мѣста въ исторіи литературы, но со всѣмъ этимъ будутъ служить и преградою къ развитію человѣчества и къ достиженію цѣли, имъ всѣмъ столь любезной" [5]). Самъ Петрашевскій былъ бы радъ введенію свободы печати и, если бы она осуществилась хотя бы на два дня, то, вѣроятно, воспользъ-

---

[1]) У родителей Головинскаго было 500 душъ въ Симбирской и Костромской губерніяхъ.

[2]) Карніолинъ Пинскій, впослѣдствіи одинъ изъ судей надъ Чернышевскимъ, сдѣлалъ Головинскаго своимъ наслѣдникомъ, но послѣ его осужденія по дѣлу Петрашевскаго лишилъ наслѣдства.

[3]) *Колмаковъ*. „Очерки и воспоминанія". „Русск. Ст". 1891, № 7, стр. 142.

[4]) На эти три вопроса, по словамъ Петрашевскаго, „преимущественно обращаетъ вниманіе извѣстная часть образованнаго общества и у насъ, и въ Западной Европѣ".

[5]) Въ спискѣ иностранныхъ книгъ, составленномъ Петрашевскимъ, находится, между прочимъ, сочиненіе Legrand d' Orléans „Le bien et le mal de la liberté de la presse". Если это сочиненіе было ему извѣстно, то не излагалъ ли онъ, быть-можетъ, въ своей рѣчи мнѣнія этого автора о нѣкоторыхъ вредныхъ съ его точки зрѣнія сторонахъ свободы печати? Къ сожалѣнію, этого сочиненія нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

зовался бы ею и что-нибудь напечаталъ, но тѣмъ не менѣе онъ „не отступитъ отъ своихъ идей и предубѣжденій“.

Въ пятницу 22 апрѣля Петрашевскій опять возвратился къ вопросу о цензурѣ. Если вѣрить Антонелли, то онъ утверждалъ, что цензура „нисколько не можетъ мѣшать, что цензорамъ должно представлять всегда истину въ такомъ видѣ, чтобы они не могли принять .... (ее) за что-нибудь другое, какъ за истину; что всякій человѣкъ имѣетъ въ себѣ зародышъ истины и что, слѣдовательно, и цензоровъ можно пробудить отъ усыпленія, представляя истину за истину“ и что не можетъ быть, чтобы, когда весь свѣтъ принимаетъ $2\times2=4$, они одни говорили 5. Дуровъ же возражалъ Петрашевскому, что на цензоровъ должно дѣйствовать не убѣжденіямъ, а „обманомъ, воровски, такъ, чтобы изъ множества идей хоть одна да проскочила. Обязанность редактора журнала быть въ дружбѣ со всѣми цензорами и властями, имѣющими вліяніе на его журналъ, и тогда, какую бы статью онъ ни захотѣлъ помѣстить въ своемъ журналѣ, всякую пропустятъ“.

Въ передачѣ Антонелли мнѣніе Петрашевскаго о цензурѣ возбуждаетъ недоумѣніе, но, очевидно, оно передана слишкомъ не точно. Вотъ какъ пересказываетъ его рѣчь Баласогло:

«Общій смыслъ ея былъ тотъ, что, сколько ни справедливы въ сущности жалобы писателей на цензуру, все-таки они сами на себя накликаютъ ея излишнія стѣсненія и строгости, именно тѣмъ, что, не зная ничего научнымъ образомъ, не изучивъ ничего предварительно, систематически и основательно, сами не умѣютъ дать себѣ отчета, о чемъ вопіютъ; а между тѣмъ вопіютъ рьяно и самоувѣренно, какъ будто они только одни и весь толкъ въ мірѣ. Эту рѣчь я помню такъ живо, хотя и не въ выраженіяхъ, а въ идеѣ, именно потому, что она мнѣ пришлась по сердцу. Надо знать, что между людьми науки и просто, такъ называемыми, литераторами, или еще ближе беллетристами и фельетонистами, такая же вѣчная дружба, какъ у кошки съ собакой. Всѣ рѣчи Петрашевскаго, которыхъ, впрочемъ, было немного, почти до единой имѣли въ себѣ главною, прозрачною только для немногихъ цѣлью погладить противъ шерсти литераторовъ, которые, въ свою очередь, ославили его въ городѣ чуть не разбойникомъ, который днемъ рѣжетъ людей на улицѣ».

Барановскій утверждаетъ, что Петрашевскій сказалъ рѣчь о необходимости свободы печати [1]). Головинскій подтвердилъ въ сущности показаніе Антонелли, но онъ, очевидно, не хотѣлъ искать непріятнаго для слѣдственной комиссіи смысла въ рѣчахъ Петрашевскаго тамъ, гдѣ этого можно было избѣжать. Затруднялись съ полною откровенностью высказывать свои мнѣнія о цензурѣ передъ слѣдствен-

[1]) Алексѣй Ив. Тимковскій, отставной лейтенантъ, братъ Константина Ив., далъ по этому поводу такое показаніе: „Однажды говорили о цензурѣ, что она убиваетъ литературу, что ничего нельзя писать, потому что все вычеркиваютъ, и что она до того всѣмъ затрудняется, что даже къ картинкамъ изъ Мертвыхъ Душъ не позволяетъ сдѣлать надписей изъ давно напечатаннаго произведенія“.

ною комиссіею; это видно изъ того, что тотъ же Дуровъ, который на вопросъ комиссіи о словахъ Петрашевскаго сообщилъ, что онъ, „говоря о цензурѣ, находилъ, дѣйствительно, что она мѣшаетъ развитію мыслей“, а говоря вообще о чтеніяхъ у Петрашевскаго, признавалъ слова нѣкоторыхъ его гостей, „что отъ строгости цензуры литературы не существуетъ“, а когда пришлось объяснить сказанное имъ по этому предмету, далъ слѣдующее, конечно, неискреннее, объясненіе: „Цензора преслѣдуютъ болѣе фразы и слова, нежели самыя идеи, если только идеи вѣрны и ничьей личности не затрогиваютъ, а этого весьма достаточно для художественнаго произведенія. Если иногда случается, что цензоръ, не вникнувъ въ смыслъ вещи, черкаетъ статью, то мы имѣемъ полную возможность объясниться съ нимъ лично, высказать ему, въ чемъ дѣло и убѣдить его быть снисходительнѣе“ [1]).

Чтобы не сдѣлать ложнаго вывода изъ словъ Антонелли о мнѣніяхъ Петрашевскаго, нужно помнить, что еще въ одномъ изъ раннихъ своихъ рукописныхъ набросковъ онъ указывалъ на необходимость „совершенной свободы книгопечатанія и отсутствія унизительной для разума человѣческаго цензуры, ужаснаго орудія угнетенія и деспотствованія“. Нужно также имѣть въ виду, что въ тѣ пятницы, на которыхъ былъ Антонелли, Петрашевскій возбуждалъ вопросъ не о томъ, нужны ли введеніе гласнаго суда съ присяжными, освобожденіе крестьянъ и установленіе свободы печати, а только о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть осуществлены эти реформы. Петрашевскій на первое мѣсто ставилъ судебную реформу, Головинскій крестьянскую, а Ахшарумовъ полагалъ, что обѣ должны быть осуществлены одновременно, но ни для кого изъ нихъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ три реформы необходимы [2]).

На необходимость судебной реформы Петрашевскій, какъ мы видѣли, указывалъ еще въ раннихъ своихъ наброскахъ, порицая „таинственные скрытые суды“, внося въ свой „Запасъ общеполезнаго“ тему „о необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, о преимуществахъ открытыхъ судовъ передъ закрытыми“. Въ пятницу 1 апрѣля 1849 г., по словамъ Антонелли, онъ сказалъ:

«Въ нашемъ запутанномъ, многосложномъ и съ предубѣжденіями судопроизводствѣ справедливость не можетъ быть достигнута, и если изъ тысячи примѣровъ и является одинъ, гдѣ она достигается, то это происходитъ какъ-то ненарочно, случайно. Одно судопроизводство возможно, гдѣ бы достигалась цѣль его, т.-е. справедливость,—это судопроизводство публичное—jury. Преступникъ, являясь на судъ»

[1]) Дуровъ по показанію Дѣева говорилъ, что „цензора вычеркиваютъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы“.

[2]) Ср. „Изъ записокъ г.-л. П. А. Кузмина“, „Рус. Стар.“, 1895 г., № 2, стр. 159. Кузмину измѣнила память, когда онъ сообщаетъ, что Петрашевскій ставилъ на этотъ разъ на первое мѣсто освобожденіе крестьянъ: срав ibid, стр. 160.

присяжныхъ, «видитъ передъ собою два начала... судью, начало, карающее зло, представителя правительства, и публику, входящую въ положеніе его и старающуюся въ немъ оправдать человѣка и обвинить обстоятельства, его окружавшія и служившія къ вовлеченію его въ преступленіе. Адвокатъ преступника—это каналъ, который проводитъ въ публику всѣ обстоятельства, окружавшія преступника до совершенія имъ преступленія и, наконецъ, доведшія его до самаго преступленія. (Присяжные—это изображеніе публики, на которыхъ отпечатываются всѣ ея интересы и которые въ отношеніи къ преступнику замѣняютъ публику). Изъ этого краткаго очерка каждый можетъ видѣть достоинства jury. Я не подтверждаю», продолжалъ Петрашевскій, и чтобъ это было самое наилучшее судопроизводство, но по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту оно лучше, со временемъ же, вѣроятно, дойдетъ до еще большаго совершенства. Изъ живущихъ въ Россіи, вѣроятно, почти каждому приходилось сталкиваться съ нашимъ судопроизводствомъ и, слѣдовательно, всякій чувствовалъ на себѣ его тягость. Поэтому, такъ какъ это вопросъ уже общій, перемѣна судопроизводства есть желаніе почти 60 милл. людей, т.-е. всѣхъ обитателей Россіи, то я его и поставлю вопросомъ первой важности и приглашаю всѣхъ и каждаго по мѣрѣ возможности къ осуществленію его всѣми возможными средствами» и своею личною дѣятельностью, и посредствомъ «внушеній», т.-е. пропаганды этой идеи.

Напротивъ, Головинскій ставилъ на первое мѣсто крестьянскій вопросъ, утверждая, что отъ дурного судопроизводства не столь многіе страдаютъ или, по крайней мѣрѣ, не столь многіе чувствуютъ необходимость преобразованія въ этой области вслѣдствіе равнодушія къ тѣмъ своимъ правамъ, которыя даютъ даже существующіе законы, и невѣжества—незнанія этихъ законовъ; многіе видятъ въ современномъ судопроизводствѣ личную выгоду, имѣя возможность или силою, или съ помощью протекцій, или посредствомъ денегъ добиться рѣшенія въ свою пользу. Петрашевскій возражалъ Головинскому, что достигнуть улучшенія судопроизводства гораздо легче, чѣмъ осуществленія крестьянской реформы. Равнодушіе уничтожится, „когда на собраніяхъ сословій будетъ внушаться мысль единства дѣйствія и показываться пути къ достиженію цѣли [1]). Невѣжество уничтожится внушеніями всѣмъ и каждому необходимости знанія законовъ и толкованіемъ имъ этихъ самыхъ законовъ... Легче же достигнуть этого вопроса и ближе потому, что дѣйствовать тутъ возможно и должно законнымъ образомъ,—не надо требовать отъ правительства, но, напротивъ, нѣкоторымъ представителямъ... сословія всеподданнѣйше просить. И важность тутъ та, что правительство и отказавши, и удовлетворивши просьбѣ поставитъ себя въ худшее положеніе. Отказавши въ просьбѣ сословію, оно вооружитъ его противъ себя,—и идея наша идетъ впередъ. Исполнивши просьбу, оно ослабитъ себя и даетъ возможность требовать большаго,—и все-таки идея наша идетъ впередъ“ [2]).

[1]) Петрашевскому не приходило въ голову, что при крѣпостномъ правѣ равенство на судѣ невозможно, а слѣдовательно невозможна и судебная реформа на демократическихъ началахъ.

[2]) По словамъ Ахшарумова, Петрашевскій какъ-то сказалъ Кропотову: „всѣ законы написаны подъ вліяніемъ предразсудковъ и въ пользу одного класса людей“.

Въ пятницу 15 апрѣля Петрашевскій опять говорилъ по вопросу о преобразованіи судопроизводства. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что „перемѣны судопроизводства можно достигнуть самымъ законнымъ образомъ, требуя отъ правительства такихъ вещей, въ которыхъ оно не можетъ отказать, сознавая ихъ справедливость". „Требуя одного за другимъ, можно дойти, наконецъ, и до всего"; если достигнуть „возможнаго совершенства судопроизводства", то „этимъ откроются глаза всѣхъ и на другіе вопросы. Главная наша забота должна состоять въ томъ, чтобы внушать всѣмъ и каждому (необходимость) требовать различныхъ перемѣнъ у правительства совершенно справедливыхъ и совершенно законнымъ образомъ".

Головинскій вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ Петрашевскаго относительно необходимости добиваться перемѣны судопроизводства законнымъ порядкомъ и, „дѣйствуя... болѣе всего на повѣренныхъ и указывая имъ прежде всего на право присутствія при рѣшеніи дѣлъ, при чемъ прочиталъ и указъ 1731 г., дающій это право". Ястрежембскій тоже защищалъ мнѣніе Петрашевскаго [1]).

Къ мнѣніямъ Петрашевскаго и другихъ о крестьянскомъ вопросѣ я возвращусь ниже [2]). Теперь же остановлюсь на томъ, что извѣстно о послѣднихъ пятницахъ Петрашевскаго — 8, 15 и 22 апрѣля.

На собраніи 8 апрѣля по случаю пасхальной недѣли было очень мало гостей, — всего 9 человѣкъ; между прочимъ, присутствовалъ Н. С. Кашкинъ, служившій въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, у котораго зимою 1848—49 г. происходили особыя собранія съ цѣлью изученія соціализма и коммунизма и особенно ученія Фурье [3]). Рѣчей въ этотъ вечеръ не было, но Ястржембскій и Петрашевскій сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія о сочиненіяхъ Фурье и Прудона. О произведеніяхъ перваго они, по словамъ Антонелли, отзывались „съ громкою похвалою". Только Петрашевскій выражалъ сожалѣніе, что Фурье пишетъ „слишкомъ пространно". Прудона же они частью „хвалили", частью „бранили". Зашла рѣчь о Ламартинѣ, котораго они рѣзко порицали, не признавая въ немъ таланта государственнаго дѣятеля, не считая даже его порядочнымъ человѣкомъ. Они бранили также Journal des Débats, находя, что его „разсужденія до чрезвычайности пошлы и даже подлы" [4]).

---

[1]) Д. Д. Ахшарумовъ въ своемъ показаніи отмѣчаетъ особую черту относительно мнѣнія Петрашевскаго: „Мнѣ кажется, что Петрашевскій просто говорилъ о первенствѣ вопроса этого передъ другими при *требованіи народомъ конституціи*",

[2]) Во 2 части.

[3]) См. во 2 части главу о кружкѣ Кашкина.

[4]) Изъ „Краткаго очерка основныхъ началъ системы Фурье", представленнаго Петрашевскимъ слѣдственной комиссіи, видно, что тутъ дѣло идетъ о статьяхъ этой газеты о системѣ Фурье, которымъ „не слѣдуетъ давать никакой вѣры".

Ястржембскій, между прочимъ, сказалъ, что „онъ полякъ душою и тѣломъ, что за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но если бы онъ былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣчной идеи, то первый бы однимъ взмахомъ топора отрубилъ ей голову". Во время слѣдствія онъ отрицалъ точность передачи его словъ, но пояснилъ, что они были вызваны упреками полякамъ въ томъ, что они своими возстаніями будто бы мѣшаютъ развитію системы Фурье, которая можетъ водвориться только „при совершенномъ спокойствіи и твердости правительства" [1]).

Въ пятницу 15 апрѣля собралось 20 человѣкъ. Ѳ. М. Достоевскій прочелъ письмо Гоголя къ Бѣлинскому по поводу его критики на „Переписку съ друзьями", знаменитое письмо Бѣлинскаго Гоголю и отвѣтъ Гоголя [2]). Письмо Бѣлинскаго вызвало „общій восторгъ". Ястржембскій нерѣдко вскрикивалъ: „Отто такъ! отто такъ!" Баласогло, по словамъ Антонелли, приходилъ въ изступленіе, и все общество было какъ бы наэлектризовано. Дебу 2-й показалъ, что Ястржембскому и Баласогло особенно понравились тѣ мѣста письма Бѣлинскаго, гдѣ онъ говоритъ объ отсутствіи религіозности въ русскомъ народѣ, По словамъ Дебу 2-го, было рѣшено распространить письмо Бѣлинскаго въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Вскорѣ послѣ этого Момбелли приказалъ военному писарю сдѣлать двѣ копіи этого письма, а писарь,—повидимому, послѣ ареста Момбелли—представилъ рукопись своему начальству.

Вечеръ 16 апрѣля Антонелли провелъ у Кузмина. На вечерѣ присутствовали Петрашевскій, Момбелли, Толь, Баласогло, писатель Толбинъ, учитель Бѣлецкій, братъ Кузмина, чиновникъ консисторіи Шрамченко, три офицера, художники, одинъ студентъ. Собравшееся у него общество крайне не понравилось Антонелли, и онъ аттестовалъ его гораздо хуже, чѣмъ посѣщавшее Петрашевскаго, гдѣ, по его словамъ, „встрѣчаешь людей и съ ошибочными понятіями, но все-таки людей, которые въ перемѣнѣ видятъ благосостояніе, т.-е. стремятся къ общественному благу".

17 апрѣля Антонелли, жившій уже въ это время съ Толемъ,

---

[1]) Въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ Ястржембскій излагаетъ разговоръ о Польшѣ иначе, и происходилъ онъ, по его словамъ, не у Петрашевскаго, а въ другомъ мѣстѣ. По его словамъ, вторая его половина имѣла такой видъ: „но если бы я былъ увѣренъ, что Польша возродится въ формѣ государства средневѣкового, то я бы первый принесъ топоръ, чтобы отрубить ей голову". См. „Минувшіе годы" 1908, № 1, стр. 30.

[2]) Письмо Бѣлинскаго издано въ Россіи впервые С. А. Венгеровымъ. (*В. Г. Бѣлинскій.* „Письмо къ Гоголю". Съ пред. *С. А. Венгерова.* СПб. 1905). Варіанты къ письму см. въ „Собр. соч". *Венгерова*, т. II, СПб. 1913, стр. 203—217; тамъ же письма Гоголя къ Бѣлинскому, стр. 194—238. Письмо Бѣлинскаго напечатано также въ „Письмахъ" *Бѣлинскаго*, изд. *Е. А. Ляцкаго*, СПб. 1914, т. III, стр. 230—239.

устроилъ у себя вечеринку, на которой были Петрашевскій, Баласогло, Момбелли, Львовъ, Пальмъ, Ахшарумовъ, Дебу и, кромѣ того, трое знакомыхъ Толя [1]). Насчетъ послѣднихъ Антонелли въ своемъ донесеніи замѣтилъ, что, хотя они „и говорили нѣсколько вольно, но кто же и не говоритъ вольно? Да и разговоръ ихъ вовсе не касался до какихъ-нибудь системъ или измѣненій“ [2]). Какъ будто не желая предавать своихъ гостей, агентъ доносилъ, что „разговоровъ замѣчательныхъ не было, всѣ говорили пустяки, много пили, хохотали и, наконецъ, даже танцовали“. Но, получивъ извѣстіе, что на той же недѣлѣ хотятъ покончить съ собраніями у Петрашевскаго, онъ даетъ совѣты, какія предосторожности слѣдуетъ принять при захватѣ у него посѣтителей его пятницъ.

Въ послѣднюю пятницу, 22 апрѣля, на которой было 12 гостей, Петрашевскій говорилъ рѣчь о томъ, какъ должны поступать литераторы, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на читателей. Наша публика привязана къ беллетристикѣ и уже тѣмъ сдѣлала шагъ впередъ, что отстала отъ чтенія стиховъ. Онъ указалъ на то, что романы Евгенія Сю и Жоржъ Зандъ потому имѣютъ такое вліяніе на читателей, что „въ нихъ повсюду разлита истина, которую творцы ихъ изучали со всею горячностью. Журналистика на Западѣ потому имѣетъ такой вѣсъ, что тамъ всякій журналъ—отголосокъ какого-нибудь отдѣльнаго класса общества. На Западѣ журналъ не спекуляція какого-нибудь одного лица, но органъ передачи всѣхъ идей и всѣхъ мыслей цѣлаго общества, содержащаго этотъ журналъ на акціяхъ. Въ русской литературѣ литераторамъ недостаетъ образованія; всякій со школьной скамьи уже воображаетъ себя великимъ писателемъ. Въ журналистикѣ нашей преобладаетъ духъ спекулятивности“, а не стремленіе „передавать своимъ читателямъ истину, идеи хотя немного человѣчныя и наконецъ потребности самаго общества“. Петрашевскій утверждалъ, что непре-

---

[1]) О томъ, какъ усердно зазывалъ на эту вечеринку Антонелли и самъ, и при помощи Толя, см. въ „Запискахъ ген.-лейт. П. А. Кузмина“ въ „Рус. Стар.“ 1895 г., № 2, стр. 160—161 (и въ его же показаніяхъ на слѣдствіи). Момбелли также показалъ, какъ Толь и Антонелли упрашивали его непремѣнно быть у нихъ. Въ это время Петрашевскій уже подозрительно относился къ Антонелли. Въ пятницу 15 апрѣля, отозвавъ Ахшарумова, онъ посовѣтовалъ ему не идти на вечеринку Антонелли, который его пригласилъ: „Этотъ человѣкъ, сказалъ Петрашевскій, не обнаружившій себя никакимъ направленіемъ, совершенно неизвѣстный по своимъ мыслямъ, перезнакомился со всѣми и всѣхъ зоветъ къ себѣ. Не странно ли это, я не имѣю къ нему довѣрія“. Ахшарумовъ. „Изъ моихъ воспоминаній“, 1905 г. стр. 9. Однако изъ донесенія Антонелли видно, что и Петрашевскій, и Ахшарумовъ все-таки у него были.

[2]) Между тѣмъ Петрашевскій передавалъ Кузмину, что на этой вечеринкѣ „возбуждались бесѣды о предметахъ въ направленіяхъ весьма радикальныхъ“. „Русс. Ст.“ 1895, № 2, стр. 162.

мѣнно нужно издавать журналъ на акціяхъ [1]), но Дуровъ возражалъ, что это химера. Послѣ ужина Баласогло въ кругу оставшихся 5 или 6 человѣкъ излилъ „свою желчь", и тогда „досталось литераторамъ". Онъ говорилъ, „что это люди тривіальные, безъ всякаго образованія, убивающіе время въ бездѣльи и между тѣмъ гордящіеся своими доблестями... Напримѣръ, Достоевскіе и Дуровъ, посѣщающіе собранія Петрашевскаго уже три года, могли бы, кажется, пользоваться отъ него и книгами и хоть наслышкой образоваться", а между тѣмъ они „не читали ни одной порядочной книги: ни Фурье, ни Прудона, ни даже Гельвеція". Момбелли заступился за писателей и сказалъ, что „не надо бранить тѣхъ литераторовъ, которые принадлежатъ къ ихъ обществу, что и то ужъ большая заслуга ихъ въ наше время, что они раздѣляютъ общія съ нами идеи". Нужно замѣтить, что въ этотъ вечеръ, въ числѣ другихъ гостей, былъ М. М. Достоевскій, но, вѣроятно, Баласогло язвилъ литераторовъ уже послѣ его ухода. Ѳ. М. Достоевскій, дѣйствительно, мало пользовался библіотекою, устроенною въ складчину Петрашевскимъ [2]).

Д. Д. Ахшарумовъ въ своемъ первомъ показаніи такъ характеризовалъ цѣль собраній у Петрашевскаго: „Хотя и говорили на его вечерахъ обо всемъ—о религіи, о философіи, о литературѣ, но преимущественно были предлагаемы самимъ имъ всегда вопросы настоящаго положенія и о правительствѣ. Цѣлью ихъ было общественнымъ мнѣніемъ произвести переворотъ: вынудить общимъ желаніемъ свободу книгопечатанія и открытое судопроизводство, а окончательною цѣлью было введеніе въ Россіи соціальной жизни", т.-е. осуществленіе соціалистическаго строя.

---

[1]) Изъ показаній Пальма и Толбина видно, что онъ предполагалъ купить право на изданіе журнала Дершау „Финскій Вѣстникъ", или сдѣлаться пайщикомъ этого изданія, но ему не удалось осуществить это намѣреніе.

[2]) Списокъ книгъ, взятый имъ изъ библіотеки, приведенъ ниже, въ гл. VI.

ГЛАВА VI.

Библіотеки петрашевцевъ. — Что читали они. — Отзывъ Петрашевскаго о Фурье и о фурьеризмѣ. — Его попытка устроить совмѣстное жительство своихъ крестьянъ. — Участіе Петрашевскаго въ обѣдѣ 7 апрѣля 1849 г. — Сочувствіе республиканскому строю. — Его мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ и судебной реформѣ.

Въ 1845 г. Петрашевскій предложилъ нѣсколькимъ знакомымъ выписывать въ складчину иностранныя книги и такимъ образомъ составить библіотеку, изъ которой вкладчики брали бы книги для чтенія. Въ этомъ дѣлѣ участвовали прежде всего А. Н. Плещеевъ, М. Е. Салтыковъ, В. Н. Майковъ, Н. Я. Данилевскій, Кайдановъ, Есаковъ, Штрандманъ, потомъ Барановскій, Ханыковъ и многіе другіе. Относительно этой библіотеки происходили совѣщанія; объ одномъ изъ нихъ (весною 1846 г. у Штрандмана) разсказалъ въ своемъ показаніи Барановскій, а затѣмъ и самъ Штрандманъ. Петрашевскій принесъ съ собою очень большой списокъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, который сохранился въ его бумагахъ. Относительно выбора ихъ произошло разногласіе. Если вѣрить Штрандману, онъ, В. Майковъ и нѣкоторые другіе желали выписывать книги преимущественно историческія, собранія сочиненій „образцовыхъ“ писателей, отчасти сочиненія по естествознанію, и при томъ книги по цѣнѣ слишкомъ дорогія и недоступныя людямъ недостаточнымъ. Петрашевскій же предлагалъ преимущественно сочиненія по вопросамъ общественнымъ, въ томъ числѣ и неизвѣстныхъ авторовъ, много брошюръ и періодическихъ изданій. Свидѣтельство Штрандмана, будто „едва ли не всѣ предложенныя“ Петрашевскимъ „сочиненія были отвергнуты“,— весьма сомнительно, такъ какъ оно противорѣчитъ указаніямъ на то, что брали изъ общественной библіотеки ея вкладчики. Салтыковъ въ своемъ показаніи говоритъ, что Петрашевскій предлагалъ выписать сочиненія преимущественно школы Фурье, но Данилевскій, Майковъ, Есаковъ и онъ, Салтыковъ, настояли, чтобы библіотека состояла „не изъ однѣхъ книгъ, касающихся соціальныхъ системъ, но по преимуществу изъ сочиненій политико-экономистовъ“ [1]). Впрочемъ, по

[1]) По требованію Салтыкова были выписаны нѣкоторыя сочиненія о тюремной системѣ, какъ напримѣръ въ 1846 г.: *Ch. Lucas.* „Théorie de l'emprisonnement“ и *Gustave Beaumont*: „Du système pénitentiaire en Amérique“.

словамъ Салтыкова, Петрашевскій выписалъ и многія другія книги и брошюры. На совѣщаніи о библіотекѣ въ 1847 г. Ханыковъ, большой знатокъ ученія Фурье, подавалъ голосъ преимущественно за научныя книги по спеціальнымъ вопросамъ. „Душою библіотеки“ и распорядителемъ ея Ханыковъ называетъ Петрашевскаго.

Вотъ что разсказалъ объ этой библіотекѣ въ своемъ показаніи Н. А. Спѣшневъ: „Петрашевскій брался доставать и дѣйствительно доставалъ всякую книгу“, какую хотятъ. Надо было внести извѣстную сумму денегъ (кажется, не менѣе 15 и не болѣе 30 р. сер. [1]) „и на эту сумму онъ пріобрѣталъ книги“. Онѣ „не принадлежатъ никому, но за то каждый“ изъ участвующихъ въ складчинѣ „имѣлъ право читать ихъ всѣ“, а ихъ „набралось довольно много. Въ то время было мало запрещенныхъ книгъ, и ихъ легко было доставать“. Участвовали въ складчинѣ не всѣ: „инымъ было затруднительно жертвовать и 20 р. сер., другимъ Петрашевскій не предлагалъ. Передъ открытіемъ навигаціи“ пользовавшіеся библіотекою „сходились въ одну изъ пятницъ, Петрашевскій приносилъ всѣ новые каталоги, и по нимъ выбирали книги на всю сумму. Эта библіотека и была главною заманкою посѣщать Петрашевскаго. Каждый могъ прекратить участіе въ ней, когда заблагоразсудится, поэтому участники въ библіотекѣ мѣнялись“.

Другая библіотека стала составляться позднѣе кружкомъ Кашкина; совѣщанія о ней происходили у Кашкина, а также и у Отто, участвовавшаго въ его кружкѣ, въ которомъ преимущественно занимались изученіемъ соціализма. Распорядителемъ этой библіотеки былъ Дебу I, но выписка книгъ происходила чрезъ Петрашевскаго. Кашкинъ въ своемъ показаніи говоритъ, что въ ихъ библіотекѣ не принималъ участія Петрашевскій, а Ханыковъ называетъ его „душою“ и этой библіотеки. Имена нѣсколькихъ членовъ кружка Кашкина (Спѣшневъ, Д. Ахшарумовъ) встрѣчаются и въ спискѣ лицъ, бравшихъ книги изъ библіотеки, иниціаторомъ которой былъ Петрашевскій [2]), но этотъ списокъ относится къ нѣсколько болѣе раннему времени.

28 марта 1849 г. Антонелли засталъ Петрашевскаго за составленіемъ списка книгъ, выписываемыхъ имъ для себя и своихъ знакомыхъ изъ-за границы черезъ книгопродавца Лури: это были сочиненія Прудона, Фурье и т. п. (быть-можетъ, именно для библіотеки кружка Кашкина, потому что въ библіотекѣ, устроенной Петрашевскимъ, они, конечно, должны были уже быть). Петрашевскій имѣлъ неосторожность поручить Антонелли отнести заказъ книгопродавцу Лури, и тотъ, воспользовавшись случаемъ, заказалъ нѣсколько запрещенныхъ

[1]) Обычный сборъ былъ 20 р., Момбелли же Петрашевскій предложилъ подписаться за 15 р.

[2]) Ранѣе, чѣмъ Ахшарумовъ и Дебу лично съ нимъ познакомились, они брали книги у Петрашевскаго черезъ Ханыкова.

книгъ и для себя, а затѣмъ немедленно донесъ о томъ, что книги для него и Петрашевскаго „придутъ съ первымъ или вторымъ пароходомъ“. Лури впослѣдствіи былъ арестованъ и подвергся административной ссылкѣ.

Въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ Ахшарумовъ говоритъ о Петрашевскомъ: „Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій, преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ, и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми, ему мало знакомыми, но которые казались ему порядочными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около 8 лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхалось въ разные города Россіи, преимущественно въ университетскіе. Онъ давалъ читать всѣмъ просившимъ его и снабжалъ уѣзжающихъ книгами, которыя, по его мнѣнію, были полезны для умственнаго развитія общества“. Въ своемъ показаніи Ахшарумовъ говоритъ: „Выписывать какъ можно больше книгъ и раздавать читать было первымъ и самымъ важнымъ средствомъ“ Петрашевскаго. „Книги переходили изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ затѣяна была пропаганда“ посредствомъ чтенія. „Книги читались охотно, и это болѣе, нежели что-нибудь другое, имѣло вліяніе. Книгъ у него было много по разнообразнымъ предметамъ, и всякій находилъ по своему вкусу“: такъ, Толь читалъ „книгу Штейна о коммунизмѣ и соціализмѣ во Франціи“ (на нѣмецк. языкѣ), Львовъ „Новую систему органической химіи“ Распайля (на франц. яз.). „Такъ какъ недоставало книгъ, то многіе изъ знакомыхъ просили Петрашевскаго выписать для нихъ тѣ или другія сочиненія и давали ему для этого деньги“. Ахшарумовъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, сочиненіе Фурье „Noveau monde industriel“. Ахшарумовъ не отличаетъ тутъ личной библіотеки Петрашевскаго [1]) отъ общественной, относительно которой, судя по словамъ Салтыкова, онъ настаивалъ, чтобы ею пользовались только участвовавшіе въ складчинѣ. Петрашевскій въ январѣ 1849 г. сказалъ Антонелли: „У меня есть большой запасъ книгъ какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ. Если кто желаетъ знать о существованіи Бога, то даже на этотъ счетъ у меня есть сочиненія“.

Въ бумагахъ Петрашевскаго сохранился списокъ книгъ, которыя брали изъ библіотеки разныя лица въ 1845—48 гг. Къ сожалѣнію, онъ написанъ довольно неразборчиво и съ сокращеніями заглавій. Отмѣтимъ, что читали наиболѣе извѣстные участники библіотеки.

М. Е. Салтыковъ бралъ сочиненія Консидерана „Destinée sociale“ (3 тома), Ад. Смита, Прудона, *Vidal* „De la répartition des richesses“ (1846), другое сочиненіе Ви-

---

[2]) Что Петрашевскій съ величайшею охотою дѣлился своими книгами, видно изъ приведеннаго выше (стр. 108) свидѣтельства молодого піаниста А. Г. Рубинштейна.

даля (быть можетъ. „Vivre en travaillant. Projet, voies et moyens de réformes sociales". 1848); Pereire. „Des banques" (вѣроятно, сенъ-симоинстская брошюра: „Leçons sur l'industrie et les finances, prononcées à la salle de l'Athénée, suivies d'un projet de banque", P. 1832), „L'évangile nouvel", „Questions des prisons" и два номера Revue 1846 (вѣроятно, „Revue Indépendante," журналъ, издаваемый Пьеромъ Леру, Жоржъ Зандъ и Луи Віардо).

Рядомъ съ именемъ Салтыкова находимъ запись его пріятеля В. А. Милютина, за которымъ значится какое-то сочиненіе Луи Блана, три тома сочиненій Дидро, *St. Paul* „De l'esclavage". За Ханыковымъ числились сочиненія Фурье („La Fausse industrie", „Théorie des quatre mouvements" и 4 тома „Théorie de l'unité universelle"). Исторія (вѣроятно, французской революціи) Мишле, Organisation du travail" [1]), „Le Droit au travail" (собраніе рѣчей разныхъ политическихъ дѣятелей въ Національномъ собраніи въ 1848 г.), „La Démocratie pacifique" (газета, издававшаяся съ 1843 г. подъ редакціею Консидерана), брошюра Консидерана „Contre M. Arago... suivi de la théorie du droit de propriété (1840), статья фурьериста Пелларена изъ какого-то журнала 1847 г., вѣроятно, фурьернстскаго журнала Phalange 1848, и нѣкоторые другіе.

Ѳ. М. Достоевскій бралъ „Hist. de dix ans" Луи Блана, какое-то сочиненіе Прудона, книгу Paget (вѣроятно, „Introductin à l'étude de la science sociale", которая была выписана для библіотеки), „Le vrai christianisme suivant J. Christ" Кабэ, „Vie de Jésus" Штрауса и повидимому книгу Beaumont „Marie ou l'esclavage" [2]).

А. Н. Плещеевъ бралъ сочиненія Консидерана, Кабэ („Voyage en Icarie"), Вилльгарделя („Histoire des idées sociales", 1846, или „Théorie sociale" — объ книги были выписаны), Кондорсе, Токвиля, какое-то сочиненіе Оуэна или о немъ, романъ Жоржъ Зандъ „Jacques", „Amours au Phalanstère", „Solidarité" (очевидно: Renaud, „Solidarité. Vue synthétique de la doctrine de Ch. Fourier", изд. 1842), и „Journaux rouges" (эта книга взята при обыскѣ у Петрашевскаго).

Спѣшневъ бралъ въ чтеніе извѣстную книгу *Pellarin* „Fourier, sa vie et sa théorie", сочиненіе Видаля, *Cabet* „Le vrai christianisme suivant Jesus Christ" (I изд. 1846) Прудона „Contradictions économiques ou philosophie de la misère" и критическое по поводу этой книги сочиненіе Маркса „Misére de la philosophie de la Misére" [3]), Julius „Neue Politik" *N. Tourguéneff* „La Russie et l'Europe" (очевидно: La Russie en présence de la crise européenne"); G. de Beaumont „Marie ou l'ésclavage" и нѣкоторые номера" Revue Indépendante", ed 1842).

За Кайдановымъ записаны сочиненія Огюста Конта (2 т.), Лейбница (2 т.), Кондорсе, *Considerant* „Destinée sociale", *Cabet* „Voyage en Icarie", „Phalange" 1845 и 1847 гг., „Mystères de la Russie".

Д. Д. Ахшарумовъ читалъ книги Консидерана, *Quinet* „Révolution d'Italie" и „Le droit au travail".

Ястржембскій бралъ сочиненіе Фурье „Nouveau monde industriel". Кузминъ — то же сочиненіе Фурье и „Contradictions économiques" Прудона, Львовъ исторію итальянской революціи Э. Кине.—В. А. Энгельсонъ, товарищъ Петрашевскаго по лицею, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и составлявшій тамъ выписки изъ „иностранныхъ нецензурованныхъ журналовъ" для государя, бывавшій у Петрашевскаго въ 1844 г., впослѣдствіи эмигрантъ и знакомый Герцена, читалъ сочиненія

---

[1]) Петрашевскій рекомендовалъ брошюру фурьериста Briancourt'a „Organisation du travail" (1848), но таково же заглавіе извѣстной книги Луи Блана, а также сочиненій Лабулэ и Hennequin'a.

[2]) При обыскѣ у него нашли двѣ запрещенныя книги: *E. Sue* „Le Berger de Kravan, entretiens socialistes" (1848) и „La célébration du dimanche" Прудона (1839, 3 изд. 1848).

[3]) Выписана была и книга Энгельса „Die Lage der arbeitenden Klassen in England".

Огюста Конта („Cours de philosophie positive"), Макса Штирнера, Консидерана и „Phalange".

Разными лицами были взяты еще сочиненія Бейля (вѣроятно, его знаменитый историческій и критическій словарь 1696 года), Вольтера, „Emile" *Rousseau*, *Helvetius* „De l'homme", *Morelli* „Code de la nature" *baron d'Holbach* „La morale universelle ou les devoirs de l'homme, fondés sur la nature", Ламеннэ „Paroles d'un croyant", нѣкоторые романы Жоржъ Занда („Mauprat", „Picinino"), сочиненіе Сисмонди (вѣроятно, политико-экономическое), сочиненія Фейербаха, *Michelet*, „Le prêtre", „La femme et la famille", *Condorcet*, „Esquisse de l'histoire de l'humanité", сочиненіе фурьериста Мюирона „Sur les vices de nos prosédés industriels, aperçu démontrant l'introduir le procédé societaire" (I изд. 1824, 3 изд. 1846), „Emancipation de la femme (вѣроятно, Флоры Тристанъ) Консидерана „De la politique nouvelle, convenant aux intèrets actuels de la société", 1843, „Réligion St. Simonienne", какое-то сочиненіе P. Leroux, книга Распайля „De la Pologne sur les bords de la Vistule et dans l'émigration en 1839", сочиненіе *Gabet* (вѣроятно, „Traité de science de l'homme", которое Петрашевскій предлагалъ перевести), книга Бенжамена Констана „Cours de la politique constitutionelle", „Vie de Jesus" (французскій переводъ извѣстной книги Штрауса) и, наконецъ, извѣстное сочиненіе Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ" (1818).

Необходимо отмѣтить книги, отобранныя у Петрашевскаго при обыскѣ; это были: одинъ томъ сочиненій Гельвеція, одинъ томъ франц. перевода „Жизни Іисуса" Штрауса, одинъ томъ сочиненій Людвига Фейербаха, книга Прудона „Avertissement aux propriétaires ou lettre a M. Considérant, rédacteur de la Phalange, sur une „Défense de la propriété" (P. 1841), *Pierre Leroux* „De l'égalité" (P. 1848) [1]). Выборъ забранныхъ книгъ былъ довольно случаенъ; при обыскѣ, который производилъ самъ знаменитый Л. В. Дубельтъ, у Петрашевскаго, несомнѣнно, могло быть забрано гораздо больше запрещенныхъ книгъ [2]).

Кругъ научныхъ интересовъ Петрашевскаго былъ вообще очень великъ: онъ читалъ Бентама, въ бумагахъ его были найдены выписки изъ извѣстнаго сочиненія о Россіи Гакстгаузена (о раскольникахъ), изъ рѣчи Ламартина въ русскомъ переводѣ [3]), изъ книги Biedermann'a

---

[1]) Кромѣ названныхъ сочиненій, у Петрашевскаго были взяты при обыскѣ еще слѣдующія книги: *Durand* „Bibliothèque de l'armée. Des tendances pacifiques de la société européenne et du rôle des armées dans l'avenir" (Brux. 1847), „Procès des dix-neufs citoyens accusés de complot tendant à remplacer le gouvernement royal dans la république contenant leur défenses et celles de leurs avocats" (P. 1831), „Curiosités révolutionnaires. Les journaux rouges. Histoire critique de tous les journaux ultra-républicains, publiés à Paris depuis de 24 février jusqu'au 1 octobre 1848 avec un préface par un jirondin" (P. 1848), *Robert (du Var)* „Histoire de la classe ouvrière, depuis l'Esclave jusqu'au Prolétaire de nos jours" (обширное четырехтомное сочиненіе) и нѣкоторыя другія. Кромѣ того, взяты были нѣсколько нумеровъ иностранныхъ журналовъ второй половины 1840-хъ гг.: „La Revue Indépendante", фурьеристскаго журнала „La Phalange" и нѣмецкаго „Die Grenzboten".

[2]) По окончаніи дѣла петрашевцевъ, ихъ библіотека по распоряженію правительства подлежала продажѣ съ публичнаго торга.

[3]) Приведемъ часть этой выписки: „Дѣйствительно существующее не должно быть потрясено, но слѣдуетъ всякому дѣльному человѣку задать себѣ такой вопросъ:

„Vorlesungen über Socialismus und sociale Fragen“ (1847), изъ исторіи монтаньяровъ, замѣчанія на сочиненіе Прудона „Philosophie de la misère“, изъ сочиненій Мицкевича на французскомъ языкѣ (между прочимъ, изъ „Странствованій польскаго народа“), изъ статьи Desprez въ „Revue des deux Mondes“ о соціальныхъ вопросахъ въ Турціи. Онъ интересовался также естественными науками и медициною, занимался юридическими науками.

Было уже указано, что Петрашевскій еще въ самомъ началѣ своихъ пятницъ горячо восхвалялъ ученіе Фурье. „Когда я въ первый разъ прочиталъ его сочиненія,—говоритъ онъ въ запискѣ объ ученіи Фурье, представленной въ слѣдственную комиссію,—я какъ бы заново родился, благоговѣлъ предъ величіемъ его генія; будь я не христіанинъ, а язычникъ, я бъ разбилъ всѣхъ моихъ другихъ боговъ.., сдѣлалъ бы его единымъ моимъ божествомъ“. Петрашевскому хотѣлось даже слѣдователей по своему дѣлу, всѣхъ этихъ Гагариныхъ, Ростовцевыхъ и К° превратить въ фурьеристовъ. Онъ совѣтовалъ имъ прочесть сочиненіе Фурье „Traité de l'unité universelle“.

«Если прочтете, осудите насъ, послѣдователей Фурье,... не за пламенность, не за увлеченіе другихъ къ послѣдованію этому ученію.., но, можетъ-быть, удивитесь нашей холодности не по лѣтамъ, нашему недостатку рвенія.., осудите за то, что мало было въ насъ увлекательной силы... Такое осужденіе будетъ и законно, и справедливо». За одно изображеніе фаланстера, «организаціи труда въ общинѣ». «Фурье по словамъ Петрашевскаго, «заслуживаетъ названія генія изъ геніевъ». «Впрочемъ, не одна организація работъ или занятій въ фаланстерѣ даетъ Фурье право на такое названіе: взглядъ его глубокій на природу человѣческую, разборъ естественныхъ склонностей человѣка, страстей,—вотъ въ этомъ онъ превосходитъ всѣхъ философовъ. Взглядъ его на исторію, кратко очерченный, хорошо разработанный, можетъ объяснить множество явленій изъ прошедшей исторіи человѣчества и даже будущей. Такъ, напримѣръ, тѣ явленія промышленности—именно господство большихъ капиталовъ и капитала вообще—подъ именемъ Féodalité industrielle - имъ было предсказано..., когда еще оно вовсе не обнаружилось во внѣ. Такъ имъ ясно опредѣлено, что нашъ вѣкъ есть эпоха гарантизма, т.-е. стремленія къ взаимному обезпеченію.

«Читать его сочиненія и ихъ перечитывать всегда наставительно: въ его сочиненіяхъ разбросаны тысячи мѣръ, общеполезныхъ предложеній по всѣмъ отраслямъ промышленности, по части кредита... это сокровище поднесь еще непочатое. Chambres d'asile—его мысль, комнаты ночлега—тоже. Это источникъ живительный жизни общественной всякому, кто только желаетъ быть полезнымъ гражданиномъ: изучай

что существуетъ, зачѣмъ оно такъ, какъ есть, и если на такой вопросъ не нашлось отвѣта удовлетворительнаго въ существующемъ порядкѣ вещей, тогда необходимо признать, что этотъ порядокъ плохъ, если не выдерживаетъ такового анализа; и тогда должно согласиться съ соціалистами, что они вполнѣ правы въ своихъ требованіяхъ, когда они требовали совершеннаго преобразованія всѣхъ общественныхъ отношеній. Единственнымъ способомъ избѣгать намъ тѣхъ безпорядковъ, которыми все грозитъ намъ въ будущемъ, можетъ служить подверженіе всего сущаго, всѣхъ настоящихъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ отношеній безпристрастной, но вмѣстѣ и безпощадной критикѣ“.

его, и кто думаетъ быть государственнымъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, прочти, отдай должное уваженіе этому великому уму. Умѣть чтить достойное почитанія—не малаго требуетъ: это значитъ одержать самую трудную побѣду—побѣдить гордость своего разума, подавить въ себѣ чувство самолюбія своего ума и проникнуться нелицепріятнымъ чувствомъ любви и уваженія къ истинѣ. Это дѣло негромкое, скромное, но великое».

Петрашевскій сознавалъ, однако, и недостатки сочиненій Фурье и видѣлъ въ нихъ одну изъ причинъ того, что они менѣе извѣстны, чѣмъ того заслуживаютъ. Въ той же запискѣ онъ говоритъ:

«Вычурность (даже страстность) языка, которымъ написаны всѣ сочиненія Фурье, оригинальность взгляда, непослѣдованіе въ изложеніи своихъ мнѣній обыкновенно принятымъ формамъ систематическаго или ученаго изложенія, рѣзкость или даже пренебреженіе, съ которымъ вездѣ отзывается Фурье о философахъ, политикахъ, моралистахъ, филантропахъ, политико-экономахъ, необходимость для того, чтобъ понимать хорошо его, быть многосторонне и основательно образованнымъ и имѣть философское воззрѣніе,—все это было причиною того, что его оригинальныя сочиненія читались немногими, а система его могла быть хорошо понята еще меньшимъ количествомъ людей, и того, что система эта вошла во всеобщую извѣстность только въ послѣднее шестилѣтіе. Вотъ почему противъ нея въ общемъ мнѣніи, въ людяхъ, незнакомыхъ съ нею по самымъ сочиненіямъ, признаннымъ школою фурьеристскою хорошими, остаются до сихъ поръ несправедливыя противъ нея предубѣжденія». А между тѣмъ «прочесть его критическій разборъ жизни общественной, указаніе ея несообразности даже для человѣка безъ предразсудковъ, съ хорошимъ философскимъ образованіемъ—все равно, что заново родиться».

И вотъ въ своей запискѣ Петрашевскій описываетъ устройство фаланстера, выставляетъ всѣ выгоды соединеннаго хозяйства, использованія способностей не только женщинъ, но и дѣтей, всю привлекательность разнообразія труда и увеличеніе вслѣдствіе этого его производительности, а также и соревнованія, и утверждаетъ, что „если бы описать одинъ день фаланстерійской жизни, то это превзошло (бы) разсказъ тысячи одной ночи“. Онъ указываетъ на то, что осуществить сразу этотъ планъ Фурье невозможно, ибо „люди уже искажены предшествующей жизнью“. Для „тяжелыхъ работъ“ первоначально пришлось бы нанять работниковъ, не могло бы быть и „хорошаго распредѣленія занятій по способностямъ“. Но онъ полагаетъ, что метода воспитанія, предложенная Фурье и показывающая въ немъ „глубокое знаніе природы человѣческой,.... можетъ быть примѣнена и въ первоначальномъ фаланстерѣ“. Онъ думаетъ, что, по истеченіи 5 лѣтъ послѣ его устройства, а можетъ-быть, и скорѣе „должно необходимо само собою установиться лучшее распредѣленіе занятій“. Ему казалось мало вѣроятнымъ, чтобы „въ теченіе этого времени не завелись другіе фаланстеры, а тогда могло бы черезъ перемѣщеніе лицъ изъ одного фаланстера въ другой установиться“ лучшее „распредѣленіе всѣхъ по ихъ способностямъ и ихъ занятіямъ“. По мнѣнію Петрашевскаго, воспитательные дома могли бы представить

достаточный матеріалъ для испытанія методы воспитанія по Фурье, но нѣтъ годныхъ для этого людей, такъ какъ „наши воспитатели скорѣе уродуютъ людей, даже лицъ высокопоставленныхъ, нежели ихъ развиваютъ".

Привыкнувъ указывать наилучшія пособія для изученія системы Фурье, Петрашевскій въ запискѣ для слѣдователей говоритъ:

„Всякому отцу, который желаетъ, чтобы его дѣти не сдѣлались нравственными уродами, я совѣтую прочесть сочиненіе Considérant „De l' éducation...", третью часть его „Destinée sociale" и слѣдовать этой методѣ воспитанія. Результаты ея превзойдутъ ожиданія. Этого сочиненія прочесть достаточно, чтобы оставить тысячу предубѣжденій противъ Фурье. Или прочесть „Traité de la science de l'homme" par Cabet, въ 3 ч.; если это сочиненіе по величинѣ его читателю покажется утомительнымъ, то взамѣнъ этого можно прочесть брошюру Briancourt'a „De l'organisation du travail" [1]) или „Fou du palais royal" [2]),— оба эти сочиненія въ формѣ разговора излагаютъ систему Фурье. Въ комъ существуютъ ложныя мнѣнія о безнравственности этой системы, тотъ пусть прочтетъ „De l'immoralité de la doctrine de Fourier", изданное и отдѣльной брошюрой, и въ видѣ предисловія у второго изданія полныхъ сочиненій Фурье при его сочиненіи „De l'unité universelle".

„Тѣ, кто обвиняютъ эту систему въ безнравственности и т. п., ясно сими утвержденіями обнаруживаютъ, что имъ неизвѣстна система ни изъ одного настоящаго изложенія" ея, „или знаютъ ее изъ тѣхъ несчастныхъ опроверженій этой системы, которыя въ гг. опровергателяхъ обнаруживаютъ отсутствіе знанія предмета, смысла или прямо въ высочайшей степени недобросовѣстность. Такъ, напримѣръ, не слѣдуетъ никакой вѣры давать сочиненію Reybaud „Les socialistes modernes" [3]), соч. Cherbuliez [4]), соч. Franc, статьямъ объ этой системѣ всѣмъ безъ исключенія, помѣщеннымъ въ „Revue des deux mondes", особенно статьямъ Ferrari [5]), статьямъ Journal des Debats, даже соч. Proudhon, который взвелъ много небылицъ на эту систему, чтобы скрыть свои покражи изъ нея".

Такимъ образомъ Петрашевскій признавалъ себя фурьеристомъ не только до ареста [6]), но и передъ слѣдственною комиссіею; когда же однажды Ростовцевъ замѣтилъ ему, что, по показанію нѣкоторыхъ, онъ „не совсѣмъ чистый" фурьеристъ, а имѣетъ какую-то свою систему, вслѣдствіе чего фурьеристы не признаютъ его своимъ едино-

---

[1]) P. 1845, 3 éd. 1846.

[2]) *Cantagrel.* „Le Fou du palais royal, dialogue sur la théorie phalansterienne". P. 1841. О чтеніи этой книги на вечерѣ у Спѣшиева см. во 2 ч., въ главѣ о Беклемишевѣ и Тимковскомъ.

[3]) „Études sur les réformateurs ou socialistes modernes", 1-me éd. 1840, 5-me éd. 1848, 7-me éd. 2 vol. 1864.

[4]) „Le socialisme c'est la barbarie. Examen des questions sociales qu'a soulevées la révolution du 24 février 1848". P. 1848.

[5]) Авторъ книги „Socialisme. Trois leçons sur Fourier, son école et son système", 1844. Въ „Revue des deux mondes" (août 1845), была напечатана его статья: „Des idées et de l'école de Fourier".

[6]) По показанію Н. Я. Данилевскаго, Петрашевскій самъ называлъ себя фурьеристомъ, а по словамъ Баласогло въ тѣхъ литературныхъ кружкахъ, гдѣ онъ бывалъ до знакомства съ Петрашевскимъ, его называли отчаяннымъ фурьеристомъ.

мышленникомъ, то Петрашевскій сказалъ: „Да, я не признаю истинными нѣкоторыхъ идей Фурье, какъ, напримѣръ, космогоніи, переселенія душъ и т. п., но все, относящееся до организаціи фаланстера, вполнѣ признаю справедливымъ и удобоисполнимымъ на практикѣ".

По показанію Дебу 2, „Петрашевскій говорилъ" ему, „что онъ первый здѣсь" (въ Петербургѣ) „читалъ систему Фурье, призналъ ее и давалъ сочиненія этого автора читать другимъ".

Петрашевскій говорилъ объ ученіи Фурье не только на своихъ пятницахъ[1]), но старался всюду его пропагандировать. Такъ онъ читалъ о немъ докладъ у Спѣшнева при обсужденіи вопроса объ учрежденіи, по предложенію Момбелли, братства взаимной помощи. Самъ распространяя фурьеризмъ, Петрашевскій желалъ, чтобы это дѣлали и другіе: такъ, онъ совѣтовалъ Модерскому, бывшему вольнослушателю университета, человѣку мало развитому, который жилъ у него, завести у себя вечера и распространять сочиненія о системѣ Фурье. Но тотъ не исполнилъ этого, такъ какъ „самъ мало былъ знакомъ съ нею и не зналъ цѣли ея".

Петрашевскій такъ вѣрилъ во всѣ выгоды фаланстера[2]), что сдѣлалъ въ 1847 г. попытку примѣнить идеи Фурье въ своемъ имѣніи. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ его товарищъ по лицею, В. Р. Зотовъ:

«Былъ у него недалеко отъ уѣзднаго города небольшой выселокъ въ семь дворовъ, ютившихся на болотѣ, у опушки огромнаго, сосноваго бора. Во всѣхъ дворахъ было душъ 40 и съ ребятами; земли было достаточно, съ десятокъ лошадей, но коровы не приживались, да и жилье самихъ мужиковъ на болотистомъ грунтѣ было неказисто, и хозяйство у нихъ велось плохое: допотопные плуги и бороны работали плохо, избы подгнили, лѣсъ хоть подъ бокомъ, да господскій. Староста пришелъ просить бревенъ на починку развалившихся лачугъ. Тогда Петрашевскій повелъ бесѣду о томъ, не лучше ли будетъ крестьянамъ вмѣсто того, чтобы подновить свои избы на завѣдомо нездоровомъ мѣстѣ, выстроить въ бору, на сухой почвѣ, одну просторную новую избу, гдѣ бы помѣстились всѣ семь семействъ, каждая въ отдѣльной комнатѣ, но съ одной общей кухней для стряпни и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидокъ (посидѣлокъ) съ надворными пристройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны быть общими, какъ и вообще все крестьянское хозяйство. Баринъ долго развивалъ всѣ выгоды такого общежитія, обѣщая, конечно, все устроить на свой счетъ, купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь: горшки, чашки, плошки. Староста слушалъ.... низко кланялся... и на всѣ вопросы: «вѣдь такъ будетъ не въ примѣръ лучше и выгоднѣе?» отвѣчалъ: «Воля ваша; вамъ лучше знать, мы люди темные; какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ». Баринъ напрасно старался добиться отъ него самостоятельнаго мнѣнія объ удобствахъ такого общежитія...

---

[1]) К. Тимковскій подтвердилъ на допросѣ, что Петрашевскій, Ханыковъ и Спѣшневъ считали своею цѣлью осуществленіе соціальныхъ реформъ.

[2]) Въ разговорѣ со Спѣшневымъ и Черносвитовымъ онъ сказалъ, что „надѣется на своемъ вѣку жить въ фаланстерѣ".

«Нежеланіе мужиковъ измѣнить исконный, заповѣдный образъ жизни было очевидно, хотя и не высказывалось прямо, но оно было такъ естественно, что баринъ не удивлялся этому... и рѣшилъ все-таки привести въ исполненіе свою идею, надѣясь, что, испытавъ на дѣлѣ всѣ удобства новаго рода жизни, они оцѣнятъ заботы объ улучшеніи ихъ быта... «Не вытащить ихъ изъ ихъ болота, такъ они и совсѣмъ въ немъ завязнутъ», говорилъ онъ и началъ строить въ лѣсу фаланстерію. Работа подвигалась быстро, и къ зимѣ все было готово. Бесѣды и разъясненія шли своимъ чередомъ во время построекъ. Нѣсколько разъ баринъ водилъ старшинъ въ готовящееся для нихъ помѣщеніе, знакомилъ предварительно съ его планомъ и расположеніемъ комнатъ, съ новыми порядками, какимъ надо было слѣдовать въ общежитіи, спрашивалъ, довольны ли они. Они ходили за нимъ по постройкѣ съ видомъ приговоренныхъ къ тюремному заключенію, бормотали угрюмо: «много довольны! какъ будетъ угодно вашей милости!»

При свиданіяхъ съ Зотовымъ Петрашевскій не разъ сообщалъ ему о ходѣ дѣла. Предполагалось, что крестьяне начнутъ жить въ новомъ помѣщеніи съ Рождества 1847 г. Наканунѣ ихъ переѣзда Петрашевскій „еще разъ обошелъ съ ними всю постройку, назначилъ каждой семьѣ ея помѣщеніе, указалъ на всѣ его удобства, выгоды, передалъ всю утварь, какую закупилъ для нихъ, всѣ инструменты, велѣлъ перевести съ утра скотъ и лошадей въ новые хлѣва и конюшни, перенести весь скарбъ и запасы въ амбары“. Когда на другое утро онъ пріѣхалъ къ нимъ на новоселье изъ дома лѣсничаго, гдѣ обыкновенно жилъ во время пріѣзда въ деревню, то на мѣстѣ фаланстера нашелъ однѣ обгорѣлыя балки: въ ночь они сожгли его со всѣмъ, что было выстроено и куплено для нихъ. Петрашевскій разсказывалъ объ этомъ Зотову съ величайшей горечью и глубокимъ разочарованіемъ [1]). Онъ, конечно, ошибался, надѣясь примѣнить идеи объ улучшеніи быта крѣпостныхъ, которыми онъ увлекался, путемъ просвѣщеннаго абсолютизма, но нужно помнить, что онъ не только дѣйствовалъ при этомъ совершенно безкорыстно, но даже сдѣлалъ на пользу своихъ крестьянъ значительныя затраты. Тѣмъ не менѣе, въ запискѣ объ ученіи Фурье, представленной слѣдственной комиссіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого неудачнаго опыта, онъ указывалъ уже на то, что нуженъ пятилѣтній срокъ для того, чтобы примѣнить распредѣленіе занятій согласно ученію Фурье къ людямъ, искаженнымъ предшествующей жизнью [2]), Нужно замѣтить, что не одинъ Петрашевскій считалъ возможнымъ примѣненіе ученія Фурье къ устройству совмѣстной жизни крестьянъ: ту же мысль подробно развивалъ Александръ Петр. Беклемишевъ въ запискѣ подъ заглавіемъ „О выгодахъ собщенія (sic) сравнительно съ дробленіемъ по разнымъ отраслямъ труда“, написанной осенью 1848.

[1]) *В. Р. Зотовъ*. „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“. „Историческій Вѣстникъ“ 1890 г., № 6, стр. 541—543.

[2]) И предъ военно-судною комиссіей Петрашевскій заявилъ, что онъ фурьеристъ что ученіе Фурье не утопія, и что оно въ пять шесть-лѣтъ можетъ осуществиться“.

Не разъ перечитывая прежде разсказъ Зотова, я съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относился къ нему, задавая себѣ вопросъ, не выдуманъ ли онъ, не является ли онъ однимъ изъ тѣхъ многихъ анекдотовъ, которые разсказывали о Петрашевскомъ по Петербургу [1]). Но что Петрашевскій, дѣйствительно, стремился завести фаланстеръ среди крестьянъ, можно заключить и изъ его показаній слѣдственной комиссіи. Доказывая, что нельзя обвинять его и нѣкоторыхъ его товарищей за то, что они были фурьеристами, онъ говоритъ:

«Положимъ, есть нѣкто въ Россіи, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ,—говорю нѣсколькихъ тысячъ потому, что въ фаланстерѣ должно быть около 2000 чел. разнаго пола и возраста..., къ тому же имѣющій капиталъ для заведенія фаланстера (такихъ богачей есть немало). Спрошу себя: въ правѣ ли онъ завести фаланстеръ? Я скажу: положительно въ правѣ, даже нисколько не спрашивая о сомъ предметѣ никакого разрѣшенія у правительства, въ силу существующихъ законовъ, до собственности и пользованія ею относящихся; а именно, въ X т. Гражд. Зак., въ статьѣ о собственности говорится: «всякій имѣетъ полное право располагать своимъ имуществомъ не во вредъ другимъ», т.-е. продавать, закладывать, дѣлать постройки, измѣненія въ немъ, какія сочтетъ нужными». Въ другой статьѣ того же X т. Св. гр. зак. говорится, что подъ недвижимыми имуществами разумѣются населенныя и ненаселенныя земли дома и т. п.; въ IX т. Св. Зак. въ законахъ о дворянствѣ и дворянской грамотѣ говорится, что «всякій помѣщикъ имѣетъ право заводить въ своемъ имѣніи фабрики, заводы, переселять крестьянъ, продать ихъ съ землею или безъ земли» и вообще пользоваться работою крестьянъ, не доводя ихъ до разоренія.

«Руководствуясь этими законами, такой помѣщикъ въ правѣ завести фаланстеръ,—и какъ значительная экономизація труда не только не доведетъ его крестьянъ до разоренія, но напротивъ того, должна улучшить ихъ бытъ, то на основаніи законовъ правительство не въ правѣ вмѣшиваться въ его дѣйствія...

«Объявлять дворянина, не имѣющаго 2000 душъ, государственнымъ преступникомъ за то только, что онъ разсуждалъ о способахъ пользованія правильно собственностью, значитъ: нарушать право собственности, уничтожать право договора, разрывать дворянскую грамоту».

Разсказъ К. Веселовскаго о двухъ лекціяхъ Петрашевскаго дворникамъ, вѣроятно, выдумка, но это не значитъ, чтобы онъ избѣгалъ пропаганды и непосредственно среди народа. Изъ донесеній Антонелли мы уже знаемъ, какъ Петрашевскій возмущалъ народъ въ Екатерингофѣ противъ полиціи; упомянуто было и о томъ, какъ онъ пытался развивать чтеніемъ статьи изъ „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ“ нѣкоего мѣщанина Наумова, который былъ не что иное, какъ агентъ Липранди. Крайне неосторожно говорилъ въ этотъ

---

[1]) Таковъ, вѣроятно, разсказъ К. С. Веселовскаго о томъ, какъ Петрашевскій, собравъ дворниковъ своихъ и сосѣднихъ домовъ, прочелъ имъ лекцію о фурьеризмѣ; когда они заявили, что поняли ее, онъ далъ имъ по двугривенному, а въ другой разъ, когда, по его приглашенію, они пришли вмѣстѣ съ товарищами, и послѣ болѣе продолжительной лекціи получили по пятаку, то выразили огорченіе, что времени потратили больше, а денегъ получили меньше. „Русск. Старина“, 1890 г., № 9, стр. 453—454.

же разъ Петрашевскій съ Наумовымъ, который пришелъ къ нему по порученію студента Толстова, чтобы сообщить дошедшій до него слухъ о бунтѣ въ Москвѣ. „Петрашевскій былъ пораженъ,—доносилъ Наумовъ,—но потомъ сказалъ, что этого теперь быть не можетъ, ибо для бунта нуженъ какой-нибудь удобный случай: 1) когда истощится казна, 2) при перемѣнѣ государя, 3) когда совершенно ожесточатся многочисленные раскольники; теперь же могутъ быть однѣ только вспышки по случаю несвоевременнаго рекрутскаго набора, потому что онъ назначенъ въ такое время, когда мужики должны заниматься обработкою полей, и при отдачѣ рекрутъ нужны имъ деньги, которыя бы они могли употребить на земледѣліе. Это можетъ породить недовольныхъ, но у правительства теперь напихано вездѣ много войска: въ одномъ Петербургѣ до 60 тысячъ человѣкъ,—что тутъ сдѣлаешь?“ Наумовъ спросилъ: „Неужели войска будутъ противъ своихъ дѣйствовать?“ Петрашевскій отвѣчалъ: „А какъ же, этому былъ уже примѣръ; они теперь еще ничего не понимаютъ, ихъ надо прежде приспособить, что мы и дѣлаемъ, и уже не первый годъ мы это созидаемъ.., и тогда, когда имъ прикажутъ стрѣлять, они повернутъ ружья дуломъ въ землю“. Далѣе Петрашевскій замѣтилъ: „для насъ главное Петербургъ и Москва; остальные всѣ послѣдуютъ примѣру. Государь ужъ всѣмъ надосѣлъ. Что онъ въ 23 года сдѣлалъ хорошаго для Россіи?.. Лучшія мѣста Петербурга и около дворца застроилъ казармами, а тутъ могли бы быть обывательскіе дома и получали бы доходъ...“

Въ разговорѣ Петрашевскаго съ Наумовымъ весьма любопытенъ его намекъ на пропаганду въ войскѣ. Очевидно, Петрашевскій измѣнилъ взглядъ съ того времени, когда говорилъ Антонелли, что „не стоитъ трогать этихъ дураковъ“ (военныхъ), „такъ какъ ихъ все равно перебьютъ“. Съ цѣлью такой пропаганды и была, конечно, написана Филипповымъ „Солдатская бесѣда“.

Полезнымъ пропагандистомъ Петрашевскій считалъ владѣльца табачной лавочки на Петербургской сторонѣ, Петра Гр. Шапошникова, котораго, впрочемъ, онъ видѣлъ всего два раза, но ставилъ ему въ упрекъ большую неосторожность, которая ведетъ къ тому, „что заставятъ обсушивать сырость крѣпости“ [1]).

7 апрѣля 1849 г., по предложенію Кашкина, 10 членовъ его кружка рѣшили устроить у Александра Ив. Европеуса, который по окончаніи курса въ лицеѣ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, обѣдъ въ складчину въ день рожденія Фурье. Эти десять человѣкъ были: Кашкинъ, два брата Дебу, Ханыковъ, Спѣшневъ, Д. Д. Ахшарумовъ, два брата Европеусы, Есаковъ и Ващенко.

---

[1]) См. во 2 части о Толстовѣ, Данилевскомъ, Шапошниковѣ и др.

Одиннадцатымъ былъ приглашенъ Петрашевскій, не состоявшій членомъ кружка Кашкина, въ виду его заслугъ относительно распространенія въ Россіи фурьеризма. Приглашенъ былъ и Н. Я. Данилевскій, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ученія Фурье, но онъ изъ осторожности не явился [1]). По словамъ Д. Ахшарумова, Петрашевскій предлагалъ пригласить на обѣдъ Момбелли, Львова, Дурова „и другихъ нефурьеристовъ и сдѣлать обѣдъ болѣе политическій, нежели соціальный. Но этого не хотѣли остальные..., и особенно воспрепятствовали этому двое братьевъ Дебу". Я остановлюсь здѣсь только на участіи въ этомъ обѣдѣ Петрашевскаго.

Въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько набросковъ рѣчи, произнесенной имъ тамъ, но возстановить ее по нимъ не легко, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ, онъ вѣроятно сказалъ не все, что предполагалъ сказать. Судя по этимъ наброскамъ [2]) и сравнивъ ихъ съ показаніями присутствовавшихъ, вотъ что, между прочимъ, мы находимъ въ рѣчи Петрашевскаго:

«Явясь среди васъ, господа, и получивъ право рѣчи, какъ одинъ изъ старѣйшихъ, сколько мнѣ это извѣстно, пропагаторовъ соціализма, я осмѣлюсь предложить вамъ тостъ, который выразитъ содержаніе моей рѣчи, который можетъ показаться съ перваго взгляда даже антисоціальнымъ,—именно тостъ за знаніе дѣйствительности.—Если позволено будетъ.... разъяснить его значеніе, надѣюсь, что онъ заслужитъ ваше одобреніе и самое содержаніе рѣчи—ваше сочувствіе».

«Всякое знаніе, какое бы оно ни было, есть въ нѣкоторомъ отношеніи—знаніе дѣйствительности..... Никогда не было моимъ желаніемъ мои убѣжденія, мой взглядъ на вещи предъ другими закрывать завѣсою таинственности и общими фразами отдѣлаться отъ серьезнаго вопроса. Почему и въ этомъ случаѣ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, я постараюсь въ нѣсколькихъ чертахъ обозначить мой взглядъ на знаніе дѣйствительности съ точки зрѣнія пропаганды соціальной, чтобы вы, господа, всѣ сочувствующіе дѣлу общественнаго развитія, могли исправить тѣ невѣрности, которыя неизбѣжны во всѣхъ мнѣніяхъ, какъ результаты не абсолютнаго мышленія, но мышленія извѣстныхъ данныхъ личностей, развившихся подъ извѣстными обстоятельствами... Я никогда ни въ чемъ не желалъ обманываться, быть обманутъ, обманывать другихъ.

«Начнемъ наше разсужденіе объ этомъ вопросѣ, чтобы не подпасть подъ гибельное вліяніе самообольщенія, съ скромнаго признанія въ томъ, что первое препятствіе въ достиженіи нами избранной цѣли лежитъ въ насъ самихъ и заключается—грустно признаться—въ нашемъ малознаніи, въ нашемъ невѣжествѣ. Невѣжество наше есть нашъ первый врагъ, врагъ опаснѣйшій, врагъ внутренній, котораго побѣдить намъ слѣдуетъ сперва. Признаніе, говорятъ, есть начало исправленія. Исправиться отъ этого можно всякому и должно всякому, кто только не хочетъ захирѣть отъ этого бездѣйствія.

---

[1]) Послѣ обѣда Петрашевскій съ обоими Дебу и Д. Д. Ахшарумовымъ ночью поѣхали къ Данилевскому, разбудили его и упрекали его за то, что онъ не пріѣхалъ. *Ахшарумовъ*, „Изъ моихъ воспоминаній", стр. 19—20.

[2]) Очень многія мѣста въ нихъ отмѣчены слѣдователями краснымъ карандашомъ.

«Легко, скажутъ нѣкоторые, принести такое торжественное покаяніе въ тягчайшемъ изъ грѣховъ человѣческихъ—невѣжествѣ,—освободиться отъ него дѣло другое. Сфера знаній обширна, но не всякое знаніе равноцѣнно, и не знаніе милліоновъ фактовъ, явленій, наблюденій даруетъ намъ благодѣтельные результаты, но сближеніе или сравненіе двухъ или нѣсколькихъ явленій производитъ ихъ.

«Тутъ необходимо нѣсколько коснуться самого соціализма и опредѣлить, что такое соціализмъ. По нашему понятію, подъ словомъ соціализмъ слѣдуетъ разумѣть ученіе или ученія, имѣющія цѣлью устройство быта общественнаго, сдѣлать согласными дѣйствія съ потребностями природы человѣческой.

«Нечего въ припадкѣ ребяческой гордости ломать голову надъ выдумкою какой-нибудь новой системы. Разумѣется, намъ, настоящимъ фурьеристамъ, не къ лицу такая вычурная блажь, разумѣется, мы не позволимъ себѣ поддаться до такой степени обаятельному вліянію (желанію?) прослыть геніальными и умами глубокомысленными и самостоятельными, (не) рѣшимся на весьма замысловатую литературную покражу,—однимъ словомъ, (не) дерзнемъ изъ всѣхъ соціальныхъ ученій заимствовать, что есть худого и противоестественного, такъ напримѣръ не вознесемъ на степень общественнаго догмата обязательность срочной работы изъ системы Морелли или мнѣніе ложное Гельвеціуса о возможности всѣхъ людей быть равными по уму. Если (бы) даже и предстала передъ нами подобная личность, (она) не можетъ удивить [1]).

«Намъ, фурьеристамъ, смотрящимъ на человѣка не въ отвлеченіи, но берущимъ человѣка такимъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности,—ревнителямъ мирныхъ преобразованій общественныхъ,—нельзя до такой степени смѣшивать понятія, чтобы принимать помѣшательство за оригинальность, а сумасшествіе—за геніальность. Говоря это, мы не желаемъ ни сами быть посмѣшищемъ для другихъ, ни чтобъ другіе, близкіе намъ, подѣлались предметомъ посмѣшища, а нашего, тяжело это сказать, невольно презрѣнія».

«Ничто не можетъ избѣгнуть вліянія условій времени и мѣстности. Стремясь къ осуществленію чего бы то ни было, упустить изъ виду значеніе этихъ двухъ условій, значитъ заранѣе осудить себя на неудачу. Этого забывать не слѣдуетъ тѣмъ кого ихъ страстное влеченіе поставило на поприще общественной дѣятельности, кто созналъ и нашелъ свое соотношеніе къ механизму общественному, не для того, чтобы смиренно, рабски покоряться гнету всѣхъ неудобствъ настоящей организаціи общественной, но для того, чтобы эти отношенія преобразивъ, дать каждой индивидуальности надлежащую цѣну и значеніе и дать ей ту массу благосостоянія, которая необходима для полноты его органическаго развитія и счастія.

«Духъ вѣка, вездѣ простирающій свое вліяніе, сознаніе великой обязанности, возлагаемой природою на каждаго человѣка фактомъ самаго рожденія, сдѣлать свою дѣятельность общеполезной, и привело насъ къ конечнымъ результатамъ современнаго философскаго мышленія—къ соціализму,—ученію, лучше всѣхъ предшествующихъ ему изъясняющему окончательный результатъ [2]) человѣческой дѣятельности какъ индивидуума и какъ цѣлаго вида существъ, т.-е. какъ человѣчества, и самые способы къ достиженію такой цѣли. Несчастная случайность нашего рожденія привязала насъ къ почвѣ русской и сдѣлала представителями соціализма въ невѣжествующемъ и страждущемъ отъ невѣжества нашемъ отечествѣ. Вотъ наше призваніе [3]) быть соціалистами въ Россіи, возложенное на насъ духомъ вѣка. Со-

---

[1]) Вѣроятно, сказанное именно въ этомъ абзацѣ было принято слушателями за намекъ на Спѣшнева (см. ниже).

[2]) Сверху написано: цѣль.

[3]) Зачеркнуто и написано: наша mission.

ціализмъ и Россія—вотъ двѣ крайности, вотъ два понятія, которыя другъ на друга волкомъ воютъ, сказалъ бы Прудонъ, и согласить эти двѣ крайности должно быть нашей задачей.

«Мы стоимъ на дикой почвѣ Россіи. Если Моисея навелъ оселъ на животворный источникъ, чтобы спасти отъ смерти отъ жажды цѣлый народъ, ужель философія всѣхъ вѣковъ и наука Запада для насъ, довольно коротко знакомыхъ съ нею, останется безотвѣтною для насъ? Ужель результаты знанія всего предшествующего человѣчества принесутъ намъ пользы менѣе, чѣмъ принесъ оселъ для народа еврейскаго? Мы не утолимъ жажды къ лучшему нашихъ соотечественныхъ (sic), не съумѣемъ перелить въ другихъ нашу любовь къ прогрессу (и) истинѣ. Быть убѣжденнымъ въ противномъ и позволять продолжать себѣ жизнь—это значитъ поставлять себя въ противорѣчіе, которое разрѣшить достойно можетъ одно самоубійство отъ сознанія своего безсилія. Чтобы не впасть въ апатію, отчаяніе и не сравниться самоубійствомъ съ великимъ Катономъ, для этого нужно немножко увѣренности въ самихъ себѣ, разумной увѣренности въ истинности того ученія, которое избрали себѣ въ руководители... Признавать въ этомъ отношеніи безсиліе науки, значитъ обличить пустоту своего разумѣнія, значитъ отрицать руководительственное значеніе теоріи въ отношеніи къ практикѣ...

«Наука общественная на Западѣ намъ сказала свое послѣднее слово, дала намъ тѣ формы, въ которыхъ должно совершиться окончательное развитіе человѣчества. Три четверти труда сдѣлано нашими предшественниками, нашими старшими братьями по вѣрѣ въ прогрессъ человѣчества. Геній Фурье освободилъ насъ отъ великаго труда изобрѣтательности, далъ намъ подлинное ученіе. Формула его «les endances sont proportionnelles aux destinées» всепримѣнимая и всеобъемлюща. Намъ русскимъ соціалистамъ, особенно же фурьеристамъ, какъ имѣющимъ сравнительно съ соціалистами другихъ всѣхъ цвѣтовъ науку общественную болѣе выработанную.. [1]). На насъ лежитъ трудъ не малый,—трудъ примѣненія тѣхъ общихъ началъ, которыя выработала наука на Западѣ, къ нашей дѣйствительности, высшихъ формулъ быта общественнаго, осуществленіе, въ фактахъ жизни дѣйствительной, внѣдреніе въ общественное сознаніе тѣхъ общихъ понятій, которыя и могутъ дать человѣческому общежитію надлежащій цвѣтъ и движеніе. Постараемся совершить достойно эту частицу общечеловѣческаго труда. Начнемъ съ того, что вспомнимъ, что мы стоимъ на дикой почвѣ нашего отечества, что все въ нашей общественной жизни являетъ слѣды восточной патріархальности и варварства, что разумѣніе народа русскаго еще не пробуждалось, что мы, не только какъ соціалисты, но даже какъ люди, отбросившіе въ сторону предразсудки и умѣющіе глядѣть въ глаза истинѣ, не можемъ надѣяться единственно за такія наши достоинства мгновенно возбудить къ себѣ и къ нашимъ убѣжденіямъ сочувствіе въ массахъ. Кто ждетъ мгновеннаго успѣха, сочувствія, тотъ пусть простудитъ свой пронагаторскій жаръ. Тѣ перевороты, которые остаются на память вѣковъ, въ видѣ міріадъ разрушенныхъ созданій, или обозначаются рядомъ новыхъ совершеннѣйшихъ созданій, долго и медленно вырабатываются въ нѣдрахъ природы. Рядъ творческихъ преобразованій можетъ и быть незамѣтенъ взгляду близорукаго наблюдателя, но законъ постепенности и логической связи вездѣ повторяется. Уподобимся же мы въ отношеніи къ несозданной массѣ нашего быта общественнаго—живой и творческой силѣ природы вдохнемъ въ него жизнь и тогда дотолѣ разрозненные члены быта общественнаго будутъ являть гармоничность въ своихъ движеніяхъ, и явленія общественной жизни не будутъ, какъ доселѣ, поражать насъ нестройностью».

---

[1]) Фраза не дописана.

Заключеніемъ рѣчи Петрашевскаго, повидимому, должны были служить слѣдующія слова:

«Наша mission, какъ соціалистовъ фурьеристскаго толка въ Россіи, не такъ легка, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Если мы освобождены судьбою отъ труда изобрѣтательности, если имѣемъ эту звѣзду путеводную въ ученіи Фурье, то при самомъ актѣ практическаго примѣненія могутъ, или, лучше сказать, должны встрѣтиться такія трудности.., мѣстныя неудобства, которыя никакъ не могли быть предвидѣны ни самимъ нашимъ учителемъ, ни его талантливыми истолкователями на Западѣ. Условіе мѣстности никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Трудностей много. Пристальный взглядъ на дѣйствительность насъ можетъ ознакомить съ ними, открытый врагъ не опасенъ, такъ и трудности, препятствія, доставляемыя намъ самымъ бытомъ общественнымъ, эти враги, противодѣйствующіе намъ, не должны нимало устрашать людей, сознательно положившихъ стремиться къ достиженію извѣстной цѣли. Знаніе трудностей и препятствій, ожидающихъ какого-либо общественнаго дѣйствователя на пути его къ достиженію его цѣли, отнюдь не должно печалить, но скорѣе должно радовать его: чѣмъ полнѣе будетъ знаніе его дѣйствительности, тѣмъ положительнѣе можетъ быть его увѣренность въ успѣхѣ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ каждое его дѣйствіе, тѣмъ съ наименьшими средствами можно будетъ произвести наибольшіе результаты. Знанія, больше знанія, и торжество поборниковъ истины и общечеловѣческаго счастья несомнѣнно... Постараемся мы въ семъ случаѣ совершить, такъ сказать, актъ коллективнаго самосознанія. Заявить предъ окружающей насъ дѣйствительностью свою отдѣльность и индивидуальность. Признаніе того, что мы соціалисты фурьеристскаго толку, и есть первый (актъ) нашего самосознанія, т.-е. люди, признающіе настоящее устройство быта общественнаго несоотвѣтственнымъ естественнымъ потребностямъ человѣка и потому требующимъ преобразованія совершеннаго, согласнаго требованіямъ природы человѣческой, и желающіе, вмѣсто настоящаго противуестественнаго устройства быта общественнаго, установить (другой?).

«Вотъ кто мы, и каковы наши желанія. Не подтверждаю законность этихъ желаній критикой быта общественнаго: это было бы.... неумѣстнымъ распространеніемъ.

«Мы осудили на смерть настоящій бытъ общественный, надо приговоръ нашъ исполнить».

На допросѣ Петрашевскій заявилъ, что послѣднія слова „не входили въ составъ рѣчи, сказанной“ имъ „на обѣдѣ у Европеуса. и не были произнесены, а написаны были по возвращеніи съ обѣда“. По словамъ же Д. Ахшарумова въ его показаніи, Петрашевскій и Ханыковъ, „можно сказать, произнесли смертный приговоръ надъ всѣми присутствовавшими на обѣдѣ“.

Рѣчь Петрашевскаго произвела неблагопріятное впечатлѣніе (хотя ему все же аплодировали), какъ это видно изъ показанія Дебу 2. По его словамъ, Петрашевскій, вѣроятно, увидѣвъ, что слова его произвели дурное впечатлѣніе, „остановился и сказалъ, что не знаетъ, продолжать ли ему или нѣтъ подробно разсматривать и обозначать эти вопросы“. Дебу 1-ый отвѣтилъ, что, по его мнѣнію продолжать не нужно. И Петрашевскій прекратилъ свою рѣчь. Послѣ обѣда Европеусъ сказалъ Дебу 2-му: „Какъ это Петрашевскій, увѣряющій,

что онъ давно знакомъ съ Фурье, говоритъ противъ него, именно, что не все основаніе довольства и покоя заключается въ экономическихъ вопросахъ, и говорилъ личности противъ Спѣшнева. Ежели вашъ братъ не остановилъ бы его, то я бы сказалъ ему, что его рѣчь совершенно не кстати". И Дебу 2-му слова Петрашевскаго очень не нравились, но, „желая провести этотъ день весело", онъ отвѣчалъ Европеусу: „Я вполнѣ согласенъ, что рѣчь Петрашевскаго не кстати, но... никто не согласенъ съ Петрашевскимъ, а потому не стоитъ объ этомъ и говорить". Такъ же отзывались о рѣчи Петрашевскаго Дебу 1-ый, Кашкинъ и Ващенко [1]).

Ханыковъ въ своемъ показаніи отмѣтилъ, что Петрашевскій говорилъ „о необходимости соединить пропаганду соціальную съ политическою". Когда Петрашевскому предъявили это показаніе, онъ отвѣчалъ: „Ни о какой пропагандѣ, ни о соединеніи политической пропаганды съ соціальною мною говорено не было". Комиссія спросила Ханыкова: „какія произвела послѣдствія" рѣчь Петрашевскаго; тотъ отвѣчалъ, что сперва ей „изъ учтивости апплодировали, потомъ она встрѣтила возраженія" со стороны Дебу 2-го и, въ концѣ-концовъ, „прошла незамѣченною". По словамъ Д. Ахшарумова, рѣчь Петрашевскаго „менѣе другихъ произвела впечатлѣніе", но все же выпили за его здоровье. Намеки на Спѣшнева были вызваны разногласіемъ съ нимъ по поводу рѣчи Тимковскаго.

Выше было указано, что Петрашевскій не разъ высказывалъ мысль о необходимости не только политической свободы вообще, но и республиканской формы правленія. Такъ, напримѣръ, уже въ „Моихъ афоризмахъ" онъ говорилъ, что „правленіе должно быть представительно-республиканское". Какъ тамъ, такъ и въ бесѣдахъ съ Антонелли, и въ планѣ пропаганды среди черкесовъ, сказалось сочувствіе республиканско-федеративному строю [2]). На своихъ пятницахъ, какъ

---

[1]) А. Европеусъ въ своемъ показаніи говоритъ, что послѣ тоста Петрашевскаго онъ не поднялъ бокала, потому что „мнѣ было извѣстно, что въ его рѣчи должны были находиться личности" (очевидно, противъ Спѣшнева).

[2]) Петрашевскій по словамъ Антонелли разсказывалъ ему о смотрителѣ лужскаго уѣзднаго училища Ромашевѣ, воспитывавшемся въ Харьковскомъ университетѣ, что онъ принадлежалъ къ обществу, организованному въ Харьковѣ и съ цѣлью измѣнить образъ правленія въ славянскихъ племенахъ и раздѣлить эти племена по полосамъ, обществу, которое существуетъ и до сихъ поръ и къ которому будто бы „принадлежалъ" и Петрашевскій. По офиціальной справкѣ оказалось, что Ромашевъ въ 1846 г. былъ назначенъ смотрителемъ не лужскаго, а гдовскаго уѣзднаго училища, составилъ проектъ республиканской конституціи для Россіи, послалъ его гр. Коновницыну, у котораго былъ прежде управляющимъ, и по доносу графа былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Допрошенный тамъ, вслѣдствіе доноса Антонелли, Ромашевъ показалъ, что Петрашевскаго совершенно не знаетъ и отрицалъ, сущес вованіе общества, о которомъ тотъ упомянулъ. Петрашевскій на допросѣ

и въ рѣчи на обѣдѣ въ день рожденія Фурье, Петрашевскій высказался за то, что недостаточно однихъ политическихъ преобразованій, но должны быть и реформы соціальныя [1]). Толь сказалъ Антонелли, что цѣль Петрашевскаго и другихъ близкихъ ему кружковъ „приготовлять способныхъ людей на случай какой-нибудь революціи, чтобы при избраніи новаго рода правленія не было недоразумѣній и различія мнѣній, но чтобы большая часть уже были согласны въ общихъ началахъ; наконецъ приготовлять массы къ воспріятію всякихъ перемѣнъ". Въ официальной запискѣ о Петрашевскомъ, составленной передъ его арестомъ, его обвиняли въ томъ, что онъ „уже около пяти лѣтъ стремился къ перемѣнѣ правительства, находя это необходимымъ". Герценъ въ своей характеристикѣ Петрашевскаго также утверждаетъ, что „онъ постоянно занятъ былъ изысканіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для ниспроверженія существующаго правительства въ Россіи". Петрашевскій, очевидно, дѣйствительно мечталъ о революціи въ Россіи, но лишь послѣ того, когда она будетъ подготовлена пропагандою въ обществѣ и народѣ.

Было уже упомянуто, что въ свой „Запасъ общеполезнаго", онъ включилъ (10 мая 1843 г.) тему „о образѣ устройства освобождаемыхъ крестьянъ". Въ его бумагахъ сохранился „проектъ объ освобожденіи крестьянъ", написанный имъ самимъ. По мнѣнію автора, „самымъ простымъ способомъ" освобожденія крестьянъ можетъ быть „безусловное освобожденіе ихъ съ тою землею, которая ими была обрабатываема, безъ всякаго вознагражденія за то помѣщика".

Высказавъ свое собственное мнѣніе, онъ долженъ былъ, конечно, считаться и съ мнѣніями другихъ по этому предмету. На одномъ изъ собраній у него былъ прочитанъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ, составленный Беклемишевымъ, въ которомъ предлагалось освобожденіе ихъ съ землею, находившеюся въ ихъ пользованіи, за опредѣленный выкупъ, вносимый крестьянами [2]).

Ни въ проектѣ Петрашевскаго, ни въ произведеніи Беклемишева

тоже отрицалъ свое личное знакомство съ Ромашевымъ, хотя о немъ слышалъ; объ обществѣ, о которомъ сообщалъ Антонелли, онъ, по его словамъ, ничего не знаетъ.

[1]) Ханыковъ далъ такое показаніе о цѣли, поставленной себѣ Петрашевскимъ: „другой цѣли, кромѣ... взаимнаго образованія для достиженія посредствомъ этого самыхъ высокихъ результатовъ гражданственности, которые осуществляются въ системѣ Фурье, чему, по мнѣнію Петрашевскаго, должны были необходимо предшествовать свободныя институціи политическія и прежде всего свободное гласное и публичное судопроизводство,—у него не было, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ извѣстно. Будемъ взаимно товарищественно образовываться, говорилъ онъ, и тогда мирно мы преобразуемъ себя, другихъ,—цѣлое общество".

[2]) Подробнѣе объ этихъ запискахъ по крестьянскому вопросу см. во II ч. въ главѣ „Петрашевцы и крестьянскій вопросъ". Беклемишеву (вмѣстѣ съ Тимковскимъ) во II ч. посвящена особая статья.

не затрогивается вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія; но изъ записки Петрашевскаго, подъ заглавіемъ „Объясненіе, что такое соціализмъ“, видно, что онъ, какъ это вполнѣ естественно для соціалиста, былъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Онъ говоритъ здѣсь: „Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей юродивости не дошедшаго до той нищеты, которая бы его лѣни соотвѣтствовала,—ищите причину, вы найдете, что передѣлъ полей, общее пользованіе землею и есть этому причина“ [1]).

Выше было разсказано о неудачной попыткѣ Петрашевскаго въ 1848 г. обратить вниманіе петербургскаго дворянства на крестьянскій вопросъ своею запискою „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній“. Быть можетъ, эта неудача, а также печальное окончаніе его попытки устроить совмѣстное жительство своихъ крестьянъ были причиною того, что въ 1849 г., при обсужденіи на его пятницахъ вопроса о томъ, какую изъ трехъ реформъ—крестьянскую, судебную или цензурную—слѣдуетъ поставить на первое мѣсто, онъ отдавалъ предпочтеніе судебной реформѣ. Онъ доказывалъ, что отъ несовершенства судебныхъ порядковъ страдаетъ все населеніе Россіи, а отъ крѣпостного права только 12 милліоновъ человѣкъ, и что послѣ улучшенія судопроизводства необходимо станутъ на очередь двѣ другія реформы. Отвѣчая на возраженія Головинскаго, считавшаго безправное положеніе крестьянъ высшею несправедливостью, Петрашевскій утверждалъ, будто бы „въ крестьянахъ самосознаніе своего положенія совсѣмъ не такъ велико“, какъ думаетъ Головинскій, потому что почти половина ихъ даже и не желаетъ „своего освобожденія, ссылаясь на то, что, находясь подъ властью помѣщика, они хотя и платятъ значительные оброки, но вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ торговлю безъ всякой за то платы“; между тѣмъ, будучи свободными, они должны будутъ платить и за право принадлежать къ какому нибудь сословію, и за право торговли, и мало ли еще за что, въ общемъ гораздо больше, чѣмъ оброки барину. Петрашевскому казалось также, что „при освобожденіи крестьянъ должно непремѣнно произойти столкновеніе сословій, которое, будучи бѣдственно уже само по себѣ, можетъ быть еще бѣдственнѣе, породивъ военный деспотизмъ“ [2]).

---

[1]) И. М. Дебу вспоминалъ впослѣдствіи, что его единомышленники—фурьеристы обратили вниманіе на русскую общину, съ которой ихъ познакомило сочиненіе Гакстгаузена. См. *О. Миллеръ*. „Матеріалы для біографіи Ѳ. М. Достоевскаго“ въ „Полн. собр. соч. Достоевскаго“, СПб. 1883, т. I, стр. 92.—Достоевскій тоже понималъ важное значеніе общиннаго землевладѣнія.

[2]) Въ письмѣ къ Кузмину отъ 27 ноября 1848 г. Петрашевскій сообщаетъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ привезъ извѣстіе, будто въ смежныхъ съ Галиціею губерніяхъ крестьяне весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ, и что это извѣстіе имѣло свое вліяніе на возобновленіе общаго вниманія къ „эмансипаціи кре-

Головинскій замѣтилъ, что такъ какъ образъ правленія государствомъ не можетъ измѣниться вдругъ, то можно учредить диктатуру, но Петрашевскій отвѣчалъ, что онъ „первый подниметъ руку на диктатора".

По поводу разногласія между Головинскимъ и Петрашевскимъ по вопросу о временной необходимости диктатуры, напомню, что Пестель стоялъ за диктатуру временнаго верховнаго правленія [1]). Мысль о диктатурѣ являлась и у Бабефа и его товарищей: по свидѣтельству Буонарроти, инсуррекціонный комитетъ „остановился на мысли назначенія парижскими инсургентами временной власти, которой и должно было быть поручено управленіе націей". По мнѣнію Сенъ-Симона, до тѣхъ поръ, пока политическая власть не перейдетъ въ руки ученыхъ, предпочтительна диктатура одного лица. „Наибольшая услуга,— говоритъ Сенъ-Симонъ,—которую королевская власть можетъ оказать націи при современныхъ условіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы она, присвоивъ себѣ диктаторскія полномочія, уничтожила феодальный и теологическій режимъ и установила режимъ научный и промышленный... Радикальное измѣненіе соціальной системы можетъ быть произведено или путемъ возстанія, или посредствомъ диктатуры; безпорно, диктатура является меньшимъ зломъ, чѣмъ возстаніе". Головинскій утверждалъ, что можно освободить крестьянъ и безъ воли правительства черезъ возстаніе ихъ самихъ, такъ какъ не трудно внушить имъ, до какой степени противоположны ихъ отношенія къ помѣщикамъ, и что для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши. Петрашевскій полагалъ, что нельзя предпринимать возстанія, не будучи заранѣе увѣреннымъ въ полномъ его успѣхѣ, а въ настоящее время это не возможно. Сенъ-симонисты также допускали идею диктатуры: когда послѣ іюльской революціи 1830 г. власть фактически перешла въ руки Лафайета, нѣкогда товарища Базара по организаціи французскихъ карбонаріевъ, то Базаръ пытался убѣдить его объявить себя диктаторомъ съ цѣлью проведенія соціальныхъ реформъ [2]).

Слѣдуетъ, однако, помнить, что Петрашевскій считалъ справедливымъ освобожденіе крестьянъ съ землею и безъ вознагражденія за нее помѣщиковъ.

Въ составленномъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости духовномъ завѣщаніи онъ между прочимъ говоритъ о крѣпостныхъ въ имѣніи его семьи: „крестьянъ освободить, если только

стьянъ". И тутъ Петрашевскій высказываетъ мысль, что этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго введенія гласныхъ судовъ съ присяжными.

[1]) См. мою книгу „Политическія и общественныя идеи декабристовъ". Спб., 1909 г. стр. 491.

[2]) *С. Прокоповичъ.* „Проблемы соціализма". СПБ. 1911 г., стр. 158—160. Ср. о сочувствіи О. Конта диктатурѣ конвента и его взглядѣ на диктатуру вообще въ соч. *Вв. Иванова* „Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты". М. 1901 г., стр. 306—308.

они по раздѣлу могли бы достаться на мою долю", но не входитъ ни въ какія подробности относительно этого.

Петрашевскій интересовался и вопросомъ объ улучшеніи городского самоуправленія. Въ письмѣ къ Кузмину (27 ноября 1848 г.) онъ сообщаетъ: „Еще говорятъ,—это офиціальное извѣстіе,—что преобразованія, сдѣланныя въ городскомъ устройствѣ въ послѣднее время въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, нашли сочувствіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи и что для преобразованія по сему образцу управленія губернскихъ и уѣздныхъ городовъ поступило много прошеній изъ разныхъ городовъ, что на сей предметъ обращено вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не прочь помочь развитію муниципальности въ Россіи, какъ благонадежнѣйшаго способа улучшить администрацію и внушить къ законамъ и справедливости должное уваженіе". Далѣе Петрашевскій говоритъ, что м-ство вн. д. не считаетъ себя въ правѣ дѣлать подобныя измѣненія, „пока мѣстныя потребности не выразятся въ формѣ прошеній отъ городскихъ обывателей, особенно же отъ тѣхъ классовъ городскихъ обывателей, которые, будучи нищи, несутъ повинности, не принимая участіе въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ". Въ завѣдываніи городского хозяйства должны принять участіе тѣ лица въ уѣздахъ и въ губернскихъ городахъ, которыя сравнительно съ другими (т.-е. съ массою населенія) могли быть названы умственною аристократіею, и ихъ участіе весьма благодѣтельно должно быть для общественнаго развитія.—Этому не мѣшало (бы) дать ходъ, тѣмъ болѣе, что пословица русская во всякой администраціи имѣетъ свое значеніе „пока дитя не заплачетъ, мать не разумѣетъ". Надо, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ было вразумлено и въ этой потребности. Выборы представляютъ удобство; къ тому же просить можно обо всемъ, и предметъ прошеній не обозначенъ въ законодательствѣ".

Мы видѣли, что, соотвѣтственно этимъ взглядамъ, Петрашевскій стремился принять и личное участіе въ петербургскомъ городскомъ самоуправленіи, но его попытка успѣхомъ не увѣнчалась [1]).

---

[1]) Возможно, что эти свѣдѣнія о предположеніяхъ М-ва Вн. Д. были извѣстны Петрашевскому отъ Николая Милютина.

ГЛАВА VII.

Черносвитовъ.— Спѣшневъ.— Бесѣды ихъ съ Петрашевскимъ о народномъ возстаніи.— Момбелли и обсужденіе его предположенія о «братствѣ взаимной помощи».

Въ ноябрѣ 1848 г. на вечерахъ Петрашевскаго появилась новая личность. Студентъ Петербургскаго университета, П. Латкинъ, изъ семейства енисейскихъ золотопромышленниковъ, привелъ съ собою своего хорошаго знакомаго Черносвитова, пайщика золотыхъ промысловъ Голубкова и Кузнецова въ Сѣверной Енисейской тайгѣ, а такъ же владѣльца одной пятой паевъ въ компаніи Дриневича (въ черносвитовскомъ пріискѣ). Въ Ирбитѣ онъ имѣлъ собственный домъ.

Черносвитовъ, которому въ это время было 38 лѣтъ, происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи [1]). О немъ ходили слухи, будто бы при выходѣ изъ какого-то учебнаго заведенія онъ разбилъ бюстъ императора, а самъ онъ разсказывалъ, что, служа въ военной службѣ, былъ разжалованъ за какіе-то «ругательные стихи». Вступивъ въ 1826 г. подпрапорщикомъ на военную службу, Черносвитовъ въ декабрѣ 1829 г. былъ произведенъ въ прапорщики [2]) и затѣмъ участвовалъ въ турецкой и польской кампаніи (1828—29 и 1831 г.) и былъ раненъ въ правую ногу, контуженъ въ голову обломкомъ гранаты и захваченъ въ плѣнъ польскими новобранцами. Въ плѣну у него была ампутирована нога (онъ разсказывалъ, что самъ сдѣлалъ себѣ деревянную). Въ 1832 г. былъ уволенъ въ отставку. Въ 1838—42 гг. онъ служилъ исправникомъ въ Ирбитскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ Пермской губерніи, и во время волненія въ 1842 г. тамошнихъ государственныхъ крестьянъ, вызваннаго требованіемъ разводить картофель, учрежденіемъ сельскихъ расправъ съ назначеніемъ жалованья волостному начальству и слухами о томъ, что начальство продало ихъ въ удѣльное вѣдомство [3]), усердно усмирялъ ихъ [4]),

---

[1]) У него было только 10 душъ въ Ярославской губ., такъ какъ 60 душъ онъ продалъ.

[2]) «Русск. Ст.» 1905, № 2, стр. 322.

[3]) Волненіе распространилось на уѣзды: Камышловскій, Ирбитскій и Екатеринбургскій Пермской губ.

[4]) Спѣшневу Черносвитовъ говорилъ, что правительство обязано ему: онъ «зату

и вообще считался весьма распорядительнымъ чиновникомъ. Въ Сибири на него смотрѣли, какъ на очень умнаго и образованнаго человѣка[1]), къ тому же онъ умѣлъ пустить пыль въ глаза. Въ его бумагахъ нашлась переведенная (въ Красноярскѣ въ 1847 г.) съ французскаго языка статья «О свободѣ воли», съ эпиграфомъ изъ Вольтера, и другая небольшая статейка «Взглядъ на теорію дѣйствій». Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ бралъ изъ библіотеки Петрашевскаго нѣкоторыя книги, и между прочимъ, насколько помнилось Петрашевскому, «Organisation du travail». Онъ производилъ впечатленіе человѣка веселаго, остроумнаго, бывалаго, какъ говорится «прошедшаго огонь и воду». Спѣшневъ подмѣтилъ въ немъ «практичность, мѣткость взгляда»[2]). Петрашевскій же утверждалъ, что Черносвитовъ желалъ казаться «великимъ мыслителемъ», а между тѣмъ, «какъ видно, онъ

шилъ» эту вспышку. Въ своихъ показаніяхъ онъ говоритъ: „Если бы онъ не распорядился такъ, какъ сдѣлалъ, послѣдствія могли быть слѣдующія: при нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ отряда его, всѣ, бывшіе въ селѣ Верхтечинскомъ изъ другихъ волостей и уѣздовъ люди, разъѣхавшись по домамъ, воспламенили бы народъ, настроенный уже къ возмущенію“ еще въ предыдущемъ году. „При томъ извѣстно, что въ Курганскомъ округѣ въ Сибири въ то же время начиналось броженіе сильное въ народѣ. Князь Горчаковъ самъ прискакалъ и уговорилъ его, и если бы взбунтовался уѣздъ Камышловскій и Ирбитскій, то кто поручится за спокойствіе горныхъ заводовъ“. Недовольные вездѣ есть; буйная же голова въ этомъ народѣ отыщется, да и сосѣдство сибирскихъ поселенцевъ и каторжныхъ на винокуренныхъ заводахъ пермскихъ и тобольскихъ есть сосѣдство не надежное. Отсутствіе войскъ въ этомъ краѣ дѣйствительно поставляло его въ положеніе опасное; Оренбургскій корпусъ слишкомъ растянутъ, чтобы вдругъ потушить мятежъ весьма важный“. Показаніе Черносвитова, какъ объ общемъ ходѣ событій, такъ и о его личной роли, находитъ подтвержденіе у очевидца событій М. С. Валевскаго, разсказавшаго о нихъ въ статьѣ: „Волненія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—43 г.“ въ „Русск. Стар.“, 1879, № 11 и 12 (о Черносвитовѣ № 11, стр. 425—431, № 12, 635) и у А. Зырянова въ статьѣ „Крестьянское движеніе въ Шадринскомъ у. въ 1843 г.“ въ „Древней и Новой Россіи“, 1879, т. XV, ноябрь, стр. 233—251, 369.

[1]) Въ 1847 г. Латкинъ, по просьбѣ Черносвитова, купилъ для него нѣсколько иностранныхъ книгъ.

[2]) По словамъ Латкина, «главная характеристическая черта» Черносвитова—«восторженная любознательность: онъ знаетъ и математику, вообще всѣ естественныя науки, много читалъ разныхъ сочиненій по исторіи и другимъ отраслямъ знаній», но преимущественно по «механикѣ», много видѣлъ, но главные недостатки его—неположительность, неаккуратность и любитъ говорить пустяки, такъ что Черносвитову, кто его зналъ, вѣрили только въ половину. Онъ зналъ много прибаутокъ, остротъ, анекдотовъ какъ изъ военной, такъ и изъ прочей жизни».

Слѣдственная комиссія такъ характеризуетъ Черносвитова: онъ «человѣкъ съ выразительною наружностью, мысли свои изъясняетъ съ пылкостью, но нѣтъ часто опредѣлительности; вообще въ немъ замѣтны самостоятельность, способности, но болѣе всего чрезвычайное самолюбіе и увѣренность, что онъ и познаніями, и умомъ превосходилъ всѣхъ, коихъ встрѣчалъ у Петрашевскаго». Въ своихъ показаніяхъ онъ призналъ, что желалъ уничтоженія крѣпостнаго права и «класса чиновниковъ», «допущенія на административныя должности лицъ всѣхъ сословій».

большой мистикъ». Онъ хвасталъ Петрашевскому, что имѣетъ на генералъ-губернатора Восточной Сибири, Муравьева, неограниченное вліяніе. Петрашевскому казалось, что онъ можетъ вліять и на раскольниковъ (съ ними ему пришлось имѣть дѣло, какъ исправнику, во время усмиренія волненія въ Пермской губ., въ 1842 г.). По словамъ Черносвитова, рабочіе на золотыхъ промыслахъ внушали ему мысль отправиться съ ними на Амуръ, изъявляя сожалѣніе, что они не имѣютъ хорошаго руководителя. Онъ много разсказывалъ о Сибири и говорилъ, что это «совсѣмъ отдѣльная отъ Россіи страна, богатая, прекрасная, и что ей, вѣрно, когда-нибудь суждено быть отдѣльною имперіей“ [1]). Болталъ онъ и о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и доказывалъ, что онъ на все мастеръ. Онъ сказалъ Спѣшневу, что всѣ политическіе ссыльные въ Сибири «глупы, что они на той точкѣ и остались, какъ были, и слышать не хотятъ о фурьеризмѣ и соціализмѣ», а на вечерахъ Петрашевскаго по поводу чтенія Тимковскаго пытался доказывать, что либерализмъ и соціализмъ одно и то же[2]). По словамъ Спѣшнева, Черносвитовъ говорилъ «умно и не безъ знанія», «очень красно,—только какъ-то все завертывался въ апологи“[3]) и анекдоты, и старался всѣхъ вызвать на рѣзкость, что ему и удавалось[4]). «Онъ поддѣлывался подъ вкусъ каждаго и опять выставлялъ какой-нибудь парадоксъ». Придравшись къ чему-то, онъ сказалъ: «Да вотъ господа, бѣда намъ, русскимъ: къ палкѣ-то мы очень привыкли, она намъ нипочемъ». А когда Спѣшневъ отвѣтилъ ему: «Палка о двухъ концахъ», Черносвитовъ, не задумываясь, отпарировалъ: «Да другого-то конца мы сыскать не умѣемъ». Онъ умѣлъ сдѣлаться центромъ разговора и многихъ приводилъ въ восторгъ. Послѣ перваго вечера, когда онъ появился у Петрашевскаго, Спѣшнева, по обыкновенію сидѣвшаго

---

[1]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ часто называлъ Сибирь Америкою, Калифорніею, Эльдорадо, русскою Мексикою и «увлекаясь иногда въ сужденіяхъ» о ея будущности, «не разъ называлъ ее великою имперіею».

[2]) На это Петрашевскій возразилъ ему: «соціализмъ въ современномъ обществѣ, вытекающій даже не изъ общаго философскаго воззрѣнія», а «изъ простого наблюденія дѣйствительности, есть не что иное, какъ реакція духа человѣческаго противъ анархическаго, разрушительнаго для быта общественнаго вліянія началъ либерализма—противоестественныхъ явленій въ жизни общественной» (принесеніе человѣческой личности въ жертву капиталу, неправильное распредѣленіе богатствъ, голодъ при урожаѣ хлѣба и проч.); по словамъ Баласогло, Черносвитовъ насмѣхался надъ либералами, говоря, что они «не знаютъ ни географіи, ни народа, ни инородцевъ Россіи».

[3]) Такъ, онъ, подобно Н. С. Мордвинову, доказывалъ, что лѣстницу нельзя мести съ низу.

[4]) Самъ же Черносвитовъ заявилъ въ своемъ показаніи, что, «хорошо владѣя русскимъ языкомъ, говоритъ всегда рѣзко и опредѣлительно», что «могло быть принято за вызовъ на рѣзкость». Знакомый Черносвитова Сидоровъ показалъ, что на вопросъ, насколько можно вѣрить разсказываемымъ имъ анекдотамъ, онъ изъявлялъ готовность уступить въ нихъ 60 процентовъ.

въ другой комнатѣ, отдѣльно отъ большинства гостей, многіе спрашивали: «Слышали вы, видѣли вы, какой должно быть замѣчательный человѣкъ!»—«Да кто такой?»—«Да этотъ хромой, Черносвитовъ!»—«О чемъ онъ говоритъ?»—«Да обо всемъ, о чемъ угодно, и какъ ловко говоритъ!» Возвращаясь вмѣстѣ со Спѣшневымъ съ другого вечера Петрашевскаго, Ѳ. М. Достоевскій сказалъ ему: «Чортъ знаетъ, этотъ человѣкъ говоритъ по-русски, точно Гоголь пишетъ», и потомъ прибавилъ: «Знаете что, Спѣшневъ, мнѣ кажется, что Черносвитовъ просто шпіонъ»[1]).—«Я думаю», отвѣчалъ Спѣшневъ, у котораго также начинало являться подозрѣніе, «что онъ человѣкъ съ задними мыслями». Спѣшневъ признавался потомъ, что Черносвитовъ произвелъ на него впечатлѣніе эмиссара или главы какого-нибудь тайнаго общества въ Сибири, который пріѣхалъ вербовать въ него членовъ: не даромъ онъ всѣхъ звалъ въ Сибирь, говоря: «славная страна, славные люди!» Нужно замѣтить, что подозрѣніе о шпіонствѣ или провокаторствѣ Черсвитова ничѣмъ не подтвердилось: никакихъ слѣдовъ сношеній его съ тайною полиціею не имѣется[2]). Возможно, что онъ жадно выспрашивалъ все въ кружкѣ Петрашевскаго вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ знакомства съ политическими ссыльными въ Сибири, былъ не чуждъ либерализма, а въ Петербургѣ членовъ соціалистическаго кружка старался убѣдить, что онъ въ то же время можетъ быть и соціалистомъ.

Н. А. Спѣшневъ заинтересовался Черносвитовымъ, но прежде чѣмъ останавливаться на ихъ бесѣдахъ, необходимо ближе познакомиться съ личностью Спѣшнева. Онъ воспитывался въ лицеѣ, но въ 1839 году вышелъ изъ него, не окончивъ курса. Слушалъ онъ лекціи и въ Пб. университетѣ. Онъ могъ не гнаться за окончаніемъ курса, потому что былъ богатъ: у него были имѣнія въ Щигровскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ, Курской губерніи, (до 500 душъ м. п.) и домъ въ Петербургѣ на Шестилавочной улицѣ (нынѣ Надеждинская); онъ нерѣдко ѣздилъ въ свои имѣнія и живалъ въ нихъ. Въ 1840 г. Спѣшневъ сошелся съ госпожею Савельевою, урожденною Цѣхановецкою. Она, уже имѣя двухъ дѣтей, покинула мужа, помѣщика Александра Савельева, и уѣхала со Спѣшневымъ въ Гельсингфорсъ, откуда тотъ

---

[1]) Спѣшневъ сообщилъ о подозрѣніяхъ своихъ и Достоевскаго Петрашевскому, а тотъ разсказалъ о нихъ Черносвитову. Онъ казался подозрительнымъ также и Момбелли. Львовъ счелъ его за агента-провокатора. Достоевскій, впрочемъ, заявилъ, что предположеніе о шпіонствѣ Черносвитова было у него только «мгновенною мыслью, ему показалось, что въ разговорѣ Черносвитова есть что-то увертливое, какъ будто себѣ на умѣ». Послѣ того онъ видѣлъ Черносвитова всего одинъ разъ и забылъ о своемъ замѣчаніи.

[2]) Къ сожалѣнію, дѣло о немъ утрачено такъ же, какъ дѣло о Спѣшневѣ, Толѣ и Ѳ. М. Достоевскомъ.

увезъ ее за границу, гдѣ прожилъ, по собственному показанію четыре года (1842—46 г.) [1]). Но Савельева умерла въ 1844 г. въ Вѣнѣ (если вѣрить Бакунину, отравилась изъ ревности) и оставила Спѣшневу двухъ прижитыхъ съ нимъ сыновей. Послѣ ея смерти онъ пріѣзжалъ въ Россію, чтобы устроить дѣтей, и затѣмъ опять уѣхалъ. Онъ хотѣлъ взять съ собой Энгельсона. Государь пожелалъ знать, что они за люди. На докладѣ о нихъ шефа жандармовъ Орлова имп. Николай, 1 нояб. 1844 г., написалъ: «Можидъ и здесь въ университетѣ учится, а въ ихъ лѣта шататься по бѣлому свѣту, вмѣсто службы, и стыдно, и недостойно благороднаго званія; за симъ ѣхать могудъ, ежели хотятъ». Тогда Энгельсонъ заявилъ Орлову, что желаетъ поступить на службу, относительно же Спѣшнева шефъ жандармовъ лично убѣдился, что онъ «страдаетъ глазною болью, которая можетъ требовать лѣченія за границею», о чемъ и сообщилъ С.-Петербургскому генералъ-губернатору Кавелину[2]). Сохранился паспортъ Спѣшнева и его лакея, подписанный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Перовскимъ, 10 ноября 1844 г., который явленъ былъ въ ковенской таможнѣ, Варшавѣ и затѣмъ 28 марта—9 апрѣля 1845 г. въ русскомъ посольствѣ въ Дрезденѣ по дорогѣ въ Вѣну. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ III-му отдѣленію Соб. Его Вел. Канц. Савельевымъ, дѣти были привезены въ Россію и воспитывались у ихъ дяди Алексѣя Цѣхановецкаго, въ имѣніи близь Витебска, а послѣ того, какъ Спѣшневъ былъ сосланъ, его мать, которую онъ очень любилъ, подала прошеніе о причисленіи его незаконно-рожденныхъ сыновей къ сословію мѣщанъ. Но почему-то это не было исполнено[3]).

Н. А. Огарева-Тучкова такъ описываетъ внѣшность Спѣшнева: «Онъ обращалъ всеобщее вниманіе своею симпатичною наружностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица, темнорусыя кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большіе, сѣрые, были подернуты какою-то тихою грустью»[4]).

Живя въ Швейцаріи, Спѣшневъ принялъ участіе въ войнѣ между либеральными кантонами и Зондербундомъ, состоявшимъ изъ семи ультрамонтанскихъ кантоновъ, вызванной вопросомъ объ изгна-

---

[1]) Его товарищъ по лицею Энгельсонъ писалъ ему за границу, а Спѣшневъ черезъ него посылалъ письма своимъ роднымъ.

[2]) Приношу искреннюю благодарность М. К. Лемке за сообщеніе копіи съ дѣла Энгельсона въ III отд. Соб. Е. В. Канц.

[3]) Братъ Анны Савельевой, матери этихъ дѣтей, въ 1855 г. подалъ на имя гр. А. Ѳ. Орлова прошеніе о помѣщеніи мальчиковъ въ какое-либо учебное заведеніе. Но оказалось, что они должны были быть предварительно записаны въ какое-либо податное сословіе, а такъ какъ это не было сдѣлано, то Орловъ написалъ: «Нельзя. Къ сожалѣнію».

[4]) *Огарева-Тучкова* «Воспоминанія 1848—1870». М. 1903, стр. 67. Спѣшневъ былъ знакомъ съ Огаревымъ и Кавелинымъ.

ніи іезуитовъ, и находился волонтеромъ въ войскѣ полковника Оксенбейна, когда тотъ въ 1843 г. шелъ на Люцернъ. Вѣроятно, онъ имѣлъ личныя знакомства среди заграничныхъ соціалистовъ[1]), судя по письму изъ Парижа неизвѣстнаго лица отъ 24 марта 1847 г., которое было найдено въ его бумагахъ. Это лицо извѣщаетъ Спѣшнева, что оно участвуетъ въ редактированіи извѣстнаго журнала «Revue Indépendante», который въ 1841—48 гг. издавали Пьеръ Леру, Жоржъ Зандъ и Луи Віардо, и предлагаетъ ему помѣщать въ журналѣ статьи о Россіи[2]). Бакунинъ, познакомившійся со Спѣшневымъ въ Сибири, во время ссылки ихъ обоихъ, сообщаетъ въ письмѣ оттуда Герцену, что Спѣшневъ «въ 1846 г. слылъ львомъ иностраннаго, особенно же польско-русскаго дрезденскаго общества». По его словамъ, Е. П. Языкова, ея дочь «и всѣ ихъ пріятельницы, даже одна 70-лѣтняя польская графиня, были въ него влюблены. Другомъ, неразлучнымъ его сеидомъ, былъ... Эдмондъ Хоецкій" (псевдонимъ Хоецкого былъ Шарль Эдмонъ)[3]). „Но не однѣ дамы, а и молодые поляки, преимущественно аристократической партіи Чарторыйскаго, были отъ него безъ ума[4])". Эти свѣдѣнія остаются на отвѣтственности Бакунина, который вслѣдствіе своей близости съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Муравьевымъ былъ во время ссылки, послѣ извѣстной дуэли Беклемишева съ Нехлюдовымъ, враждебно настроенъ противъ Петрашевскаго и

---

[1]) Во время похода на Люцернъ онъ могъ познакомиться съ швейцарскимъ соціалистомъ Іог. Филиппомъ Беккеромъ, который также въ немъ участвовалъ. См. N. Rjasanoff. «Zur Biographie von Ioh. Ph. Becker» въ «Archiv für die Gesch. d. Sozialismus und Arbeiterbewegung», IV. B., 2. H., стр. 316, 324—326. Въ брошюрѣ «Ein Wort über die Fragen der Zeit» (1841 г.) Беккеръ въ числѣ задачъ Германіи ставилъ воспрепятствованіе завоевательнымъ планамъ Франціи и Россіи и возстановленіе Польши.

[2]) Вѣроятно, Спѣшневъ былъ и въ Парижѣ, судя по показанію Н. Я. Данилевскаго, что онъ «особливо старался разспрашивать Спѣшнева о состояніи ученія Фурье во Франціи». Необходимо сопоставить съ этимъ слова Энгельса въ его письмѣ, напечатанномъ въ журналѣ оуэнистовъ-коммунистовъ «New Moral World» 5 окт. 1844 г.: «Мы дѣлаемъ большіе успѣхи среди живущихъ въ Парижѣ русскихъ. Тутъ имѣется трое или четверо русскихъ дворянъ и помѣщиковъ, которые являются радикальными коммунистами и атеистами» (Введеніе Н. Рязанова къ перепискѣ К. Маркса и Фр. Энгельса, «Соврем. Міръ» 1914 г. № 5, стр. 28). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что одинъ изъ этихъ русскихъ былъ Спѣшневъ.

[3]) Хоецкій, какъ видно изъ «Былого и Думъ» (см. «Сочиненія Герцена», изд. подъ ред. Лемке, Петроградъ 1919 г., т. XIII, 310 и сл.), былъ знакомъ съ Герценомъ. Онъ былъ помощникомъ Мицкевича по редактированію въ Парижѣ въ 1849 г. газеты «Tribune des peuples», которая просуществовала нѣсколько мѣсяцевъ (*Рязановъ*, «Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ», «Соврем. Міръ», 1912, № 8, стр. 168—170), а также и членомъ редакціи газеты «Voix des peuples» Прудона (1849—50 г.). Впослѣдствіи Хоецкій подъ именемъ Edmond состоялъ въ числѣ редакторовъ газеты «Temps» въ Парижѣ и былъ умѣреннымъ либераломъ-республиканцемъ (сообщено Н. С. Русановымъ).

[4]) «Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Съ примѣчаніями М. П. Драгоманова». Женева, 1896, стр. 47.

его друзей. Есть извѣстія, что Спѣшневъ будто бы «привезъ въ Россію статуты польской революціонной организаціи»[1]). Но слѣдственная комиссія по дѣлу о петрашевцахъ не обнаружила никакихъ слѣдовъ польскихъ революціонныхъ вліяній, да и вообще первое мѣсто въ ихъ кружкахъ занимали вопросы не національные, а соціальные и затѣмъ политическіе.

Въ своем предварительномъ показаніи Спѣшневъ заявилъ, что „съ Петрашевскимъ онъ знакомъ со школьной скамьи, потому что воспитывался вмѣстѣ съ нимъ въ имп. Александровскомъ лицеѣ; по выходѣ откуда взаимныя сношенія ихъ совершенно прервались, сперва по случаю двухлѣтней отлучки его (Спѣшнева) изъ Петербурга, а потомъ вслѣдствіе четырехлѣтняго пребыванія за границею. Спѣшневъ познакомился в Дрезденѣ съ однимъ молодымъ полякомъ, Хоецкимъ, который служилъ сперва въ Варшавѣ въ театральной дирекціи и котораго нѣкоторые изъ его соотечественниковъ считали за агента русскаго правительства. Хоецкій хотѣлъ ѣхать въ Парижъ и основать тамъ типографию [2]), а когда Спѣшневъ собирался ѣхать въ Россію, то Хоецкий просилъ его: не можетъ ли онъ написать исторію Россіи и прислать ему для напечатанія, потому что русскихъ за границею было много, и книги объ Россіи раскупались сильно; также просилъ, что ежели есть въ Петербургѣ какія-нибудь запрещенныя сочиненія, которыя ходятъ по рукамъ, то переслать ему. Онъ, Спѣшневъ, согласился на это, но, пріѣхавъ въ Россію, раздумалъ, исторіи не писалъ ни одной страницы, а сочиненій, ходящихъ по рукамъ, никакихъ не видалъ. Въ первые мѣсяцы по возвращеніи изъ-за границы онъ велъ переписку с Хоецкимъ, но вскорѣ прекратилъ ее и уже два года не знаетъ, что съ нимъ сталось [3]).

„По возвращеніи изъ-за границы, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1846 г., Спѣшневъ скоро уѣхалъ въ свое имѣніе и прожилъ тамъ до декабря, а по прибытіи въ Петербургъ возобновилъ знакомство съ бывшими своими

[1]) *Ratch.* «La question polonaise dans la Russie occidentale». Matériaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863». P. 1868, p. 103. Ранѣе Ратча подобное извѣстіе сообщено въ книгѣ «Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1863 г.» (извлеченіе изъ «Вѣстника Западной Россіи», Вильна, 1866); «Молодой Сп. путями сердечныхъ струнъ, послѣдовательно двумя поляками увлеченный за границу и въ польскую среду, былъ вполнѣ приготовленъ, посвященъ въ таинства и привезъ для общества Петрашевскаго (?) всѣ пригодные статуты и положенія польской *централизаціи*» (стр. 183). Ратчъ также говоритъ о двухъ полякахъ Цѣхановецкихъ, но особенно подчеркиваетъ вліяніе на Спѣшнева въ польскомъ духѣ Изабеллы Цѣхановецкой, урожденной Кобылинской.

[2]) К. Д. Кавелинъ, познакомившійся съ Хоецкимъ въ Парижѣ въ 1862 г., говоритъ, что онъ „показался ему человѣкомъ очень практическимъ, менѣе другихъ болящимъ болѣзнью родины". „Собр. соч. Кавелина", 1898 г., т. II, стр. XXVI.

[3]) Предлагая на вечерѣ у Плещеева печатать книги за границею, Спѣшневъ, вѣроятно, разсчитывалъ на содѣйствіе Хоецкаго.

товарищами, въ томъ числѣ и съ Петрашевскимъ, посѣщалъ его довольно часто въ положенный день, по пятницамъ. Общество, собиравшееся у Петрашевскаго, не нравилось ему и казалось какъ-то грубоватымъ и необразованнымъ, и онъ бывалъ тамъ только потому, что не имѣлъ еще тогда другого знакомства... Самъ Петрашевскій казался ему отчасти фурьеристомъ, но онъ не находилъ въ его мышленіи большой ясности и послѣдовательности...; онъ вообще одержимъ неодолимою страстью спорить, и поэтому, кажется, ему пріятно было собирать къ себѣ спорщиковъ».—Въ 1848 г. внѣшнія событія произвели извѣстное броженіе какъ въ головѣ его (Спѣшнева), такъ и въ головахъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ видалъ; только и былъ разговоръ о заграничныхъ новостяхъ. Сходки у Петрашевскаго продолжались, но кромѣ журнальныхъ вѣстей, ни о чемъ ужъ не говорилось [1]). Въ маѣ мѣсяцѣ онъ уѣхалъ въ деревню и прожилъ тамъ все лѣто; по возвращеніи же въ Петербургъ опять сталъ бывать у Петрашевскаго и, по просьбѣ его, въ октябрѣ мѣсяцѣ началъ было говорить у него на собраніи о религіозномъ вопросѣ, но „прочиталъ только одну лекцію, которая показалась, кажется, и суха, и коротка, такъ что онъ не рѣшался уже болѣе распространять своихъ иррелигіозныхъ идей и предпочелъ лучше совсѣмъ не дѣлать болѣе изложеній, а писать для себя".

Въ бумагахъ Спѣшнева было найдено разсужденіе, въ формѣ рѣчи, о религіи, въ которой опровергалось существованіе Бога; быть можетъ это и было то разсужденіе, которое онъ начиналъ читать у Петрашевскаго, но не окончилъ; однако Спѣшневъ, какъ увидимъ ниже, это отрицалъ. Въ немъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ наша бѣдная Россія, въ ней всегда возможенъ былъ только одинъ способъ словеснаго распространенія...,—для письменнаго слова всегда была какая-нибудь невозможность. Оттого-то, г.г.,... такъ какъ намъ осталось одно изустное слово, то я и намѣренъ пользоваться имъ безъ всякаго стыда и совѣсти, безъ всякаго зазора для распространенія соціализма, атеизма, терроризма, всего, всего добраго на свѣтѣ. И вамъ совѣтую то же".

На вопросы слѣдственной комиссіи относительно его политическихъ убѣжденій и способа ихъ осуществленія Спѣшневъ показалъ, что онъ „всегда думалъ и думаетъ, что всегда была и есть и будетъ возможность устроить общество такъ, чтобы всѣ наслаждались извѣстною степенью благосостоянія, смотря по возможности, и чтобы всякій пользовался извѣстною свободою настолько, насколько это не препятствуетъ дѣйствію правительства и не вредно для другихъ членовъ общества, что, по мнѣнію его, предъ лицомъ правительства или вер-

---

[1]) Ср. объ этомъ въ романѣ *Альминскаго* (Пальма) „Алексѣй Слободинъ", стр. 359.

ховной власти, всѣ подданные должны быть равны и что существованіе всякаго привилегированнаго сословія въ народѣ есть двойная дерзость въ отношеніи къ верховной власти и къ остальнымъ подданнымъ.

„Относительно самаго устройства верховной власти онъ не имѣлъ положительныхъ убѣжденій. Прежде, когда былъ моложе, онъ считалъ, что представительныя правленія лучше непредставительныхъ, но послѣ убѣдился, что для народа важно только, чтобъ правительство было у него хорошее, соціальное, и что это зависитъ не отъ той или другой формы, а отъ того, кто наполняетъ эти формы и какъ дѣйствуетъ правительство. Большую часть своихъ политическихъ убѣжденій онъ видѣлъ болѣе или менѣе примѣненными къ Россіи; онъ желалъ только уравненія въ правахъ крѣпостного сословія съ другими или по крайней мѣрѣ улучшенія благосостоянія этого сословія и вообще сильнѣйшаго развитія образованности въ народѣ; но онъ думалъ, что правительство идетъ по этому пути. Когда въ 1848 г. онъ услыхалъ, что этотъ вопросъ отложенъ, то ему казалось, что откладывать его „значитъ добровольно подготовить въ Россіи единственный возможный предметъ (поводъ, причину?) народнаго возстанія, въ которомъ погибнетъ вѣковой трудъ Петра Великаго и его преемниковъ. Оттого хотѣлъ онъ у себя въ имѣніи сдѣлать все, что можно, уговаривать всѣхъ дѣлать то же, написать сочиненія объ этомъ предметѣ, основать съ дозволенія правительства общество эманципаторовъ и писать и печатать народныя книги; но ничего не успѣлъ привести въ исполненіе“.

Въ бумагахъ Спѣшнева между прочимъ были найдены: 1) разсужденіе о предметахъ политической экономіи, составленное по системѣ Фурье; 2) разсужденіе о крѣпостномъ состояніи, о необходимости неотлагательнаго уничтоженія его въ Россіи и о составленіи общества изъ лицъ, дѣйствующихъ для достиженія этой цѣли; 3) разсужденіе о томъ, что соціализмъ отнюдь не есть новая политическая экономія, а новая политика, или наука объ обязанностяхъ правительства и правахъ членовъ общества, называемаго государствомъ; 4) отрывокъ разсужденія о двухъ вопросахъ: общественномъ и религіозномъ, и 5) четыре портрета главныхъ поборниковъ системы коммунизма и соціализма во французскомъ народномъ собраніи. Къ сожалѣнію вслѣдствіе утраты дѣла о Спѣшневѣ содержаніе найденныхъ у него разсужденій неизвѣстно, но часть своихъ идей онъ изложилъ въ своемъ показаніи, приведенномъ въ докладѣ генералъ-аудиторіата.

При разспросахъ о найденномъ въ его бумагахъ отрывкѣ разсужденія о двухъ вопросахъ: общественномъ и религіозномъ, онъ показалъ что разсужденіе это намѣренъ былъ читать, но нигдѣ не читалъ. Онъ заявилъ также, что не отказывается отъ того, что прежде написалъ о

бунтѣ, а послѣ о пропагандѣ, и что все, что изложено въ этомъ разсужденіи „предполагается только въ теоріи, въ критикѣ, безъ примѣненія къ дѣлу“.

Въ показаніи своемъ Спѣшневъ сказалъ, что „было время, и недавно, когда онъ, придерживаясь вышеозначенныхъ общихъ чертъ политической системы, былъ сверхъ того еще и соціалистомъ. Онъ думалъ, что для общей пользы правительство кромѣ того, что оно завѣдываетъ, напримѣръ, законодательствомъ, правосудіемъ, администраціею и проч., должно также завѣдывать и промышленностью, и если не всею, то по крайней мѣрѣ необходимѣйшимъ. Сверхъ того, какъ одно изъ правъ правительства, онъ считаетъ право владѣнія всѣмъ пространствомъ земли государства (территоріей). Но вопросъ этотъ имѣетъ важность въ государствахъ, переполненныхъ народонаселеніемъ, а для Россіи онъ пока еще долго не будетъ важенъ. Для достиженія своей цѣли онъ ни съ кѣмъ не могъ условливаться, потому, что ясной цѣли у него самого не было. Онъ былъ человѣкъ еще не установившійся, еще работающій и изучающій, и система его только постепенно складывалась, измѣнялась въ подробностяхъ и уяснялась для него самого. Все, что онъ знаетъ и считаетъ истиннымъ, онъ постоянно имѣлъ желаніе сообщать другимъ, т.-е. всегда желалъ распространять всякую истину, которую считалъ полезной. Направленіемъ же своимъ онъ обязанъ своимъ убѣжденіямъ, а убѣжденія свои пріобрѣталъ только прилежнымъ изученіемъ сочиненій другихъ и потомъ собственнымъ соображеніемъ и умозаключеніемъ. Такимъ образомъ онъ началъ быть либераломъ вслѣдствіе чтенія сочиненій французскихъ историковъ вскорѣ по выходѣ изъ лицея, а потомъ почти ничего другого не читалъ, кромѣ сочиненій политико-экономовъ и соціалистовъ разныхъ школъ, и тогда сталъ соціалистомъ“.

Кое-что въ этомъ показаніи требуетъ оговорокъ и ограниченій, вызываемыхъ тѣмъ, что это profession de foi было изложено для слѣдственной комиссіи; но несомнѣнно многое тутъ сказано и искренно. Любопытно, что Спѣшневъ желалъ націонализаціи земли и обобществленія промышленности и земледѣлія; въ своихъ показаніяхъ онъ вездѣ называлъ себя соціалистомъ, но въ кругу товарищей не скрывалъ, что онъ коммунистъ. Онъ сочувствовалъ даже террору.

Какого же рода это былъ коммунизмъ: Кабэ, Дезами, Вейтлинга или Маркса и Энгельса? Спѣшневъ четыре года (1842—46) провелъ за границей и между прочимъ настолько близко интересовался швейцарскими дѣлами, что даже, какъ мы видѣли, принялъ въ нихъ личное участіе. Это заставляетъ думать, что ему было хорошо извѣстно ученіе Вейтлинга, составляющее переходное звено между утопическимъ

и пролетарскимъ коммунизмомъ [1]). Что Спѣшневъ не былъ коммунистомъ въ духѣ Кабэ, видно изъ того, что этотъ послѣдній, требуя, какъ ближайшей реформы, всеобщаго избирательнаго права, полагалъ, что преобразованіе общества совершится безъ всякихъ потрясеній, что придется прибѣгнуть только къ закону и общему согласію, и, чтобы устранить всѣ возможныя затрудненія, общность имуществъ будетъ введена не при настоящемъ, а при слѣдующемъ поколѣніи; въ видѣ переходныхъ мѣръ можно будетъ отмѣнить наслѣдованіе по боковой линіи, завѣщанія, даренія, установить прогрессивный налогъ, организовать трудъ, регулировать заработную плату и ввести безплатное народное образованіе [2]). Такого оптимистическаго взгляда относительно возможности мирнаго проведенія въ жизнь коммунистическаго строя былъ чуждъ Спѣшневъ, возлагавшій надежду лишь на путь революціонный. Поэтому на него скорѣе могъ повліять французскій коммунистъ Дезами, авторъ сочиненія „Code de la communauté“ (1842), который, въ противоположность Кабэ, требовалъ немедленнаго переворота, насильственной экспропріаціи частной собственности [3]). Возможность вліянія Дезами на Спѣшнева (а черезъ него и на Тимковскаго) подтверждается тѣмъ, что при обыскѣ у Спѣшнева было найдено одно изъ сочиненій Дезами [4]). Отмѣтимъ, что атеисту Спѣшневу Дезами могъ быть симпатиченъ и какъ сторонникъ чисто-матеріалистическаго коммунизма.

Возможно вліяніе на Спѣшнева и Вейтлинга, тѣмъ болѣе, что дѣятельность его въ Швейцаріи, повидимому, совпадаетъ съ временемъ пребыванія въ этой странѣ Спѣшнева (Вейтлингъ велъ свою коммунистическую пропаганду въ Швейцаріи въ 1841—43 гг., высланъ изъ нея, послѣ тюремнаго заключенія, въ 1844 г.) [5]). Вейтлингъ утверждалъ, что безъ соціальной революціи освобожденіе рабочаго класса невозможно,—въ этомъ его главное разногласіе съ Кабэ. Въ своемъ

---

[1]) См. *Мерингъ* „Ист. германской соц.-демократіи“, С.-Пб. 1906, изд. Гранатъ, т. I, стр. 111. Ср. *Bourgin*, „*V. Considérant*“, 78—79.

[2]) *Поль Луи*. „Исторія соціализма во Франціи“. М. 1906 г., стр. 168; *Люксъ*. „Этьенъ Кабе“, изд. „Просвѣщеніе“, стр. 113, 114, 118, 314—5, 319—323; *Калеръ*. „Вильгельмъ Вейтлингъ, его жизнь и ученіе“, Спб. изд. «Просвѣщеніе», стр. 27—29.

[3]) *Н. В. Водовозовъ* „Дезами“ въ „Энциклоп. словарѣ“, изд. Брокгауза и Ефрона, т. X, 1893 г., стр. 280; *Калеръ*, 29, 158.

[4]) Le Jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions des Jésuites et leurs instructions secrètes et parallèle avec un projet d'organisation du travail par *Th. Dézami*, auteur du Code d'organisation sociale. 1845.

[5]) Въ русской печати того времени есть упоминаніе о Вейтлингѣ со словъ Гуцкова въ статьѣ *В. П. Боткина* „Германская литература въ 1843 г.“, какъ о краснорѣчивомъ редакторѣ журнала для рабочихъ, издаваемаго въ Веве въ Швейцаріи. „Сочиненія В. П. Боткина“. СПБ. 1891 г. II, 293. Изъ сочиненій Вейтлинга переведены на русскій языкъ: „Евангеліе бѣднаго грѣшника“. (СПБ. 1907) и „Человѣчество, каково оно есть и каковымъ должно быть“. (Библіотека „Просвѣщенія“ 1906.)

сочиненіи „Гарантіи гармоніи и свободы“ (1842) Вейтлингъ указываетъ и на „необходимыя мѣропріятія ближайшей соціальной революціи“, при чемъ учреждается временное правительство, состоящее изъ надежныхъ приверженцевъ коммунизма, пролетаріатъ и ремесленники вооружаются, всякій, кто выступитъ врагомъ коммунизма, разстрѣливается. Въ подпискѣ, найденной у Спѣшнева, вступающій въ „русское общество“ обязывается принять „полное, открытое участіе въ возстаніи и дракѣ“. Но въ своемъ отношеніи къ религіи Спѣшневъ былъ неизмѣримо ближе къ Дезами, чѣмъ къ Вейтлингу, который въ своемъ „Евангеліи бѣднаго грѣшника“ подтверждалъ свои взгляды множествомъ цитатъ изъ Евангелія [1]); по примѣру Кабэ въ его книгѣ „Le vrai christianisme suivant le Jésus Christ“ (P. 1846 г.), извѣстной петрашевцамъ.

Является, наконецъ, вопросъ, не считалъ ли себя Спѣшневъ коммунистомъ въ духѣ Маркса и Энгельса, не въ этомъ ли смыслѣ говорилъ о коммунизмѣ и К. Тимковскій?

Въ мартѣ 1846 г. произошло рѣзкое столкновеніе по принципіальнымъ основаніямъ между Марксомъ и Вейтлингомъ въ Брюсселѣ въ собраніи (на которомъ присутствовалъ П. В. Анненковъ и которое имъ описано въ „Замѣчательномъ десятилѣтіи“ и Вейтлингомъ въ письмѣ къ Гессу), послѣ чего Вейтлингъ уѣхалъ въ Америку. Въ концѣ того же года, разобравъ „Философію нищеты“ Прудона, Марксъ въ письмѣ къ Анненкову говоритъ: „Что касается до нашей собственной партіи, то не только она бѣдна, но значительная фракція нѣмецкой коммунистической партіи сердится на меня за то, что я сопротивляюсь ея утопіямъ и ея декламаціи“. Тотъ коммунизмъ, сторонникомъ котораго былъ Марксъ, онъ прямо называетъ въ этомъ письмѣ „революціоннымъ движеніемъ“ [2]). Весною 1847 г. явилась мысль преобразовать „Союзъ справедливыхъ“ (Bund der Gerechten), членомъ котораго былъ прежде и Вейтлингъ, и съ этою цѣлью лѣтомъ 1847 г. собрался учредительный конгрессъ новой организаціи, принявшей названіе „Союза коммунистовъ“. Онъ назначилъ Лондонъ мѣстопребываніемъ центральнаго комитета и поручилъ Марксу и Энгельсу составить проектъ манифеста. Коммунистическій конгрессъ, засѣдавшій въ Лондонѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1847 г., послѣ десятидневныхъ дебатовъ, принялъ „коммунистическій манифестъ“, составленный Марксомъ. Онъ появился впервые въ Лондонѣ на нѣмецкомъ языкѣ за нѣсколько недѣль до

---

[1]) *Калеръ*, 190—191; *Вейтлингъ*. „Евангеліе бѣднаго грѣшника“. Изд. „Мысль“. Спб. 1907.

[2]) „М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке“. Спб. 1912 г., т. III, 464. Письмо Маркса къ П. В. Анненкову напечатано здѣсь во французскомъ подлинникѣ и въ прекрасномъ переводѣ Н. С. Русанова съ его примѣчаніями (стр. 455—475).

февральской революціи 1848 г., а затѣмъ незадолго до нея вышелъ въ свѣтъ на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, куда немедленно послѣ революціи переѣхалъ центральный комитетъ, а слѣдовательно, и Марксъ и Энгельсъ [1]). Въ манифестѣ, какъ извѣстно, было заявлено, что „ближайшею своею цѣлью коммунисты ставятъ... завоеваніе иролетаріатомъ политической власти", что „коммунистическая революція представляетъ собою радикальнѣйшій разрывъ съ завѣщанными намъ имущественными отношеніями", что коммунизмъ стремится уничтожить „буржуазную собственность". Относительно Польши было сказано, что въ ней „коммунисты поддерживаютъ ту партію, которая условіемъ національнаго освобожденія ставитъ аграрную революцію, партію, вызвавшую краковское возстаніе 1846 г.". Въ заключеніе коммунисты „открыто" объявляли, что „ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго низверженія всего существующаго общественнаго строя" [2]). Правда, союзъ коммунистовъ былъ, какъ это признаетъ историкъ нѣмецкой соціалъ-демократіи Мерингъ (I, 376) чрезвычайно малочисленъ въ первое время во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ имѣлъ приверженцевъ: онъ едва ли могъ считать ихъ численность болѣе нѣсколькихъ сотъ членовъ. Нужно считаться и съ тѣмъ, что о коммунистическомъ манифестѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія, во всемъ дѣлѣ петрашевцевъ, но Спѣшневу было уже извѣстно сочиненіе Маркса противъ Прудона („Misère de la philosophie", Brux. 1847) [3]), мы увидимъ также, что Спѣшневъ еще въ мартѣ 1847 г. находился въ сношеніяхъ съ членомъ одного литературнаго соціалистическаго кружка въ Парижѣ, были у него связи и съ польской революціонной эмиграціей; съ другой стороны, Марксъ, и ранѣе 1848 г. высказывавшійся въ печатныхъ и литографированныхъ трудахъ противъ другихъ теченій соціалистической мысли, имѣлъ связи и среди русскихъ въ Парижѣ (напр., съ Сазоновымъ, Бакунинымъ и др. [4]). Судя по тому, какое обширное письмо онъ написалъ Анненкову, Марксъ дорожилъ мнѣніемъ своихъ русскихъ пріятелей. Все это заставляетъ допустить возможность, что Спѣшневъ могъ быть не чуждъ вліянія революціонно-пролетарскаго коммунизма въ духѣ Маркса и Энгельса [5]).

---

[1]) Въ письмѣ ко мнѣ Н. Рязановъ сообщаетъ, что нѣмецкое изданіе манифеста стало извѣстно въ Германіи не ранѣе лѣта 1848. г.

[2]) *Андлеръ.* „Коммунистическій манифестъ. Историческое введеніе и комментарій къ нему". Перев. Шаха, подъ редакціей Берлина. Изд. Львовича. Спб., 1906 г., стр. 11, 37, 44—45, 58, 59, 86—89.

[3]) Марксъ свидѣтельствуетъ, что это изданіе нигдѣ не нашло такого большого сбыта, какъ въ Россіи. См. Рязановъ, „Карлъ Марксъ и русскіе люди 40-хъ гг.". „Совр. Міръ", 1912, № 8, стр. 156.

[4]) См. выше названную статью *Рязанова* („Совр. Міръ", 1912 г. №№ 8—12), и *Лагарделя* „Марксъ и Бакунинъ" („Завѣты" 1913 г. № 2, стр. 45—51).

[5]) Познакомившись при посредствѣ Д. Д. Ахшарумова съ его старинным дру-

Что касается политическихъ взглядовъ Петрашевскаго, то о нихъ намъ еще придется говорить.

Коммунистическіе взгляды Спѣшнева [1]) являлись причиною его несогласій съ Петрашевскимъ, а затѣмъ и ссоры, хотя какъ товарищи по лицею, они обращались другъ къ другу на „ты“. По показаніямъ Момбелли, Спѣшневъ „объявлялъ себя коммунистомъ, но вообще мнѣній своихъ не любилъ высказывать, держа себя какъ-то таинственно, что въ особенности не нравилось Петрашевскому, короче другихъ знакомому съ нимъ“. „Петрашевскій часто жаловался на скрытность Спѣшнева и говорилъ, что онъ всегда хочетъ казаться не тѣмъ, что есть. Въ своемъ показаніи Петрашевскій заявилъ, что уважаетъ Спѣшнева за его сердце, талантливость и умъ, но не за его самолюбіе“. Спѣшневъ говорилъ у себя лишь „столько, сколько нужно, чтобы заставить другихъ говорить, поддержать разговоръ, а самъ только слушалъ“. Даже о томъ, что онъ былъ за границей, Момбелли узналъ отъ другихъ, а не отъ него самого. Къ гостямъ онъ былъ привѣтливъ и внимателенъ, „но всегда холоденъ, ненарушимо спокоенъ, наружность его никогда не измѣняла выраженія“. По взглядамъ на религію онъ былъ атеистомъ [1]). Балосогло говоритъ о большихъ познаніяхъ Спѣшнева въ наукахъ общественныхъ и философіи. По его словамъ, „съ необыкновенною радостью онъ нашелъ въ Спѣшневѣ „при ближайшихъ бесѣдахъ умъ вполнѣ философскій и самыя разнообразныя познанія, что весьма рѣдко встрѣчалъ въ жизни... Я зналъ, что онъ прилежно занимается науками“. Книги, взятыя у Спѣшнева при обыскѣ, показываютъ, что онъ интересовался исторіею новѣйшей

гомъ петрашевцемъ Ипполитомъ Матв. Дебу, я спросилъ его, возможно ли было, по его мнѣнію, вліяніе на Спѣшнева идей Карла Маркса. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, не отрицая возможности такого вліянія, И. М. Дебу прислалъ мнѣ библіографическую справку о сочиненіяхъ Карла Маркса, изданныхъ въ 1846 г., т. е. въ тотъ годъ, когда Спѣшневъ находился еще за границей: „Перечисляя сочиненія К. Маркса“, пишетъ мнѣ И. М. Дебу, „Георгъ Адлеръ (Die Grundlagen der K. Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft) упоминаетъ между прочимъ слѣдующее: 1846. Печатные и литографированные памфлеты, составленные Марксомъ вмѣстѣ съ Энтельсомъ, В. Вольфомъ и др.; въ этихъ памфлетахъ критиковались ученія, господствующія въ „Союзѣ справедливыхъ“ (Bund der Gerechten) и защищалось ученіе Маркса и вытекающая изъ него практическая программа“.

[1]) Слѣдственная комиссія изъ показанія Спѣшнева, прочитаннаго 2 іюня 1849 г., заключила, что онъ „возвратился въ Россію, проникнутый коммунистическими идеями“ и мечтами „о способахъ въ томъ же духѣ произвести переворотъ и въ нашемъ общественномъ бытѣ“.

[2]) Познакомившись со Спѣшневымъ у Петрашевскаго и Милютина, Н. Я. Данилевскій часто бывалъ у него въ 1848 году и разспрашивалъ его „о состояніи ученія Фурье во Франціи“. Высказывая свои фурьеристскіе взгляды, Данилеескій старался вызвать его на споръ, „считая его умнымъ человѣкомъ“ и желая убѣдить его. Но Спѣшневъ „отъ всякаго разсужденія въ этомъ родѣ уклонялся“.

нѣмецкой философіи, политическою экономіею, фурьеризмомъ, исторіею великой французской революціи, крестьянскимъ вопросомъ: онъ считалъ самою важною реформою освобожденіе крестьянъ; напомнимъ, что онъ былъ противникомъ іезуитовъ [1]).

Несмотря на то, что Спѣшневъ относился къ Черносвитову подозрительно, «его подмывало любопытство», возбужденное нѣкоторыми словами Черносвитова. Спѣшневъ рѣшилъ «во что бы то ни стало вывѣдать, самъ или черезъ Петрашевскаго, что такое затѣвается и затѣвается ли что».

Въ одну изъ пятницъ по разъѣздѣ гостей Петрашевскій свелъ Черносвитова со Спѣшневымъ, при чемъ отрекомендовалъ ему Спѣшнева, какъ человѣка весьма умнаго и высокообразованнаго, «посвятившаго жизнь наукѣ экономической». Черносвитовъ сталъ наводить своихъ собесѣдниковъ на мысль, что въ Россіи существуетъ тайное общество, и доказывалъ это пожарами въ 1848 г. и происшествіями въ низовыхъ губерніяхъ [2]). Петрашевскій его поддерживалъ, однако жъ разговоръ не вязался, и Спѣшневъ поѣхалъ домой вмѣстѣ съ Черносвитовымъ. Дорогою Черносвитовъ спросилъ Спѣшнева:

— Какая, по его мнѣнію, была бы теперь самая полезная реформ въ Россіи?

— Реформа крѣпостного состоянія,—отвѣчалъ Спѣшневъ.

— И я такъ думаю,—согласился Черносвитовъ.

По словамъ Петрашевскаго, Черносвитовъ пріѣхалъ къ нему однажды утромъ, сталъ спрашивать его о цѣли его собраній и сказалъ «Хороша идея, но надо дѣлать», потомъ спросилъ, существуетъ ли общество, и удивившись, что общества у него нѣтъ, намекнулъ, что онъ, Петрашевскій, могъ бы принять въ свое общество и его, Черносвитова. Въ отвѣтъ на слова Петрашевскаго, что онъ врагъ всякаго тайнаго общества, Черносвитовъ замѣтилъ, что дѣйствуя такимъ образомъ, онъ, Петрашевскій, не принесетъ никакой пользы и можетъ

---

[1]) Сенаторъ К. Н. Лебедевъ, передавая свой разговоръ съ членомъ военносудной комиссіи сенаторомъ Ф. А. Дурасовымъ говоритъ: „Особенно превозносятъ способности Спѣшнева“. „Рус. Арх.“ 1910 г., № 11, стр. 375.—Къ сожалѣнію, дѣло Спѣшнева цѣликомъ не сохранилось, и есть только извлеченія изъ его показаній. При обыскѣ у Спѣшнева были взяты слѣдующія иностранныя книги: *Proudhon*. „Système des contradictions économiques“. (P. 1846); *Ch. Fourier*. „Le nouveau monde industriel“ (1840, 2 vol); *Pellarin*. „Ch. Fourier, sa vie et sa théorie“ (2 éd. P. 1843); *L. Blanc*. „Histoire de la Révolution française“ (t. II, P. 1847); *J. Garnier*. „Eléments de l'économie politique“ (P. 1848, 2 éd.); „Almanach Phalansterien pour 1846“; *Karl Bedermann*. „Die deutsche Philosophie von Kant bis auf unsere Zeit“ (I. Bd., 1842); „Die weisse Sclaverei oder die Leibeigenschaft in Russland“ (I—III. Th., 1845—46); „Le Jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions des Jésuites et leurs instructions secrètes et parallèle avec un projet d'organisation du travail“ par *Th. Dézamy*, auteur du „code de l'organisation sociale“ (1845).

[2]) Липранди упомянулъ въ своей запискѣ о волненіи въ Саратовской губерніи

погибнуть. «Умъ хорошо, а два лучше», сказалъ Черносвитовъ; «по толкуемте, можетъ быть, вы отстанете отъ своего взгляда, въ числѣ вашихъ знакомыхъ есть человѣкъ съ теплою душою,—Спѣшневъ, пріѣзжайте съ нимъ ко мнѣ, когда я васъ извѣщу».

Спѣшневъ какъ-то пріѣхалъ навѣстить Черносвитова, когда тотъ заболѣлъ, и по его просьбѣ излагалъ ему свои мнѣнія о фурьеризмѣ, а Черносвитовъ вскорѣ послѣ того отдалъ ему визитъ и началъ, между прочимъ, намекать на готовность быть откровеннымъ, если и его собесѣдникъ будетъ говорить откровенно. Когда Спѣшневъ изъявилъ на это готовность и притворно намекнулъ, что и онъ кое-что знаетъ, то Черносвитовъ просилъ его послать за Петрашевскимъ, и самъ написалъ и отправилъ къ нему пригласительную записку. Затѣмъ Черносвитовъ сталъ допытываться, гдѣ есть Общество,—здѣсь или въ Москвѣ, и когда Спѣшневъ сказалъ· «разумѣется, въ Москвѣ», то онъ выразилъ сомнѣніе относительно существованія тамъ тайнаго общества, но прибавилъ: «а, впрочемъ, можетъ быть». Затѣмъ Черносвитовъ сталъ распрашивать о планѣ дѣйствія.

— Плана, собственно, еще нѣтъ: онъ зависитъ отъ случая,—отвѣчалъ Спѣшневъ.—Вотъ теперь на Волыни не такъ смирно.

— „Ну, Волынь, оно что!“—замѣтилъ Черносвитовъ:—„тамъ войска много, развѣ будетъ заграничная война“. А на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400000 народа, оружіе подъ рукою, и все только ждетъ первой вспышки. Тамъ была уже вспышка, и правительство мнѣ обязано, что я ее затушилъ“.

И Черносвитовъ сталъ говорить о возстаніи въ Восточной Сибири и на Уралѣ. По его мнѣнію надобно, чтобы возстаніе загорѣлось сначала въ Восточной Сибири; туда пошлютъ корпусъ, но едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ поднимется весь Уралъ и весь корпусъ останется въ Сибири. Тогда съ 400 т. заводскихъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя губерніи и Землю Войска Донского[1]). На усмиреніе этого возстанія потребуются всѣ войска, если же къ этому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кончено: революціонная партія выиграла. Когда Спѣшневъ сказалъ: «Да помилуйте, если Уралъ весь подкопанъ, то это будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: черни не удержишь», то Черносвитовъ отвѣтилъ:—«Ну, нѣтъ, надо по крайней мѣрѣ годъ, чтобы приготовить все къ возстанію»; впрочемъ можно въ теперешнемъ положеніи попридержать «еще лѣтъ 5—6, но оттого-то ему нужно знать все про Петербургъ и Москву».

Замѣтивъ, что у Спѣшнева «какъ-то много народа» («дѣйстви-

[1]) Спѣшневъ, по показанію Черносвитова, назвалъ это «Пугачевскимъ путемъ». Ему Черносвитовъ приписывалъ и самую мысль о возстаніи въ Сибири и перенесеніи возстанія въ низовыя губерніи. Черносвитовъ надѣялся также повліять и на раскольниковъ.

тельно, объясняетъ въ своемъ показаніи Спѣшневъ, у меня нѣсколько служащихъ»), Черносвитовъ не сталъ ждать Петрашевскаго, а просилъ, чтобы они оба пріѣхали къ нему. По приходѣ Петрашевскаго Спѣшневъ тотчасъ отправился съ нимъ къ Черносвитову и по дорогѣ сказалъ:

— Только я буду представляться, что я глава цѣлой партіи; пожалуйста, и ты сдѣлай то же, а то онъ ничего не скажетъ.

Петрашевскій нѣсколько съ сердцемъ отвѣтилъ:

— Ну, да на что это?

— Ну, какъ хочешь, уступилъ Спѣшневъ.

Когда они пришли къ Черносвитову, тотъ усадилъ ихъ и сказалъ:

— Ну, господа, теперь надо вести дѣло на чистоту.

— Ну да,—сказалъ Петрашевскій и, круто обратившись къ Спѣшневу, прибавилъ:—вотъ не угодно ли вамъ, напр., сказать, какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—всего одинъ вопросъ въ Россіи представитъ поводъ къ народному возстанію, именно—крѣпостной вопросъ.

Тогда Петрашевскій сталъ настаивать, чтобы онъ объяснилъ, гдѣ и какъ можетъ произойти возстаніе?

— Черносвитовъ часъ или полтора тому назадъ говорилъ мнѣ,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—что у него весь Уралъ подъ рукою: 400 т. народу—эта сила огромная.

— Все то, что говорилъ Черносвитовъ, относится лишь до него одного,—замѣтилъ Петрашевскій.

Тогда Черносвитовъ, обращаясь къ Спѣшневу, сказалъ:

— Вы мнѣ говорили про Москву?

Петрашевскій, зная, что Спѣшневъ сказалъ неправду, сталъ ясно намекать на это:

— Разумѣется, можно строить химеры,—сказалъ онъ,—но нужно говорить серьезно.

Черносвитову казалось невѣроятнымъ, чтобы въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ могло существовать общество, и его дѣйствіе ни въ чемъ не проявилось бы.

— Не существуетъ ли чего въ гвардіи?—спросилъ Черносвитовъ, и когда Спѣшневъ отвѣчалъ, что не слыхалъ объ этомъ, но что впрочемъ онъ не знаетъ никого изъ гвардейскихъ офицеровъ, то Черносвитовъ прибавилъ:—а это было бы очень важно!

Тотда Петрашевскій сталъ говорить вообще противъ бунта и возстаній черни, развивалъ фурьеристскія воззрѣнія и въ заключеніе

сказалъ, что онъ надѣется видѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ[1]). Спѣшневъ послѣ этого уѣхалъ.

Послѣ того, какъ Спѣшневъ разсказалъ все это въ своемъ показаніи, Петрашевскій на вопросы комиссіи подтвердилъ его слова и добавилъ, что во время послѣдняго разговора Черносвитовъ, между прочимъ, сказалъ: «Надобно всѣхъ запереть и разомъ хватить». На вопросъ комиссіи о значеніи этихъ словъ, Петрашевскій отвѣчалъ, что, конечно, они не могутъ не относиться «къ высшему правительству беъ исключенія».

Въ числѣ обычныхъ посѣтителей Петрашевскаго былъ поручикъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, Николай Александровичъ Момбелли, дворянинъ Черниговской губерніи. Онъ родился 12 февраля 1823 г. въ гор. Новозыбковѣ, учился на казенный счетъ въ дворянскомъ полку съ окт. 1838 г. по авг. 1842 г. и выпущенъ оттуда прапорщикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ. Слѣпой отецъ его, подполковникъ въ отставкѣ, съ 1816 г. не имѣлъ никакого имущества и жилъ въ г. Козельцѣ Черниговской губ. Не имѣя поддержки отъ семьи, Н. А. Момбелли началъ дѣлать долги и скоро очутился въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Приходилось иной разъ по нѣсколько дней сидѣть безъ обѣда, да еще придумывать средства, какъ скрыть это отъ своего денщика. Нужда доводила его въ послѣдніе годы передъ арестомъ до тяжелой ипохондріи[2]). Къ этому присоединилась еще болѣзнь, такъ что онъ даже покушался на свою жизнь и только вслѣдствіе осѣчки револьвера, не сразу выстрѣлившаго, не убилъ себя, а только ранилъ въ руку. Онъ страшно тяготился службою, строгостью дисциплины и необходимости присутствовать иногда, по служебнымъ обязанностямъ, при такихъ ужасныхъ зрѣлищахъ, какъ наказаніе солдатъ шпицрутенами. Въ 1846 г. у него явилась мысль попытать счастья въ литературѣ; онъ сообщилъ о своемъ предположеніи товарищамъ-офицерамъ, и они рѣшили собираться разъ въ недѣлю, писать статьи и дѣлать переводы и сообща обсуждать ихъ. Собранія эти происходили по понедѣльникамъ съ сентября 1846 г. до конца февраля 1847 г. Прочитанныя статьи были очень разнообразнаго содержанія: тутъ были переводы изъ Вольтера (св. Марія Магдалина, царь Соломонъ въ переводѣ Момбелли), изъ энциклопедистовъ. (Замѣчанія на тексты евангелій Момбелли), изъ Вольнея (Взглядъ на религію. О происхожденіи ре-

---

[1]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи подтвердилъ, что между Петрашевскимъ и Спѣшневымъ произошелъ споръ. Послѣдній полагалъ, что для улучшенія настоящаго положенія Россіи долженъ произойти насильственный переворотъ, а Петрашевскій утверждалъ, что этого можно достигнуть легальнымъ путемъ, благоразумно улучшая и направляя законы.

[2]) Петрашевскій отозвался о Момбелли, что это человѣкъ «сангвинико-меланхолическаго характера, склонный къ ипохондріи».

лигіи)[1]). Читались статьи по русской исторіи, напр., «Паденіе Новгорода» (Кармалина), «Вступленіе ко взгляду на Бориса Годунова» (Ал. Никитина), процессъ царевича Алексѣя Петровича. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., «Избраніе на царство Михаила Федоровича», «Екатерина I» были переведены съ французскаго: изъ сочиненій гр. П. В. Долгорукова, писавшаго подъ псевдонимомъ графа Альмагро[2]); изъ книги Левека «Hist. de Russie» о Петрѣ II и восшествіи на престолъ Екатерины II; изъ Сегюра «Les femmes» объ Екатеринѣ II. Далѣе Анекдоты изъ жизни Павла I (Кармалина), смерть Пушкина (Макшеева), «Основаніе Рима и царствованіе Ромула» и «Аспазія»—статьи Момбелли, его же компиляція о скопцахъ, «Настоящее положеніе Германіи» (Н. Языкова). Читались статьи по естественнымъ наукамъ; о глазѣ человѣка (изъ анатоміи Мильнъ-Эдвардса), «Любовь растеній» статья Момбелли, напечатанная въ «Илюстраціи»[3]), статьи Ѳ. Н. Львова (изъ болѣе извѣстныхъ Петрашевцевъ только онъ одинъ принималъ участіе въ собраніяхъ Момбелли): «Взглядъ химика на природу», «Символы основныхъ элементовъ», «Мѣсто химіи въ средѣ наукъ», «Яды», «О сѣрномъ эфирѣ и его дѣйствіи на мозгъ», «О мужчинѣ и женщинѣ въ отвлеченномъ смыслѣ», статья о польской революціи Макшеева; «Донъ-Жуанъ» Байрона (читалъ по корректурнымъ листамъ самъ переводчикъ Василій Любичъ-Романовичъ), «Начала духовной войны на Кавказѣ»—записки капитана Пружановскаго и др. оригинальныя и переводныя статьи.

Статьи Момбелли, несмотря на ихъ невинныя заглавія, заключали въ себѣ очень много радикальныхъ мнѣній по поводу современныхъ событій. Такъ, въ статьѣ объ „Основаніи Рима“, авторъ упоминалъ о внѣшнихъ займахъ Россіи, говорилъ объ ужасномъ хлѣбѣ, которымъ питаются крестьяне Витебской губ. и которымъ слѣдовало бы, по мнѣнію Момбелли, покормить „чадолюбиваго императора“, высказывалъ мнѣніе, что римскій сенатъ „имѣлъ болѣе основанія поднести Ромулу прозваніе мудраго, чѣмъ русскій сенатъ имп. Николаю: первый заботился объ общемъ благѣ гражданъ, второй же—объ уничтоженіи блага подданныхъ и объ увеличеніи своего собствен-

---

[1]) Момбелли упоминаетъ также о чтеніи въ кружкѣ переводовъ изъ Дидро; онъ написалъ еще статью о Марсельезѣ, но отрицалъ прочтеніе ея въ кружкѣ. Въ своемъ показаніи онъ называетъ изъ книгъ, прочитанныхъ имъ самимъ въ то время, Плутарха, древнихъ философовъ, «Dix ans» Луи Блана и, наконецъ, для изученія организацій тайныхъ обществъ, извѣстный трудъ аббата Баррюэля о якобинцахъ. Въ показаніи на слѣдствіи Момбелли приписываетъ и начало своего «либерализма» тому, что онъ переводилъ Вольтера и энциклопедистовъ. Изъ времени собраній у Момбелли сохранилась записка о немъ Ѳ. Н. Львова, при которой онъ возвращалъ ему книгу Пьера Леру (слѣдовательно уже въ это время Момбелли начиналъ интересоваться соціалистами).

[2]) Подъ этимъ псевдонимомъ вышла въ 1842 г. въ Парижѣ его книга «Notices sur principales familles de la Russie».

[3]) Впослѣдствіе Момбелли собирался спеціализироваться на естествознаніи.

наго: искусство увеличить только свое личное благосостояніе въ ущербъ общему въ царѣ никакъ не можетъ назваться мудростью". Тутъ же авторъ дѣлалъ и краткую характеристику общественнаго движенія въ различныхъ государствахъ Европы, „борьбы гражданской независимости съ деспотизмомъ". Такъ, о Франціи онъ говорилъ, что она „быстро стремится къ утвержденію совершеннаго равенства передъ закономъ, полной независимости гражданина и къ признанію во всякомъ человѣкѣ правъ и достоинствъ его", „старается о распространеніи въ Европѣ своихъ высокихъ и благородныхъ идей". Швейцарія, „искони" стремившаяся „къ господству демократіи", ей сочувствуетъ. „Пылкая Италія, приходящая въ энтузіазмъ отъ всего прекраснаго, наконецъ, возстаетъ отъ продолжительнаго летаргическаго сна и обѣщаетъ энергическую опору идеямъ истины"; „во главѣ возрождающейся Италіи становится папа Пій IX, который, пренебрегая „заманчивостью самодержавія", вводитъ въ своихъ владѣніяхъ „конституціонное правленіе".

Момбелли предсказывалъ, что въ Пруссіи, усвоившей „основныя идеи Франціи", и развивающей ихъ по-своему, „права гражданской свободы и равенства передъ закономъ скоро восторжествуютъ надъ притѣсненіями и беззаконностью, несмотря на разнородность ея составныхъ частей, и на вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла добрыхъ сосѣдей Россіи и Австріи. Еще въ 1815 г. покойный король Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ націи приготовить и ввести конституцію на представительныхъ началахъ. Настоящій король, когда былъ наслѣдникомъ престола, требовалъ у отца вмѣстѣ съ націею скорѣйшаго введенія представительнаго правленія. Со дня восшествія на престолъ, угрожаемый Австріею и въ особенности Россіею, онъ съ года на годъ отлагаетъ исполненіе обѣщаннаго; но если король будетъ слѣдовать той же тактикѣ, то нація выйдетъ изъ терпѣнія и распорядится безъ короля, что, можетъ, и лучше будетъ. Впрочемъ въ Пруссіи уже введено публичное судопроизводство.

„Швеція всегда готова дѣйствовать противъ деспотизма, несмотря на родство и зависимость ея короля Оскара отъ Россіи. Одна Австрія имѣетъ сильный интересъ въ поддержаніи абсолютнаго деспотизма и дружбы съ Россіею. Разноплеменные рабы Австрійской имперіи удерживаются подъ однимъ скипетромъ только страхомъ; съ уничтоженіемъ страха деспотическаго Австрійская имперія распадется на свои составныя части, и тогда прощай навсегда могущество австрійскаго дома съ его животолюбивою, хитрою и безнравственною политикою. Положеніе Австріи въ настоящее время, несмотря на огромность ея, чрезвычайно непрочно, и потому она вполнѣ подчиняется интересамъ Россіи; при томъ ихъ связываетъ и безчестное желаніе поддержать и распространить деспотизмъ.

...„Въ Англіи господствуетъ духъ меркантильный и чувство національнаго эгоизма. Англія содержитъ въ рабствѣ въ одной Индіи до 100 мил. туземцевъ, не считая другихъ частей свѣта и бѣдствующей Ирландіи; однако же въ Европѣ поддерживаетъ идею развитія человѣчества, равенство правъ. Поэтому Англія въ послѣдніе годы была въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей, представительницей новаго порядка вещей. Франція, разумѣется, дорожитъ дружбою Англіи, потому, что только съ Англіей она и можетъ быть дружна. Правительства другихъ сильныхъ государствъ Европы, косятся на Францію, боятся ея, считаютъ ее смертнымъ своимъ врагомъ. Къ несчастью, вопросъ о испанскихъ бракосочетаніяхъ разстроилъ дружбу Франціи съ Англіей, чему много способствовалъ лордъ Пальмерстонъ, личный врагъ Гизо и Луи-Филиппа. Разрывомъ Англіи съ Франціею воспользовались представители деспотизма—Россія и Австрія самовольнымъ уничтоженіемъ Краковскаго государства; это насиліе отчасти ободрила ультра-миролюбивая политика Гизо. Присоединеніемъ Кракова къ австрійскимъ владѣніямъ сдѣланъ вызовъ защитникамъ справедливости, и никто не заступается за дѣло правое. Франція видитъ слабость своихъ физическихъ средствъ въ сравненіи съ средствами деспотовъ, въ особенности при несогласіи съ Англіею; при томъ порывы Франціи удерживаются непатріотическимъ министерствомъ Гизо. Поляки, несмотря на всю бѣдственность настоящаго положенія, еще надѣются, и не безъ основанія, на возвращеніе своей независимости“ [1]).

На долю Ромула и Рима во всемъ очеркѣ осталось, конечно, мало мѣста [2]).

Очень интересовался Момбелли вопросомъ о женскомъ равноправіи. Въ своемъ первомъ показаніи во время слѣдствія онъ говоритъ: „Когда въ Le Siècle я прочелъ, что m-me Deroing настойчиво предлагаетъ выбрать себя въ депутаты въ Національное собраніе, и что объ этомъ говорила предлинную рѣчь, то я такъ желалъ прочесть ее, что за прочтеніе готовъ былъ заплатить рубль серебра изъ 5-ти бывшихъ за душою, и то занятыхъ“.

Въ одной изъ тетрадей Момбелли (1847 г.) слѣдователи обратили вниманіе на слѣдующія его слова: „Въ Россіи все тайна и ложь, и потому ни о чемъ нельзя имѣть положительныхъ, вѣрныхъ свѣдѣній. Ничему нельзя вѣрить. Политика правительства—таить и представлять въ ложномъ видѣ многое. Рабы, какъ созданія искаженныя, всегда неволею и волею стараются предупреждать желанія своихъ

---

[1]) Въ бумагахъ Момбелли былъ найденъ сдѣланный имъ самимъ прозаическій переводъ извѣстнаго стихотворенія Мицкевича, гдѣ онъ съ сочувствіемъ говоритъ о Рылѣевѣ и Александрѣ Бестужевѣ.

[2]) Подъ статьею подпись: „Le citoyen Nikolas“.

притѣснителей. Черезъ это наклонность къ тайнамъ и ко лжи обратилась у насъ въ привычку... У русскихъ нѣтъ искренности, нѣтъ правоты, и потому-то нѣтъ довѣренности, нѣтъ общественности, не видно сочувствія къ истинѣ. Русскій о всемъ судитъ эгоистически, все оцѣниваетъ по мѣрѣ выгодности для себя. Говорю о русскихъ рабахъ, т.-е. о современныхъ со мною, а не о тѣхъ русскихъ, которые, по уничтоженіи деспотизма, будутъ удивлять человѣчество примѣрами героизма и возвышенности чувствъ".

Передавъ далѣе слухи объ арестѣ Шевченко и его товарищей по Кирилло-Меѳодіевскому братству, Момбелли продолжаетъ: „Приверженцы деспотизма, т.-е. настоящаго порядка въ Россіи, и всѣ проникнутые страхомъ, такъ называемые осторожные или иначе благоразумные, величаютъ замыселъ этотъ глупымъ безразсудствомъ, безсмысленнымъ малодушіемъ. Въ Россіи называютъ малодушными не дѣйствительно малодушныхъ, а тѣхъ, которые... довѣряются ближнему,.. тѣхъ, которые надѣются на переворотъ въ Россіи, на лучшій порядокъ вещей,.. тѣхъ, которые имѣютъ дерзость отступать отъ глупыхъ приличій свѣта, не вполнѣ подчиняются силѣ; вообще всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе выходить изъ общаго уровня въ чемъ-либо, исключая рабской преданности и усердія къ престолу".

Въ другой рукописи—объ эгоизмѣ—Момбелли говоритъ: „Что видимъ мы въ Россіи? Десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнью, лишены правъ человѣческихъ или ради плебейскаго происхожденія своего, или ради ничтожности общественнаго положенія... или по недостатку средствъ существованія; за то въ то же время каста привилегированныхъ счастливцевъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ проявленій личнаго тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью".

Вечера Момбелли и его собственныя чтенія доставили ему прозвище „либерала" и „citoyen Mombelli", объ нихъ началась въ городѣ болтовня, и ему пришлось прекратить собранія. Слухи о нихъ дошли до Петрашевскаго, и онъ осенью 1848 г. пригласилъ Момбелли на свои пятницы.

За нечисто выбритый подбородокъ вел. князь Михаилъ Павловичъ отправилъ Момбелли на двѣ или три недѣли подъ арестъ, и начавшееся преслѣдованіе со стороны начальства привело къ тому, что Момбелли было предложено въ декабрѣ 1848 г. пріискать другой родъ службы, а такъ какъ онъ этого не исполнилъ, то въ началѣ апрѣля 1849 г. сдѣлано было представленіе объ увольненіи его въ отставку по болѣзни. Ѳед. Ник. Львовъ, пріятель Момбелли, сказалъ

---

[1]) Подъ статьею подпись: Le citoyen Nicolas.

о немъ въ своемъ показаніи, что у него „теплая и впечатлительная душа“ [1]), и что онъ, „начитавшись новыхъ французскихъ писателей, осуждающихъ настоящій порядокъ вещей (не соціальный)“, полагалъ, что, „осуждая его, онъ служитъ истинѣ“. Д. Ахшарумовъ заявилъ, что Момбелли не фурьеристъ. Однако, послѣ знакомства съ Петрашевскимъ Момбелли, по его собственнымъ словамъ, „одаренный какою-то алчной любознательностью, желаніемъ знать возможно болѣе“, заинтересовался и соціализмомъ. Въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что, когда у Петрашевскаго и Спѣшнева „говорили объ измѣненіяхъ съ обѣщаніемъ лучшаго, я сочувствовалъ всему, несмотря на очевидныя противорѣчія и неправдоподобія. Идеологіи Fourier, Enfantin'a, Cabet, Villegardelle'я, Louis'a Blanc'a и другихъ меня не увлекали безусловно,—въ нихъ химеричность и ложность бросаются въ глаза, однако жъ, не раздѣляя ихъ фантазій, я имъ всѣмъ сочувствовалъ за то только, что обѣщали людямъ лучшую жизнь... Я сочувствовалъ и идеѣ республиканскаго образа правленія, какъ идеально болѣе кроткаго, болѣе и скорѣе смягчающаго нравы“ [2]).

Въ виду близости къ Момбелли Ѳ. Н. Львова слѣдуетъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Львовъ, которому въ октябрѣ 1849 г. было 25 лѣтъ, былъ родомъ изъ дворянъ Рязанской губерніи [3]), воспитывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1831 г., учился прекрасно, такъ что имя его было записано на мраморную доску; окончилъ курсъ въ 1841 г. прапорщикомъ и поступилъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, въ 1847 г. былъ прикомандированъ къ Павловскому кадетскому корпусу въ должности репетитора химіи [4]) и въ

---

[1]) Въ статьѣ „Объ основаніи Рима и царствованіи Ромула“ Момбелли говоритъ: „Внутри человѣка что-то есть идеальное, приближающее его къ божеству. Я хочу вѣрить въ хорошее и думаю, что, наконецъ, добро восторжествуетъ надъ порокомъ, уничтожитъ его, и тогда люди сдѣлаются нравственными божествами,—совершенными богами, только въ человѣческомъ тѣлѣ“.

[2]) Въ одной найденной у него рукописи Момбелли говоритъ: „Цивилизація не дремлетъ, понемногу просвѣщеніе распространяется, рядъ революцій измѣняетъ, улучшаетъ государственное устройство, союзъ семейный падаетъ, провозглашается равенство права, уже цѣлое государство составляетъ одно семейство, члены государства братски сближаются“.

[3]) Отецъ его, армейскій подполковникъ, въ 1849 г. служилъ полицеймейстеромъ въ Таганрогѣ, мать была урожденная Касторская. Ни у родителей, ни у самого Львова, имѣнія не было.

[4]) На одной публичной лекціи о химіи профес. Технологич. института Ник. Ив. Витта Львовъ сошелся съ нимъ и взялся составить его публичныя лекціи для печати надъ чѣмъ и работалъ неутомимо полтора года. Виттъ попалъ къ Петрашевскому на самую послѣднюю его пятницу (22 апрѣля). По донесенію Антонелли „Балласогло и Момбелли говорили, что это человѣкъ совершенно ортодоксальный, что онъ врагъ всѣхъ соціальныхъ вопросовъ, и совершенно идетъ противъ нынѣ господствующихъ въ Европѣ идей; они даже упрекали Буташевича-Петрашевскаго за то, что онъ при-

декабрѣ 1848 г. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Онъ составилъ записки химіи для того класса, въ которомъ преподавалъ, самъ усердно занимался этою наукою, зимою 1848—49 г. посѣщалъ лекціи химіи въ Петербургскомъ университетѣ и задумывалъ лѣтомъ 1849 г. заняться составленіемъ элементарнаго курса химіи, для чего составилъ уже „программу этой науки на совершенно новыхъ основаніяхъ“. Спеціальныя занятія давали ему мало возможности читать, и если въ немъ развивалось „либеральное направленіе“, то онъ приписывалъ это знакомству съ Момбелли и съ Петрашевскимъ (Момбелли познакомилъ его съ Петрашевскимъ въ октябрѣ 1848 г.). Онъ бралъ у нихъ книги для чтенія. Львовъ не былъ фурьеристомъ, но все же, какъ видно, интересовался соціализмомъ, такъ какъ бралъ у Момбелли какую-то книгу Пьера Леру, а у Петрашевскаго книгу Gabet „Traité de la science de l'homme“. Интересовался онъ и современнымъ революціоннымъ движеніемъ и потому у Петрашевскаго бралъ исторію итальянской революціи Эдгара Кинэ (на французскомъ языкѣ), а въ запискѣ, посланной его знакомому Момбелли, и подписанной не только именемъ и фамиліею, но и привѣтомъ „salut et fraternité“, предлагалъ ему на прочтеніе „Journal d'un journaliste au secret“ Жирардена, „писанный въ послѣднюю бытность его въ тюрьмѣ по поводу іюньскихъ происшествій“.

Бывалъ Львовъ и на вечерахъ Дурова и Пальма (о нихъ см. во 2 части) и высказался за литографированіе нелегальныхъ сочиненій, согласившись лично заняться этимъ; однако намѣреніе осуществлено не было.

Львовъ присутствовалъ также на обѣдѣ у Спѣшнева, гдѣ была прочтена „Солдатская бесѣда“ Григорьева.

Момбелли на собраніи у Петрашевскаго однажды принялъ участіе въ обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ, во время чтенія Толя высказался за ненужность религіи въ соціальномъ отношеніи и произнесъ рѣчь о вредѣ картъ и растленіи нравовъ вслѣдствіе карточной игры.

Ему пришла также мысль составить „братство взаимной помощи“: по его объясненію на слѣдствіи, она родилась у него вследствіе желанія пріобрѣсти искреннихъ и преданныхъ друзей, съ которыми можно было бы отвести душу. Мысль эту онъ сообщилъ Ѳ. Н. Львову, еще до знакомства ихъ съ Петрашевскимъ. Вотъ какъ изложилъ Момбелли въ показаніи для слѣдственной комиссіи свое первоначальное предположеніе:

глашаетъ подобныхъ людей къ себѣ на собр анія“. Тѣмъ не менѣе Виттъ былъ арестованъ и подвергнутъ допросу 26 авг. 1849 г. Слѣдственная комиссія называетъ его „учителемъ“.

„Въ обществѣ всюду сталкиваемся съ однимъ только эгоизмомъ, всюду одно только себялюбіе, забота только о своихъ личныхъ интересахъ, да изрѣдка попеченіе о своихъ родныхъ,—и только; нѣтъ человѣколюбія вообще, нѣтъ любви къ ближнему. Любовь идеальная приходитъ временно, согрѣваетъ не надолго и не всѣхъ. Только въ кругу родныхъ и можно найти пищу чувствамъ, пользоваться любовью искреннею, непритворною. Но не всѣ родныхъ имѣютъ; многіе живутъ далеко отъ своихъ близкихъ; другіе по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ неладятъ съ ними. Поэтому многіе достойные молодые люди, видя всеобщую холодность, черствѣютъ и потомъ сами, въ свою очередь, дѣлаются эгоистами и себялюбцами. Почему нахожу спасительнымъ соединиться многимъ вмѣстѣ въ братство, въ семью, гдѣ бы всѣхъ связывали взаимная искренность, дружба, любовь, довѣренность и, какъ необходимое слѣдствіе, и уваженіе. Въ братствѣ, въ этой семьѣ новаго рода, можно бы было во всякую минуту найти, съ кѣмъ согрѣть душу, передъ кѣмъ раскрыть, въ минуты настроенности, свои мечты, свои помышленія. Всѣ братья помогали бы одинъ другому во всемъ,—въ матеріальномъ отношеніи, и главное въ нравственномъ.

„Одинъ человѣкъ слишкомъ слабъ, и какъ бы хороши ни были его намѣренія, какъ бы ни были высоки его стремленія, онъ упадетъ, будетъ смятъ въ грязи, если не имѣетъ протекціи или сильныхъ родственниковъ. Математическая аксіома—„соединенныя силы сильнѣе дѣйствуютъ суммы тѣхъ же силъ, дѣйствующихъ порознь“—въ мірѣ нравственномъ еще сильнѣе, чѣмъ въ мірѣ физическомъ; поэтому братство взаимной помощи могло бы замѣнить протекцію и удовлетворить потребности подѣлиться чувствами. Также братство общими силами должно стараться о возможной помощи несчастнымъ и страждущимъ, даже отыскивать ихъ самимъ. Въ этомъ случаѣ помощь полагалась не столько матеріальная, сколько нравственная, т.-е. чтобы нищихъ, пьяницъ и т. п. извлекать изъ грязныхъ условій и, исправивъ, доставлять возможность честнаго существованія“.

Момбелли, убѣждая Львова, сказалъ ему, что если соединяются въ общества, напримѣръ, іезуитское, съ злою цѣлью, то отъ чего же не соединиться съ доброю цѣлью, съ цѣлью братства. Львовъ замѣтилъ, что „подобное общество могло бы имѣть важное значеніе впослѣдствіи, если въ Россіи случится какой-либо политическій переворотъ, потому что вынесло бы изъ себя много людей достойныхъ“. Момбелли отвѣчалъ: „Объ этомъ и думать еще нечего. Въ Россіи еще долго нельзя ожидать никакого переворота“.—„Да, вѣрно, лѣтъ двадцать пройдетъ“, сказалъ Львовъ.

Познакомившись съ Петрашевскимъ, Момбелли, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1848 г., упомянулъ ему о своей мысли; тотъ предложилъ переговорить втроемъ со Спѣшневымъ. Момбелли согласился. Въ первомъ разговорѣ, въ кабинетѣ Петрашевскаго, Момбелли настолько неясно изложилъ свою мысль, что Петрашевскій и Спѣшневъ его, видимо, не поняли. Впрочемъ Петрашевскій сказалъ, что онъ, „какъ фурьеристъ, знаетъ пользу всякой ассоціаціи“. Рѣшено было собраться у Спѣшнева, но вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено желаніе увеличить число участниковъ совѣщанія, и Момбелли назвалъ Львова, Петрашевскій—Дебу I, а Спѣшневъ сказалъ, что полагается только на самого себя. Въ первыхъ двухъ собраніяхъ у Спѣшнева (а всѣхъ ихъ

у него было въ теченіе декабря 1848 и началѣ января 1849 отъ 4 до 6) не пришли къ соглашенію и потому рѣшили для большей ясности письменно изложить свои мнѣнія. Момбелли такъ пересказываетъ въ своемъ показаніи то, что имъ было прочитано.

„Люди добра и прогресса встрѣчаются рѣдко, да и тѣ скоро погибаютъ въ жизненномъ водоворотѣ, потому что они не могутъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, къ какимъ прибѣгаютъ другіе. Призваніе, стремленіе къ благу, къ добру, какое они чувствуютъ въ себѣ, скоро потухаетъ, не встрѣчая поддержки, подавляемое всеобщимъ эгоизмомъ, и они, въ свою очередь, сами черствѣютъ, превращаясь въ эгоистовъ или мизантроповъ. Такъ, покамѣстъ не потухъ тотъ жаръ, полагаю полезнымъ предупредить иначе почти неизбѣжное, соединиться вмѣстѣ, подать братски руки, соединить свои силы, слиться сердцемъ, породниться духомъ. — Потомъ слѣдовало изложеніе мысли уже высказанной мною, но съ употребленіемъ словъ прогрессъ, передовыя понятія и проч... Доказывая нравственныя и матеріальныя выгоды такого соединенія,... я для поясненія приводилъ нѣсколько примѣровъ, а именно: какъ много талантовъ блистательныхъ кончаютъ земное поприще незамѣченными и часто неимѣвши средствъ вполнѣ развиться, потому единственно, что никто на нихъ не обратилъ вниманія, никто вовремя не открылъ ихъ достоинствъ“. Слѣдуетъ „стараться о доставленіи извѣстности и славы членамъ, занимающимся какимъ-либо предметомъ. Будетъ ли то артистъ, художникъ, литераторъ, театральный писатель или ученый, извѣстность и удача поощрятъ его, ободрятъ, придадутъ болѣе энергіи и терпѣнія заняться съ большимъ напряженіемъ избраннымъ предметомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставятъ болѣе средствъ и способовъ къ развитію таланта, распространятъ кругъ спеціальной дѣятельности. Но, доставляя такимъ образомъ... извѣстность спеціалистамъ, не позволять имъ слишкомъ увлекаться удачею, и между собою въ собраніяхъ подвергать ихъ произведенія строжайшей критикѣ, не щадя самолюбія. Также въ своей статьѣ говорилъ, что многіе терпятъ оттого, что случай поставилъ ихъ въ жизненныя условія, несоотвѣтственныя съ ихъ способностями и желаніями,—такъ (нужно) стараться доставить имъ мѣста по ихъ наклонностямъ и способностямъ. Вообще содействовать взаимному возвышенію какъ въ мнѣніи общественномъ, такъ и въ положеніи. О себѣ хлопотать, просить за себя, даже передъ лицомъ, въ расположеніи котораго не сомнѣваешься, всегда какъ-то неловко, непріятно; тогда какъ за другихъ именно пріятно...—Вотъ содержаніе моей статьи. Она была написана разгонистымъ почеркомъ на трехъ полулистахъ“.

Петрашевскій иначе передаетъ предложеніе Момбелли; по его словамъ, онъ сказалъ:

„Есть много золъ, удручающихъ нашу общественную жизнь (за симъ слѣдовало ихъ перечисленіе); ихъ исправить можетъ одно общественное мнѣніе“ (затѣмъ слѣдовало объясненіе его вліянія и значенія). „У насъ, въ Россіи, нѣтъ здраваго общественнаго мнѣнія (означены причины сему) и способовъ его исправленія, почему и нужно составить товарищество, которое, вникая во всѣ общественныя отношенія и потребности, дало бы правильное направленіе общественному мнѣнію. Одинъ же изъ важнѣйшихъ предметовъ, на которые имѣетъ оно обратить свое вниманіе, есть предосудительныя дѣйствія или злоупотребленія административныхъ лицъ, наиболѣе имѣющія вредное вліяніе на жизнь общественную. Товарищество должно стараться ихъ обнаруживать, дабы нарушителей законовъ постигла должная мзда. Такъ какъ сіе можетъ быть совершено съ успѣхомъ единственно людьми умными и образованными, и какъ недостатокъ такового благодѣтельнаго вліянія здраваго общественнаго мнѣнія происходитъ отъ разрозненности людей образованныхъ и отсутствія между ними связи, то

и слѣдуетъ учредить съ цѣлью совершенія этого товарищество, состоящее изъ людей образованныхъ и съ передовыми мнѣніями, дабы они и могли дать жизни общественной въ нравственномъ отношеніи надлежащее развитіе“ [1]).

Петрашевскій при обсужденіи вопроса объ учрежденіи товарищества говорилъ по конспекту.

Судя по показанію Момбелли, Петрашевскій настаивалъ преимущественно на томъ, чтобы составить „ученый комитетъ, комитетъ разсужденій, въ которомъ бы критически разбирались различныя мнѣнія. Онъ говорилъ, что истина одна и что если расходятся въ мнѣніяхъ, такъ это потому, что одинъ знаетъ болѣе фактовъ, а другой менѣе, и при томъ одинъ знаетъ одни факты, а другой—другіе, и что поэтому путемъ разсужденія и анализа всегда можно дойти до мнѣнія, болѣе близкаго къ истинѣ, чѣмъ отдѣльныя мнѣнія каждаго, основанныя на неполномъ числѣ фактовъ“. Онъ желалъ, чтобы прежде чѣмъ приступить къ разсужденіямъ, каждый написалъ свою біографію [2]), „въ которой бы изложилъ исторію своего умственнаго и нравственнаго развитія, а также и высказалъ бы въ подробности свои настоящія мнѣнія. Такимъ образомъ поочередный разборъ мнѣній каждаго по поводу біографій долженъ былъ служить началомъ къ систематическому анализу мнѣній вообще по всѣмъ предметамъ. Онъ говорилъ по обыкновенію и о фурьеризмѣ. Помнится, говорилъ и о пропагандѣ“.

Петрашевскій доказывалъ необходимость распространенія ученія Фурье съ тою цѣлью, чтобы, когда придетъ время, были люди готовые, но не отказывался разсуждать о томъ, какой путь избрать для этого. Въ другой разъ Петрашевскій показалъ, что онъ читалъ статью, гдѣ излагалъ свое мнѣніе относительно важности системы философской, и доказывалъ, что система Фурье, хорошо разработанная, можетъ удовлетворить всѣмъ такимъ требованіямъ.

Момбелли предлагалъ составить капиталъ, чтобы такимъ образомъ опредѣлять число членовъ и помогать тѣмъ, кто попадется. На вопросъ Спѣшнева, кто будетъ собирать деньги, онъ отвѣчалъ: „Ну, будетъ касса, и разумѣется, будетъ комитетъ“.—„А кто же будетъ составлять этотъ комитетъ?“—спросилъ Спѣшневъ. „Основатели общества,—отвечалъ Момбелли:—хоть мы пятеро, если согласимся основать такое общество“.—„Кого же будутъ приглашать въ это общество? Разумѣется, соціалистовъ вообще, а потомъ людей передовыхъ мнѣній, т.-е. республиканцевъ и конституціонныхъ (sic), такъ, что ли?“ спросилъ Спѣшневъ. „Ну да, пожалуй,—отвѣчалъ кто-то,—только конституціонныхъ не надо допускать въ комитетъ“. (Очевидно, Момбелли уже проникся въ это время соціалистическими взглядами). Начались споры.

Львовъ, который обыкновенно бывалъ одного мнѣнія съ Момбелли, говорилъ о формахъ общества и высказалъ мнѣніе, что оно

---

[1]) Въ позднѣйшемъ показаніи Момбелли говоритъ: „Цѣлью выставляли перемѣну въ обществѣ, но не одинаково“.

[2]) Это предлагалъ и Момбелли.

должно состоять изъ одиннадцати человѣкъ, а если послѣ будутъ составляться афиліаціи, то чтобы въ каждой изъ нихъ было по два члена. Цѣлью общества, какъ показалъ самъ Львовъ, онъ сначала предполагалъ взаимную помощь, а потомъ, если будутъ благопріятствовать обстоятельства, устройство общества на тѣхъ же началахъ, которыя будутъ признаны лучшими [1]). Относительно средства сохранить тайну Момбелли, между прочимъ, сказалъ: „въ одномъ изъ параграфовъ“ (правилъ) „пріема можно включить угрозу наказанія смертью за измѣну... Написанная или сообщенная словесно, угроза будетъ еще болѣе скрѣплять тайну, обезпечивать ея“ (сохраненіе), „и недѣйствительность ея должна быть извѣстна только однимъ основателямъ или, въ случаѣ составленія другихъ комитетовъ, одному только главному комитету“.

Дебу I-й выразилъ сомнѣніе, чтобы „чистый фурьеристъ“ могъ сойтись съ либераломъ; кромѣ того, онъ сказалъ: „Предполагаемое общество будетъ тайное, а я въ тайномъ обществѣ участія не приму: для того, чтобы говорить о Фурье, не нужно тайнаго общества“. Онъ не совѣтовалъ и Петрашевскому принимать участія въ обществѣ, предложенномъ Спѣшневымъ. Пріѣхавъ однажды къ Петрашевскому, Спѣшневъ выразилъ увѣренность, что у Момбелли нѣтъ никакого общества. Спѣшневъ заявилъ, что желаетъ „дѣйствовать исключительно съ политическою цѣлью и составить общество чисто политическое“. Онъ полагалъ, что переворотъ можетъ случиться черезъ нѣсколько лѣтъ, и показалъ планъ тайнаго общества, который потомъ сжегъ. По его мнѣнію, развитому въ этомъ планѣ, есть три способа дѣйствія: іезуитскій, пропагандный и возстаніе, или революціонный. Каждый изъ нихъ не обѣщаетъ полной удачи, и потому болѣе шансовъ успѣха, если пользоваться всѣми тремя способами. Для этого надо учредить центральный комитетъ, который долженъ будетъ создать частные комитеты: комитетъ товарищества для взаимной поддержки другъ друга, комитетъ для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и либеральной и, наконецъ, комитетъ тайнаго общества на возстаніе.

Въ концѣ-концовъ, участники совѣщанія не пришли къ соглашенію, и рѣшено было общества не устраивать; они дали другъ другу слово никому не разсказывать объ этомъ предположеніи. Петрашевскій сдѣлалъ еще попытку наладить дѣло. Момбелли объясняетъ его побужденія тѣмъ, что онъ въ послѣдній вечеръ требовалъ отъ Спеш-

---

[1]) Въ показаніи онъ такъ формулировалъ свои слова: „я желалъ бы такого общества, въ которомъ бы возможна была всякая свободно-разумная дѣятельность каждаго. И общественный этотъ порядокъ я полагаю близкимъ къ тому, который показываетъ Фурье, но только желалъ бы, чтобы онъ былъ подвергнутъ строгой критикѣ и принятъ не по принужденію“.

нева открытаго объясненія его взглядовъ на коммунизмъ и могъ думать, что его считаютъ виновникомъ неудачи этого дѣла. Петрашевскій, Дебу и Момбелли еще разъ собрались у Львова, и было поручено Дебу спросить Спѣшнева, желаетъ ли онъ еще разъ попытаться прійти къ соглашенію. Спѣшневъ письменно отвѣтилъ Петрашевскому, при чемъ иронически отозвался о затѣѣ Момбелли, назвалъ ее „chasse aux places", говорилъ о Момбелли и Львовѣ, какъ о слишкомъ еще молодыхъ людяхъ, желалъ имъ всякаго счастья и отказывался отъ предложенія потому, что связанъ другими условіями, болѣе положительными. По словамъ Петрашевскаго въ его показаніи, Спѣшневъ написалъ еще, что, „будучи съ нимъ совсѣмъ противоположныхъ мнѣній, онъ не можетъ быть вмѣстѣ ни въ какомъ дѣлѣ".

Разговоры Спѣшнева и Петрашевскаго съ Черносвитовымъ и обсужденіе предложенія Момбелли о братствѣ взаимной помощи раскрылись вслѣдствіе того, что при обыскѣ у Спѣшнева, вмѣстѣ съ другими его бумагами, была взята слѣдующая обязательная подписка, написанная рукою Спѣшнева:

„Я нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, т.-е. по извѣщенію отъ комитета обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мнѣ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда, и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или и тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и какъ только могу способствовать успѣху возстанія. 2) Я беру на себя обязанность увеличить силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти не афильировать. 3) Афильировать, т.-е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ, обязываюсь не наобумъ, а по строгому соображенію, и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня, вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, все съ перваго до послѣдняго слова и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ" [1]).

---

[1]) Вѣроятно, намекая на Спѣшнева, Д. Д. Ахшарумовъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Я зналъ, что между лицами, посѣщавшими собранія Петрашевскаго, были и самыя отчаянныя личности, которымъ собранія Петрашевскаго, по мирному ходу бесѣдъ казались бездѣятельными и ни къ чему не ведущими, и что они готовы были отдѣлиться и составить свой рѣшительно дѣйствующій кружокъ, но съ ними я почти не былъ знакомъ и вовсе не желалъ сближаться". („Изъ моихъ воспоминаній", стр. 43).

При составленіи этой подписки на Спѣшнева могли вліять идеи Вейтлинга и Луи Блана о необходимости захвата власти.

На допросѣ въ слѣдственной комиссіи Спѣшневъ утверждалъ, что эта подписка составлена имъ года 4 тому назадъ, когда онъ занимался изслѣдованіемъ о тайныхъ обществахъ: это „эскизъ", который онъ составилъ, „какъ примѣрную форму для Русскаго Общества".

Позднѣе онъ далъ болѣе подробное показаніе:

Въ бытность за границею въ Дрезденѣ, во второй половинѣ 1845 г., онъ писалъ разсужденіе о тайныхъ обществахъ и наилучшей организаціи тайнаго общества примѣнительно къ Россіи. Сочиненіе это было имъ уничтожено передъ возвращеніемъ въ Россію, за исключеніемъ одного забытаго имъ и найденнаго въ его бумагахъ листка, на которомъ написанъ неоконченный черновой проектъ обязательной подписки. Въ то время онъ, Спѣшневъ, только что изучилъ всю первоначальную исторію христіанства; его „поразило тогда міровое вліяніе и совершенный успѣхъ этого древняго тайнаго общества", и онъ сталъ думать о созданіи такого общества, но чувствовалъ, что мы живемъ въ другомъ мірѣ и другомъ вѣкѣ, чѣмъ первые христіане, и что условія тоже должны быть другія. Тогда онъ постарался достать все, что возможно, „о новѣйшихъ тайныхъ обществахъ; все это было очень не полно, и онъ сталъ писать разсужденіе о тайныхъ обществахъ вообще, чтобы собственнымъ соображеніемъ дополнить недостатокъ источниковъ. Сочиненіе это онъ дѣлилъ на четыре главы: въ 1-й подробно излагалось о школѣ ессейской и о возрастаніи первоначальнаго христіанскаго общества; во 2-й—исторія нѣкоторыхъ новѣйшихъ тайныхъ обществъ; въ 3-й—различіе дѣйствія христіанскаго общества отъ тайныхъ, причины этого, и почему именно многія изъ тайныхъ обществъ" были обнаружены и не имѣли успѣха. Въ 4-й главѣ должна была быть изложена „наилучшая организація тайнаго общества примѣнительно къ Россіи". На этой главѣ онъ остановился. Россіи онъ вообще не зналъ, да и никакъ не могъ придумать такой организаціи, чтобы она совершенно не могла быть раскрыта. У него была тогда привычка схватить первый попавшійся лоскутъ бумаги и записывать то, что могло пригодиться ему при дальнѣйшей работѣ. „Означенная подписка есть одинъ изъ подобныхъ летучихъ листковъ", которые онъ обыкновенно уничтожалъ, когда переносилъ содержаніе ихъ въ текстъ. Сочиненіе это окончено не было, и онъ, Спѣшневъ, сталъ изучать другой вопросъ, а именно, соціализмъ, но незадолго передъ отъѣздомъ въ Россію „уничтожилъ и разсужденіе о тайныхъ обществахъ и нѣсколько другихъ начатыхъ имъ сочиненій". О вышеупомянутой же подпискѣ онъ совершенно забылъ. „Ни самого сочиненія, ни подписки онъ рѣшительно никому и никогда не показывалъ".

И, дѣйствительно, участники совѣщаній о братствѣ взаимной помощи единогласно показали, что никто изъ нихъ ея не видалъ.

Но комиссія не вѣрила имъ, видя въ ней доказательство существованія тайнаго общества и, чтобы понудить Спѣшнева раскрыть замыселъ, собиралась наложить на него оковы. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ изъявилъ на это согласіе, а также и на принятіе этой мѣры относительно другихъ обвиняемыхъ, если она употреблялась прежде, съ тѣмъ, чтобы комиссія, по своему усмотрѣнію, приказывала снимать оковы. Прецеденты нашлись въ наложеніи оковъ на декабристовъ Цебрикова и Якубовича.

Въ засѣданіи 2 іюня комиссія предъявила Спѣшневу первый пунктъ 157 ст. Улож. о Нак., по которому, если преступникъ учинитъ полное чистосердечное признаніе и, сверхъ того, своевременнымъ доставленіемъ вѣрныхъ свѣдѣній, предупредитъ исполненъ злого умысла, то наказаніе можетъ быть значительно уменьшено. Тогда Спѣшневъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ угрозъ и настояній комиссіи открылъ два обстоятельства ей неизвѣстныя, а именно, разговоръ съ Черносвитовымъ и обсужденіе предложенія Момбелли. Онъ, какъ и нѣкоторые другіе петрашевцы, вѣроятно, предполагалъ, что если онъ откровенно покается рѣшительно во всемъ, то будетъ видно, какъ въ сущности невелики ихъ вины сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. Вслѣдствіе даннаго имъ показанія было приказано разыскать Черносвитова, уѣхавшаго въ Сибирь и арестовать его. При дальнѣйшемъ допросѣ Спѣшневъ признался, что прежде мечталъ о бунтѣ, затѣмъ о пропагандѣ, но утверждалъ, что это были лишь теоретическія разсужденія.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр

Предисловіе **В. Водовозова**. . . . . 5—16

Введеніе 1

ЧАСТЬ I.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Глава I. Отецъ Петрашевскаго. — Воспитаніе въ Царскосельскомъ Лицеѣ. — Поступленіе на службу. — Петрашевскій—вольнослушатель въ университетѣ. — „Мои афоризмы“ Петрашевскаго. — „Запасъ общеполезнаго“. — Попытка вступить на педагогическое поприще. — Полицейскій надзоръ 23

Глава II. „Карманный словарь иностранныхъ словъ“ 58

Глава III. Главныя черты характера Петрашевскаго 84

Глава IV. Пятницы М. В. Петрашевскаго въ 1845—48 годахъ . . . 101

Глава V. Бесѣды съ Антонелли и послѣднія пятницы Петрашевскаго. 132

Глава VI. Библіотеки петрашевцевъ. — Что читали они. — Отзывъ Петрашевскаго о Фурье и о фурьеризмѣ. — Его попытка устроить совмѣстное жительство своихъ крестьянъ. — Участіе Петрашевскаго въ обѣдѣ 7 апрѣля 1849 г. — Сочувствіе республиканскому строю. — Его мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ и судебной реформѣ 166

Глава VII. Черносвитовъ. — Спѣшневъ. — Бесѣды ихъ съ Петрашевскимъ о народномъ возстаніи Момбелли и обсужденіе его предположенія о „братствѣ взаимной помощи“. 187

№ 31

12-50
047008/
8-72

ЗАДРУГА

Кооперативное Т-во „ЗАДРУГА“.

ПРАВЛЕНИЕ и СКЛАД:
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженский, 9.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН:
Москва, Моховая, 20.